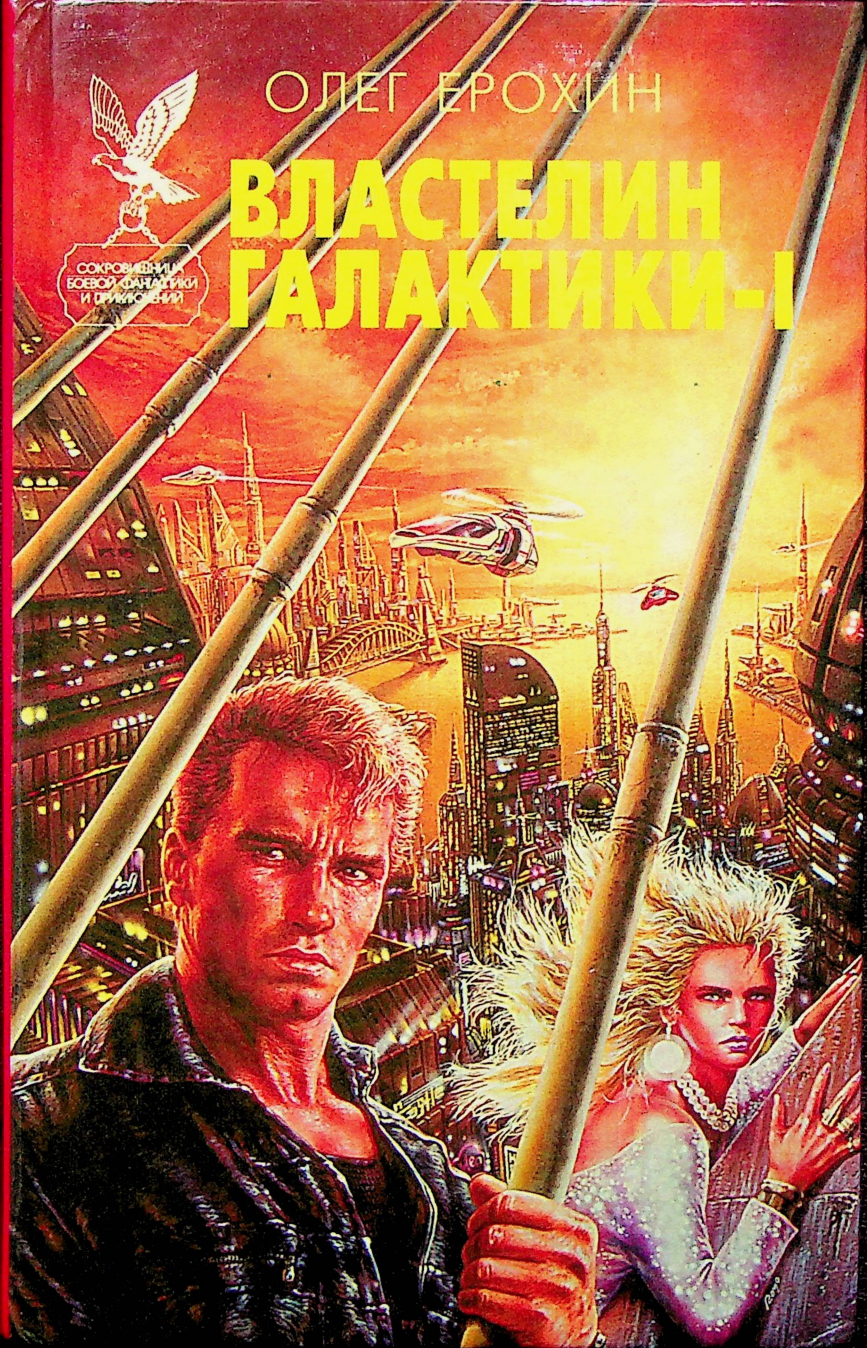

СОКРОВИЩНИКА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ОЛЕГ ЕРОХИН

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ-1

ОЛЕГ ЕРОХИН

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ-1

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1997

ББК 84Р7
Е 78
УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Редактор А. И. Криволапов
Художник А. Шашкевич

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в другую форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими без предварительного согласования с издателями.

Ерохин О. В.

Е 78 Властелин Галактики. Роман в 2-х кн. Кн: 1/Смоленск: Русич, 1997. – 496 с. – («Сокровищница боевой фантастики и приключений»).

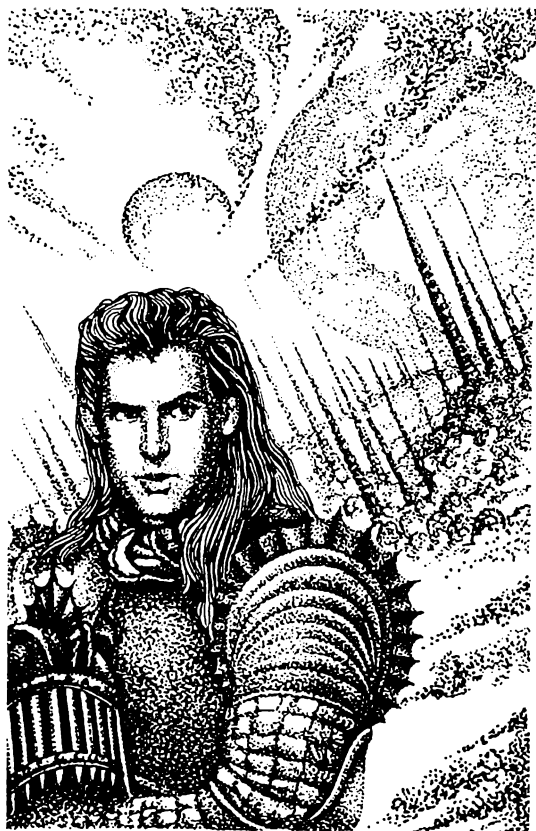
ISBN 5-88590-698-X

Сыну магистра Арагонского Братства не дано самому выбирать свой жизненный путь. Законы Братства суровы, и отступнику грозит неминуемая гибель. Спасая приговоренную к смерти загадочную незнакомку, Джонни Голд автоматически ставит себя вне закона. Теперь ему в одиночку придется сразиться с могущественным противником.

Е 8200000000
ISBN 5-88590-697-1
ISBN 5-88590-698-X (кн. 1)

ББК 84Р7

© О. В. Ерохин, 1996
© Составление серии, «Русич», 1997
© Оформление, А. Шашкевич, 1997

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ

ДЛАНЬ АРАГОНА

По-разному одаривала Земля детей своих, людьми нареченных. Одним давалось богатство, другим — коварство, третьим — верткая пронырливость, иным же — бедность да честь.

И было так, что миром, в котором жили люди, миром, данным на всех, владели лишь богатые, коварные, бесчестные.

Так было, но настал день, когда сказали отвиженные и прямодушные: «Что ж, найдем себе другое небо».

И взялись они за руки, и поклялись держаться друг за друга, и скрепили клятву своей кровью.

И стоило им вспылать душой, как новое солнце зажглось для них, новое небо родилось, новая твердь распростерлась под их ногами.

Так отверженными был создан мир Арагона, суровый мир прямодушия и мужества.

**Устав Арагонского братства,
преамбула.**

ВЕТРЫ ЗЕМЛИ

Среди множества звезд, равнодушно плывущих в черном бархате космоса, были две звезды, которые неистовствовали и желали. Они чуждались мертвой бездны бесконечного пространства, они хотели окунуться в другую бездну, бездну жизни, чтобы в алой короне боли и отчаяния принести в нее смерть. Два кинжала мелькали в воздухе, две хищные холодные звезды, блистая отраженным светом, пытались впиться в живое тело. Два юноши сражались друг с другом, один чернявый, курчавый, коренастый; другой русый, с могучей перекладиной плеч, но стройный в талии. Два тела переплетались, расходились, сходились и переплетались опять. На обнаженные мускулистые торсы сверху смотрело вечное небо, всегда готовое поддержать и ободрить любого – и живущего, и умирающего. Правда, умирающему оно давало больше, чем живущему: не только окном оно было для умирающего, но и дверью.

В море тишины послышался всплеск, и волна покатила к берегу, медленно угасая.

Ударив в гонг, человек с черной бабочкой на белоснежной рубашке повернулся к скамьям, на которых сидели зрители, и громко объявил:

– Господа, на сегодня все. О, я вижу, много недовольных? Лига квадистов понимает ваши чувства и ваши, мадам. Лига напоминает, что перед

вами было показательное выступление, игра учеников, не боле. Настоящие мастера ждут вас каждый вечер по адресам: улица Седьмого Отряда Космодесантников пять, улица Независимости восемь, бульвар Чарльза Литмана семь. Это ближайшие арены, а с полным списком наших залов в Терригане и расписанием боев вы можете ознакомиться в «Вечерней столице» и «Новостях дня». Приятной ночи, господа!

Зрители потянулись на выход. Мужчины смущенно улыбались, у женщин горели глаза, самые несдержанные начинали тарыхтеть. Многие то и дело оглядывались на другой проход, по которому к раздевалкам шли только что закончившие выступление юноши-квадисты. Квадаки, обоюдоострые длинные кинжалы, теперь висели в ножнах у них на поясах.

Восхищенно-деловито переговаривались мальчишки: «Ты видел, как Джонни работает правой?

— Твой Джонни размазня, вначале, помнишь, пропустил такой удар!

— Это он нарочно, им так велят.

— А квадак оцарапал ему шею тоже нарочно?

Алан Фостер и Джон Голд немногим позже спустились в питейный зал и присоединились к своим приятелям: Ричарду Кастлу, Фрэнку Стауну и Филипу Лейдену. Все пятеро были квадистами-любителями, или, как их презрительно называли профессиональные мастера квадака, танцующими: они только танцевали с квадаками, они только показывали бой, но не бились. Бились профессионалы, зрительское место на чьих выступлениях стоило десятки, а то и сотни кредитов.

Квадисты-любители показывали свое искусство бесплатно, при этом заправили квади-боев подражували, что увидевший показательный бой рано или поздно соберется посмотреть настоящий бой за деньги. Как известно, аппетит пробуждается не только видом пищи, но и рисунком из поваренной книги, а вождение вызывается не только сладостной сценкой, но и соответствующей печатной продукцией или актерским представлением.

Для квадистов был отведен специальный столик, который никто не смел занимать. Он стоял в отдалении от подиума, где в это время квартет «Мотыльки» вовсю наяривал «Звездную сагу» Луиджи Росса.

Между бокалами пенистого бокко Ричард Кастл, низкорослый блондин с правильными чертами лица, спросил:

– Так ты не передумал, Алан, насчет завтра?

– Да, завтра я стану профессионалом, – Алан Фостер шумно вздохнул. – Первый бой через два месяца.

– Обычно они дают три, – заметил Фрэнк Стаун, приземистый здоровяк с мягким носом-пуговкой и пухлыми похотливыми губами. – А, Дик, обычно ведь дается три месяца на подготовку?

Ричард Кастл занимал особое положение среди любителей-квадистов. Он был сыном Раймона Кастла, сенатора и владельца квади-клуба «Ветры Земли». Кастлу-младшему, конечно, было известно о внутренней механике боев больше, чем рядовому члену клуба.

– У Алана и так неплохая подготовка, – как бы нехотя пояснил Кастл.

– А мне кажется, просто бойцов не хватает, вот время на подготовку и сократили, – высказал свое мнение сухощавый Филип Лейден, студент последнего курса медицинского колледжа.

– Бойцов у нас хватает, – недовольно сказал Кастл. – Глядите, вон Лысый Вилли сюда рулит!

К столику квадистов подошел пожилой человек с поблескивавшим черепом без единого волоска. Под легкой одеждой Лысого Вилли угадывалось поджарое, мускулистое тело, он, в прошлом – профессиональный квадист, был еще силен, но по впалым щекам и дряблой шее было видно, что эта его сила – сила упорных тренировок, а не железного здоровья.

– Привет, ребята! Заждались? Вот, получайте свое!

Алану Фостеру, Джону Голду, Филипу Лейдену и Фрэнку Стауну Лысый Вилли отсчитал по пятьсот кредитов, плата за пять выступлений. Ричард Кастл не получил ничего, конечно, не потому что он играл квадраком на публике гораздо реже других, просто владельцу клуба, его отцу, совсем ни к чему было давать ему на карманные расходы через общее окошко.

– Так что, Алан, увидимся завтра в Президиуме Лиги? – спросил будто бы невзначай Лысый Вилли, закрывая кошелек.

– Да, я приду.

– Ну пока, ребята. Вы не очень-то плачете, подберем мы вам кого-нибудь вместо Алана, какого-нибудь парнишку получше.

Лысый Вилли, почти незаметно поклонившись Ричарду Кастлу, пошел к выходу, мимоходом ки-

вая одному завсегдатаю ресторанчика, здороваясь за руку с другим, бросая небрежное: «А, привет, старина!» третьему. Как же, последние десять лет Лысый Вилли бесценно заведовал квадистским залом при этом ресторанчике, причем время от времени он и сам выступал на арене, когда надо было кого-то заменить, а то и просто так, чтобы не потерять форму.

Посмотришь на Лысого Вилли, и подумается, что быть квадистом – премилое занятие. Может, с точки зрения Лысого Вилли так оно и было, но было ли оно так? Допустим, еще куда ни шло быть квадистом-любителем, ловить восторженные женские взгляды при минимальном риске очень даже недурно, а вот стать профессионалом, как это собирался сделать Алан Фостер? Профессионал получал за одно выступление не сотню кредитов, а десятки тысяч, но профессионал рисковал жизнью. Профессиональные квадисты бились на арене насмерть, то есть кому-то из двоих предстояло умереть, таковы были правила. Действительно, если проигравший был только ранен, публика могла своей волей даровать ему жизнь, на этот случай было смонтировано электронное устройство для подсчета голосов. Однако публику отнюдь не обвинишь в мягкотелости. Лишь в одном случае из трех, если верить статистике, проигравший квадист получает жизнь из ее потных рук. Как же, зрители хотят взять по-максимуму за свои деньги, если в программу зрелища входит смерть, так подавайте им смерть.

Рассуждая так про себя, Джон Голд, Джонни, как его все называли, молчаливо потягивал

бокко и искоса поглядывал на Алана Фостера, своего обычного партнера на арене. Алан громко смеялся, заводила Кастл как раз рассказал сальный анекдотец, потом что-то такое веселенькое вспомнилось самому Алану. Тут Джонни услышал гнусавое:

– Не пожертвуют ли уважаемые квадисты в пользу бывшего десантника хотя бы тридцать мелкоглистиков, а можно двадцать... А, ребята? Тридцать лет назад я был тоже молод и силен, эх, тридцать лет назад...

... У столика квадистов стоял заросший щетиной старик, сгорбленный настолько, что руки его, свешиваясь вдоль костылей, почти доставали до пола. Старика в ресторанчике все знали, его называли Локки Оторви-Ножки. Чтобы стать неотличимым от паука, ему недоставало пары ног или пары костылей.

– На, отец, – Джонни сунул старику в руку бумажку в один кред и показал на стул: – Садись.

Довольно улыбнувшись (он рассчитывал на разменную монету, а получил целый кред), Локки Оторви-Ножки опустил бумажку в карман и, лихо отставив костыли, подсел к столику. Когда-то он был заправским космодесантником, даже сумел дослужиться до бригадира, а потом... Словом, его выгнали со службы с больными ногами и без пенсии, доживать в трущобах. Поначалу, конечно, он барахтался – что там, выберусь, после махнул рукой. В ресторанчиках всегда находились желающие послушать под глоток бокко или хереса про дальний космос, а это означало выпивку и кормеж-

ку. Большого же, как убедился Локки Оторви-Ножки, для счастья и не нужно.

– Давай, лей пули, – кивнул старику Кастл. – Только про двадцатиметровую змею, которой ты оторвал голову на Вулканосе, и про хищных броненосцев с Реоса-3 я уже слышал пять раз, давай что-нибудь другое.

– Расскажи про Мицар, – попросил Джонни.

– Мицар... – старый космодесантник мечтательно покачал головой. – Это двойная звезда с единственной планетой, Прогоном. Видели бы вы, как на Прогоне вишневая заря борется с крыжовниковыми сумерками, какие там переливы красок! В прогонском небе стали пропадать гравилеты с людьми, оказалось – машины падали, потому что грави-тяга отказывала, все – всмятку. Мою бригаду кинули туда, когда с Прогона половина людей сбежали. А мы что, с небом воевать, что ли. По земле-то ходи себе на здоровье сколько влезет, никакой охраны не надо, а в воздухе кого охранять? Грави-тяга откажет и как. Через полгода докопались, что там такое. На Прогоне электрические невидимки водились, энергией питались, всю из аккумуляторов высасывали, но только в воздухе, на земле они орудовать не могли, у самой поверхности как-то пространство искривлялось или еще что, я не понял, почему. Тут нам и привалила работенка. В воздух стали поднимать ловушки с источником энергии, невидимки – туда, и все, спущай их на землю. Мы должны были прикончить их плазменными зарядами, хорошо еще, что плазменные заряды их брали, а то как вспомню медуз с Октубия... Ну вот, плазмен-

ные заряды-то их брали, а ты попробуй разберись, попал или нет, они же невидимки. Приспособились, конечно. Стрельнем, бывало, а в ловушке датчик, сразу увидишь, есть там какое-то чужеродное поле или нет. Постреляли мы их маленько, а потом эти невидимки вот какую штуку вычудили. Заглядываешь в ловушку, как там датчик, и с самим собой чуть лбом не стукаешься.

— Как это? — удивился Фрэнк Стаун, еще не слышавший этой истории.

— Они видимость такую научились создавать, невидимки с Прогона, вроде миража, — пояснил Локки Оторви-Ножки. — Сначала мы пугались, не без этого, пока электронщики не разъяснили, что к чему. Зверьки-то невидимые жить хотели, вот и устраивали фокусы, чтобы в них не стреляли. Кому охота в себя стрелять, а это изображение в воздухе было — ну вылитый ты. Мои ребята даже какими-то нервными стали, я уж боялся, не свихнулся бы кто. Хорошо, что невидимок немного оказалось на Прогоне, мы быстро их извели.

— Я тебя давно хотел спросить, Локки, — проговорил Джонни. — А тебе не показалось, что эти невидимки — разумные существа?

— Разумные? Когда я был зеленым юнцом, мой сержант любил поговаривать: тот разумен, с кем можно договорится. Вот, например, чешуйчатые черви с Ганимеда, они живо перестали вредить, как только мы поджарили парочку. А эти невидимки, они ведь так и сосали энергию, пока мы не истребили их всех.

— Значит, по-твоему, кто не сдается, тот не разумен? — уточнил Джонни.

Старик, учуяв осуждение, виновато протянул:
– Вам, конечно, виднее, вы ребята молодые, а у меня уже вместо мозгов извесьть.

Джонни передал ему еще один кредит, и Локки Оторви-Ножки зачастил:

– Благодарю, мистер, благодарю! Может, мне рассказать про то, как меня проглотила панцирная каракатица на Эвроте? Или как я в костюме ВЗ-60 вцементировался в лаву на Каллисто, и как меня потом выковыривали оттуда отбойными молотками? Или рассказать, как моя бригада боролась с моллюсками на Монтее, или как мы охотились за электрическими осьминогами на Плутоне?

– Хорош, Локки, – сказал Ричард Кастл. – Ступай.

Джонни едва не задержал старого космодесантника: кто-кто, а Джонни мог часами слушать байки астронавтов про далекие миры, чужие светила, ужасные тайны космоса. Вот и сейчас слова старика раздвинули для Джонни границы мира, и он в воображении своем ощутил и сладость познания, и трепет риска, и теплоту товарищества. Джонни вернулся на землю, взглянув на своих приятелей: Дик откровенно скучал, Фрэнк больше интересовала бутылка, Филип равнодушноковырялся в тарелке, Алан... Алану Фостеру не было дела до таинства звезд, ему светили другие звезды, чьи лучи способны разить подобно острому клинку.

Когда старик отошел, Дик Кастл предложил:

– Пойдем в «Ночную сласть», что ли. Хватит здесь киснуть!

Мысль Кастла показалась занятой. Щедро оплатив ужин, друзья-квадисты поднялись из-за стола и пошли к выходу.

По пути в «Ночную сласть» приятели оживленно переговаривались. Оказывается, Алан был там четыре раза, а Фрэнк — целых восемь, причем однажды он провел два часа с дамой из системы Сириуса, очень горячей дамой, гуманоидкой, конечно, только *внутри* у нее было что-то вроде жерновов (у мужчин на родине этой дамы после акта предмет заново отрастал). Таким образом, отважный Фрэнк подвергся немалому риску, но все обошлось благополучно благодаря пиджачкам особой прочности фирмы «Латекс и К».

Сам Дик был в «Ночной сласти» только дважды, вообще-то он предпочитал проводить время в «Алексах», самом престижном борделе Терригана, куда со всех концов Галактики поставлялись лучшие ягодки и цветочки. До «Алексы» нужно было добираться два часа на гравилете, только поэтому Кастл предложил «Ночную сласть», находившуюся неподалеку от ресторанчика. Филип Лейден, будущий врач, имел обыкновение справляться с похотью собственными силами, без подручных средств, что же касается Джонни...

— А ты, Джонни? — спросил Фрэнк, закончив хохотать. — Говори, где ты бываешь последнее время, с кем, по сколько раз и как?

— Ишь ты, так ему все и выложи. — Джонни легонько щелкнул Фрэнка по носу, и у того отчего-то слезы навернулись на глаза. — В твоих местах, во всяком случае, я не бываю.

– Я знаю, что утаивает наш скромник, я знаю, кто его пассия. Это говорящая медуза с Диплока, вот кто, – шутливо заметил Алан. – Смотри, Джонни, как бы она не узнала, где ты провел эту ночь, а то еще устроит тебе сцену ревности с серной кислотой!

Все засмеялись, и Джонни тоже: говорящие медузы с Диплока плевались серной кислотой, которой ослепляли своих жертв. Незамысловатые шутки, подобные этой, веселили молодых квадистов весь остаток пути.

В заведении «Ночная сласть» приятелям дали набор открыток: «Выбирайте». Изображения здешних красавиц были получены методом цветной голографии. Клиентам предлагали большой выбор: в борделе трудились не только разнообразного типа женщины Земли, но и гуманоидные дамы практически всех известных рас: были здесь и делавшие марку заведению синекожие брихмотейки, и маленькие лупоглазые андристки, и четырехрукие керсиянки. Конечно, владельцы держали и некоторых негуманоидных созданий на любителя, вроде гермафродитов с Бронса. Несмотря на то, что пользоваться их услугами считалось для землянина дурным тоном, спрос на них был стабильный.

Фрэнк выбрал себе золотокожую крутобедрую медаянку, остальные довольствовались земными женщинами. Хотя, что значит «довольствовались»? Разве избранница Дика брюнетка Елена с озорной улыбкой или избранница Филипа рыженькая София чем-то хуже инопланетных женщин с тремя глазами, с одной грудью, с пупыр-

чатой кожей? Или вот платиновая блондинка Бриджит, выбранная Аланом, она любую трехбюстовую свиноматку с Ортарикса за пояс заткнет! И Джонни выбрал себе девушку что надо: допустим, Лола была не так ослепительно хороша, как платиновая Бриджит, и не так чертовски хороша, как черноглазая веселушка Елена, но зато в ее скромно опущенных ресницах и стыдливой улыбке таилось удивительное очарование. Даже опытный Фрэнк одобрительно крикнул: такая будет строить из себя недотрогу, а в этом особенный смак.

Каждый из приятелей отсчитал по двадцать кредов, цена за полную ночь, мадам созвонилась с девушками, и квадистов с поклонами развели по комнатам.

— Здравствуй, — сказал Джонни.

На обороте открытки указывалось, что Лоле восемнадцать, очевидно, так оно и было, к чему содержателям заведения неприятности, однако с виду она казалась не старше шестнадцатилетней. Девушка была худенькая, угловатая, нет, не костлявая, но уж и красавицей ее никак нельзя было назвать. Когда Джонни вошел, она сидела с ногами на кровати, и ему показалось, что во взгляде ее промелькнул страх. «Как испуганный крольчонок», — подумал он, с удовлетворением отмечая некое шевеление у себя ниже талии.

— Лола, это мистер Джон Голд, — прощамкала старуха, которая провела Джонни к проститутке. — Я пошла.

Старуха вышла в коридор. Джонни подошел к девушке, сел на краешек кровати.

— Зови меня Джонни, — сказал.

Девушка ничего не ответила, только губы ее дрогнули, не то испуганно, не то насмешливо. Она молча стала раздеваться.

Джонни ринулся в атаку. Он старался казаться грубым, чтобы за грубостью скрыть собственную робость, он сорвал с нее платье, сорвал лиф и повалил на постель. Она пискнула, когда он рывком завел ей руки за спину и принялся слюнявить ее грудь. Она вскрикнула, когда он с усилием развел ей бедра. Он сделал это два раза почти без промежутка, потом, отдуваясь, смахнул пот со лба. И с некоторым испугом посмотрел на нее. Она прикрывала лицо рукой, плечи ее слегка подрагивали. Неприятное подозрение шевельнулось у Джонни в душе. Она смеется? Он смешон? А что, вполне возможно, все ее смущение, вся стыдливость – игра от начала до конца, и теперь она смеется над ним. Он, новичок в борделе, выбрал ее только потому, что на ее фото с обратной стороны было написано: «стаж работы до года», но, кто знает, не было ли это обманом? А хоть бы и не было, здесь они, должно быть, быстро набираются опыта, и поэтому она легко прочитала в его торопливости и резкости незрелость, вот и веселится теперь.

Он отвел ее руку.

В глазах девушки блестели слезы. Да и судя по выражению лица она все же плакала, а не смеялась.

– Ты чего? – он тронул слезинку, дрожавшую на кончике девичьего носа.

Она через силу улыбнулась, а потом засмеялась в полный голос. Успокаиваясь, пробормотала:

— Это бывает со мной. Я сама не знаю, что это такое. Извини. Не обращай внимания.

Она кинулась ему на грудь.

У Джонни отлегло от сердца: он вел себя как надо. Бедная девушка не совсем здорова, вот и разъяснение всему.

Через полчаса Джонни спал мертвым сном.

Проснулся он как-то сразу, словно его за плечи тряхнули, без плавного перехода от сна к бодрствованию, без дремы. Он хорошо помнил, где находится, поэтому сразу же пошарил справа от себя. Затем слева. Что за черт, куда она подевалась? Он сел на кровати.

Она стояла у окна, и поза ее смутила его. Как будто она выглядела жалкой — с руками, прижатыми к груди, с опущенными плечами. Или нет, не то. Какой-то стержень чувствовался в ней, какая-то внутренняя твердость — в горделиво поднятом подбородке, в изгибе шеи. Казалось, кто-то насильно удерживал ее, а она хотела вырваться и была готова умереть в этом стремлении освободиться.

Джонни подошел к девушке.

Он собрался окликнуть ее, развернуть к себе, но в последнее мгновение остановился, пронзенный догадкой: а ведь она смотрела не в пустое ничто, не в себя, не в свои чувства, она смотрела на звезды.

Что-то случилось, и Джонни позабыл о похоти. Или он расслышал музыку звезд, которая так родственна его душе? Он глянул в черное звездное небо, и его внимание привлекла звезда Алголь, бывшая в это время в максимуме своей яркости.

– В системе звезды Алголь есть планета Трит, – проговорил он тихо, – говорят, попасть в лес из кристаллов тритана – это все равно что окунуться в радугу.

– На планете Антарес, система Альфы Возничего, я читала, вокруг людей на закате видна разноцветная воздушная мантия, как радуга, – эхом отозвалась девушка, не оглядываясь.

Они помолчали немного, и Джонни хрипло спросил:

– Что ты делаешь здесь?

– Мне нужны деньги.

– Чтобы полететь к звездам?

– Нет, – усмехнулась она печально. – Чтобы выжить на Земле.

– О чем ты говоришь?

– Деньги нужны для моего отца. Он умрет, если... то есть... – Она смешалась.

«Она боится, как бы я не истолковал ее слова за вымогательство», – подумал Джонни.

– Твой отец болен? – спросил он.

Она промолчала. Тогда он взял ее за плечи и развернул:

– Почему ты молчишь?

Она заплакала. Он сделал вид, что это его рассердило. Тряхнув ее, он грубо приказал:

– Хватить реветь. Говори, что у тебя стряслось.

– Мой отец... он... Ты знаешь, кто такие арагонские братья?

У него перехватило дыхание.

– Кто про них не знает, – проговорил он ворчливо.

– Мой отец был одним из них. Потом... не знаю, как это случилось, почему, но он что-то сделал не так, в чем-то провинился... Мы были вынуждены бежать из своего дома. Сейчас... понимаешь, он приговорен. Он скрывается в одном месте, но какое место может быть надежным? А для того, чтобы бежать с Земли, нужны деньги.

– В Службу Имперской Безопасности вы не пробовали обратиться?

– Что ты! У арагонских братьев везде есть связи, думаешь, они не достанут моего отца на каторге? Да он до каторги и не доберется, его отравят или придушат в тюрьме на Земле.

– Его могут освободить от ответственности и надежно спрятать, если он выложит достаточно про братьев.

– Его не освободят. Однажды... Ладно, расскажу все. За моим отцом убийство, однажды, убегая от погони, он застрелил полицейского. Такое не прощают.

Теперь Джонни все стало понятно.

– Так значит, вы обратились к Перекати-Бестиям, – проговорил он.

Перекати-Бестиями называли жукарей, которые устраивали нелегальные отъезды с Земли (здесь был комплекс услуг: изменение внешности, фальшивые документы, запутывание следов, охрана в пути).

– Да, обратились. Нам сказали, что нужно пятьдесят тысяч кредитов.

– И что, твой отец не заработал в Арагонском братстве пятидесяти тысяч?

– Он отдал Серым Волкам двенадцать тысяч, чтобы они вывезли его за город и спрятали, поэтому еще пятьдесят тысяч уже не смог собрать.

Серые Волки – наемные охранники и наемные убийцы, не были какой-то оформленной группировкой, это были одиночки, объединявшиеся только чтобы дать бой посягательствам на их независимость, неважно, исходили ли эти посягательства со стороны законной власти или со стороны преступного мира. Серые Волки запрашивали много, но зато честно отработывали деньги, будь то заказное убийство или охрана. Пожалуй, никто кроме них и не взялся бы охранять изгоя, преследуемого всесильным Арагонским братством.

Джонни подошел к своей одежде и стал одеваться. Перед тем, как уйти, он сказал:

– Вот тебе семьсот кредитов, это все, что у меня есть с собой.

Он не стал дожидаться приятелей, не слоняться же ему в холле остаток ночи. Когда он оказался на улице, первой мыслью его было вызвать таксолет, телефонная стойка находилась рядом, но тут он вспомнил, что выгреб из карманов все, вплоть до разменной монеты. Делать нечего, придется ему добираться до дома пешком. «А что, часа за полтора доплетусь», – приободрил он себя.

Звезд не было видно, неоновые рекламные огни заслоняли их своим мертвенным искусственным светом. И что-то странное чудилось в том, что эти яркие улицы были совершенно безлюдны, куда ни посмотри, хотя, если задуматься, что тут странного, и время было самое постельное,

да и не рекомендовалось гулять на улицах Терригана ночью.

То, что к этому совету стоило прислушаться, Джонни довелось убедиться, едва он отошел от «Ночной сласти» на пару сотен шагов. За углом роскошного магазина, на темном пяточке, он уловил какую-то возню. И вдруг ему показалось, что до него донесся надтреснутый голос Локки Оторви-Ножки, старого космодесантника. Приблизившись, Джонни разглядел троих. Один, похоже, был старый Локки, а два других... У Голда на поясе висел квадак, хороший товарищ, и он решил вмешаться.

— Валяйте своей дорогой, ребята, — проговорил Джонни угрожающе. Для большей ясности он толкнул одного оборванца так, что тот едва удержался на ногах.

За спиной у Джонни раздалось сиплое:

— Чего тебе, недоносок, тоже энтого-того захотелось? А ну, выворачивай карманы!

«Ой-ой», — подумал Джонни. Пока он отталкивал одного бандита, другой успел вытащить игломет. Видно, старика затащили в темный угол не простые забулдыги, как он подумал вначале, это были ребята из братства «Хваткие коготки», иначе откуда у них оружие. Должно быть, им не везло в последнее время, иначе бы они не стали потрошить старика Локки. Вот квадак ему теперь не выхватить, ишь как игломет к нему вытянулся по-крысиному.

На крайний случай у Джонни было одно средство, и сейчас, похоже, настало время им воспользоваться.

Джонни Голд рванул рубаху так, что обнажилось плечо. Затем он извлек из нагрудного кармана металлическую крышку от бутылки. Острым зубчиком крышки юноша провел по коже плеча, из глубокой царапины выступила кровь. Несколько быстрых движений – и на плече у него появилась кровавая эмблема, четырехугольная уродливая звезда с маленьким кружком внутри.

Джонни не мог не чувствовать боль. И, тем не менее, он не изменился в лице, пока проделывал эту болезненную процедуру. Закончив, он швырнул крышку под ноги молодчику с иглометом.

Тот опустил оружие.

Джонни не сказал ничего, лишь посмотрел в глаза человеку, только что целившемуся в него.

Невнятные звуки вырвались из глотки человека с иглометом:

– Мистер, мы, я и Том, мы не знали... Откуда нам знать, мистер...

Джонни посторонился. Два грабителя, не оглядываясь, кинулись бежать.

Старый Локки Оторви-Ножки удивленно пробормотал:

– Сынок, так ты...

– Молчи, отец.

Старик поперхнулся.

– А что, я молчу. Мне-то что. Кхе. Понятно, надо молчать. Спасибо, сынок.

Джонни, развернувшись, пошел своей дорогой. Старый Локки долго смотрел ему вслед, потом закричал и поковылял в темную подворотню, черз которую можно было выйти на улицу Млеч-

ного Пути. Эта улица вела к космопорту «Эверест», там-то, неподалеку от портовой свалки, и жил Локки в покосившемся домике-сараяе.

БОЙ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Джон Голд жил со своими родителями в Нагорном районе Терригана, районе людей со средним достатком, где не было вычурных красот Центра, и где мусор все же собирался в урнах, а не валялся под ногами, как в Заречье. В Нагорном районе Голды владели небольшим аккуратным домом с клочком земли. На этом маленьком земельном пятнышке стараниями миссис Голд каждую весну луковицы гиацинтов выбрасывали упругие отростки, а там и бутоны появлялись, и распустились цветы окраски парного мяса.

Обычно Джонни проводил день в школе второй ступени (вступительные экзамены в Академию Астронавтики стоили немалых усилий), но сегодня был выходной, и поэтому он спозаранку отправился в музей Космоса. Едва ему выдавался свободный часок, его как магнитом тянуло туда, где человеческие пальцы, большой и указательный, сжимали как песчинку маленький шарик Вселенной.

Пальцы были сделаны из гранита, гранитным был и шар. Скульптуру поднимали в небо три стеллы из особопрочного нержавеющей сплава. Этот символ мощи землян, воплощенный в гра-

ните, возвышался над тридцатью корпусами музея Космоса, соединенными друг с другом паутиной переходов.

Кратчайший путь от остановки электроэкспресса до музея Космоса проходил через площадь Победителей Пространства, на которой находилась Академия Астронавтики. Проходя мимо помпезного здания, острыми шпильями устремленного ввысь, к солнцу, Джонни, как и не раз до этого, ощутил холодок в груди, словно ему предстояло прыгнуть через бездонную пропасть. Ему вдруг почудилось, будто он оказался подле какого-то божества, и как же наивен он был, как дерзок, мечтая, что, быть может, когда-нибудь станет частицей этой святости!..

Не чувствуя под собой ног, Джонни дошел до конца площади и через ухоженный сквер вышел к музею Космоса. Только ступив в просторный холл музея, юноша заметил, что он, оказывается не один во вселенной: множество людей суеилось вокруг, кто отслюнявливал деньги, кто ругался, иные беззаботно болтали. Экскурсионные конторы наперебой предлагали свой товар через мегафоны и броские афишки: в попутчики по музею можно было нанять и сухаря с ученой степенью, и весельчака-анекдотчика, и прелестную даму с перспективой продолжить знакомство после осмотра экспозиции. Джонни купил входной билет и, пренебрегая компанией гида, направился в первый сектор.

Музей состоял из тридцати секторов, каждому из которых было отведено отдельное здание. Чтобы подробно осмотреть все тридцать, понадо-

билось бы, наверное, несколько недель, но Джонни не сетовал на нехватку времени, он и не собирался осматривать весь музей целиком. Джонни быстро прошел первый сектор (сектор «Начала»), затем через четвертый сектор («Космическая индустрия») сразу попал в одиннадцатый.

Одиннадцатый сектор назывался «Космическая геология». Здесь были целые скалы под пластиковыми колпаками, различные виды грунта, осколки астероидов и комет. Джонни замедлил шаг. Во всем этом неземном камне было что-то такое, что призывало к молчанию и что обращало взор не на себя, нет, а куда-то дальше, в мглистую даль, где смутные образы начинали вырисовываться и сразу же исчезали в клубах и завихрениях. А в образах этих было что-то притягивающее, что-то манящее, и Джонни устремился в сектор «Космическая биология», и далее, в сектор «Ландшафты».

В секторе «Ландшафты» под герметичным пластиком были воспроизведены условия сотен планет, находившихся за десятки, сотни, а то и тысячи световых лет от Земли. Имитация была выполнена настолько точно, что существа с этих планет могли здесь жить — и Джонни видел фиолетовых медуз, парящих в растворе аммиака; маленьких блестящих козявок, отпочковывавшихся от бамбукообразного ствола; питающиеся серой желтые кустики, похожие на кораллы... Мириады жизней породила Вселенная, лишь малая капля живого была представлена в музее Космоса на Земле, но самое удивительное было в том, что даже в этой дрожащей крошечной капле смогли отра-

зиться не только яркие музейные лампы и указки гидов, но и лицо человеческое, лицо Джонни.

Джонни и сам не смог бы сказать, что за чувство владело им, когда он покидал музей. Вот только возвращаясь на остановку, юноша уже не испытывал страха перед Академией – уж не потому ли, что восторженность исключала страх?..

На этот раз Джонни не удалось сохранить свой душевный настрой до вечера. В дверях Академии вдруг показалась девушка в синей форме курсанта, и из гущи людей с эмблемой Академии на плече – в огненном обруче солнца галактическая спираль – в Джонни ударил насмешливый взгляд.

А может, она не заметила его, она и не смотрела на него совсем, но Джонни словно ошпарило кипятком. А ведь еще два года назад он, окончив школу первой ступени, мог бы поступить в Академию. Мог бы... Мог бы, если бы не воля отца и если бы у него было пятьдесят тысяч кредитов, которые следовало перевести на счет Академии до экзаменов.

Только вернувшись домой, Джонни сумел кое-как успокоиться. Он сдаст свои экзамены через полтора года, а с деньгами отец обещал помочь. Полтора года, полтора года, вот только когда же вы кончитесь, эти полтора года?..

Вечером Джонни отправился в клуб квадистов. «Ветры Земли» был не из мелких клубов – около тысячи любителей, двести профессионалов – находился клуб на престижной улице Триумфального Шествия. В многоцветьи огней ночного города Джонни увидел десятки электромобилей и гравилетов, ожидавших своих хозяев у нарядного пор-

тала (мраморные юноши поддерживали небесный свод в обрамлении мраморной листвы), а над машинами, над улицей, над юношами из мрамора парил изливавший синеватый свет прозрачный купол, под которым находилась главная арена клуба.

У входа в клуб Джонни окликнули. Он оглянулся. К нему спешил Филип Лейден.

— А, Фил.

— У меня к тебе дело, Джонни. — Они пошли к дверному проему, и Филип продолжил: — Мне надо сделать последний взнос за мою науку. Через восемь месяцев я заканчиваю колледж. От меня ждут денег, а тут, понимаешь... Тысячу кредитов я, конечно, держал про запас, да братишка вывернулся с семейством. С Марса вернулись. Джеффри не дурак выпить, ты знаешь, и вот, там он какую-то кнопку не ту нажал, так что ползаводика разнесло. Пришлось Джеффри платить. Ободрали его до нитки и на Землю отправили, вот так на Марсе богатеют.

Извлекши из памяти испытую физиономию Лейдена-старшего, Джонни спросил:

— Что, он теперь у тебя живет?

— Насилу отвязался от него и его горластиков, как раз в тысячу кредитов это удовольствие обошлось. Купил им завалуху в Заречье. Теперь все, я гол. А если я не внесу деньги, тысячу целиком, меня отчислят.

К чему клонил Лейден, было понятно без дополнительных разъяснений. У Джонни лежали в Имперском банке пять тысяч кредитов, но эти пять тысяч ему понадобились бы во время обучения,

когда он, конечно, не смог бы зарабатывать деньги квадаком. Кроме того, Джонни не был уверен, что отец поможет ему с пятьюдесятью тысячами вступительного взноса, мало ли что могло случиться. И все же... Джонни сухо сказал:

– Я дам тебе тысячу кредитов. Завтра утром мы сходим в Имперский банк, это тебя устроит?

– О, конечно! Я верну тебе, когда...

– Вернешь когда сможешь.

Показав удостоверения членов клуба, они пошли к раздевалкам.

– Об Алане что слышно?

Алана Фостера, едва он сделался профессиональным квадистом, отправили за город, в школу подготовки квади-клуба. Таково было общее правило: до своего первого профессионального боя квадист не должен был видаться ни с родными, ни со знакомыми, чтобы ненароком не растерять мужество, которое только и могло дать ему победу в смертельной схватке. Так устроители боев говорили квадистам, про себя имея в виду, что зрители хотели увидеть схватку, а не убийство, да и отказ квадиста от боя перед самым выходом на арену не сулил для организаторов зрелища ничего хорошего.

– Алан все за городом, упражняется, что же еще ему делать, – проговорил Филип.

– Когда у него бой?

– Не знаю, пока ничего не слышно. Надо у Дика спросить, он-то должен знать.

Джонни хмыкнул. Он уже дважды спрашивал у Дика Кастла, сына владельца клуба, на ка-

кое же число Алану назначен бой, но толком ничего конкретного от него не добился.

В этот раз тренер Джеймс Норд, лысоватый ветеран квадака, не очень-то донимал своих подопечных. Обычно тренировка представляла собой бешеное чередование различных боевых позиций, следовавшее за непродолжительной разминкой, и нескольких учебных боев, когда тренер сводил двух-трех квадистов и, поминутно останавливая бой, разбирал каждую их ошибку. Теперь Джеймс Норд постоял немного в зале, разбил своих учеников на пары, дал сигнал к бою и вышел, оставив их сражаться друг с другом деревянными квадаками. Джонни был в паре с Фрэнком Стауном, более сильным, чем Джонни, но юношу выручала выносливость. Через полчаса Стаун, тяжело отдуваясь, упал на скамью, Джонни подсел рядом. Стараясь выровнять дыхание, Джонни спросил:

– Фрэнк, ты не знаешь, почему старина Джеймс сегодня какой-то не такой?

– Говорят его дружок вчера кваданулся, на арене «Молотобойца».

– Этот его дружок должен быть лет на двадцать моложе его, чтобы еще выступать.

– Не знаю. – Фрэнк смахнул пот со лба. – Может, это только болтают, а на самом деле тут другое. А может, то был бой ветеранов.

Тренировка закончилась раньше обычного. В зале оказался секретарь председателя квади-клуба: «Ребята, мистер Кастл велел закругляться, через десять минут на нашей арене бой, наш профи Хьюго Чалмер против Стива Шоу, «Барсы Ге-

раклума». Мистер Кастл советует вам поторопиться».

Трибуны, как обычно, были полны, хотя цена билета колебалась от пятидесяти до трехсот кредитов. Для членов клуба предназначались специальные места, так что Джонни с товарищами не пришлось стоять. Схватка еще не началась, можно было поболтать. Вспоминали. «Барсы Гераклума» когда-то занимали первое место в списке квадиклубов, не то пять, не то шесть лет назад, но потом удача отвернулась от них. Не то чтобы они скатились в худшие, в середнячках-то оставались. Владелец клуба, крупный обувной магнат, как говорили, избрал неправильную тактику: он ставил на новичков, это, конечно, было дешевле, нежели привлекать в клуб известных бойцов, то есть он ставил на чутье тренеров-отборщиков, да только расчеты его все никак не подтверждались. Наверное, он и на тренерах экономил, а не только на бойцах, или таланты стали слишком уж большой редкостью.

Показались бойцы, высокий узкогрудый Хьюго и кражистый Стив, поперек себя шире. На профессиональной арене частенько сходились квадисты не только различной комплекции, но и различного веса, эта разница, как считалось устроителями, придавала схватке большую зрелищность. Оружие, однако, у обоих противников всегда было одинаковым, за этим тщательно следили, вот и сейчас на глазах у зрителей секунданты внимательно осмотрели оружие соперников, квадаки были взвешены, лезвия их измерили по длине. Разумеется, и про экспресс-анализ не забыли, ведь если бы на

лезвии квадака был яд, это дало бы его владельцу решающее преимущество перед противником. Наконец секунданты обоих бойцов объявили, что «оружие справедливо», такова была формула признания добросовестности неприятеля.

Пошли последние мгновения перед схваткой. Зрители любовались, как бойцов похлопывают по плечу секунданты, как тренеры дают им последние советы, как квадисты облизывают пересохшие губы и зверино скалятся на стороны. Тем временем, чтобы как следует подогреть публику, диктор зачитал послужной список бойцов. «Вот, вам представляются не какие-то желторотые новички, а мужи, опытные в смертоубийстве: Хьюго Чалмер провел семь боев на профессиональной арене, из которых пять выиграл, Стив Шоу, правда, меньше, всего три боя, зато он выиграл все три. Что же касается проигрышей Хьюго, то ведь ясно, что раз он сейчас здесь, перед вами, любезная публика, значит, не так-то просто было его победить. Если бы он вел себя недостойно, вряд ли зрители даровали бы ему, проигравшему, жизнь».

Прозвучал гонг, и бойцы начали сходиться.

Как только Хьюго и Стив отошли от краев арены, по периметру арены поднялся из пола метровый бордюрчик. Излучатели, установленные вдоль его кромки, создавали вокруг арены защитное поле: теперь, пока представление не закончено, никто из зрителей не мог помешать происходившему на арене и ни один из бойцов не мог покинуть арену до времени, то есть, попросту говоря, сбежать.

Оба квадиста были достаточно опытными, чтобы не кинуться друг на друга подобно ресторанным пьяницам-забиякам. И тот, и другой начали с ложных выпадов, стараясь прощупать противника. Нанося удар, даже опытный боец в какой-то степени раскрывается, а оказаться уязвимым для человека, не защищенного ничем, кроме собственной кожи, означало подвергнуть себя смертельному риску. Осторожно взмахивая квадаком, противники приглядывались, каким способом будет отражен их удар, чего следует опасаться, какую тактику наступления избрать.

Хотя прошло едва ли пять минут с начала боя, период «прощупывания» кое-кому из зрителей показался вечностью, послышался возмущенный свист, подбадривающие крики. Ну же, давайте, когда же появится кровь?..

И кровь появилась. Стив увернулся менее ловко, чем это было необходимо, и квадак противника оцарапал ему плечо. То есть это было царапиной на языке профессиональных квадистов, любой другой счел бы это резаной раной: мышцы не были затронуты, но кожа была рассечена и из пяти-шестидюймового разреза потянулась красная струйка.

Некоторые говорят, что выдержка бойца оценивается тем, как он смотрит на кровь, будь то собственная кровь или кровь соперника. Иными словами, ничто так не побуждает противников перейти от тактики выжидательной к тактике атакующей, как пролитая кровь. Теперь зрители получили то, что хотели: с лиц бойцов сошло все человеческое, только яростью дышали они, только смерти жаждали друг другу. Если в начале

схватки кто-то из них и обещался пощадить в случае удачи другого, победить, но не убивать, то теперь ни о какой пощаде не могло идти и речи. Резвые квадаки мелькали, порождая кровавые ручейки, и вот уже белоснежное покрытие арены запестрело кровавыми пятнами.

... После представления, как обычно, не обошлось без маленькой потасовки, поклонники и квадисты-любители клуба «Ветры Земли» против поклонников и квадистов-любителей клуба «Барсы Гераклума». Квадаки не использовались, боже упаси, так что обошлось синяками да ссадинами. Заводилой со стороны «Ветров Земли», как обычно, выступал Дик Кастл. Джонни отличился, на глазах у Кастла расквасил нос одному из «барсов», и когда «ветры», шумные, возбужденные, отправились в бар при клубе, Джонни в третий раз спросил у Кастла, когда же Алан Фостер примет свой первый профессиональный бой.

– Бой у Алана когда? – Дик Кастл был в благодушном настроении, они славно всыпали этим драным котам, нагло именующим себя «барсами». – На той неделе. В четверг, отец сказал. Завтра будут афиши.

– И с кем же?

– С Тедом Блейком. Блейк тоже начинающий профи, ты его, может, помнишь, в прошлом году старина Норд водил нас в клуб «Щетинистые», это в Западном районе, посмотреть на тамошних квадистов. Ну, тот самый скуластый хмырь, нос на левую щеку повернут? Вот это Блейк и есть.

Джонни вспомнил. Блейк тогда выглядел неплохо, совсем неплохо. В памяти Джонни всплы-

ла щербатая улыбка Блейка, с которой он после выступления оглядывал аплодирующих зрителей. Должно быть, уже тогда Блейк метил в профессиональные квадисты. Был ли он серьезным противником для Алана? Вообще-то для боя всегда подбирались бойцы, не имевшие друг перед другом существенных преимуществ, в противном случае представление оказалось бы слишком коротким. У Блейка меткий удар, однако он менее подвижен, чем Алан, Блейк тяжеловат, если, конечно, не сбросил вес.

Вот так, рассуждая про себя о предстоящем поединке своего друга Алана Фостера с Тедом Блейком, Джонни и добрался до дома.

Джонни с прежним усердием занимался в школе второй ступени, он должен был во что бы то ни стало выдержать экзамен в Академию, а по вечерам тренировался в клубе. Однако теперь в свободную минуту не о музее Космоса думал Джонни – и в клубе, и в школе мыслями своими он то и дело возвращался к Алану. Победит ли Алан, то есть останется ли он в живых, или... Джонни навел справки о Тедке Блейке, но ему немного удалось узнать: Блейк, как и Алан, не имел ни одного профессионального боя за своей спиной, этот должен был стать для него первым. О Блейке высказывались коротко: «Блейк? Понятливый парнишка, и злости ему не занимать. Далеко пойдет, если его не кваданут».

Накануне дня, на который был назначен бой Алана и Блейка, Джонни выступал в ресторанчике. Он все никак не мог сосредоточиться, и поэтому квадак Филипа Лейдена оставил на его пле-

чах две длинные, хотя и не глубокие, царапины – в любительском выступлении такое считалось серьезным промахом обоих квадистов.

В четверг Джонни не пошел на занятия в школу. Алан был для него не просто другом – он был для него первым другом, если в дружбе применимо понятие «первый». Когда-то они жили рядом, Алан со своей матерью-пьянчужкой, в прошлом замечательной портнихой, и Голды. Фостеры и Голды снимали квартиры в одном доме, и даже подъезд у них был общим. Дружба Джонни и Алана брала начало с тех давних времен, когда они стремглав проносились мимо контролеров в стереозалы, шастали по подворотням в веселых игрищах, дрались с соседскими мальчишками. Потом отец Джонни, мистер Чарльз Голд, купил особнячок в Нагорном районе, и Голды съехали с квартиры. На дружбе Джонни и Алана это не отразилось ничуть, они как раз поступили в квади-клуб, да и помимо клуба постоянно встречались.

А ведь когда-то они мечтали, что вместе пойдут к ослепительным неземным мирам, вспомнилось Джонни. Сначала они грезили, как проберутся в порт на космический корабль, а там никого не будет, и все только их и видели, потом, повзрослев, они воображали себя блестящими курсантами Академии Астронавтики. Так было, но позже оказалось, что Алан душою стремился не туда, куда его друг. Иной космос манил Алана, не тот, который начинался в неземной дали: космос Алана был на Земле. Алан был воин, душа его жаждала победы. Мир Алана начинался там, где можно было победить, проявив бесстрашие и

силу. Этот мир Алан увидел в квади-клубе: не нужда сделала его профессиональным квадистом, а собственное сердце. Так пути Джонни и Алана разошлись, единство цели исчезло, но дружба их осталась.

Для Джонни этот день был особенным – для Джонни, но не для квади-зала. Постепенно собрались зрители, причем трибуны оказались занятыми почти полностью, хотя бойцы ожидались отнюдь не маститые, должно быть, сказалась относительно низкая цена на билеты. Проиграли гимн квадистов, и зрители подпевали динамикам, иные заплетающимися языками. Диктор пробасил имена бойцов, но это для затравки, сперва же, как обычно, на арену вышли любители-квадисты, занимавшие публику около получаса. Наконец на арене показались профессиональные бойцы.

Алан Фостер и Тед Блейк по крайней мере с виду были достойны друг друга: оба мускулистые, высокие, крупные. Крупные хищники. Пока их осматривали чиновники из Министерства Зрелищ и Развлечений, трибуны сочлились женскими придыханиями.

Чиновники, убедившись, что на арене выставлены именно те бойцы, о которых было объявлено, поднялись к пульту распорядителя, проверить электронику. Зрители желали знать наверняка, что их суверенное право жизни и смерти над побежденным квадистом не умалял никакой электронный жучок. Система подсчета голосов работала идеально, о чем немедленно во всеуслышание объявил старший чиновник из дикторской: «Я, Бернارد Мэдок, инспектор Министерства

празднеств и зрелищ, удостоверяю... » Сделав свое дело, чиновники опустились вниз, в первый ряд, где для них были отведены места. Теперь они не могли помешать представлению, хотя в их власти было в случае каких-либо нарушений впоследствии привлечь к ответственности организаторов боя.

Наступил черед секундантов. Они осмотрели оружие, обследовали арену, нет ли какого подвоха, не мог ли соперник получить помощь со стороны. Диктор зачитал краткие биографические справки, и ударили в гонг.

Противники избрали тактику стремительной атаки, ни один из них не понадеялся на собственную силу воли. Что ж, так оно обычно и бывало с теми, кто впервые выходил на профессиональную арену, молодым бойцам инстинктивно казалось выгоднее предаваться течению схватки, чем искать свой собственный путь. Фостер и Блейк принялись покрывать друг друга ранами, зрители восторженно завопили.

Джонни крепче стиснул подлокотники. Ему самому никогда не быть профессиональным квидистом, мелькнуло в голове юноши.

Джонни скользнул взглядом по лицам зрителей. Вокруг исступленно драли глотки, пуча глаза на арену. Или нет, не все. Фрэнк Стаун не только не прыгал и не кричал – он как-то кисло морщился, наблюдая за поединком. Надо же, а Джонни и не предполагал, что Фрэнк, скуповатый и мужиковатый Фрэнк, мог так расчувствоваться. Правда, они пятеро считались друзьями, Фрэнк Стаун, Джонни, Алан, Ричард Кастл и Филип Лей-

ден, и все же... Вон Лейден не выказывал особой тревоги за жизнь Алана. Лейден следил за поединком с тем интересом, с которым врач следит за вскрытием в морге трупа лечившегося у него бедолаги. Дик Кастл, тот упоен происходившей на арене битвой, вон он как зыркает, то сжимая кулаки, то разжимая, и выражение его лица стремительно меняется, то досада на нем – Алан пропустил удар, то радость – Алан не промахнулся. Несомненно, Кастл хотел победы Алану как если бы на арене был он сам, но также несомненно, что окажись Алан в критическом положении, Кастл и пальцем не пошевелил бы, чтобы выручить его, а ведь Дик Кастл, сын владельца клуба, пожалуй, был единственным в зале, кто мог бы его спасти. Если же Алана убьют, уж Кастл, поминая Алана, устроит не одну потасовку с кवादистами-любителями «щетиных».

Неожиданно зрители закричали так, словно им за пазуху сыпанули горящих углей, и Джонни быстро посмотрел на арену. Тед Блейк лежал у ног Алана Фостера. Алану тоже хорошо досталось, кровь струилась по его плечам, спине и животу, он шатался, но все же он стоял, Алан Фостер, а Тед Блейк валялся у его ног.

Вот тут-то Джонни закричал и замахал руками вместе со всеми. Алан победил, Алан будет жить!.. Алан, покачиваясь, смотрел на зрителей исподлобья, лицо его было бесконечно усталым и бесконечно злым. Медленно поворачивая голову, он наткнулся взглядом на своего тренера. Тот что-то показывал ему руками. Алан через силу улыбнулся. Женщины выскочили в проходы между ря-

дами, некоторые сломя голову понеслись к арене, и если бы не защитное поле, они, наверное, гроздьями повисли бы на шее у победителя.

Над залом из множества динамиков пророкотало: «Тед Блейк мертв, господа! Представление закончено!» В смерти Блейка сомнений быть не могло: на тело побежденного, если случай был сомнительный, всякий раз нацеливались специальные датчики «Щуп-Дистанта», прибора, на расстоянии безошибочно определявшего, мертв ли побежденный или просто сильно ослабел. Зрители недовольно заворчали: кнопка, вмонтированная в правый подлокотник каждого зрительского кресла, останется неиспользованной, и табло, на котором высвечивалась воля публики, жить ли побежденному или нет, так и не загорится. Жаль, жаль, зрители лишились заключительного аккорда, придававшего зрелищу особую пикантность.

Алана Фостера уводили с арены, поддерживая под руки, но это все же было лучше, чем остаться на арене.

Когда Джонни пробирался на выход, его задержал Фрэнк:

- Джонни, послушай... – Фрэнк замаялся.
- Ну, говори.
- Ты... ты помнишь, как мы познакомились?
- В клубе квадистов, как же.
- Да, а после тренировки что было в тот день?
- Мы пошли в ресторанчик «У погасшей звезды», и ты за меня заплатил. У меня не оказалось с собой денег. Что, кажется я тебе так и не вернул ту десятку?

– Да пропади она пропадом, та десятка. И потом я еще несколько раз одалживал тебе... Нет, это я что-то не то говорю. Проклятие!

– Давай выйдем на воздух, – предложил Джонни. Они стояли в проходе, так что их то и дело толкали шедшие с трибун зрители, что не способствовало сосредоточению, да и на ветерке в голове у Фрэнка должно было проясниться.

Они долго молча шли по улице, мимо бегущих огней витрин, закрытых на ночь магазинов, скульптур астронавтов и ученых.

– Так в чем же дело, Фрэнк? – не вытерпел Джонни.

– Понимаешь, так... так получилось... Мой отец... – Фрэнк опять замолчал, и Джонни вскипел:

– Да выкладывай же, что там у тебя стряслось, не мямли!

– Я... у меня... У моего отца, ты знаешь, докерская контора в порту «Терриган-товарная». В прошлом месяце ему предложили с одного корабля сгрузить контейнеры с молибденом, ну и...

– И что?

– Понимаешь, дела у отца не очень, а тут дом надо строить, сестре на приданное... Они предложили сто тысяч кредов, отец должен был сгрузить с корабля еще кое-что, какой-то груз, и вывезти его из порта... потихоньку...

– Контрабанда, значит.

– Вроде так...

– И твой отец согласился.

– Согласился, да. А потом икнулось.

– Таможенники задержали?

– Нет, груз был небольшой, отец сумел его как-то... Получил он деньги, а через неделю к нам является один тип. Грозит, что расскажет обо всем в полиции, и требует двести тысяч!

– Вымогательство.

– Оно самое. У моего отца, во-первых, нет таких денег, да и...

– И что, вымогатель смог бы доказать в полиции, что твой отец провернул то дело?

– У него на руках была запись всех переговоров моего отца с экипажем корабля.

– Плохо. А тебе не кажется, что этот тип – из той команды, которая обогатила твоего отца на сотню тысяч кредов?

– Кто его знает. А хоть бы и так, что с того? Нам-то теперь что делать?

Джонни, помолчав, спросил:

– Так что ты хочешь от меня, Фрэнк?

– Ты бы не мог помочь мне, мне и моему отцу?

– Чем же?

– Твой отец... – Фрэнк осекся.

Джонни остановился. Смерив Фрэнка долгим взглядом, он медленно проговорил:

– И когда тот человек явится за деньгами к твоему папаше?

– Завтра в полдень. Но тех денег у нас нет, нет! Понимаешь, те сто тысяч отец половину уже истратил. Нам надо собрать сто пятьдесят тысяч, но даже если отец продаст контору, он...

– Как выглядит ваш вымогатель?

Запасливый Фрэнк поспешно вынул из кармана фотографию и протянул ее Джонни. Всмотревшись, Джонни бросил:

— Я ничего тебе не обещаю, Фрэнк. Так что готовьте деньги.

Джонни развернулся и быстро пошел назад; Фрэнк остался стоять, дрожа пухлыми щеками.

На другой день Джонни отправился в порт «Терриган-товарная». Полтора часа на электромо- биле — и он уже расспрашивал, где находится до- керская контора Стауна. В контору он заходить не стал. Примостившись на заржавленном контей- нере неподалеку, Джонни принялся наблюдать. Входную дверь он хорошо видел, и это было са- мое главное.

Во втором часу пополудни напротив входа в контору приземлился гравилет с частным номером. Из машины вышел человек с округлым блинооб- разным лицом, на котором чернели, как нарисо- ванные, нитяные усики. Это был тот самый тип, чью фотографию Фрэнк показал Джонни. Помахи- вая чемоданчиком, человек вошел в контору.

Через полчаса Нитяные-Усики вышел нару- жу. С чемоданчиком в правой руке он направил- ся к своей машине — Джонни зашагал ему напе- ререз. Однако прежде чем Джонни ухватился за чемоданчик, незнакомец сунул руку в карман. Хлопнул выстрел, и Джонни ощутил легкий укол под мышкой. От маленького болевого пятнышка онемение волнами растеклось во все стороны. Джонни вдруг перестал ощущать свои ноги, он упал на колени, а потом сознание покинуло его.

Очнулся Джонни в просторной, высокой ком- нате со слабо мерцавшими стенами (опалесциру- ющие обои), звучала тихая музыка. Джонни ле-

жал на широком диване, и лежать было приятно, мягко и тепло.

— Мистер Голд?

Джонни повернул голову на голос.

В двух шагах от дивана рядом со столом сигмовидной формы стоял тип Нитяные-Усики. На столе находился знакомый Джонни так называемый «дешифратор личности», без этого прибора не обходился ни один бой на профессиональной арене. К ладони испытуемого прикладывался специальный датчик, регистрировавший как папиллярные линии ладони, так и индивидуальные для каждого человека биоэлектрические потенциалы. Данные поступали в компьютер, и на экране высвечивался ответ, кто такой этот человек, либо компьютер сообщал, что подобного набора личностных характеристик в его банке данных нет. Операция по изменению внешности не могла обмануть дешифратор, что же касается банка данных, то он был весьма обширен, можно сказать, всеобъемлющ, поскольку по закону с каждого гражданина Земли снимались данные еще в младенчестве.

Усатый продолжил:

— Так что же, мистер Голд, как это понимать? Ваши... Арагонское братство решило расширить сферу своей деятельности?

— Нет, это мое личное дело.

— Значит, нам не следует опасаться неудовольствия вашего отца. Вас немедленно отпустят и мы расстанемся навсегда, ведь так, мистер Голд? Все забыто?

– Вот и нет. Мне достанется за самоуправство, но вам попадет больше. Или ты думаешь, братство стерпит то, что вы усыпили меня и против моей воли притащили сюда?

Усатый нахмурился. И сразу стало ясно, что его вальяжность была всего лишь маской, что он отнюдь не чувствовал себя так уверенно и спокойно, как хотел представить.

– Но откуда мне было знать, кто вы такой, – проговорил он как бы оправдываясь. – Если бы вы представились перед тем, как потянуться к моему чемоданчику, я бы не стал стрелять.

– Дело сделано, мистер, вы нажали на спусковой крючок. Надеюсь, вы наслышаны об Уставе братства: «Да будет предан смерти всякий...»

– Можете не продолжать. – Усатый нервно хрустнул пальцами. – Хорошо, что вы хотите?

– Сколько денег было в чемоданчике?

– Двести тысяч кредитов. Из них половина наши кровные. Черт возьми, я не смогу убедить ребят, что мир с вашим братством стоит сотни тысяч кредитов.

– То есть вы все подстроили Стаунам.

– Недотепы вроде Стаунов для того и существуют, чтобы зарабатывать на них. Думаю, ваш отец такого же мнения.

– До других Стаунов мне нет дела, но от этих Стаунов держитесь подальше, вы поняли?

Поморщившись, усатый буркнул:

– Ладно, пусть себе пасутся эти ваши придурки. Но деньги...

– Сто тысяч, которые не ваши, я хочу получить сейчас же.

... Через час Джонни передал деньги опешившим Стаунам, у которых от изумления отнялись языки. А вот пальцы у них не отнялись и не онемели, тут же зашуршали кредитки, вываленные Джонни на стол. Вышло ровно сто тысяч. Фрэнк Стаун и его отец не знали как и благодарить Джонни, а когда он ушел, Стауны сквозь радостные улыбки немного поохали, все-таки было жаль той сотни тысяч, на которую их подцепили вымогатели и которую пришлось вымогателям вернуть.

ТРАНСПОРТИРОВЩИК

Джонни было поручено перевезти груз со склада 132 на склад 239, рядовое задание, ничего особенного. Его гравилет летел с грузом на борту вдоль русла Алары на высоте пятьдесят ярдов. Вечерело. Оставалось обогнуть Верблюжью гору справа, а там до склада было рукой подать. Вот тут-то он и увидел поднимающуюся в воздух красно-черную гадину с жирными буквами на борту. Динамик полицейского гравилета ненавистно взревел:

— Бот С-32-Д, опускайтесь! Бот С-32-Д, приказываю, опускайтесь!

Голос был шершавый, прокуренный, со скрытой усмешкой.

У Джонни похолодело между лопаток. Уж конечно, ему приказывали остановиться не потому, что он нарушил правила полета. Его поджидали, они знали, кто он такой и что за груз с ним.

Значит, о складе 132 стало известно копам. Но о 239-м они, скорее всего, пока ничего не знали, иначе они встретили бы его там, стоило только ему приземлиться.

На этот случай у Джонни были четкие инструкции: он должен был или суметь улизнуть, или катапультироваться, кнопка катапультирования одновременно включала механизм уничтожения бота. (Еще один пункт инструкции, протаранить полицейский гравилет, Джонни почему-то не вспомнил.) В случае катапультирования его шансы выжить были ничтожны: если копы не подстрелят его в воздухе, то только для того, чтобы дожидаться на Земле. Значит, выжить — это умудриться удрать.

Джонни круто кинул штурвал влево.

Полицейские ответили зигзагом лазерного луча. А они не шутят, подумал Джонни, едва не врезавшись в уступ скалы.

Обогнув гору, Джонни кинул машину вниз, потом вправо. Здесь, между скалами, был узкий проход. Миновав его, Джонни набрал высоту и юркнул в большую сквозную пещеру.

Когда гравилет бледно-голубого цвета скрылся за горой, сержант Боб Джонсон ничуть не взволновался: никуда не денется за минуту-другую. Через минуту Джонсон обронил ругательство, как корова лепешку: сукиного сына нигде не было видно.

Младший в группе, рядовой Рой Маклоу, буркнул:

— Куда он подевался? Провалился сквозь землю, что ли?

– Жми в «Открытый Глаз». – Джонсон показал на разверзнутый зев пещеры, в котором просвечивался выход.

Полицейский бот прошил пещеру и потом больше часа бороздил воздух, суматошно носясь по окрестностям. Голубого гравилета нигде не было видно.

Стемнело настолько, что продолжать дальнейшие поиски не имело смысла. С досадой предвидя нагоняй, Боб Джонсон вызвал базу.

– Растяпы! – Это было самое невинное, что ему пришлось услышать. – Оставайтесь на месте, включите прожектора и шевелитесь, шевелитесь, черт возьми!

– Прожектора включены, сэр, но...

– Ты остолоп, Джонсон! Ублюдок затаился где-нибудь и сейчас лыбится, какие придурки полицейские. Не давайте ему убратся, понятно? А я собачек подошлю.

В потолке пещеры «Открытый Глаз» в одном месте была большая выемка-раковина, в которой свободно уместился гравилет Джонни. Полицейские, проносясь сквозь пещеру, задирать голову не стали, и поэтому ничего не заметили.

Джонни понимал, что так просто копы от него не отважатся, уж по постелям они не отправятся с наступлением темноты. И на темноту надеяться не стоило, если у полицейских нет прибора ночного видения, им его доставят.

В ремонтно-аварийный комплект, находившийся в гравилете, входила веревочная лестница. Джонни по лестнице, оставив гравилет «прилепленным» к потолку, опустился вниз. С собой

он захватил миниатюрное электронное устройство «гюрза-3», размером не более спичечной коробки. При наборе на микроскопической панели специального кода «гюрза» взрывалась, уничтожая человека, державшего ее в руках; одновременно срабатывала бомба в багажнике гравилета.

Выбравшись из пещеры, Джонни по извилистой тропинке спустился с горы.

В ссадинах и синяках, попробуй не оступись на спуске ночью, Джонни двинулся к складу 239. Поскольку он не доставил груз ко времени, в братстве уже должны были знать, что он попал в переделку, и кто-то, верно, был отряжен к складу для наблюдения.

Пока Джонни пробирался по лесу, воздух над ним несколько раз прочерчивали прожектора полицейского гравилета — Джонни даже не затаивался, кроны деревьев служили вполне достаточным прикрытием. Он шел около часа, затем путь его пересек овраг. Немного поплутав вдоль края оврага, Джонни обнаружил большой пенё с рубленой меткой на нем. Это был ориентир. Более блуждать Джонни не пришлось.

Когда он пробился сквозь кусты, за которыми находился вход в склад, его окликнули.

Джонни оглянулся.

Низкорослый человек, выросший перед ним как из-под земли, пальцем изобразил в воздухе ломаную линию. Джонни нарисовал что-то похожее пальцем, и они пожали друг другу руки. Четырехугольная уродливая звезда, вот что они попытались представить в воздухе, являлось знаком — свои, мол. Символом Арагонского братства была

четыреугольная звезда с лучами разной величины, в центре которой находился кружочек, как бы заключенный в нее – одни называли его земным шаром, другие – солнцем, третьи – солнечной системой, четвертые, бравшие еще выше, – Галактикой.

– Я Гарри, – представился окликнувший Джонни человек. – Тебя велено доставить в пункт двадцать семь, у меня рядом гравилет, пошли.

Гарри вел машину, почти касаясь верхушек деревьев, чтобы в случае появления копов можно было быстро укрыться в лесу. Побывать в шкуре зайца, преследуемого охотниками, им, однако, не пришлось.

Гарри опустил гравилет у покосившейся избушки. На крыльце их встретил глыбообразный великан, прямо медведь в штанах.

– А, привет, – великан сунул Джонни ладонь, огромную как лопата. – Зови меня Якоб. Пошли.

Они с Джонни вошли в избушку, а Гарри остался снаружи. Как понял Джонни, Гарри должен был лететь еще куда-то.

Джонни, вытянув ноги, с облегчением развалился в продавленном кресле. Возясь у плиты с ароматным кофе, Якоб бросил:

– Что там у тебя стряслось?

Джонни вкратце рассказал о случившемся, не называя конкретно место, где он оставил гравилет. К чему говорить о том, чего, быть может, выручившим его братьям-арагонцам не положено знать. Заканчивая, Джонни произнес:

– Свяжи меня с моим звеньевым, Якоб. Я должен доложить ему, где груз.

– Ты можешь ему позвонить?

– Да, конечно.

– Вон телефон, звони. Не буду мешать. – Якоб снял с плиты кастрюльку с дымящимся кофе и, переваливаясь, вышел из избушки.

Все это выглядело так, как будто Якоб не знал номера телефона, по которому можно было связаться с командиром Джонни, и Джонни настояжился. Хотя, в сущности, с Якоба было доательно, что он умел связаться с собственным начальством. Но странно, почему он никому не передал, что Джонни здесь, в избушке?..

В голове Джонни ворохом опавших листьев взметнулись всякие истории и историйки про коварство агентов Службы Имперской Безопасности и про то, как поступали с ротозеями в братстве. Якоб почему-то ни разу не назвал его по имени, да и Гарри тоже, интересно, в чем причина? Да, он не представился им, но ведь ему и не надо было представляться, они должны знать, как его зовут. Если, конечно, они – те, за кого себя выдают.

А если эти ребята не из братства, а из Службы Имперской Безопасности? Якоб предложил ему позвонить по телефону, а телефон прослушивается.

Сложность положения была в том, что он не мог жать напрямую, Джонни не мог устроить Якобу допрос, чтобы прояснить обстановку. Если Якоб – имперский агент и догадается, что разоблачен, у Джонни резко сузится возможность маневра.

Вошел Якоб:

– Что, позвонил?

Джонни потер виски:

– Знаешь, номер из памяти вылетел. Видно, здорово я треснулся головой, когда спускался с горы.

– Давай, кофейку хлебни, глядишь, опамятуешься.

Якоб поставил перед Джонни кружку с черным кофе, сахарницу, а сам почему-то к столу не подсел.

– А ты чего же? – Джонни показал подбородком на кофе.

– Обпился уже, пока тебя с Гарри дожидался.

Вряд ли там, в кружке, яд, скорее, только снотворное, подумал Джонни. Они нуждались в сведениях о братстве, он был нужен им живым. А такая их деликатность объяснялась тем, что они думали, будто при нем оружие. Которого у него как раз и не было, если не считать оружием коробочку «гюрза», средство для самого крайнего случая, средство самоуничтожения. «Или это у меня разыгралось воображение, никакой Якоб не имперский агент?»

– Что-то жарко, – Джонни расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. – Пожалуй, от твоего кофе я потом изойду. Что теперь со мной будет, как?

– За тобой приедут. Расследование будет, уж точно. Но тебе-то что, ты же не виноват, что копы вышли на склад. Ты сделал как надо, груз цел, ты молодец. Машину, говоришь, на Верблюжьей горе оставил? Это где утес с обгорелой сосной, не там ли?

– Там рядом, под горой, – соврал Джонни, Якоб будто стал его допрашивать, вот оно как. –

Что-то в горле пересохло, налей мне водички, а кофе не надо.

Когда Якоб, стоя к Джонни спиной, открыл кран, Джонни мягко поднялся с кресла и подкрался к нему. Шум воды заглушил скрип половиц. Джонни торопился, много ли времени надо, чтобы набрать воды в кружку: он с силой ударил великана головой о стальной бочок с водой, а когда тот развернулся, Джонни пустил в ход кулаки.

Взор Якоба на какое-то мгновение сделался бессмысленным, но он удержался на ногах. Тряхнув головой, он нанес Джонни сокрушительный прямой удар правой. Если бы не стол, Джонни оказался бы на полу. От второго удара он увернулся. Увертываясь, он опрокинул ветхую тумбочку. Из тумбочки вывалился лучемет типа «БМ-5», средней мощности.

Якоб был сильнее Джонни, но Джонни – куда проворнее Якоба. Якоб взревел, бешено вращая глазами, а Джонни тем временем подхватил с пола лучемет, опустил предохранитель и наставил оружие на ревуна.

Якоб, как ни был зол, не мог не понять, что с лучеметом ему голыми руками не справиться. Он замер на полпути к Джонни, нижняя губа у него бессильно оттопырилась.

– Сесты! – Джонни дулом лучемета показал на кресло.

Якоб тяжело опустился на протертое сиденье, просто удивительно, как при этом ножки у кресла не обломились.

Джонни вовсе не был уверен, что у него под прицелом агент Службы Имперской Безопасности.

– Кто ты, отвечай! – приказал Джонни.

Великан, сумрачно посмотрев на него, промолчал.

– Как вы вышли на склад? – рявкнул Джонни. Якоб выругался.

– Ты меня за кого принимаешь, мальчишка? Я – из братства, как и ты, сопляк! Лучемер на стол!

Якоб попытался встать, но Джонни предупредил: «Сидеть!» и прочертил тонким, как спица, раскаленным лучом дымящуюся полосу по потолку. Ворча, Якоб подчинился.

– Если ты из братства, ты должен знать, как меня зовут, – сказал Джонни. – Ну?

– А ты думаешь, мне могли сказать это? Ты что, не знаешь наших законов?

Джонни подобрал с пола нож, выпавший из тумбочки вместе с лучемером, и кинул его Якобу:

– Докажи, что ты мой брат.

Умение вырезать у себя на коже символ братства, четырехугольную звезду, считалось признаком принадлежности к братству. Не так-то просто это сделать, лучики должны быть определенной длины, каждый – различной, да еще в центре звезды следовало изобразить кружок. Перед посвящением в члены братства послушник тратил не менее полугода, чтобы научиться этому: в ход шли и гипноз, и многочасовые сеансы медитации, и суровость наставников.

Якоб буркнул:

– У меня правая рука не двигается, или ты не видишь? Она и так была сломана, а ты мне ее доломал.

Джонни все больше сомневался в Якобе. Что-то не верилось, что у того была сломана рука, он не очень-то щадил ее, когда на Джонни замахивался.

– Выпей свою бурду, – Джонни показал дулом на кружку с кофе. – Посмотрим, что ты мне наварил.

Якоб взял кружку левой рукой и стал медленно пить, искоса поглядывая на Джонни. Опрокидывая пустую кружку на стол, он бросил:

– Все, или еще чего надо?

– Теперь подождем.

Джонни прислонился к стене и опустил руку с лучеметом. Якоб некоторое время ворчал, что молокососы стали позволять себе многое и что с этим сопляком он еще поговорит, когда у того отнимут оружие, – воркотня его становилась все глуше, и... Якоб уснул.

А ведь точно, подумал Джонни, в кофе было снотворное. Получается, что Якоб... Что все подстроено, никакие Якоб с Гарри не братья-арагонцы, они – агенты имперской охраны. И это означало, что Джонни надо как можно скорее отсюда убираться.

Глянув в последний раз, как Якоб пускает пузыри во сне, Джонни пошел к двери.

Вода сейчас не лила из крана, поэтому Джонни расслышал скрип половиц. Он резко обернулся – Якоб, лишь притворявшийся спящим, с лицом убийцы метнулся к нему. Джонни вскинул лучемет и нажал на спусковой крючок.

Плазменный луч прошел по груди Якоба – одежда на нем загорелась, он страшно закричал

и упал. Джонни выбежал из избушки и побежал к деревьям, за которыми находилась грунтовая дорога. У него была одна надежда: оказаться у какого-нибудь телефона, он смог бы позвонить по особому номеру, который использовался вот в таких случаях. Дорога непременно приведет его в какое-нибудь селение, лишь бы только он добрался до этого селения раньше, чем агенты охраны доберутся до него.

Уже начало светать, когда измученный Джонни увидел впереди одноэтажные домики. Собрав остаток сил, он прибавил шаг.

В деревне как будто все было спокойно. Или копы поджидали его за укрытиями? Рядом с дорогой Джонни заметил телефонную стойку. Что это, приманка, врытая в землю только что, или настоящий телефон? Но если это и настоящий телефон, он мог прослушиваться. Если им уже стало известно, что он удрал из избушки, они, конечно, установили прослушивание общественных линий по всей округе.

Гораздо безопаснее позвонить с частного телефона, частных от прослушиваний их телефонов охранял закон. Залезть в дом или постучаться и наплести что-нибудь жалостливое хозяину? Человек, позволивший ему позвонить, после его звонка мог засомневаться, соединиться с полицией и рассказать о нем. Залезть же в дом означало разбить окно, то есть поднять шум, а там еще и в самом доме с хозяином встретишься.

Тут Джонни заметил, что в одном из ближайших домов окно открыто. Он подошел к этому дому — с крошечными башенками по углам, с леп-

ными украшениями и со сводчатыми окнами в древнем стиле. Заглянув в окно, Джонни совсем рядом увидел телефон.

Это открытое окно, этот телефон у окна могли быть ловушкой. Но могли и не быть ею – они, быть может, были шансом спастись. Не в силах преодолеть соблазн, Джонни перемахнул через подоконник.

В комнате никого не оказалось. Джонни подошел к телефону и стал набирать номер.

– Не двигаться!

Джонни, припадая к полу, выстрелил в окно. Огонь вели из иглометов, судя по резким и высоким звукам выстрелов. Вряд ли они целились в него, к чему подвергать себя риску быть подстреленным, скорее всего они всаживали иглы в воздух, выжидая, когда заряд его лучемета кончится.

У Джонни было два пути выбраться из дома: через окно, откуда его обстреливали, и через дверь, что вела в другие комнаты. За дверью было тихо, но там его скорее всего ждала засада, копы затаились, и только.

Уж не значит ли это, что... с ним все кончено?

Джонни нащупал «гюрзу». Если он наберет код, взрыв будет такой силы, что он даже не почувствует боли, так быстро отправится к праотцам, говорили ему на инструктаже. На его месте останется большая воронка, в которой без толку будут искать пуговицы или ошметья его плоти.

Джонни занес палец над кнопкой.

Внезапно его осенило: а ведь был еще один ход наружу – через крышу. Переведя регулятор

мощности лучемета в крайнее максимальное положение, он стал описывать лучом круг на потолке. Через минуту луч стал слабеть, краснея. Дальше осыпавшейся штукатурки работа не продвинулась. Вероятно, перекрытия здесь были не деревянные, а бетонные. Джонни снял палец со спускового крючка.

Выстрелы снаружи смолкли. Со стороны окна до Джонни донеслось громовое:

— Сдавайся, ублюдок! Лучемет сюда! Жить будешь, не дрожи!

Тут громадный лепной завиток, часть изображенного на потолке вензеля, отвалился и, падая, ударил Джонни в левое плечо. Боль вспыхнула огнем; левая рука у Джонни повисла плетью. От смертельной усталости и от боли, а может еще и от тоски в голове у него помутилось, вдруг показалось, что потолок раздвинулся, и над ним разверзлось черное ночное небо. Звезды, о которых он мечтал, были рядом, вот они, над его головой. Они так же будут светить, манить, тихонько шептать о вечном, когда его не будет. Близкие, они были в то же время бесконечно далеки, как бесконечно близки и бесконечно далеки жизнь и смерть.

Древние верили, что там, в звездном небе, жилища умерших, подумалось ему, а может, и в самом деле где-то далеко есть планета, на которую он ступит, скинув земную оболочку? Может, смерть действительно приблизит его к звездам, приблизит куда более, чем приближали к звездам Академия Астронавтики со всеми ее профессорами, стереофильмы отличного качества, сами космические корабли?..

Джонни взял в правую руку коробочку «гюргы».

Вот только откроются ли звезды убившему себя? Возможна ли жизнь там, за гранью, для того, кто бежал от жизни здесь? Или... В окне мелькнул человек в полевой полицейской форме. Джонни успел нажать только на одну кнопку, а код состоял из четырех знаков. Сразу две иглы впились в него, одна – в шею, другая – напротив сердца. Сознание Джонни захлебнулось чернотой небытия.

Он очнулся в белой постели, с левой рукой и грудью в гипсе до самого подбородка, в окружении экранов с пляшущими синусоидами, подрагивающих стрелок приборов, трубок, по которым текли разноцветные жидкости. Одни трубки заканчивались в его теле, другие замысловатым образом переплетались, так что невозможно было уловить, где их концы.

Его захватили в плен, ясно. Им нужна информация о братстве, вот они и устроили его в лечебницу, надо же, как стараются.

Сердце Джонни учащенно забилося, он приподнялся. За что бы дернуть, чтобы сразу конец?

Разумеется, за ним следили. Едва он шевельнулся, как в палату вошел человек в белом халате.

Джонни рванулся к ближайшей трубке. Острая боль пересекла его дыхание, в глазах потемнело. Не удивительно, что он оказался недостаточно резв: прежде чем он успел нарушить систему собственного жизнеобеспечения, вошедший человек уже прижимал его к кровати.

– Звезды и небо Арагона! Да тише ты, тише! – зашипел на него вошедший. – Ты, никак, свихнулся, брат? Или у тебя память отшибло? – Джонни, остолбенев, перестал сопротивляться, и незнакомец распрямился, оставляя его в покое. С добродушной улыбкой глядя на Джонни, он успокаивающе проговорил: – Да у своих ты, брат, у своих. Мы тебя подобрали в поселке Трастбург. Копы обложили тебя со всех сторон, мы пустили на них газ с гравилета, немного досталось и тебе. В гравилете ты дважды приходил в себя, а потом вырубился и только теперь очнулся. Как ты, не тошнит?

– Есть маленько, – буркнул Джонни.

– Позвать врача?

– Не надо врача. Кто я такой, какое у меня было задание?

– Это проверка? Зря стараешься, сынок, я ничего не знаю, или ты забыл наш Устав? Пункт семнадцатый, «Пусть для братьев будет так: всякий, задающий вопросы, – шпион, всякий, отвечающий на вопросы, – предатель».

Джонни промолчал. В самом деле, в Уставе Арагонского братства был такой пункт, не то чтобы призывавший братьев обращаться между собой телепатически, но требовавший проявлять бдительность. Без разумной недоверчивости братство, наверное, и не смогло бы сохраниться, все же они занимались торговлей оружием, а не разведением собак или фиалок.

Незнакомец, убедившись, что Джонни не собирается буйствовать, вышел.

Джонни молчал на протяжении всего дня. Даже на вопросы доктора он не стал отвечать, даже не сказал «спасибо» нянечке, которая приносила ему еду, как будто с этим «спасибо» наружу могли вылететь все его секреты. Вдруг его водят за нос, а этот «брат» – накинувший белый халат агент охранки? Только вечером сомнения Джонни развеялись: в палату вошел его отец.

– Отец!

Чарльз Голд был приземистым мужчиной с борцовской шеей и бесцветными глазами (иногда такие глаза называют стальными, иногда – выцветшими). На плечах у него болтался халат, не сумевший вместить его габариты, и какой-то сдержанной силой веяло от всей фигуры Голда-старшего.

– Привет, малыш! Как ты тут?

– Ничего, нормально. Что с грузом?

– Груз в безопасном месте.

– Как вы его нашли?

– Пришлось расспросить тебя, пока ты спал, есть такие лекарства. Ну да это не важно, это не должно тебя тревожить. Лучше послушай вот что: тебя переводят в исполнительное гнездо, сынок!

Новость действительно была хоть куда: если до этого Джонни занимал в братстве незначительное место простого транспортировщика, то теперь он становился фигурой весьма примечательной. Из исполнительного гнезда, бывали случаи, братья шагали вверх через две ступеньки, а то и сразу через три, становились старшими братьями, а один, ходили слухи, попал сразу в аппарат Магистра-Секретаря. Брату-исполнителю еще бы не быть заметным: исполнительное гнездо занималось

приведением в исполнение вынесенных Советом Магистров смертных приговоров, что совершенно не напоминало заурядное палачество, но требовало постоянно и смекалки, и сноровки. Приговоренные братья, как правило, не спешили расстаться с собственной головой.

Вся загвоздка заключалась в том, что карьера в Арагонском братстве не очень-то улыбалась мечтающему о звездах юноше.

– Ты что-то не рад, – медленно проговорил Чарльз Голд, темнея лицом.

– Ты обещал мне, что я пробуду транспортировщиком пять лет, это было три с половиной года назад, – недовольно сказал Джонни. – Значит, мне оставалось еще полтора года, а теперь...

– Я обещал тебе не совсем это, Джонни. Я обещал тебе, что ты прослужишь братству не более пяти лет, насчет пяти лет это действительно так, но я не обещал тебе все пять лет держать тебя в транспортировщиках, – разъяснил мистер Голд, не повышая тона. – Я знаю, что ты не очень-то доволен своим занятием и занятием своего отца, что ж, сынок, к любви не принудишь, я не собирался и не собираюсь удерживать тебя в братстве вечно. Тебя влекут звезды, хорошо, иди к ним, но сначала выполни свой сыновний долг по отношению ко мне и к твоей матери.

– Но я не хочу работать в исполнительном гнезде!

– Это уже решено, и решено не мной.

– Не тобой, но не без твоего участия!

– Возможно. Ты знаешь наше правило: успех сына считается успехом отца. Твой переход в ис-

полнительное гнездо мне на руку, это укрепит мои позиции. Или же ты не испытываешь ко мне никаких сыновних чувств, а, сынок?

Джонни пробурчал что-то невнятное. Впечатление, однако, было такое, что он склонялся перед волей отца.

Отец с сыном еще поговорили: о матери, которая ждет не дождется сыночка и все плачет, что ей вход в эту тайную лечебницу заказан; о новых боевых лазерных системах; о планете, которую Голд-старший присмотрел, чтобы купить, когда сделается Магистром. И, не сказав более о братстве ни слова, они расстались.

Джонни провалялся на койке больше месяца, потом больше месяца кормил синичек, кидая крошки на подоконник. Однажды врач долго тыкал его датчиками мудреных приборов, в заключение сказал: «Вот и лады». Это был последний день, проведенный Джонни в маленькой затерянной в горах ватно-марлевой темнице.

ИСПОЛНИТЕЛЬ

Покинув лечебницу, Джонни далеко не сразу приступил к своим новым обязанностям в братстве. С месяц он занимался на тренажерах в общественном спортивном клубе, потом вернулся к квадаку, дал несколько показательных боев в ресторанчиках, — и тогда только настал день, когда отец сказал ему: «Пора, сынок».

Вечером за Джонни пришел разводящий, гнездо разводящих обеспечивало связь между различными подразделениями братства. Сухопарая Эльза, мать Джонни, то и дело поправляя очки на потном носу, поцеловала и перекрестила его, хотела позвонить отцу, чтобы тот пришел (мистер Голд находился в клубе Звездочетов, в котором он председательствовал ради маскировки), но Джонни удержал ее, отец еще утром сказал ему все, что хотел. И Джонни с невзрачным низеньким человечком, разводящим братства, ушел в сумерки гаснущего дня.

Разводящий доставил Джонни в сырой, душный район Единенья, район проституток и наркоманов, возведенный на месте болота. Там на двенадцатом этаже грязной, замусоренной двадцатитажки Джонни ждали.

Передав Джонни плешивому толстяку, его теперешнему начальнику, разводящий удалился. Толстяк, назвавшись братом Джозефом, провел Джонни в низкую комнату с потеками на потолке и серыми обоями, висевшими клочьями. У окна за пустым столом сидели двое, белобрысый крепыш и длиннорукий рыжий горилла. Брат Джозеф потыкал пальцем:

— Это Боб, это Рич, это Джонни. Пожмите друг другу руки, ребята, вы теперь в одной команде. Задание вам такое. Вот, посмотрите (брат Джозеф показал цветное фото, с которого скалил зубы красавец в майке с ракетой). Это Сид Тайсон. Его вы найдете в доме семнадцать по улице Прощальных Огней, там, в подвале, у него берлога. У Тайсона есть пистолет, кажется, «Микки», ну, может, еще

будет пара газовых гранаток. Не думаю, чтобы его охраняли Серые Волки, но будьте осторожны. Старшим идет Рич. Вот оружие.

Брат Джозеф кинул на стол три игломета системы «Юдифь», мощный лучемет «Юпитер» и тесак. Тесак, конечно, предназначался для ритуального обезглавливания: на труп, так сказать, следовало поставить печать братства. Джонни прихватил с собой квадак, которым можно было вполне успешно выполнить эту операцию, но не стал заострять на этом внимание.

— Он из братства или он не наш? — спросил Боб.

— А вот про это никогда не спрашивай, сынок, — отрезал брат Джозеф.

Гориллообразный Рич, погнав морщины по лбу, уточнил:

— Голову принести?

— Нет, голова не нужна, можете поиграть ею в футбол, там, на месте, кхе-хе. Еще есть вопросы? С богом, ребята.

Дом №17 по улице Прощальных Огней оказался нежилым. В подвале освещение не работало, возможно, скрывавшийся там Тайсон сам вывел его из строя. У исполнителей братства на этот случай были приборы ночного видения. С их помощью Рич, Боб и Джонни принялись обыскивать подвал.

Они лазили среди гор мусора и битого кирпича около часа. Они осмотрели все закоулки, проходы и мусорные завалы — и в одном месте обнаружили дверь, очевидно, некогда ведущую в служившее для технических целей помещение. Убе-

дившись, что нигде, кроме как за этой дверью Сид Тайсон не мог скрываться, они обступили ее, и Рич постучал рукояткой лучемета:

– Эй, Сид, ты тут? Мы за тобой.

Рич сразу же встал за дверной косяк, тогда как Боб и Джонни держали иглометы наготове.

За дверью не раздалось ни шороха.

– Ты тут, Сидди? – прорычал Рич.

Наконец из-за двери прозвучало отдышливо:

– Я так и знал, что вы до меня доберетесь. Будьте вы прокляты! Братство ублюдков и блюдолизов! Посмотрим, может, я еще подстрелю кого и отправлюсь на тот свет с кем-нибудь из вас в обнимку.

– Помечтай, помечтай, Сидди, – Рич хохотнул. – У меня «Юпитер», ты знаешь, что это такое? Для моей игрушки ты все равно что слеплен из воска, а эти твои загородки-перегородки из картона. Что, сразу прижух?

За дверью всхлипнули. «Проняло», – удовлетворенно бросил Рич Бобу и Джонни.

– Ребята, может, вы меня отпустите, а? – Теперь у Сиды Тайсона был голос трясущегося от страха субъекта в мокром исподнем. – У меня есть десять тысяч кредитов, не здесь, в другом месте. Этого вам хватит надолго, ведь так? Обо мне можете не беспокоиться, завтра мне делают пластическую операцию, и я уматываю с Земли. Так что, ребята?

Подмигнув Бобу и Джонни, Рич сказал:

– Отпустим его, что ли? – выдержав паузу, он добродушно продолжил: – Ладно, живи, черт с тобой. За деньгами сейчас отправимся. Только

дверь сразу не раскрывай, сначала кидаешь пистолет в щель, потом просовываешь обе руки и медленно, медленно выходишь. Пошел!

— А вы... ты... вы взаправду меня отпустите, да?

— А то как же, взапуски, что ли?

За дверью загрохотало, Тайсон стал разбирать свою баррикаду-подпорку. Потом, как и велел Рич, он немного приоткрыл дверь. И выкинул наружу пистолет.

— Вот он, ребята, видите? Теперь я потихоньку выхожу.

Тайсон высунул в щель обе руки и стал медленно высовываться из своего укрытия.

Внезапно Рич крикнул: «Ложись!» Джонни упал ничком на цементный пол, он выполнил движение совершенно автоматически, не осознав, что же случилось. В следующее мгновение взорвалась граната, которую Тайсон держал во рту.

Джонни оглушило. На какой-то миг он отключился, а потом увидел Боба и Рича, ковырявшихся в окровавленном куске, бывшем только что Сидом Тайсоном. Рич недовольно ворчал, ритуальное усекновение головы казненного никак нельзя было выполнить, голову взрывом разметало по всему подвалу. Эта сука Тайсон все же сумел напакостничать братству напоследок. Единственное, что мог теперь сделать Рич, так это попинать ногою безголовый торс.

Джонни вернулся домой к утру. Мать ждала его всю ночь, понял он по усталому лицу миссис Голд. Обняв его, она всплакнула, вдруг увидела давнишнюю царапину на его щеке и побежала к

аптечке. Когда она вернулась с йодом и ватой, он спал, обмякнув на диване в прихожей. Миссис Голд обработала царапину Джонни, уложила его поудобнее и осторожно прикрыла одеялом.

Как он? – поинтересовался Чарльз Голд у жены, вернувшейся в спальню.

– Спит.

Мистер Голд долго шуршал журналом под торшером, прежде чем захрапеть.

Так Джонни стал исполнителем братства. Новая работа поначалу пугала его, нелегко убить человека, но потом он пообвык. Страх если и был, то иной, теперь он опасался, как бы самому не попасть под прицел. Опасаться было чего: приговоренные отстреливались, устраивали всякие смертельные ловушки своим преследователям, но хуже всего приходилось, когда у них хватало денег нанять себе в охранники кого-нибудь из Серых Волков. Серые Волки, профессионалы в смертоубийстве, всегда честно отрабатывали свой хлеб, поэтому когда из гнезда разведки поступала информация, что охраной приговоренного занимаются Серые Волки, число участвовавших в операции братьев арагонцев возрастало подчас до двадцати человек. На этот раз брат Джозеф не отсиживался на конспиративной квартире, он лично принимал участие в операции, после которой братство почти всегда недосчитывалось нескольких братьев. Так однажды на глазах у Джонни был застрелен Боб, некогда почти одновременно с ним переведенный в исполнительное гнездо.

Мистер Голд как будто и не знал, насколько опасно то, чем занимается Джонни. «Что, сынок,

сегодня на работу?» – это была единственная фраза, которой он отмечал день, когда Джонни надо было идти на конспиративную квартиру за заданием. Казалось, отец ради осуществления собственных планов помыкал сыном, но однажды открылось, что не все так просто. Группе Джозефа было поручено убить некоего Раймана Брэндона, о значительности его персоны говорило то, что его голову Магистр-Исполнитель, глава исполнительного гнезда, распорядился доставить к себе лично, причем в подкрепление Джозефу дали семь человек из других групп гнезда. При выполнении задания один из охранников Брэндона едва не подстрелил Джонни – выручил брат Джозеф, оттолкнувший Джонни и получивший при этом ранение в плечо. Поступок Джозефа никак нельзя было объяснить его самоотверженной любовью к своим подчиненным, или безрассудным бесстрашием, или излишней импульсивностью. Законы братства категорически предписывали в подобных ситуациях младшим оберегать старших, но не наоборот. Брат Джозеф поступил иначе, и хотя между ним и Джонни не было сказано ни слова, Джонни догадался, в чем тут дело. Очевидно, не без ведома мистера Голда брату Джозефу намекнули, что жизнь Джонни значит для братства больше, чем жизнь кое-кого постарше его званием.

Обязанности Джонни в братстве занимали его только один или два дня в месяц, поэтому они не мешали ему ходить в подготовительную школу и упражняться с квадаком. Теперь Джонни уделял квадаку ничуть не меньше времени, чем раньше, но со своими друзьями он виделся реже: Ричарда

Кастла отец перевел в свои заместители по клубу и тот почти перестал заниматься с квадаком в общем зале; у Филипа Лейдена приближалась горячая пора выпускных экзаменов; Фрэнку Стауну отец купил докерскую контору в порту «Персей» и он теперь налаживал собственное дело; Алан Фостер давал бой то на Марсе, то на Юпитере, то на какой-то затерянной планетке дальнего космоса, так что в Терригане он почти не бывал.

Однажды Кастл, на которого временами накатывала сентиментальная волна, собрал всех друзей в ресторанчике «У погасшей звезды». Они распили бутылочку, почали другую, заказали третью. Они веселились: «Фрэнк, – кричал Кастл, – у меня с собой ни мелкоглистика, придется за все тебе платить», – и все смеялись, глядя, как скуповатый Фрэнк вздрагивал и принимался беспокойно ерзать: «Ты же шутишь, паразит, а?...» Они пили за здоровье Кастла, которому, как поговаривали, дряхлеющий отец-аристократ вскоре собирался передать клуб и некоторые свои обязанности при дворце: «Ну, Дик, ты теперь без пяти минут председатель клуба, большой сэр!» Алан рассказывал про свой последний бой: «Кваданул я его, ребята, а сам думаю, все, мне конец. Кровь так и хлещет, вот отсюда. А ничего, оказалось, квадак этого кривоногого Мартина прошел у меня над ребрами». Филип Лейден упивался своими перспективами: «При клинике обещали оставить, тысяча кредитов в месяц и премиальные, тогда я брошу квадак, это точно. Только бы мне эмбриотерапию сдать!» Джонни развлекался со всеми: смеялся, пил за Кастла, за дружбу, за удачу Алана, за то,

чтобы Фрэнку поскорее разбогатеть и чтобы Лейдену не завалить экзамен. О своей «работе» в братстве Джонни, разумеется, помалкивал.

— А ты все в астронавты готовишься? — Раскрасневшийся Кастл поднял бокал. — Давайте выпьем за то, чтобы быть Джонни капитаном на самом лучшем корабле Империи, и чтобы космос, ближний и дальний, покорился ему, и чтобы все звезды Вселенной стали ему доступными! Пьем, ребята!

Рядом раздался старческий голос:

— И мне бы плеснули, что ли.

К столику квадистов приковылял Локки Оторви-Ножки, и теперь старик протягивал к бутылке друзей свою походную кружку, с которой он по обыкновению ходил меж столов.

Блестящий Кастл недолюбливал Локки, его убожество и старческое неряшество вызывали в Дике брезгливость, но сейчас из-за обилия выпитого чувствительность молодого аристократа при-
тупилась, и он свеликодушничал:

— Подсаживайся, отец, чего там! Выпей с нами!

Опорожнив кружку, Локки вытер грязный подбородок, крикнул и бойко принялся устраивать себе новую подачку:

— Занятные же вещи случаются в космосе! Можно, я расскажу одну историю, ребята?

— Жарь, старик, — разрешил Кастл.

Локки, довольно лучась морщинками, начал:

— У звезды Фомальгут, альфы Южной Рыбы, есть планета Бронкс. Нашу группу, десять человек космодесантников, включили в состав экспедиции на Бронкс, это было мое второе задание.

Там туземцы жили, на Бронксе, вот нас, десантников, и послали с экспедицией. Прилетаем, обживаемся. Инженеры там шахту роют, цирконий или мирконий добывают, а мы по нашей части орудуем, за туземцами приглядываем. Они ничего, туземцы, тихие, смекаем про себя.

— А как туземки, ничего? — хохотнул Фрэнк.

— В туземках какая-то зараза была для нас, так нам объяснили. Ну мы и... а не пес ли в них, думаем. Так вот. Однажды поставили меня с еще одним таким же мальчишкой установку сторожить, которой шахту прожигали. Мы сторожим. Спим, то есть. Утром просыпаемся — что такое, в лагере шум. Оказывается, в бараке, где наша десантная группа жила, прямо побоище стряслось. Из восьмерых двое живых только, и то еле дышат, а остальные... Нашими же тесаками побиты, и тесаки здесь же валяются. А кто-то, потом оказалось, от игломета смерть принял, даром что иглы были снотворные. Всю обойму всадили в беднягу, как никак.

Сообщили в управление сектора. Прилетает инспектор, мужчина видный, и голос такой, бу-бу-бу. С ним бригада десантников, двести десять человек, и экспертов всякой масти с полсотни. Как прилетели, сразу за наших туземцев взялись, а те ничего, тихие. Пошарился-пошарился инспектор, да и назад улетел, а вместо него другого прислали, молодого, мы его кукишем прозвали, с виду такой сдобный, а бутылочку даже в праздник не выпросишь.

Ковыряется этот инспектор, да толку нет. И вот однажды выпадает мне дежурить в казарме

ночью. Стемнело. Все заснули, только я с иглометом сижу. Посидел сколько-то, и сам на боковую. Чу, слышу сквозь сон, такой шум не дай бог. Открываю глаза: наши десантники друг с другом бьются. Только оружия на этот раз ни у кого не было, у меня одного игломет. Оружие на ночь запирали, а ключ у этого самого инспектора-кукиша. Я сижу, смотрю на них через окошко в перегородке, ошалел, конечно. Тут к окошку подбегает один, стучится, игломет, мол, давай. А у самого глаза как щелки, словно спросонья. Я затормошился, инспектору звоню, инженерам... те как умерли. Эти уже табуретками дерутся. Что же, бегу я в соседний барак, к инженерам то есть, а сам думаю, только бы мои орлы дверь не открыли да не повыскакивали, не то будет делов.

У инженеров дверь закрытой оказалась. Спят, думаю. Я в дверь стучу — ни звука. Свечу тогда в окно фонариком, и сам заглядываю, как там и что. И что вы думаете? Сидят, умные головы, кто за столом, кто на кроватях, и руками машут. Одни — будто на машинках печатают, другие — будто бумаги переворачивают. Я — к инспектору в домик. Там у него всегда дежурного из десантников ставили. Этот мальчишка, зеленый как я, со мной в дверях сталкивается. И лица на нем нет. Инспектор с начальником экспедиции, а они в одном домике жили, что-то бормочут друг другу, а что — и не разберешь. И глаза у обоих вполтину закрыты.

Посмотрел я на начальников, посмотрел да и говорю: надо их в чувство привести. А как ты их в чувство-то приведешь? Перво-наперво, конечно,

водой облить. Облили, кран рядом, да бестолку. Бормочут. Тот паренек предложил из автомата пальнуть. Пальнули. Бормочут. Тогда я говорю: давай их... по щекам, по щекам. Когда обморок, так в чувство приводят. Действовать, конечно, со всей силы надо, вполсилы нечего и браться. Я инспектора хлопнул, а товарищ мой – начальника экспедиции. У меня аж ладонь загорелась, да и парнишка, смотрю, рукой замахал.

Начальство наше глаза и раскрой. В себя пришло. Что да как, первым делом. Мы и обсказали все. Они – наружу, посмотреть, то есть. Мы с ними выбежали, а там, глядим, нам навстречу инженеры со спецами бегут, и у всех глаза открыты. Оказалось, это выстрелы наши их разбудили.

Всей гурьбой покатили мы к десантникам. А те... Раскровянились, что не приведи бог, и скулы посворачивали и носы поразбивали. То хорошо, что до оружия не добрались. Сами же, еле живые, глаза не раскрывают, а все машутся. Начальник экспедиции шумит мне: стреляй! Пальнул я. Всю обойму в небо выпустил, а им хоть бы хны. Инспектор, тот говорит: нет, стрелять не надо, стрельбой тут не поможешь, а вот я на них гаркну. Приоткрыли мы оконце, он и гаркни в щелочку. Еле уберегся, котелком запустили в него. Кто-то предложил воду использовать, подвели шланг, и что, помогло, думаете? С ног валяются, а кулаками машут из последних сил. Хоть из последних сил, а с пощечинами к ним не подступишься.

Инспектор, тот посмекалистее был, и говорит: «А что мы, ребята, этого-того, усыпить их долго

что ли? У меня в домике в столе игломет и пять обойм полных, кто там, живо тащите!» Тут только мы и утихомирили молодцов. Примочки там, мази, повязки – все сделали, пока они дрыхнули. Мы еще боялись, опять станут буяннить, а те ничего, в полном порядке очнулись.

Локки легонько, прилично, стукнул кружкой о стол, и Кастл плеснул ему из бутылочки.

– Чего же вы чудили так? – поинтересовался Лейден.

– Строфания Грейтера, пакость зеленая, это все она, – отозвался Локки, прочистив горло. – На хвощ похожа, а Грейтером инспектора звали, он и догадался, что к чему. Эта гадость такие вещества, эфирные масла, выделяла, что влияли только на тех, кто спал. Они сознание отсекали, подкормка и вылазила наружу. Инженеры начинали заниматься своим, начальство – своим, и мы, космодесантники и рабочие, каждый своим делом, и все как в бреду, сознание-то отключено. Помогли респираторы, а позже еще лучше стали делать, такие уколы придумали, уколешься и можно не бояться, во сне не свихнешься.

– Но эти галлюциногены не на всех действовали, так я понял? Ты-то с товарищем глаза не щурили вместе со всеми, – произнес Лейден.

– Это потому, что нам, молодым, в мозги еще не было вбито, как людей колошматить, – пояснил Локки. – Так сказал инспектор.

– Держи, старик, – Кастл протянул ассигнацию в десять кредитов. – Нет, нет, довольно, мы наслушались уже. Отчаливай.

Локки Оторви-Ножки заковылял к соседнему столику, а Дик Кастл взбодрил несколько приунывшее веселье свежим анекдотом:

– Поспорили два космодесантника, кто туземочку сумеет уработать. Один и деньги сыпал пригоршнями ей под ноги, лишь бы нагнулась, и кактусы всякие сладкие перед ней горкой накладывал, и так, и эдак подъезжал – та ни в какую. А другой вытащил штуку, она на нее и села. «Как ты сумел?» – «Да я ей сказал, смотри скорее, вот отсюда птичка вылетит. Разве ты не знал, в каком месте у них глаза?» Джонни успел и проститься с друзьями, и добраться до дома, а ему все чудилась далекая планета из рассказа Локки Оторви-Ножки и грезились плечистые космодесантники, убивающие друг друга с полужакрытыми глазами. Считается, что чем больше дерешься и больше убиваешь, тем вернее сумеешь защитить себя, а ведь бывает вот как... Юнцы, не имевшие навыков смертельного боя, остались невредимы, а опытные профессионалы погибли. Эта самая опытность, вцементированная в мозги, убила их. Стоило отлететь сознанию, и стержень душевный согнулся и сломался. Какая же это ненадежная опора, опыт убийцы... И потом... что будет потом? Каково человеку, пришедшему в сознание и увидевшему, что в безумии своем он лишил жизни самых близких ему людей?..

Мысли, мысли не давали Джонни покоя всю ночь, и беспокойный сон его был чередой кошмаров. Рано утром Джонни умылся холодной водой и пошел говорить с отцом.

Мистер Голд еще не отбыл «на службу». Он собирался у себя в кабинете – сутулый, мрачный, какой-то постаревший. В последнее время Джонни казалось, что дела у отца идут неважно: Голд-старший мало разговаривал, а за столом часто подолгу задумывался у остывающего блюда. Словом, момент для разговора был не самый удачный, но Джонни не мог ждать более подходящего часа.

– Сын?

– Отец, я больше не хочу работать в исполнительном гнезде. Переведи меня куда-нибудь!

– Мы с тобой уже говорили об этом. Ты там, где необходимо. Что же касается моего обещания со временем вывести тебя из братства, оно незыблемо. Тебе осталось только семь месяцев хорошенько поработать, и можешь поступать в свою Академию. Пятьдесят тысяч кредов на вступительный взнос я для тебя приготовил.

Мистер Голд взял под мышку кожаную папку и пошел к двери.

Джонни встал у отца на пути:

– Я не могу больше заниматься этим! Я становлюсь безмозглым кретином, или ты нарочно задумал сделать меня идиотом?

– Это из нежных слюняев на мужской работе получают маньяки и дурачки. Ты же у меня не неженка, или как? Отойди, дай пройти.

– Брат Джозеф меня больше не увидит.

– Увидит, никуда не денешься.

– Нет! Я докажу тебе...

– Тебе, я вижу, не втолковать, что в нашем братстве следом за отцом всегда идет сын. Исклю-

чения надо готовить, это я пообещал тебе, но ты не хочешь ждать. Ты собираешься порвать с братством немедленно – ты хочешь, чтобы тебя приговорили? Или нет, ты хочешь, чтобы нас приговорили обоих, потому что я, конечно, вступлюсь за тебя наперекор воле братства.

– Я только хочу, чтобы ты назначил мне другое место в братстве!

– Сейчас это невозможно.

– Я...

– Я должен идти.

Чарльз Голд вышел из кабинета, а Джонни остался стоять у ореховой двери, хмуро прижимая кулак ко лбу.

После занятий в школе Джонни долго мерил шагами сквер Героев Космоса, затем свернул на аллею Ужаса Звезд, а остаток дня колесил по парку Имперского Единства. Домой возвращаться не хотелось, в клуб квадистов его тоже не тянуло. В голову ему то и дело приходили различные способы побега с Земли. Воображение Джонни без устали подхлестывалось яркими афишами, постоянно попадавшими ему на глаза – с клокочущими звездами, буйными инопланетными лесами, громадой космических поселений. «Настоящим мужчинам» предлагалось завербоваться в телохранители к космическим боссам, вступать в отряды жизнеобеспечения экспедиций к окраинным мирам. Или иногда информация подавалась просто и кратко: «Работа за пределами Земли. Для тех, кто хочет заработать и не боится риска». Ниже шел адрес, а чаще просто телефон.

Джонни не собирался зарабатывать на звездах, иное влекло его к ним, и, постояв с минуту у афишки, он шел дальше.

Когда ночной город загорелся разноцветными огнями реклам, Джонни потащился домой.

В окнах домика Голдов света не было, и ему вдруг почудилось страшное. Он пошел быстрее, потом побежал.

У крыльца стоял гравилет – не полицейский, какой-то частный. «А надо ли так торопиться?», – мелькнуло в голове у Джонни. Тем временем его заметили:

– Мистер Голд!

Ему наперерез быстро шагал высокий человек в строгом черном костюме. Для пиджака было жарковато, разве что необходимо спрятать в одежде оружие... «Будь что будет». Джонни развернулся к окликнувшему его человеку:

– Что вам надо?

– Мистер Джонн Голд, я не ошибся?

– Да, это я.

– Сэр, будьте добры следовать за мной.

Джонни скривил губы, уж не смеются ли над ним подчеркнуто вежливым обращением, но следующие слова незнакомца ввели его в еще большее недоумение.

Незнакомец, видя сомнения Джонни, пояснил:

– Это приказ вашего отца, сэр.

Пока они летели на гравилете, Джонни успел прокрутить в мозгу несколько вариантов. Его водили за нос, чтобы без шума доставить в резиденцию Службы Имперской Безопасности? Или это все – затея братства, отцы Магистры прослыша-

ли о его неблагонадежности и решили заняться им? Но почему в их доме темно, где мать, зачем она им понадобилась?.. Утверждение конвоира Джонни, что тот действует по приказу его отца, немного успокаивало, но ведь оно могло быть просто ложью.

Вариантов ответа на вопрос, что происходит, у него хватало, а вот самого ответа он не имел.

Они вылетели за город. Конвоир (или проводник) держал курс на запад. Под ними проносились загородные дворцы богачей, частные парки с искусственными водопадами и озерами, поселки obsługi и стрелы дорог. Пригород еще не кончился, когда незнакомец повел машину на посадку. Джонни увидел двухэтажную виллу с цветниками, лужайками и стриженными деревьями вокруг.

Им занялось братство, а это гораздо хуже, чем свидание с полицией, невесело подумал Джонни. Сопровождающий повел его к воротам, и сердце юноши тревожно затрепетало. Судя по всему, он понадобился на самом верху, пришло ему в голову еще одно объяснение происходящего. Последние дни Голд-старший явно был чем-то озабочен и встревожен, Джонни не имел понятия, что за проблемы занимали его отца, но, очевидно, проблемы эти были немаловажными. Между прочим, за несколько месяцев работы в исполнительном гнезде Джонни не раз приходилось участвовать в устранении лиц значительных, живших в роскоши и имевших сильную охрану.

Если исходить из того, что неприятности свалились на его отца, становилось понятно, почему

миссис Голд отсутствовала дома, и почему его самого доставили сюда. Шло, очевидно, какое-то разбирательство, и...

– Пожалуйста, сэр, – охранник нажал на кнопку, и металлическая решетка медленно уползла в стену.

Миновав ограду, Джонни с сопровождавшим его человеком двинулись к вилле, к двусторчатой двери, украшенной богатой инкрустацией.

Охранник, наверное, позвонил в дом, поэтому прежде чем они дошли до двери, она распахнулась и Джонни увидел свою мать.

Миссис Голд, поблескивая стеклами очков, побежала к нему, крича на ходу:

– Где ты пропадал, Джонни? В клубе тебя не было, тебя искали по всему городу!

Она обняла его и всхлипнула.

– Я так... гулял, – пробормотал Джонни. – Что случилось, мам?

– Тебе не сказали еще? А, это ваши странные правила... Мой... твой отец... он теперь Магистр, его избрали, так он сказал. Что это такое, сынок?.. Теперь этот дом наш, ты слышишь, наш!..

ДОЧЬ АРАГОНЦА

– Девчонка? – длиннорукий горилла Рич Скипп похотливо осклабился.

На фотографии топорщилась веснушчатая особа с рыжими волосами, прической типа «шкура

ежа», раскрашенная как конфетная обертка. По ее виду всякий сказал бы, что девушка она, должно быть, бойкая, умеет мужичкам впотьмах дороге показывать.

— Будьте осторожны, ребята, с ней вам придется повозиться, — проговорил Джозеф. — Ее голову начальство затребовало, знать, она не кошелек стибрила, сумела что-то похлеще повернуть.

— Ого! — Рич в притворном изумлении округлил глаза и захохотал.

— У нее будет двадцатизарядный «уникум» с ядовитыми иглами, — продолжал Джозеф. — Искать ее не придется, вот этот малый, он из разведывательного гнезда, отведет вас к ней. Он укажет вам ее, но помните, и он может ошибиться, эта стерва без конца меняет парики и перекрашивается. Нет вопросов?

Рич заинтересованно заметил:

— Ты не назвал ее имя, Джозеф.

— Нечего вам с ней лясы точить, а то как бы она не заговорила зубы. Делайте дело, и назад. Все вопросы? Пит, показывай дорогу. Небо Арагона над вами, ребята!

Когда они опускались по лестнице, Рич дружески толкнул Джонни кулаком:

— Что кислый такой? Не бойся, мы ее продем как следует, а уж потом — чик! — Горилла ребром ладони стукнул по шее.

Джонни смолчал.

Избрание отца Магистром ничуть не отразилось на положении юноши в братстве. Мистер Голд заявил, что единственный способ для Джонни уйти из исполнительного гнезда — отличиться, только

тогда бы Чарльз Голд смог, не опасаясь воркотни недругов, перевести его на лучшее место. Когда же Джонни возразил, что ему нужно не более высокое место в братстве, но более спокойное, пусть хотя бы его вернули в транспортировщики. Голд-старший покачал головой: «Это невозможно, сынок. Ты можешь двигаться только вверх, иначе ты крепко подведешь меня». Джонни, конечно, дулся на отца, он скрипел зубами, когда ему приходилось идти за новым заданием к брату Джозефу – и тянул, но все никак не мог набраться сил порвать с братством.

Пит, вертячий коротышка из разведывательного гнезда, доставил Рича, Джонни и высокого блондина Брэда Баттера на северную окраину Терригана, в район «Постамент». Достопримечательностью этого района явилась скульптура: бронзовая женщина на шаре, символизирующая мать-Землю, возносилась каменным основанием на семидесятиметровую высоту.

Посадив гравилет на крышу жилой двадцатипятиэтажки, Пит, не выходя из машины, переговорил по рации: «Дик, как объект?» – «Вышел из дома. Бен пошел за ней». – «Ясно. Мы на месте, ты свободен. Как понял, Дик?» – «Все понял». Повернувшись к Ричу, Пит сказал: «Она вернется к утру, подождем внизу».

Перешагивая через пьяниц и бродяг, развалившихся на ступеньках, они опустились на первый этаж. Рич предложил: «На улице посидим?» Пит мотнул головой: «Не нужно, давайте лучше здесь прикорнем. Бен свяжется со мной, когда она подходить будет».

Они устроились у отопительной батареи в подъезде. «Если мы ее прохлопаем, я тебе голову сверну», – пообещал Рич Питу, прежде чем захрапеть.

Джонни думал, что ему не заснуть, странная мысль сверлила его, казалось, что он должен вспомнить что-то важное, но мысль ускользала. Или его гложет, что им на этот раз предстояло прикончить женщину? Но что там, не женщину, а особу наилегчайшего поведения, судя по ее виду. Девушка стала играть в мужские игры, раз ее приговаривали, и за это поплатилась. Нет, смущаться нечего, эти шкуры ничего не заслуживают, кроме хорошей выделки.

Среди докучливых мыслей Джонни и не заметил, как задремал.

Проснулся он от сильного толчка.

– Хорош дрыхнуть, – Рич подкинул на ладони монету. – Эта стерва идет сюда. Твой орел или решка?

– Чего? – не понял Джонни.

– Сначала я ее протяну, а потом ваша очередь. Только надо сейчас решить, кто за мной следующий, ты или Брэд, чтобы вы не подрались.

Брэд подмигнул Джонни:

– Мой орел!

– Значит, твоя решка, Джон. – Рич покрутил монетку в пальцах. – Смотрите, бросаю.

Монета упала на заплыванный бетон, и Брэд хлопнул Джонни по плечу:

– Тебе повезло, кореш. Мне подонки, ничего не поделаешь.

Коротышка Пит, все это время прижимавший к уху маленькую рацию, зашипел:

– Тише, тише вы! – Он сосредоточенно сдвинул брови и через минуту объявил: – Бен сказал, она уже у закусочной «Три гуся», это за углом, в сотне шагов отсюда.

Рич деловито засуетился. Он поставил Джонни за закрытой на щеколду створкой подъездной двери, Брэду велел пройти половину лестницы до первого пролета и затаиться там. Сам он собрался дожидаться девчонку на улице, привалившись к фонарному столбу навроде пьяного. «Теперь не утечет, мы ее в клещи возьмем. Ты, Джон, только крепче держи ее за руки, а тут мы с Брэдом подскочим». Перед тем, как выйти, он показал коротышке Питу на дверь:

– Со мной пойдешь. Она это или нет, скажешь.

Рич с Питом вышли, в подъезде остались Джонни и Брэд.

Вскоре Джонни услышал шаги, и вот дверная пружина заскрипела.

Джонни увидел учительницу младших классов – в строгом сером пиджачке, в очках-консервах, с узлом волос на затылке. Не теряясь, Джонни, как ему было велено, схватил девушку за руки. Она рванулась, но было поздно. Сверху примчался Брэд, позади вырос гориллообразный Рич.

Очки хрустнули под чьей-то ногой. Она закричала, и пока Джонни держал ее, Рич засунул ей в рот какую-то грязную тряпку-кляп, поднятую на улице, не иначе.

Отстраняя Джонни плечом, Рич облапил ее и повалил навзничь. Перед Джонни мелькнули плескавшиеся ужасом девичьи глаза.

– Постой, Рич, это не она, – сказал Джонни, хмуро глядя, как Рич рвет пуговицы у себя на штанах.

– Та самая, кто же еще, – прохрипел возбужденный Рич. – Да помогите мне!

Надо было держать ноги, и Брэд нагнулся, готовясь ухватить девушку за лодыжки.

Дверь скрипнула – Джонни выхватил игломет.

Это был всего-навсего коротышка Пит. Мельком глянув на старания Рича, он усмехнулся и бросил:

– Я свое дело сделал. Пока!

Джонни зло посмотрел на Пита:

– Это не она.

– Она, не сомневайся. Клубок у нее на затылке тебя смущает, сынок? Подергай на него, он и распустится. А что не рыжая, так перекрасилась, падлюка. Вон у нее на шейке родинка, видишь? Она, стерва, приметная, так что... хе-хе... теперь вы делайте свое дело, ребята!

Пит пошел наверх, к гравилету, Джонни еще некоторое время слышал его довольный смешок труженика, честно отработавшего положенное.

Джонни посмотрел на девушку, и то ли с под-сказки Пита, обратившего внимание на ее родинку, то ли поймав ее взгляд, он вдруг вспомнил, кто она.

Он даже ее имя вспомнил.

Лола, так звали девушку, с которой он однажды провел ночь в борделе. Он еще дал ей деньги для ее отца.

Лицо Джонни залилось краской. Он рывкнул:

– Рич!

Наверное, Рич, силившийся просунуть палец в перстень, сейчас не услышал бы и пушечную пальбу.

У Джонни в руке был игломет со снотворными иглами, и он, не долго думая, выстрелил в Рича. Игла попала насильнику между лопаток. Рич замер, через пару мгновений медленно обернулся. Лицо его было страшным. Надо полагать, слова его оказались бы под стать лицу, но сказать он ничего не успел: глаза у него потеряли осмысленное выражение, и он повалился мешком прямо на девушку. Брэд накинута на Джонни:

– Ты спятил! Что ты сделал, идиот?

Следующую иглу Джонни выпустил в Брэда.

Оттащив Рича и Брэда к стене, Джонни избавил девушку от кляпа и помог ей подняться. Она задыхалась, глаза ее были безумны. Она вдруг кинулась бежать – он схватил ее за плечи и не отпускал, покуда у нее не выровнялось дыхание.

Теперь можно задать вопрос, подумал Джонни и спросил:

– Ты помнишь меня? Что стряслось с тобой? Те деньги были для тебя или для твоего отца, или про отца ты все выдумала?

– Нет, я говорила правду. Я... – Своими маленькими ручками она стиснула его правую руку. – Ты все узнаешь, только выйдем отсюда скорее!

Они вышли на улицу.

Джонни невесело улыбнулся:

– Теперь куда?

Ее лицо болезненно передернулось.

– Я... я не знаю. Не покидай меня! Но ты... что ты сделал? Ты убил их?

– В моем игломете снотворные иглы, – успокоил Джонни. – Они проспятся и все. Сейчас не холодно, так что во сне они не замерзнут.

– Все равно, ты помешал им, ты... ты стрелял в них, братьев-арагонцев. Что теперь будет с тобой, ты понимаешь?

– Как-нибудь переживу. Лучше подумай о себе, ты, видать, здорово увязла. Пошли, чего тут торчать!

Джонни повел девушку по тихой рассветной улице, сам не зная куда. В голове его царил сумбур, только через несколько минут он стал осознавать, что же он наделал. Избавить от наказания приговоренную, да это предательство, бунт! А он к тому же совсем не уговорами действовал, он силу применил. По всем законам братства ему полагалась смерть. Воспрепятствие исполнению членов братства их обязанностей – смерть! Оказание помощи приговоренной – смерть! Нападение на членов братства – смерть!

Единственная надежда – на отца. Магистрам братства было многое позволено. Джонни силился вспомнить нужные статьи Устава, обладает ли Магистр правом помилования, и не мог, не так уж часто он заглядывал в Устав, чтобы помнить там каждую строчку. И, кроме того... Джонни вдруг засомневался в собственном отце. Он, Джонни, предал братство, именно так можно оценить его поступок и это было бы справедливо. Его отец... не откажется ли его отец от него, не проклянет ли его?..

– Тебя Джонни зовут, да? – в голове Лоллы уже не было страха. – А знаешь, я думаю, ты ведь глупо поступил. Ты хотел меня спасти... это невозможно, только теперь я поняла. И зачем я столько бегала от них?.. Ты отведешь меня к ним, к твоим братьям, вот что. К тем, которые остались валяться в подъезде. Когда они придут в себя, ты скажешь, что у тебя с головой не в порядке, тебе померещилось что-то, вот ты и пальнул.

– Этого еще не хватало. – Джонни крепко сжал ее руку. – Мы не вернемся, и не мечтай.

Спустя некоторое время она спросила:

– Куда ты меня ведешь?

– На стоянку грави-такси. Надо выйти на Серых Волков, для этого мы сейчас полетим в парк Андроника. Там в любом ресторанчике...

– Это я знаю, там все бармены у Волков на содержании. Но зачем, что это даст?

– Я найму одного-двух Волков, они спрячут тебя и будут охранять. Мне потребуется несколько дней, чтобы как-то отправить тебя с Земли.

– И как же ты отправишь меня с Земли? Я три дня хожу по слюнявым конторам, которые вербуют девушек, знаешь, это называется «девушка для экспедиции», и... Им нужна куча справок – от мадам, из больницы, внеземного агентства... Ты думаешь, можно будет без помощи Перекати-Бестии так запутать след, чтобы меня второй раз не нашли братья-арагонцы? А обратиться к Перекати-Бестии... У меня нет денег, всего двести кредитов. Все наши с отцом сбережения, все деньги, все, что я... знаешь, как заработала, – все я

отдала Перекати Бестии, старику Торну, и в тот день моего отца убили.

— Значит, этот Торн дело не сделал и деньги не вернул?

— Он назначил день, когда мой отец должен был явиться. У меня с Торном такой был уговор, что если мой отец не явился в этот день, деньги остаются у Торна и Торн не имеет никаких обязательств перед нами. Мой отец был убит, Торн отказался возвращать деньги.

— Неужели с Торном нельзя было как-то иначе договориться? К примеру, он получает деньги и сразу начинает знакомиться с твоим отцом.

— Ты думаешь, это мне не приходило на ум? Я была у трех Перекати-Бестий, один другого дороже, на такое никто не согласился. Они говорят, им нужно время на подготовку. Отсылают к Серым Волкам, чтобы те укрыли до срока.

В голове у Джонни зародилась интересная мысль.

— Знаешь что, надо нам наведаться к этому твоему Торну. Посмотрим, не удастся ли мне уговорить его помочь тебе, деньги-то ты отвалила ему немалые, а на твоего отца он, как я понял, недолго трудился. Как найти Торна?

— У тебя ничего не выйдет.

— Как его найти?

— Улица Могильщиков, дом пять, — проговорила Лола с заминкой. — Там у него магазин, искусственными цветами торгует для виду.

Появилась цель, и Джонни зашагал быстрее. Наконец он увидел впереди стоянку грави-такси с одной-единственной машиной на ней. Таксист в

двух шагах от стоянки похлебывал горячий кофе у кофейной будки. Махнув ему, Джонни сказал:

– Сначала в банк. Что-то мне подсказывает, что мне сегодня понадобятся наличные.

Прежде чем распахнуть зеркальную дверь магазина «Вечная красота», Джонни сунул руку в карман, чтобы при необходимости извлечь игломет как можно быстрее.

Прилавки, тянувшиеся вдоль стен и окон магазина, были заставлены вазами, корзинами, кувшинами с искусственными цветами. Одни цветки в точности копировали настоящие, другие являлись выдумкой мастера. Некоторые были сфантазированны весьма вольно, в неоабстракционистской манере: представьте себе пестик в виде мужского члена в обрамлении ладошек-тычинок или красно-розовый кустик с листьями вроде человеческих языков.

Две девушки в форменных синих платьях улыбались алыми ротиками покупательнице, расползшейся бабке-квашне, что-то недовольно брюзжащей. Больше никого в магазине не было видно.

Лола показала Джонни на цветы, за ними виднелась приоткрытая дверь. Джонни бросил продавщицам по-свойски: «Мы к хозяину», и они с Лолой прошли за прилавков.

За дверью оказался коридор с выходившими в него дверями. Пройдя по нему и сделав два поворота, Джонни увидел дверь почище остальных.

На ней, обитой синим пластиком, висела табличка «Директор».

Джонни толкнул синюю дверь.

В кабинете с обшарпанными обоями и заделанным решеткой окном сидел старик – обвислые серые щеки, мешки под глазами, зализанные к затылку седые волоски. У окна стоял стальной сейф.

Старик оторвал голову от бумаг.

– Мистер Торн? – Джонни твердо посмотрел старику в глаза.

– Что угодно?

– Мистер Торн, вам знакома эта леди?

– Впервые вижу.

– А о пятидесяти тысячах кредитов, которые вы получили от нее, вы помните?

– Впервые вижу ее, говорю.

Торн попытался сунуть руку под стол, но Джонни предупредил его:

– Руки на стол, Торн!

Подчинившись, старик горько проговорил:

– Вот она, старость, тридцать лет назад вы бы не посмели так со мной разговаривать. Вам нужны деньги, молодой человек? Торговля цветами едва позволяет мне сводить концы с концами, но я, так и быть, подарю вам десятку, ну, двадцать кредитов, с тем чтобы вы немедленно убрались отсюда.

Джонни, до этого державший игломет опущенным, выставил его вперед и с пугающим спокойствием сказал:

– Сейчас я целю вам в правый глаз, мистер Торн. Не скрою, у меня в обойме снотворные иглы,

а не со смертельным ядом, но вы-то знаете, что бывает, когда такая игла попадает в глаз. Вы станете идиотом, мистер Торн. Близость мозга сказывается, так, что ли, объясняют. Видели вы эту леди раньше или нет?

— Что-то припоминаю. — Торн задумчиво сдвинул брови. — Ах да, мисс Лола Харт? По-моему, у вас нет повода быть мною недовольной, с моей стороны наше соглашение не нарушено, разве не так?

— Мистер Торн, я хочу получить те самые пятьдесят тысяч кредитов. И побыстрее там!

Джонни сделал вид, что сейчас выстрелит. Старик показал глазами на сейф:

— Вы мне позволите?

— Да, и шевелитесь же, шевелитесь!

Торн набрал код, раскрыл дверь сейфа и вытащил оттуда пачку ассигнаций:

— Здесь две тысячи кредитов. Больше при мне нет ни мелкоглистика. Наведайтесь завтра к полудню, сумма будет готова.

Джонни бросил Лоле:

— Проверь сейф.

Она осмотрела сейф, затем перешла к ящикам стола. В одном из ящиков лежал игломет. Джонни кивнул: «Возьмем». Впрочем, это было не то, что Джонни хотелось получить. От мысли заставить Перекати-Бестию вывезти Лолу с Земли он отказался почти сразу же, жадный старик не внушал доверия, но Джонни думал, что хоть деньги удастся вернуть, тогда они смогли бы обратиться к другому контрабандисту. И это сорвалось, не ждать же в самом деле до завтра. На завтра Торн приготовил бы им какую-нибудь ловушку.

Сунув деньги в карман, Джонни взял со стола телефон и швырнул его на пол, и еще добавил ногами, так что винтики разлетелись. Теперь Торну будет непросто задержать их.

– До завтра, мистер Торн, – сказал Джонни, и он с Лолой вышли из кабинета.

Они прошли часть коридора до первого поворота, и тут Джонни увидел двух девушек-продащиц, шедших им навстречу. Девушки с огромными букетами искусственных цветов выглядели вполне естественно, они как будто переносили товар с места на место, поэтому Джонни ничего не заподозрил. Только когда на него из каждого букета глянуло черное дуло, он автоматически попытался выхватить из кармана игломет. «Стоять! Руки за голову! Живо!» Черные дула находились рядом с целью, так что со стороны Джонни было бы глупо предпринять что-либо активное в надежде на плохую стрелковую подготовку девиц. Игломет был извлечен у Джонни из кармана, при этом белокурая особа так долго елозила в его кармане рукой, что он забеспокоился, неужели ей вздумалось вытащить через карман и то, что к телу Джонни было крепко приделано. К счастью, обошлось. Другая девушка освободила Лолу от несвойственной женщине ноши, то есть от игломета, взятого ею из стола Торна. «Шагай» – приказ подкрепился толчком ствола игломета в спину Джонни, подобным образом приободрили и Лолу.

Девушки-не-промах отвели Лолу и Джонни в кабинет к мистеру Торну, нажавшему неприметную вмонтированную в стол кнопку, едва граби-

тели покинули его с деньгами. Сигнал поступил в торговый зал, а девушки уж знали, что делать.

Появление несостоявшихся грабителей Торн встретил насмешкой:

– Теперь, мисс Харт, я не дам за вашу жизнь, вашу и вашего хахаля, даже мелкоглистика. Где мои деньги?

Одна из девушек положила на стол Торна оба изъятых у неудачливой парочки игломета, пачку ассигнаций и бумажник Джонни.

Торн порылся в бумажнике.

– Пять тысяч кредов, хм... Думаю, это возместит мой урон, моральный и материальный (Торн покосился на разбитый телефон). А вы... Мисс Харт, кажется, не жаждет встречи с арагонскими братьями? Вообще-то я всегда деликатно отношусь к своим клиентам, но вы, мисс Харт, как сами понимаете, вышли из этого почетного списка. Мэгги, я звякну кое-кому от старого Вилли, а вы их тут пока посторожите.

– Лучше их усыпить, – заметила белокурая красавица Мэгги.

– Кто его знает, что скажут арагонские братья, если товар будет не в парном виде, а, так сказать, в замороженном? Мэгги, детка, и ты, Клара, постерегите их тут, но если уж они зашебуршат, делать нечего, убавьте им прыть парой сонных укольчиков.

Сунув иглометы, бумажник Джонни и пачку ассигнаций в ящик стола, Торн вышел.

С минуту в кабинете было тихо, потом как будто заработали меха, это засопела ширококостная Клара (продолговатое лошадиное лицо, крупные

сливовые губы, две жидкие кисточки волос на голове). Недолгое время спустя в горниле запылал огонь. Подмигнув Мэгги и получив ее согласный кивок, безобразная Клара хрипло проговорила:

— Вот что, красавчик, тебе, кажется, немного времени отпущено. Почему бы нам не насладиться друг другом напоследок?

Не теряя времени даром, бесстыдница облокотилась о край стола. Взметнулся накрахмаленный подол с кружевной оборкой.

Мэгги, снисходя к нуждишкам напарницы, разрешила:

— Давай, чего там. Один раз живем.

Джонни стал расстегивать штаны. Клара теперь не могла его видеть, и игломет она положила на стол для удобства, так что за оружие ей еще надо было ухватиться.

Стремительным движением Джонни крутанул руку Мэгги, в которой та держала игломет. Хлопнул выстрел, игла ушла в пол. Мэгги дралась с энергией рассерженной кошки, и Клара успела бы схватить со стола свой игломет, если бы ни Лола. Девушка вцепилась в Кларин игломет, опередив ее лишь на мгновение — та завизжала и принялась выдирать свое оружие из рук Лолы, попутно успев запустить пальцы ей в волосы.

Джонни быстро справился с Мэгги, да иного и не приходилось ожидать. Одну иглу он тут же всадил в нее, и Мэгги стала оседать, закатывая глаза. Вторая игла досталась Кларе. С клоком волос в кулаке уродина повалилась на пол.

Джонни быстро достал из стола свой игломет, бумажник и две тысячи кредитов мистера Торна.

Вместе с Лолой они выбежали из кабинета. Отнятый у белокурой Мэгги игломет тоже прихватили на всякий случай, вдруг не только Джонни, но и Лоле понадобится стрелять.

В торговом зале находился один-единственный человек, худощавый старик нюхал гвоздику из красного шелка. Он желчно проскрипел, обращаясь к Лоле:

– Девушка, вы продавец?

– Продавец сейчас выйдет, – сказал Джонни. – Подождите минутку.

Джонни хорошо знал эту улицу, у перекрестка находилась стоянка грави-такси. Однако за этой стоянкой могли присматривать люди Торна, прикрывая подступы к его логову. Подумав так, Джонни повел Лолу в противоположную сторону.

– Куда теперь? – спросила она.

Он тревожно взглянул на нее. Лола, казалось, совсем упала духом. Лицо ее было бледным, скорбные морщинки лежали у глаз.

– Что с тобой? – притворно удивился Джонни. – Мы же выбрались, и деньжат у нас прибавилось. Еще посмотрим, чья возьмет! Сейчас – в парк Андроника, найдем Серых Волков, а там удерем с Земли. Придумаем, как.

– Ты не останешься на Земле?

– Нечего мне тут делать. Э, вон таксофон. Вызову гравилет. Чтобы на нас не пялили глаза, подождем его в том подъезде.

Они подошли к таксофону, и Джонни стал набирать номер. Занято. Джонни держал в голове номера телефонов диспетчерских различных

таксопарков, и стал пробовать их один за другим. Наконец в трубке раздалось мелодичное:

– Диспетчерская таксопарка «Капелла».

– Мне гравилет на улицу Могильщиков, дом... – Джонни оглянулся, чтобы увидеть номер ближайшего дома.

Лолы рядом с ним не было.

В трубке всполошились:

– Я слушаю вас, сэр. Алло! Алло!

Он кинул трубку на рычаг.

Утащить Лолу насильно никак не могли, без шума это не сделаешь, а ведь она стояла рядом с ним, так что он что-нибудь да услышал бы. Дурочка, она сама сбежала от него!

Джонни ухватился за поручень, тянувшийся рядом с таксофоном. Он сжал кулаки до боли в пальцах. Этой боли ему показалось мало, и он изо всех сил стукнул о поручень ребром ладони, так что будь его кисть из железа, она, наверное, расплющилась бы.

Лола сбежала от него, она бросила его!

И где теперь искать ее?

Да что он торчит тут?

Джонни метнулся к ближайшему подъезду. Вряд ли она побежала по улице, он увидел бы ее, скорее, она притаилась где-то рядом.

В подъезде Джонни услышал как кто-то поднимался по лестнице. Он поспешил наверх, шагая через ступеньку, – и настиг старуху-карака-тицу. «Бабушка, вы не видели девушку, худенькую, черные волосы?» – «Ась?» – «Девушку не видели, никто не поднимался сейчас наверх?» – «Двушку позвонить? Нету у меня двушек, сынок!»

Джонни добежал до верхней площадки, потом понесся назад.

Он должен был как можно быстрее осмотреть все ближайшие подъезды, пока Лола никого не уговорила впустить ее в квартиру.

Джонни бегал по подъездам до ломоты в висках и дурноты. Лола как сквозь землю провалилась.

Присев на дворовой скамейке, он задумался. Где она могла быть, куда она могла податься? Она смотрит на него из окна или, когда он звонил, она села в проезжавший мимо электромобиль и теперь далеко отсюда? Но почему он не услышал ее переговоров с водителем? Или она сейчас... Это было невероятно, бессмысленно, это не укладывалось в голове, но зато эту версию легко можно было проверить.

Спустя четверть часа Джонни оказался у той самой двадцатизэтажки по улице Седьмой Флотилии, где всю прошлую ночь поджидал Лолу.

Улица к этому времени проснулась. Из окна неслись перезвоны бьющейся посуды и визгливая ругань. По тротуару осоловело брели ночные леди, возвращавшиеся отсыпаться в свои осиные гнездышки. Горбоносый джентльмен в мятом котелке мочился на фонарный столб с философским выражением лица. Двое бродяг копошились в мусорном баке, рядом своей очереди дожидалась облезлая кошка.

Джонни вошел в подъезд. Раздражая воздух храпом, Брэд и Рич лежали там, где он их и оставил. Этого следовало ожидать: обитатели дома сочли их за пьяных, а пьяным здесь не было при-

нято оказывать почести в виде вызова санитарной кареты. Труповозкой же дело пока не пахло, ну и ладно, думали проходившие мимо ночные бабочки, безродные старики, полунищие и почти бродяги.

Рядом с нелепо раскинувшим ноги Ричем, сопевшим и подрагивавшим во сне, Джонни увидел Лолу.

Она стояла, бессильно облокотившись о стену и опустив голову, на звуки открывавшейся двери она не обратила внимание, мало ли кто там вошел в подъезд. Она подняла глаза, только когда Джонни подошел к ней вплотную.

— Что же ты наделала, а? — с горечью выдохнул он.

— Я устала, у меня больше нет сил прятаться от них. Что толку, они все равно найдут меня. И зачем только ты в это ввязался!

— Ты забыла, что собирался сделать с тобой вон тот мозгляк, прежде чем убить?

— Думаешь, проститутка упадет в обморок от страха быть изнасилованной?

— Разве ты проститутка?

— А ты забыл, как я продавала себя? Ведь и ты...

— Так ты хочешь сказать, что тогда, со мной... Те семьсот кредитов... Ты просто выманила их у меня, да? А я-то думал...

Лола не выдержала — зарыдала, задрожала плечиками, приникла к груди Джонни.

— Глупенькая ты, глупенькая, — тихо шептал он, прижимая ее к себе. Она как будто что-то хотела сказать ему, но не могла, мешали ры-

дания. А потом оба поняли: не надо слов. И стало вдруг так, что грязные стены с потеками нечистот как бы исчезли, и были в светлой дымке тоски только они одни, окруженные дышавшим опасностью сумраком, ловящие тепло огонька их единения.

Храп Рича резко оборвался, он зевнул, потом задышал почти беззвучно. Действие снотворного, нанесенного на попавшую в него иглу, было на исходе.

– Надо уходить отсюда, – Джонни, мягко отстранив Лолу, крепко сжал ее руку. – Они должны скоро проснуться.

– Куда мы теперь?

– В парк Андроника. Надо выйти на Серых Волков. Они помогут, по крайней мере, мы получим передышку.

Парк Андроника находился на восточной окраине Терригана. Построил его сто десять лет назад император Андроник Первый, восемь лет парк являлся собственностью императора, а потом был подарен Андроником столице. На тысяче акров плодородной земли среди ухоженных рощ поблескивали искусственные озера, на зеленых коврах лужаек паслись лани, в кустах копошились фазаны. Кое-где виднелись маленькие ресторанчики, почти скрытые за густой листвою: «У Джузеппе», «Королевская отбивная», «Гусь и Свинья», «Дядюшка Содом». Решительно все в Терригане знали, что в любом таком ресторанчике можно было, пошептавшись с барменом, выйти на Серого Волка, а там только деньги давай – и пришьет кого надо, и оберечь сумеет.

Джонни и Лола вошли в первый попавшийся ресторанчик, в одноэтажный «Устричный замок». Очертаниями корпуса заведение, в соответствии со своим названием, напоминало устрицу. В ресторанчике людей было мало, по раннему-то времени. Бармен, здоровенный детина с провисшими щеками бульдога, лениво протирает тарелку у стойки. Лола присела за столик, а Джонни подошел к бармену и положил перед ним бумажку в десять кредитов.

— Что будете заказывать, сэр? — нехотя прожевал детина.

Джонни негромко проговорил без обиняков:

— Мне нужны два человека из стаи для особого заказа, деньги при мне. «Стаей» называлось товарищество Серых Волков.

Бармен смолчал, изображая на своем лице удивление, из-за чего его физиономия стала похожа на смятый блин.

— Я подожду за тем столиком, — Джонни показал в зал.

Как будто приняв решение, бармен спросил:

— Девушка с вами, сэр?

— Со мной.

— Она тоже... нуждается в услугах?

— Да, два надежных человека должны поработать на нас обоих. Мы подождем, пока сообразим для нас две порции сухариков с орехами, джем и кофе. Устриц не надо.

— Мы без устриц не отпускаем, сэр, — буркнул бармен. — Да вы не беспокойтесь, вашей десятки хватит на все.

Это «все» прозвучало весьма многообещающе, отметил про себя Джонни.

Он присоединился к Лоле, и через минуту им принесли заказ. Проголодавшийся Джонни принялся уписывать за обе щеки, Лола только пригубила кофе.

— У нас нет денег на Перекати-Поле, как же нам убраться с Земли? — вымолвила она с тревогой.

— У меня есть товарищ, его отец владеет докерской конторой. — Джонни запнулся. — Хороший товарищ. Он это устроит. Нас тишком доставят на звездолет, таможенники не сумеют ничего унюхать, а там ищи нас в космосе.

— Ты думаешь, у нас получится?

— Получится.

Они просидели в ресторанчике довольно долго, все уже было съедено и выпито, но Джонни не проявлял нетерпения: Серым Волкам нужно время, чтобы присмотреться к ним, проверить, не приманка ли они полицейская. Наконец к столику подошел официант и, пополняя стаканчик с салфетками, прошептал: «Выходите наружу».

Джонни и Лола вышли из ресторанчика. Никто не ожидал их здесь. Это на первый взгляд никто не ожидал, решил Джонни. Он медленно повел Лолу под руку к маленькому озеру с берегами, заросшими ивняком. Так и есть, когда они ступили на тропинку, вившуюся у самой воды, их окликнули.

Джонни остановился.

К ним приближался круглолицый румяный здоровяк средних лет. Подойдя вплотную, он спросил кратко:

— Чего надо, приятель?

– Укрытие и два человека для охраны.

– Можно. Деньги за трое суток вперед. Шесть тысяч кредов гони, наличными.

– Что-то дорого. Я слышал, вы берете по триста-четырееста кредов в сутки на каждого охранника.

– Мы по делу смотрим. У этой мисс отца на днях убили, и двое наших там же, при нем, сварились, которые его охраняли. Да, мисс? С вами не заскучаешь, так что меньше чем в шесть тысяч кредов за трое суток вы не уложите.

– Но почему я должен платить за трое суток вперед? А если через сутки вы мне уже не понадобится?

– Это уж у нас такой обычай, меньше чем на трое суток не наниматься. Если захотите, можете расстаться с нами раньше, только денежки за трое суток вперед останутся при нас.

У Джонни при себе было семь тысяч кредов, шесть тысяч из них он, скрепя сердце, передал здоровяку. Приняв деньги, наемник сказал:

– Меня зовут Боб, другого Хью. Он в машине дожидается. Пошли, полетим в одно местечко, там вас сатана не сыщет.

Хью оказался худощавым смуглым малым, угрюмым и похабным. Всю дорогу он хмуро сквернословил, то гравилет трянуло, то полицейский грави-катер вдаль показался, а не то так другие причины находились. Машину он водил мастерски, в воздухе выписывал такие пируэты, что Лолу временами начинало мутить.

– А вот и наша развалина, – буркнул Хью, добавив несколько бессмысленных грязных словечек.

Гравилет пошел на снижение.

Убежище, о котором столь нелестно отзывался Хью, снаружи представляло собой одноэтажный домик из розового кирпича, каких много было вокруг. «Это внешне ничего особенного», — успокоил Боб.

Хью посадил машину у входной двери, и они вчетвером прошли в дом. Боб стал показывать: «Стена, видишь, какая толстая? За кирпичом слой огнеупорной керамики, особый состав. Чтобы в такой стеночке лучеметом пробить дыру с ладонь, нужно целую батарею израсходовать. И дверь укреплена, и крыша». На случай осады в домике содержались значительные запасы воды и продовольствия. В одной из кладовок находилась мощная радиоустановка, ею можно воспользоваться, если телефонный кабель окажется перерезанным. Был здесь и автономный источник энергии, химическая батарея «Уран» промышленного типа.

В домике была единственная жилая комната, а также кухонька и несколько кладовок. Раскрыв дверь в комнату, Хью показал Джонни на большую двухместную кровать:

— Вот, как нарочно для вас приготовлено.

— Хью, замолчи, — Боб взял товарища за рукав и потянул его в коридор, на ходу показывая Джонни на стоявший в комнате холодильник: — Это для вас, берите что пожелаете. Все в оплату вошло.

— Отстань! — Хью раздраженно стряхнул руку Боба.

Наемники вступили в добродушную перебранку. Потом, когда они потащились на кухню подкрепляться, Джонни сказал Лоле:

— Поеду к Фрэнку, это мой товарищ, о котором я говорил тебе. Медлить нельзя. Вероятно, ему понадобится время, чтобы подготовить наш отлет с Земли, так что он должен заняться нашими делами как можно раньше.

Лола страдальчески сдвинула брови.

— Ты оставишь меня с ними?

— Для того я и нанял их, чтобы они постоянно были при тебе.

— Я боюсь их!

— Что за глупости, ты ж не боялась разгуливать по городу ночью и у тебя хватило духа вызывать к себе ненависть Арагонского братства. Интересно, чем могла ты так насолить братству, ведь не тем, что помогала своему отцу? Ладно, об этом после. Я постараюсь поскорее обернуться, хотя не знаю, как получится.

Серые Волки добросовестно относились к своим обязанностям, это было общепризнано, нет оснований беспокоиться за Лолу, подумал Джонни, выходя из одноэтажного домика, так похожего на множество других, разбросанных вокруг.

Мистер Торн, вернувшийся в свой магазинчик, рассвирепел не на шутку. Две девицы, которым он платил большие деньги уж не за то, чтобы они связывали цветочки в букеты, валялись на полу

в его кабинете в весьма вольных позах и громко сопели с закрытыми глазами. Пленники сумели облапошить этих его дур, и теперь... Как хорошо, что человека, через которого он рассчитывал связаться с Арагонским братством, не оказалось на месте. Торну, по крайней мере, не придется объяснять, куда подевалась девчонка, которую он собирался передать братьям арагонцам.

Но только это одно и было хорошо, остальное же выглядело хуже некуда. От обокравшей его парочки исходила опасность, ведь эти двое могли заявиться к нему в другой раз со своими дерзкими требованиями. Так оставлять это нельзя, подумал Торн. Зло пнув ногою белобрысую девку, забормотавшую во сне, Торн прошел в торговый зал, где находился телефон, пощаженный Джонни.

Торн обзвонил своих людей, наблюдавших за двумя ближайшими к его магазинчику стоянками грави-такси и семью таксофонами. Так он узнал номер гравилета, который вызвал Джонни, собравшись лететь на улицу Седьмой Флотилии. Торн связался с диспетчерской и выяснил, где Джонни сошел. Потом он обзвонил диспетчерские всех таксопарков, везде у них были знакомства, и ему стало известно, что двое, чья внешность соответствовала его описанию, были доставлены гравилетом в парк Андроника. Тут след Лолы и Джонни затерялся: из парка Андроника на грави-такси они не вылетали, а проверить другие пути, по которым они могли убраться из парка, Торн не имел возможности.

Этой парочке приходилось горячо, вряд ли они подались в парк Андроника ради развлечения,

подумал Торн. Им, вернее всего, были нужны Серые Волки. А кто, кроме Серых Волков, сумеет выследить тех, кого опекают Серые Волки?

Торн позвонил своему поверенному в щекотливых делах Перекати-Бестии. Кинув взгляд на зеленую лампочку, своим ровным светом утверждавшую, что линия не прослушивается, Торн приказал:

– Бенедикт, ты должен связаться с Серыми Волками. Мне нужны трое, и самые лучшие. Пусть немедленно явятся ко мне, ты знаешь куда, я не могу сейчас поехать в парк Андроника.

Через час перед Торном выросли три Серых Волка: голубоглазый блондин Кит, седеющий Сэм и маленький, юркий Брюс.

Торн был краток.

– Джентльмены, у меня для вас задание. Вы должны доставить ко мне одну девицу, Лолу Харт, с ней мужчина, возможно, она наняла кого-то из ваших. Мужчина меня не интересует. Сколько?

– Вы должны вывести нас на них, сэр, – проговорил Сэм. – Мы не ищейки, мы беремся только за захват и доставку.

– Это я знаю. Итак, сколько?

– По десять тысяч кредитов каждому.

– Не много ли?

– Если этот парень из нашей стаи, значит, будет стрельба.

– Несколько часов глубокого сна так много стоят?

– Разве вы не знаете наших обычаев, мистер Торн? Если Серые Волки встречаются на узкой дорожке, они не расходятся – они дерутся, и упав-

шему перегрызают глотку. Мы честно служим своим клиентам, кто бы стал нас нанимать, если бы мы в схватке только вгоняли друг друга в сон?

– Вот деньги.

В кабинете Торна помимо сейфа, стоявшего на виду, был еще один, вмонтированный в стену и совершенно незаметный, из него Торн извлек необходимые тридцать тысяч кредитов. От Лолы он получил пятьдесят тысяч, так что, избавляясь от ее вымогательств, он оставлял себе двадцать тысяч, а с учетом отнятых у него Лолой с помощью Джонни – семнадцать. Это все же было немалыми деньгами.

Торн в нескольких словах описал Лолу и Джонни, затем сказал:

– Теперь как вам их найти. Они были сегодня в парке Андроника, а может, и до сих пор торчат там. Должно быть, девчонке понадобилось еще несколько лихих ребят из вашей братии. Не мне вас учить, кого в парке Андроника следует расспросить о них.

– Если эта девица как-то вышла на стаю, мы найдем ее, – проговорил Сэм.

От Торна наемники отправились в парк Андроника. Содержатели ресторанчиков и ресторанная прислуга о совершаемых между Волками и их клиентами сделках помалкивали, но это если только расспрашивал не Серый Волк. Сэм, Кит и Брюс без особых сложностей узнали, кого наняла преследуемая ими парочка.

– Я знаю, где берлога Боба, – проговорил Брюс. – Одно время мы с ним работали вместе. Он всегда прятал клиентов в некоем домишке, в районе Астронавигатора Престопа.

— Значит, айда туда, там они все и будут, — проговорил Сэм, которого в группе признавали за старшего.

Джонни не удалось в этот день встретиться с Фрэнком Стауном. В порту, в конторе Стаунов, Фрэнка не оказалось, Джонни сказали, что Фрэнк отбыл на завод за новыми электрокарами, а когда Джонни прибыл на завод, Фрэнка там уже не было, с управляющим они покатали в какой-то ресторан, отметить состоявшуюся сделку. Ресторанов в Терригане было тысячи, и Джонни счел, что лучше наведаться домой к Фрэнку следующим утром, чем искать его по всему городу.

Вернувшись в домик с толстыми стенами, Джонни перевел дух: за время его отсутствия с Лолой ничего плохого не произошло. Нехотя он сообщил ей, что ему не удалось повидаться со своим товарищем. Плеснувший в глазах Лолы огонек надежды тут же погас.

— Завтра я обязательно отыщу его, — твердо сказал Джонни. — А теперь я хочу знать, что же все-таки случилось с тобой, почему тебя приговорили. В Уставе братства записано, что честь арагонца не допускает признания женщины врагом, но тебя...

— Они убили моего отца, — тихо произнесла Лола. — Тогда они меня не тронули, это правда. Отец посмотрел на меня... стоит мне закрыть глаза, и я вижу его лицо в крови... отец посмотрел

на меня, и взгляд его потух. Потом они... отрезали ему голову, и...

– Не нужно это вспоминать. Что было дальше, почему ты приговорена?

– Я не знаю, что на меня накатило. Я... я не знаю, как у меня оказалась обойма со смертельными иглами. Откуда я ее взяла? И вот я стою рядом с бетонной коробкой, которую опутывает осьминог, тело осьминожье наверху, по стенам тянутся щупальца, щупальца стальные...

– Клуб охотников на осьминогов планеты Минкай, система Альтаира, – угадал Джонни экзотическое здание.

– Да, там находится клуб охотников на осьминогов, а принадлежит он Арагонскому братству, это я узнала от отца. Там работал мой отец до самого последнего дня... Я наблюдала за выходом несколько дней. Я хотела узнать, кто же у них главный босс. И я заметила одного. Он всегда прилетал на гравилете, но сам за рулем не сидел, у него был водитель, и перед ним всякий раз распахивали дверь. Иногда он встречался с кем-то у входа, я не слышала, о чем они говорили, но я чувствовала, как все боялись его. Вот кто должен заплатить мне за смерть моего отца, сказала я себе. И я...

– Ты?

– Настал день, когда я выстрелила в него. Я выстрелила в него несколько раз, смертельными иглами. С ним было два человека, один упал, это я точно помню, а он... Не знаю, попала я в него или нет. Гравилетчик развернул машину так, что она загородила его, арагонца... Ко мне побежали. И я побежала по улице. Не знаю, как мне уда-

лось оторваться. Наверное, они боялись, что у меня есть еще одна обойма со смертельными иглами. Или, может, они думали, мол, никуда она не денется?

Джонни ничего не отвечал. По мере того, как Лола рассказывала, он все больше хмурился. Иногда ему казалось, что через отца он смог бы добиться для Лолы прощения, теперь об этом нечего было думать. Она пыталась убить, а может даже убила кого-то из старших братьев, ее участь была решена. О прощении не могло идти и речи, можно было только мечтать о побеге.

У Джонни защемило сердце, и он порывисто обнял ее, и ночь опустилась на них, обьяла их ихними объятиями. В этой ночи говорила жизнь: волна била о скалы и мягко шуршала на отмелях, ветер сплетал травы в венки, под небом звучала лютня, и время от времени из набегавшей тучи на жаждущую пашню обрушивалась лавина дождя.

Неожиданно какой-то посторонний звук вторгся в симфонию жизни, и хрустальный небесный свод рассыпался звенящими осколками.

Джонни очнулся и тревожно взглянул на Лолу.

— Ты слышишь?

Она испуганно приподнялась:

— Что это?

Он поспешно оделся и вышел в коридор.

Боб и Хью с иглометами стояли у входной двери в напряженных позах. На него они даже не взглянули.

За дверью раздалось какое-то шуршанье. По-

том слышался пронзительный свист: кто-то, стоявший снаружи дома, нажал на спусковой крючок лучемета. Через несколько минут свист стал тише, потом стих совсем.

Дверь не поддавалась, вот что все это значило.

Из-за двери раздался голос, приглушенный ее толщей:

– Боб, ты здесь?

– Это ты, Брюс? – отозвался Боб настороженно.

– Боб, те двое с вами?

– Какого черта ты здесь, Брюс Ларсен?

– Нам нужна девчонка, Боб. А тот парень, который с ней, он из наших или нет, я что-то не пойму?

– Убирайся, Брюс, ты мне надоел. Если ты взял деньги, лучше верни. Ты же меня знаешь, не тебе со мной связываться.

– А что ты скажешь обо мне, сынок? – раздался из-за двери уверенный басок. – Узнаешь старика Сэма? Вот что, ребята, лучше отдайте нам девчонку. Вы будете изгнаны из стаи, ну и что с того? Это же лучше, чем умереть.

– У тебя, старый ты хрыч Сэм, опыта побольше, чем у меня, так что ты скорее допрешь, что оно слаще, небо коптить или гнить в земле, – пробурчал Боб.

– У нас «Меркурий» восьмого класса, ты слышишь, Боб?

Боб полупшепотом выругался. Супермощный лучемет «Меркурий» восьмого класса мог разрезать пополам планетолет за минуту-другую; ни стена домика, ни дверь против него не устояли бы. Вот только оставалось непонятно, почему «Мер-

курий» не был применен сразу. Или Серые Волки только стращали им, на самом деле его не имея, или они не хотели расходовать дорогостоящую батарею, в надежде что их противники предадут своего нанимателя?

Боб показал иглометом в сторону кухни: «Выйдем через запасной выход». В кухне они с Хью сняли несколько досок с пола, открылся люк. Покрутив винтовой замок, Боб поднял крышку люка и первый полез в черный колодец.

Все четверо опустились по стальной лестнице в длинный туннель. Боб и Хью пошли вперед, за ними Джонни повел, поддерживая, Лолу. Туннель закончился лестницей, ведущей наверх. Боб поднялся по ней до самого конца; заскрежетал винтовой замок.

Вдруг тишину туннеля разорвали выстрелы, чей грохот был удесятерен гулким эхом. Оказалось, снаружи их поджидали, что явилось полной неожиданностью для Боба: одно время они с Брюсом работали в паре, это так, но Боб никогда не показывал ему тайный выход из домика.

Боб не сумел предвидеть, насколько Брюс был любознателен, и за это поплатился: одна из игл попала в него, и он упал с высоты в шесть ярдов на каменный пол туннеля.

Хью стал отстреливаться. Кажется, он в кого-то попал, кто-то вскрикнул там, наверху, но, сделав десяток выстрелов, Хью мягко упал на колени и завалился на бок.

Джонни потащил Лолу назад. Они поднялись в кухню, и Джонни быстро закрыл люк и закрутил замок.

Едва он распрямился, как на его глазах стена начала оплывать, будто восковая свечка. Он увлек Лолу в коридор, и вовремя: потолок в кухне рухнул, сокрушив нехитрую кухонную утварь.

Почти сразу же закачалась дверь. Джонни толкнул Лолу к стене, и когда дверь повалилась в коридор, выстрелил.

Ослепительный луч, мелькнувший в открывшемся проеме, прочертил по потолку зигзаг и застыл протянувшейся в воздухе огненной нитью.

Джонни и Лола, стараясь не задеть луч, выбрались наружу.

Человек, в которого попал Джонни, еще был в сознании, еще жал на спусковой крючок лучемета, когда они увидели его, но едва Джонни склонился над ним, как плазменная струя, бившая из дула «Меркурия», пресеклась.

— Скорее! — Джонни схватил Лолу за руку и побежал к пятнистому, как шкура леопарда, гравилету нападавших. Он не был уверен, что все они обезврежены снотворными иглами, возможно, кто-то остался сторожить снаружи подземный ход и теперь, уловив поднявшийся шум, мог поспешить сюда.

Хью держал ключи от своего гравилета у себя в кармане, так что Джонни весьма предусмотрительно понесся не к гравилету Хью, а к другому, пятнистому. У пятнистого гравилета дверь оказалась незапертой: нападавшие не предвидели, что так все обернется.

Уже рядом с гравилетом Лола лишилась чувств. Джонни подхватил ее, уложил на заднее сидение, сам сел на место водителя и поднял ма-

шину в воздух. Он погнал гравилет в сторону обелиска Последней Надежды, неподалеку от которого жили Стауны.

Лола пришла в себя в пути. Она окликнула его, и когда Джонни оглянулся, ему в голову пришло, что для них, в сущности, еще ничего не кончено. Для них все только начиналось.

Гравилет леопардовой окраски опустился у дома Стаунов около трех часов пополудни, как говорится, ни свет ни заря. Уж в это-то время Фрэнк должен был находиться дома, как бы долго он ни развлекался в ресторане со своими партнерами и как бы рано он ни отправлялся на работу, подумал Джонни, выходя из машины. Лоле он велел запереться изнутри, в его разговоре с Фрэнком она ничем не могла помочь.

Стауны жили в большом двухэтажном доме современной архитектуры: окна тянулись непрерывными лентами без простенок, никаких лепных украшений, на плоской крыше был разбит садик. Подойдя к двустворчатой двери, Джонни позвонил.

Ему пришлось позвонить еще раз, прежде чем он услышал бормотание заспанного слуги. Джонни назвал:

– Это я, Викентий, Джон Голд. Узнаешь?

– А, мистер Голд! – Викентий, повозившись с замками, распахнул дверь. – Мистер Голд, хозяин велел впускать вас без доклада в любое время. Прошу вас!

Пройдя в холл, Джонни нетерпеливо сказал:

– Викентий, мне нужно срочно повидать Фрэнка. Он, надеюсь, сейчас дома?

– Да, молодой хозяин дома. Но не знаю... он пришел поздно, поздно заснул, не отругает ли он меня, старика...

– Если он примется ругать тебя, распиши ему, как отвратительно настойчив я был. Я подожду его здесь. Он мне очень нужен, Викентий.

– Да, сэр.

Викентий потащился будить Фрэнка. Неизвестно, что же сказал Фрэнк слуге, но, как бы то ни было, вскоре Джонни увидел своего приятеля – заспанного, с помятым лицом и мутными глазами. В холле тут же распространилось зловоние перегара.

Фрэнк вяло пожал Джонни руку и упал в кресло. Не проявляя ни малейшего интереса к причине, которая привела Джонни в его дом в такое время, он принялся зевать и потягиваться.

– Фрэнк, мне надо сматываться с Земли. Мне и моей девушке, – сказал Джонни.

– Так в чем же дело?

– Ты смог бы нам помочь?

– Помочь? – Фрэнк в зевке хрустнул челюстью. – Ты помог мне, как же я не помогу тебе? Знаешь, есть такая планета, Эрон. Отправляйся туда, там туристов пруд пруди, легко затеряться. Двести пятьдесят кредитов в один конец, если вы полетите вдвоем, значит, надо пятьсот кредитов, ну там проживание и все такое... Тысячу кредитов я могу тебе ссудить. Отдашь потом когда-нибудь.

– Ты не понял, Фрэнк, мне не нужны деньги, мне нужно убраться с Земли. Так убраться, чтобы никто не докопался, куда я испарился. Даже

власти ничего не должны знать, ни по каким там справкам портовым или декларациям я не должен проходить.

– То есть ты... я... я должен отправить тебя с Земли контрабандой, хочешь ты сказать?

– Не одного меня, со мной девушка.

– Двоих? О господи! – Фрэнк надолго замолчал, потом промямлил: – И как ты представляешь себе это?

У Джонни появилось неприятное предчувствие, но, не подавая виду, он объяснил:

– У твоего отца докерская контора, так? Значит, вы смогли бы с отцом доставить нас на корабль в каком-нибудь невинном контейнере, под видом сластей или креветок, как тебе будет угодно.

– И что, долго вы проторчите там? Рано или поздно вы оттуда выберетесь и капитан при первой же возможности передаст вас полиции. А моего отца лишат лицензии!

– Твой отец давно занимается своим делом, неужели у него нет знакомых капитанов, чем-то обязанных ему и готовых оказать услугу? От капитана только и требуется, чтобы он высадил нас на какой-нибудь людной планетке, где в порту не очень придираются к путешественникам.

– У моего отца нет таких знакомых, Джонни, – хмуро проговорил Фрэнк.

– Почему бы тебе все же не спросить его об этом?

– Да что там спрашивать-то?

Фрэнк уже не зевал. Он сидел в кресле навозной кучей – широко расставив колени, набычившись, – попробуй тронь.

Джонни, помедлив, пошел быстрым шагом к двери.

— Подожди! — вдруг крикнул Фрэнк ему вдогонку. — Джонни, ты не понимаешь, о чем просишь! Ты не знаешь, какие сейчас «щупаки» у таможни, ты думаешь, это так просто, взял и провез двух человек в контейнере с сосисками? А капитаны... Постой, Джонни!

Это было не упрямство и не горделивая обидчивость. Если бы у Джонни была хоть какая-то надежда, что Фрэнк поможет ему, он не порвал бы с ним вот так. Так уж сказать, Джонни надо было уйти, как только Фрэнк заговорил про деньги: Фрэнк и заикнулся про деньги только потому что догадался, не деньги от него потребуют.

Лола не стала ни о чем расспрашивать, она поняла, что случилось, без слов.

Едва оторвав машину от земли, Джонни увидел, что справа к ним несется гравилет, чей бортовой номер еле светился.

Джонни рванул машину вверх.

Пронесшись около мили, он сделал крутой вираж. Теперь не могло быть сомнений: красный гравилет преследовал их. Кто это был, Серые Волки, полицейские, арагонские братья? Красный гравилет не был полицейским катером, так что вряд ли это полиция. Серые Волки, нанятые Торном? Или тех, напавших на домик Боба, нанял не Торн? А кто их мог еще нанять, кроме Торна, ведь арагонские братья всегда обходились своими силами... Но те, кто преследовал его сейчас, не могли быть наемниками Торна, Торн не мог среа-

гировать так быстро. Значит, за ним с Лолой гнались арагонские братья.

Джонни попробовал оторваться. При управлении гравилетом главное – не менять резко направление движения, чтобы не внести разлад в энергетические контуры двигателя. Но как оторваться, не делая крутые виражи на полной скорости? Хотя Джонни не выходил из аварийной ситуации, и красная лампочка, показывавшая перегрузку, не переставала мигать, ему так и не удалось уйти от погони: его преследовал опытный гравилетчик и машина у него была не хуже, чем у Джонни.

Джонни рванул к горам. Там сложнее маневрировать, но легче будет затеряться. Подлетая к горам, он покосился на шкалу расходования горючего, и его прошиб пот. Баки были почти пусты. В любую минуту бортовой компьютер мог отключить ручное управление и отдать команду автопилоту совершить вынужденную посадку.

Джонни резко сбросил скорость, чтобы сократить расход топлива. Кстати, его преследовали уже три машины, тоскливо отметил Джонни, глянув в смотровой экран.

Как ни странно, преследователи, вместо того чтобы настичь его и обстрелять, тоже замедлили полет. Так вот, что они задумали: они не собирались устраивать ему катастрофу, они хотели, чтобы он посадил гравилет. Им была нужна смерть Лолы, но не его смерть. Допустим, они убили бы его – его отец, Магистр братства, поблагодарил бы их, молодцы, расправились с отступником, а позже... Кто знает, что случилось бы

позже, может, Голд-старший исподтишка стал бы мстить им за смерть сына? Братья-арагонцы не хотели рисковать. Наверное, попади он с Лолой им в руки, они убили бы Лолу, а его доставили бы на суд братства.

Тут Джонни осенило. Братья-арагонцы не получат ни его, ни Лолу.

Он развернул машину, и пятнистый гравилет полетел в сторону города.

АРАГОНЕЦ

— Здесь живет еще один твой товарищ? — спросила Лола не без горечи, когда Джонни повел машину на снижение. Под ними была богатая вилла с садом и высокой оградой вокруг.

— Нет, это мой дом, — проговорил Джонни. — Здесь они до нас не доберутся.

— Ты живешь в этом доме? Но как же...

— Они до нас не доберутся, если нас не выдаст им мой отец.

Джонни посадил гравилет перед будкой привратника. Во время спуска он заметил, как преследовавшие их гравилеты прибавили скорость, должно быть, братья-исполнители догадались, что он собирался сделать. Вот только успеют ли они помешать ему и Лоле забраться в это такое естественное и вместе с тем неожиданное укрытие?

Гравилеты преследователей коснулись земли,

когда Джонни и Лола вбежали в будку привратника.

— Ронни, сейчас будет горячо, — быстро сказал Джонни охраннику. — Тут мне одни ребята наступают на пятки. Их нельзя пропустить в дом, Ронни.

Кряжистый Ронни только слегка сдвинул брови.

— Будьте спокойны, мистер Голд, — проговорил он с неторопливой уверенностью. — Я знаю, что должен делать.

— Я в этом не сомневаюсь, Ронни.

Пройдя с Лолой в дом, Джонни отвел ее в свою комнату. «Это все мое. Побудешь тут пока», — пробормотал он, глядя, как она рассматривает макеты космических кораблей, висевшие на стенах, и как недоуменно смотрит на грудку учебников на столе. «Что сказать матери?» — рассеянно подумал Джонни. Пока он раздумывал, миссис Голд сама пожаловала к нему.

Если бы не ночной чепец, по ее виду невозможно было понять, что она только что встала с постели, она ничуть не выглядела заспанной. Сначала Джонни удивился этому, а потом вспомнил, ах да, он же отсутствовал значительно дольше, чем обычно, ему следовало появиться дома еще прошлым утром, не удивительно, что сон его матери был неглубок. Если она вообще спала этой ночью.

— Мама...

— Кто эта девушка, Джонни?

— Лола Харт, мэм, — представилась Лола при появлении пожилой дамы в чепце и халате, поспешно вскочив с кресла, куда ее Джонни усадил.

На вымученную улыбку девушки миссис Голд ответила куда более живой улыбкой.

— Ты давно знакома с моим сыном, Лола Харт? — спросила Эльза Голд.

— Не то чтобы мы очень давно знакомы, — поспешно сказал Джонни, — но знаем друг друга неплохо.

— Странно, что об этом вашем неплохом знакомстве ничего не знаю я.

— Та уж получилось, мама.

— Что ж, хорошо, что теперь я тоже встрети-
лась с такой милой девушкой. — Покончив с любезностями, миссис Голд деловым тоном добавила: — Вы оба выглядите усталыми, по чашке кофе вам не помешает. Я распоряжусь. — В дверях миссис Голд оглянулась: — Джонни, на минутку.

Они вышли в коридор и прошли в роскошный будуар. Здесь миссис Голд подступила к Джонни с расспросами:

— Джон, как это понимать? Ты приводишь в дом девушку, даже не предупредив меня накануне. И время для ее визита вы выбрали не совсем подходящее, тебе не кажется?

— Мама, знаешь... так случилось... — Джонни с трудом подбирал слова, мучительно нащупывая, какую степень правды в своем ответе ему следует допустить. — Я привел ее сюда, потому что ее преследуют, ее и меня. Сегодня не выходи из дома, пожалуйста.

— Что она натворила?

— Это связано с работой. С нашей с отцом работой.

Мисс Голд проглотила крутившийся на ее языке комок вопросов. Давно, еще в молодости, она уяснила себе, что ей не следует касаться в разговоре чего-либо, связанного с работой ее мужа.

- Я позвоню отцу, – сказала она.
- Он не дома?
- Он уехал на работу затемно.
- Вот видишь, он уже знает обо всем.

Про полицию миссис Голд и не заикнулась. Джонни постоял, помялся. Новых вопросов не последовало. Он развернулся, чтобы пройти в соседнюю комнату, откуда по видеофону можно было связаться с отцом. Тут миссис Голд окликнула его: – Джонни, погоди.

- Да, мама.
- С этой девушкой, с Лолой, ты... какие у вас намерения?

– Я буду просить тебя и отца, чтобы вы разрешили нам пожениться.

– А, это другое дело. Ни в коем случае я не потерпела бы в нашем доме распутства. Она, как я понимаю, пробудет у нас долго?

- Может быть, до свадьбы.
- В таком случае пусть перебирается в ореховую гостиную, это будет ее комната. Я прослежу, чтобы ей постелили там. И кофе туда принесут.

- Хорошо, мама.
 - Теперь я хотела бы поговорить с ней.
- Джонни замялся.
- Вряд ли она сейчас в состоянии разговаривать. Она столько пережила за последние дни...

– Тем более, значит, она испытывает потребность облегчить душу. Не беспокойся, я не причину ей боль.

– Как тебе угодно, мама.

Миссис Голд направилась в комнату Джонни, к Лоле, собираясь по пути отдать необходимые распоряжения, а Джонни двинулся к ближайшему видеофону.

Он набрал номер рабочего видеофона своего отца. Почти сразу же загорелся экран, и Джонни увидел секретаря мистера Голда, брата Мориса.

– Привет, Морис. Я хочу поговорить с отцом.

– Мистера Голда нет в офисе.

– Так ты не видел его сегодня?

– Мистер Голд еще не приезжал.

Джонни оборвал связь.

Неожиданно загудел зуммер: «Опасность снаружи! Опасность снаружи!» Это означало, что все находившиеся в доме охранники должны были с оружием поспешить во двор. Джонни понесся к шкафу за плазменным ружьем.

Когда Джонни и Лола прошли через будку привратника во двор, Ронни, привратник-охранник, нажал на кнопку – и проход перегородила стальная плита с маленьким заделанным прозрачной бронепластмассой оконцем.

И вовремя: в следующее мгновение в будку влетели четверо мужчин весьма решительного вида.

Скуластый лысач выставил напротив оконца лучемер и бросил сквозь зубы:

– Открывай, брат. Нам нужна девчонка, она здесь, мы знаем. А твоего молодого хозяина мы и пальцем не тронем.

– Проваливайте, ребята. Землю Арагона вам не топтать, это я вам точно говорю.

– Мы тут все арагонцы, ты не понял?

– Понял, как же. Убирайтесь.

– Я сожгу тебя вместе с твоей будкой, шелудивый брат!

– Ты поджаришься раньше, чем пробыешь дырку в этой плите!

Ронни сделал едва уловимое движение, нажал на какую-то выпуклость стены, и стена раздвинулась, оттуда выдвинулся пульт с множеством кнопок. Одновременно перед заградительной плитой показались два коротких ствола. Ронни что-то переключил на пульте, и черными зрачками отверстий стволы глянули на лысача.

– Снотворных игл не дождетесь, угощу плазмой, и самой лучшей, – сказал Ронни. – Что, лысый, первым хочешь получить заряд в лоб?

– Ты преградил дорогу арагонцу, стервец!

Лысач рванул ворот рубахи, обнажая волосатую грудь. В воздухе мелькнула пилочка для ногтей. Острым, как зуб змеи, концом пилочки лысач стал торопливо царапать кожу на груди.

Кровавые полосы складывались в звезду Арагона.

Ронни хмуро смотрел на болезненное занятие лысача. Он не мог помешать лысачу включить в своем сознании программу берсеркера, не мог же он применить оружие первым, берсеркеру же мог противостоять только берсеркер, а это значит... Прежде, чем лысач закончил свою работу, в руке Ронни оказался гвоздь. Закатив рукав, он стал выцарапывать звезду Арагона у себя на левом предплечье.

Обе звезды были закончены одновременно. Арагонцы посмотрели в глаза друг другу. Теперь у них хватило бы мужества друг друга уничтожить, пренебрегая и страхом смерти, и чувством принадлежности к единой общности.

Лысач собрался нажать на спусковой крючок. Ему помешал один из его спутников-арагонцев. Выступив у него из-за спины, невзрачный человек с худощавым лицом закрыл ладонью дуло его лучемета.

Лысач зверино оскалился, метнул разъяренный взгляд на худощавого – и опустил руку с лучеметом.

– Не надо спешить, Пак, – проговорил худощавый. – Мы не можем так действовать. Послушай, брат. (Худощавый обратился к Ронни). Теперь видишь, мы действительно из Арагона, а не какие-нибудь грабители, Пак доказал тебе. Эта девушка, которую укрыл в доме твой молодой хозяин, приговорена Советом Магистров к смерти. Мы, арагонцы-исполнители, должны совершить над ней приговор. Вспомни Устав, там ясно сказано, что случается с теми, кто препятствует исполнителям.

– В дом никто из вас не войдет, – буркнул Ронни.

– Я, старший брат Вольф, приказываю тебе пропустить нас. По Уставу...

– Я никого не пропущу.

– Тогда вызови к нам своего молодого хозяина.

– И не подумаю. Он знает о вас, если его здесь нет, значит, он не считает нужным разговаривать с вами.

— Очень жаль, что ты оказался таким тупицей, брат.

Четверо вышли из будки привратника.

— Попробуем пробить защиту, — проговорил Вольф. — Пак, садись в гравилет. Нет, не в свой, а в мой, мой помощнее будет. Норис, Жюль, управляйтесь с Паком.

— Ты думаешь, нам удастся пробиться за защитный экран? — спросил один из арагонцев.

— Посмотрим. Я помогу вам лучеметом.

Трое арагонцев сели в гравилет, и машина поднялась в воздух. Два гравилета остались стоять на земле. Как только гравилет подлетел к ограде, воздух над оградой вдруг загустел и стал ярко-синим, с пробегавшими по нему змейками разрядов. Синева эта имела вид полусферы, накрывшей виллу Голдов.

В месте, где гравилет соприкоснулся с защитным полем, заряды заплясали наиболее бойко. Двигатели гравилета взвыли, наращивая усилие, и купол немного прогнулся в этом месте.

Несколько минут продолжалось противоборство защитного поля и гравилета. Когда стало видно, что гравилету без подмоги не пробить полусферу, худощавый Вольф вскинул лучемет.

Струя пламени ударила в синий купол на расстоянии в несколько ярдов от места, где защитное поле атаковал гравилет. Огненная клякса расползлась по куполу. Электрические разряды побежали к кляксе. Вмятина в полусфере, образовавшаяся в точке соприкосновения гравилета и защитного поля, стала значительно светлее, синева куда-то ушла, и сам прогиб определился значи-

тельное. Защитное поле теперь не могло оказывать прежнего сопротивления гравилету, поскольку часть энергии поля уходила на противодействие плазменному лучу.

Вот в этот момент ожил зуммер в доме Голдов: Ронни, наблюдавший из своей будки за противобойством защитного поля и арагонцев, нажал на кнопку.

Увидев миссис Голд, Лола вскочила с кресла с выражением тревоги на лице.

Такая робость пришлась пожилой даме по вкусу.

— Что, милая, меня испугалась? — Эльза Голд улыбнулась. — Матери Джонни тебе нечего бояться, садись.

Лола подождала, пока миссис Голд устроится в кресле, и только потом опустилась на самый краешек мягкого сиденья.

Миссис Голд опять обнажила в улыбке десны (надо сказать, улыбка не красила ее худое продолговатое лицо, когда она улыбалась, это выглядело как если бы улыбнулась матерая щука).

— Расскажи-ка мне, милочка, — проговорила миссис Голд, — чем ты занимаешься, — учишься, работаешь? И как вы познакомились с моим Джонни?

— Я... работаю. В сфере услуг, — пробормотала Лола. — С Джонни мы случайно познакомились, никто нас не знакомил. — И она надолго замолчала.

ла, не могла же она сказать, что они познакомились в публичном доме.

— А кто твои родители?

— Мои родители умерли.

— Бедняжка, вот почему тебе приходится самой зарабатывать на хлеб. Ну уж мы не допустим, чтобы ты работала, когда вы с Джонни поженитесь. Ты живешь одна или у родственников?

— Одна.

— Школу закончила?

— Да. Первой ступени.

— И то хорошо. Что-то у тебя усталый вид, дочка. Я велела подготовить для тебя комнату, пойдем, провожу. Там ты сможешь отдохнуть.

Лола послушно пошла за миссис Голд.

Когда они проходили по коридору, во всех концах дома проснулись звонки, это Ронни нажал на кнопку у себя в будке. Миссис Голд даже не замедлила шаг. Они вошли в просторную светлую комнату, чей потолок с лепными украшениями хорошо гармонировал с диваном и креслами на гнутых ножках. Мягкие изгибы спинок кресел и дивана, бархатистая материя, обтягивавшая сиденья и спинки, — на голубом фоне серебряные розы, — голографические обои с видом закатного солнца, навевали ощущение покоя и умиротворенности. На диване была сложена постель, рядом стоял столик на колесиках, уставленный закусками, над которыми возвышались две чашки и кофейник.

Миссис Голд показала на постель:

— Будешь отдыхать? Дверь запирается изнутри.

– Нет, мне пока не хочется ложиться.

– Тогда выпей кофе.

Перед тем, как выйти, миссис Голд нажала на неприметную кнопку у двери, и звонок в этой комнате смолк.

Выскочив с плазменным ружьем из дома, Джонни всмотрелся в место возможного прорыва. Там, где гравилет атаковал купол, синеватая дымка продолжала стремительно бледнеть, что означало катастрофическое падение напряжения защитного поля в этом месте.

Справа и слева от Джонни появились человеческие фигуры, это были находившиеся в доме охранники Люк, Мартин, Джим и Ральф, выскочившие вслед за ним. Все они были вооружены, кто плазменным ружьем, кто лучеметом, не считая иглометов со снотворными иглами, с которыми они никогда не расставались.

Раздался хлопок, словно воздушный шарик лопнул. Голубоватое выпячивание исчезло – в защитном поле образовалась дыра. Гравилет осаждавших двинулся в эту дыру, но не успела машина целиком проникнуть внутрь купола, как Джонни выстрелил, секундой раньше крикнув охранникам: «Не стрелять!» Джонни метил в один из двигателей, он не хотел подбивать гравилет, чтобы тот рухнул вниз, как случилось бы, попади он в аккумулятор или в пульт управления. Он не желал смерти арагонцам. Погибни они, и его положение из незавидного станет тупиковым.

Джонни попал куда хотел: ослепительная вспышка на миг скрыла гравилет из глаз, а потом Джонни увидел, как машина стала быстро терять высоту. Гравилет приземлился по ту сторону защитного поля. Получилось то, на что Джонни и рассчитывал: как только один из двигателей гравилета перестал работать, бортовой компьютер переключил управление на автопилот и отдал команду совершить посадку в аварийном режиме.

Человек, стрелявший из лучемета по куполу, убрал палец со спускового крючка, и дыра в защитном поле немедленно затянулась. Защитное поле потеряло видимость, перестав испытывать на себе внешнее воздействие.

Джонни увидел, как выбравшиеся из гравилета люди приблизились к человеку с лучеметом. Послышалась яростная ругань. Когда арагонцы истощили запас ругательств, один из них подошел к решетчатым воротам и крикнул:

— Джон Голд,пусти меня, я хочу говорить с тобой! Я — Вольф, имею звание старшего брата, я здесь по поручению самого Магистра-Исполнителя!

— Лучше я сам подойду, — отозвался Джонни.

Он подошел вплотную к воротам, конечно, оставшись в пределах защитного купола.

— Вот что, Голд, мое предложение такое, — проговорил Вольф. — Выдай нам девчонку, и мы удаляемся. Меня накажут за то, что ты останешься здесь, но это все же лучше, чем если мы перестреляем друг дружку, так ведь?

— Лолу Харт я не выдам, и не мечтай.

– Ты идешь против братства, идиот! Выдать ее – твой единственный шанс остаться в живых. Я не могу ручаться за своего Магистра, но мне кажется, если ты не станешь упрямитесь, он замнет это дело.

– Не тебе обо мне тревожиться. Убирайся ко всем чертям вместе со своей сворой, старший брат Вольф!

– Вспомни об отце, сосунок! Думаешь, он сумеет сохранить свое положение в братстве?

– Зря стараешься, лучше побереги свою глотку для Магистра-Исполнителя. Все, убирайся, надоел.

Джонни, не оглядываясь, зашагал к дому. Он ожидал, что арагонцы-исполнители усядутся в свои гравилеты и отчалият с докладом к шефу исполнительного гнезда, но нет, у самой двери он увидел, как напряглись лица охранников, как дрогнули их руки с оружием.

Джонни развернулся с быстротой ящерицы.

Теперь осаждавшие поливали защитный купол плазмой из четырех лучеметов. Напротив того места, где должна была образоваться дыра в куполе, в воздухе висел гравилет. На этот раз он не давил на защитный купол – арагонцы собирались сначала проделать в куполе дыру, а уж потом бросить туда машину. Гравилет не давил на купол, поскольку, работая сразу четырьмя плазменными лучами, можно было его задеть, находишь он рядом с куполом.

Этот гравилет, конечно, был не тот, подбитый Джонни; подпорченная машина осталась на земле. Не дожидаясь, пока в куполе образуется дыра, Джонни выстрелил по зависшему в воздухе грави-

лету (купол изнутри был проходим для плазмы). На этот раз он промазал. Он выстрелил опять — и опять мимо. Джонни начал догадываться, что происходило: плазменный сгусток отклонялся сильным защитным полем гравилета. Должно быть, когда он шагал к дому, арагонцы-исполнители успели перенести в этот гравилет генераторы защитного поля, установленные на оставшихся на земле гравилетах.

Джонни дал команду своим людям взять на прицел находившийся в воздухе гравилет. Теперь оставалось ждать. Когда только гравилет исполнителей пересечет защитное поле, он отдаст команду на уничтожение. Даже усиленное защитное поле гравилета арагонцев не выдержало бы ожидавшего его шквал огня.

Сосредоточивший все внимание на гравилете исполнителей, Джонни заметил прилетевшую со стороны центра города машину, только когда та пошла на посадку. Серебристо-серого цвета гравилет представительского класса опустился перед самыми воротами усадьбы Голдов.

Выйдя из своей машины, Чарльз Голд в сопровождении двух телохранителей, Джо и Роджера, направился к Вольфу. Еще до того, как он подошел, арагонцы прекратили обстреливать защитный купол и их гравилет пошел на снижение.

Джонни увидел, как ссутулился Вольф, склоняя голову перед Магистром. Чарльз Голд бросил исполнителю несколько слов, и тот молчаливо кивнул.

Сев по машинам, исполнители улетели. Один гравилет они оставили-таки, тот самый, подбитый Джонни.

Чарльз Голд направился к будке привратника.

Джонни поджидал отца у входных дверей. Чарльз Голд не спеша шел к нему, пугающий в своей неторопливости, и в душе юноши пробудились детские страхи. Что-то скажет ему отец? Но ведь он не провинился, он поступил так, как должен был поступить арагонец, чего же он боится?..

Приблизившись, мистер Голд жестом отослал охранников и угрюмо произнес:

— Что ты наделал? Ты отдаешь себе отчет, дурная голова, что ты наделал?

— Разве не долг арагонца защитить того, кого любишь, разве честь арагонца не требует этого?

— Небо Арагона над ними, над нашей честью и над нашей похотью. Она приговорена, значит, должна умереть. Какие еще могут быть вопросы?

— Ее несправедливо приговорили к смерти. Да, я знаю, что она сделала, можешь не говорить, она стреляла в старшего брата или даже в Магистра. Но ведь накануне исполнителями был убит ее отец, как она думала, по слову человека, в которого она стреляла. Она проявила качество арагонца, она вошла в Арагон, разве таких наказывают?

— Отвага почтенна в глазах любого арагонца, но отвага врага любому арагонцу ненавистна. Девид — враг Арагона, она осмелилась стрелять в арагонца. Нам нет дела до того, насколько она мстительна, храбра или сексуальна. Она должна умереть, таков приговор, и точка. А теперь скажи, как быть с тобой, как мне тебя из всего этого выпутать?

Джонни поднял глаза.

– Если вы собираетесь ее убить, вам придется убить нас обоих.

– Ах, как прекрасно! Мальчишка! Ты думаешь, я не сумею справиться с тобой, не убивая тебя?

Игломет оказался в руке у Чарльза Голда в мгновение ока. Боевая выучка у старого арагонца была классная, что всегда являлось предметом восхищения Джонни.

Губы юноши дрогнули в невеселой усмешке.

– Да, ты можешь меня усыпить, – проговорил он. – И что, будешь колоть меня снотворными, пока я не умру от старости? Как только я пронусь, если она будет убита... Ты меня не удержишь, увидишь.

– Ничего ты с собой не сделаешь, я найму лучших психиатров Терригана, они избавят тебя от мании самоубийства.

– Для этого им придется разрушать мою личность. Я все-таки урожденный арагонец.

Мистер Голд скрипнул зубами. Мальчишка выиграл первый раунд. Слова Джонни о его решительности и о смерти, надо признать, не были пустой болтовней влюбленного дурачка – это были слова арагонца, причем урожденного арагонца, то есть человека, которому в раннем детстве вогнали в голову гипнозом, психотропными препаратами, медитацией специальный код, делавший из землянина арагонца. Его сын и в самом деле имел в себе силы идти до конца, и чтобы уничтожить эту его решимость, действительно, пришлось бы его пропустить через такие психиатрические жер-

нова, что от теперешнего Джонни на выходе мало что осталось бы.

Чарльз Голд сунул игломет в карман и, обойдя Джонни, как какое-нибудь дерево, вошел в дом.

На подоконнике в кабинете мистера Голда стоял изящный горшочек с раскидистым комнатным растением с Аполлония, планеты системы Сириуса. Это растение называлось «заячьи уши» – за продолговатые большие листья, густо покрытые длинными волосками. «Заячьи уши» были дорогим и весьма полезным растением. Поглаживая его листья и, ощущая кожей слабые электрические разряды, мистер Голд стал успокаиваться.

Восстановив душевное равновесие, он подошел к столу и опустился в кожаное кресло.

Что теперь? Первый шаг, который он собирался сделать на пути разрешения возникших перед ним проблем, ему не удался: убить Лолу Харт оказалось не так-то просто. Проклятие, уже приговоренная, уже стоявшая у края могилы, эта девчонка отчаянно сопротивлялась, хваталась цепкими пальцами за его сына!

Где-то на обочине сознания у мистера Голда возникла мысль, что потом, когда все завершится, ему надо будет тщательно расследовать всю эту историю с самого начала. Как получилось, что его сына отравили исполнять приговор над девчонкой, которая была ему знакома? Уж не специально ли это было подстроено, уж не преследовалась ли тут цель спровоцировать Джонни на предательство интере-

сов братства, чтобы тем самым бросить тень на него, Чарльза Голда? У Чарльза Голда как и у всякого человека, чего-то добившегося в жизни, хватало врагов, в том числе у него было и немало недоброжелателей внутри братства, так что он не проявлял излишней подозрительности, думая так.

Но ладно, оставить это, это потом, одернул себя Чарльз Голд, возвращаясь мыслями в настоящее. Ему необходимо немедленно принять какое-то решение по текущей ситуации.

Мелодично запел звонок видеофона. Кто-то вызывал его. Чарльз Голд взглянул на кодированный номер – на связь с ним пытался выйти Энтони Криз, Магистр-Исполнитель. Ну как же, от кого еще мог быть первый звонок в этот день.

Магистр Голд нажал кнопку, и со вспыхнувшего экрана на него уставился седоволосый мужчина в строгом костюме. Энтони Кризу было далеко за пятьдесят, но выглядел он лет на сорок – сорок пять, не больше. Специальные физические упражнения, диета, медитация, массаж, периодические дорогостоящие курсы профилактики в Имперском Институте Здоровья и Долголетия делали чудеса.

– Эй, Чарли, у меня проблемы, – проговорил Энтони Криз нарочито бодрым тоном. – Я там поручил своему парнишке, Вольфу, разобраться с одной девицей, Лолой Харт, помнишь, мы ее приговорили на днях. Так вот, твой сынок вперед Вольфа заарканил эту потаскушку. Не ворочай бровями попусту, Чарли, будто бы ничего не знаешь. Давай договоримся по-товарищески, ты мне передашь девчонку, а я буду считать, что на тво-

его сынка нашло временное умопомрачение. Чтобы мои люди не болтали лишнее, поместишь его в клинику на пару месяцев, и все.

— Ты хочешь, чтобы я выдал тебе того, кто нашел убежище в моем доме? — Чарльз Голд пристально посмотрел на Магистра-Исполнителя. — Я араговец и ты араговец, Энтони, что же ты мне предлагаешь такое?

— А что ты можешь предложить мне?

— Хотел бы я знать, что тебе предложить! — Мистер Голд надолго задумался. — Допустим, я пообещаю тебе, — произнес он медленно, — что она умрет здесь, в моем доме, и ты получишь ее голову. Только это будет не так скоро, пожалуй, недели две мне понадобится, чтобы все устроить. Что ты на это скажешь, а?

— Это невозможно, Чарли, — отрезал Энтони Криз без размышлений. — Она должна умереть сегодня. Сегодня кончается срок, отведенный мне для этого дела Советом.

— За один день я не управлюсь, мой сынок втюрился в нее по самые уши, а лучше сказать — по самую задницу. Мне придется крепко попотеть, чтобы вразумить его.

— Извини, Чарльз, я не могу ждать. Да и вообще, исполнить приговор обязаны мои люди. Я и так тебе предлагаю немало, выдай мне девчонку — и я забуду про проделки твоего сына, что же тебе еще нужно?

Чарльз Голд покачал головой.

— Выдать ее я тебе не могу, это исключено. Раз уж она оказалась в моем доме, я должен сам ее убить.

Энтони Криз раздраженно выставил подбородок.

– Я немедленно шлю рапорт Магистру-Секретарю.

– Как тебе угодно, Энтони.

Магистр-Исполнитель оборвал связь.

Мистер Голд нервно забарабанил пальцами по столу. Энтони Криз теперь закусил удила, но разве мог он, Чарльз Голд, разговаривать с ним иначе? Криз добивался от него, чтобы он выдал Кризу девочку, какое вздорное требование! Или он, Голд, не Магистр, или он не арагонец? Выдача, что бы она собой не представляла, – одна из разновидностей предательства. Криз, должно быть, рехнулся, раз осмелился предложить Чарльзу Голду такое.

В какой-то момент Голду подумалось, что теперь он, кажется, лучше понимает своего сына, нежели когда ему сообщили о случившемся.

Тишину пререзал звонок видеофона. Чарльз Голд нажал кнопку связи – и почтительно встал, увидев на экране лицо *Андре Бостона*, Магистра-Секретаря. Андре Бостон, маленький морщинистый старик с чуткой мордочкой суслика, обладал громадным авторитетом среди арагонцев. Хотя при голосовании в Совете он имел, как и остальные Магистры, только один голос, все Магистры негласно признавали его главенствующее положение в братстве. Надо сказать, Андре Бостон, поддерживая доброжелательное отношение с каждым из Магистров, никогда не ставил свой авторитет поперек воли большинства Совета, должно быть, в этом и заключалась основа его влияния.

– Что там у тебя, Чарли? – устало проговорил Магистр-Секретарь. – Мы же решили, ты должен был убить ее до звонка Криза. Криз только что сообщил мне, что она еще жива, неужели это правда?

– Это правда, – эхом отозвался Чарльз Голд.

– Плохо, Чарли. Что помешало тебе?

– Джон влюбился в нее, не оторвешь. – Внезапно мистер Голд грохнул кулаком об стол, и с губ его сорвалось ругательство.

– Ты хочешь сказать, что не смог справиться со своим сыном?

– Он настоящий араговец, мистер Бостон. Как там в нашей песне поется, «путь арагонца – путь клинка, влетевшего в огонь небес».

– А ты сам, Чарльз Голд, араговец или нет?

– Допустим, я могу сломать его, но... я отец, и мой долг – сохранить для Арагона сына.

– Я понимаю, он нужен тебе: «дуб без ветвей – трухлявый пенёк». Но ты должен хорошенько подумать, Чарли, а что он такое – твой сын. Твой сын-отступник... Да, да, не перебивай. Энтони Криз обещал прислать мне рапорт немедленно, думаю, его скоро доставят. И тогда я буду вынужден собрать Совет. Мы можем быть мягки и гибки в этих стенах, наедине друг с другом, но не в Совете, не в стенах Арагона. Ты понимаешь, какое решение примет Совет?

Чарльз Голд опустил голову.

Андре Бостон сказал:

– Я должен буду собрать Совет, если у меня в руках окажется рапорт Магистра-Исполнителя, но... Всякое может случиться, какое-нибудь не-

отложенное дело вдруг да и вызовет меня из кабинета и продержит у себя до самого вечера. Ночью по Уставу Совет не собирается. Таким образом, у тебя будет время поговорить с каждым из Магистров по отдельности, может, тебе удастся настроить их в пользу твоего сына.

Чарльз Голд, для которого всякая отсрочка была благом, с признательностью начал:

— Сэр, я так обязан вам...

— Подожди, Чарли, я еще не все сказал. Я помогу тебе, но не ради тебя, а ради братства, ради Арагона. Я помогу тебе, если ты немедленно сделаешь это. Ты понимаешь, о чем я говорю.

— Сэр, я не...

— Чарли, ты должен убрать ее в течение ближайших нескольких минут и сразу же позвонишь мне, только в этом случае рапорт Энтони Криза не попадет сегодня ко мне в руки. Если Энтони Криз опередит тебя со своим рапортом, мне придется сегодня собрать Совет. Твоего сына ждет не самый мягкий приговор, подумай об этом, Чарли.

Экран видеофона погас.

Чарльз Голд с уважительным изумлением покачал головой. Вот он какой, Магистр-Секретарь, и любезность готов оказать, и никак не скажешь, что он преследует какую-то личную выгоду. Впрочем, чтобы использовать шанс протянуть время, на который указал Андре Бостон, надо было торопиться.

Чарльз Голд позвонил в апартаменты жены. Трубку подняла миссис Голд. «Эльза, ты мне нужна. Я в кабинете». Через минуту Эльза Голд вошла в кабинет мужа.

Не дожидаясь его слов, она сказала:

— Чарльз, эта девушка такая милая, мне кажется, наш сын сделал правильный...

— Садись и слушай, что я тебе скажу, — оборвал супругу мистер Голд. Когда она, заметно побледневшая, опустилась в кресло, он ровным тоном произнес:

— Эльза, ты знаешь об этой девушке далеко не все. Она несколько дней назад пыталась всадить в меня кассету ядовитых игл. Заметь, смертельно ядовитых, а не снотворных. Меня спас бронежилет, один мой сотрудник погиб.

— Это невозможно, Чарльз...

— Ошибки быть не может. Да она и сама, я думаю, не станет это отрицать, если ты спросишь ее об этом прямо.

— Но почему... что...

— Ее отец работал у меня и с ним произошла одна неприятность, в которой виноват только он сам. Он умер, ее отец, а ей втемяшилось в голову, что это я виновен в его смерти. Она выследила меня и попыталась убить. Сама понимаешь, это нельзя было так оставить. Привлечь ее к ответственности помешал наш сынок.

— Джонни не знает, что она наделала!

— Знает, хотя, возможно, не все. Но в любом случае, мы не должны судить его строже, чем ее. Он ослеплен своей дурацкой похотью, что с него спрашивать. Плохо не то, что он не сумел отказаться от нее ради меня, а то, что теперь из-за нее его жизнь в опасности. Защищающий преступника сам становится преступником. Мы можем потерять Джонни, Эльза.

Миссис Голд только что готова была разразиться проклятиями в адрес своего сына – но теперь, услышав, что Джонни угрожает смертельная опасность, запричитала:

– О боже, боже, боже! Что же делать, отец? Я готова собственными руками задушить эту сучку!

– Ты не должна марать о нее руки, предоставь мне решить ее участь. Вот что от тебя требуется, Эльза. Поговори с Джонни. Убеди его, что он сделал ошибочный выбор. Он должен сам отвергнуть ее, иначе, если с ней что-то случится, он возненавидит нас.

– Я сейчас же поговорю с ним.

– Да, иди. Кстати, где она сейчас находится?

– В ореховой гостиной. Они вместе.

Как только миссис Голд покинула кабинет мужа, Чарльз Голд набрал код, и на экране возникло изображение ореховой гостиной. Одновременно включились скрытые в ореховой гостиной микрофоны.

Джонни и Лола сидели на диване плотно прижавшись друг к другу. Мистер Голд прибавил громкость – нет, они не разговаривали. Тут появилась миссис Голд:

– Джон, пойдем-ка.

От Чарльза Голда не скрылось пробежавшее по лицу Джонни тревожное облачко.

– Куда, мам? – спросил Джонни.

– В мою комнату, я хочу сказать тебе кое-что. Не бойся, с ней, – миссис Голд даже не потрудилась посмотреть на Лолу, – ничего не случится.

Мать вышла из комнаты.

Мистер Голд взял лицо Лолы крупным планом.

О, холодность матери Джонни произвела впечатление на Лолу Харт. Девчонка сначала растерялась, потом лицо ее осунулось, даже синева под глазами как будто стала четче.

Мистер Голд подошел к шкафчику с множеством ящичков, на каждом из которых около ручки находился код замка. Набрав один из кодов, Чарльз Голд выдвинул ящик и вынул из него красную кассету для игломета. Индикатор кассеты показывал цифру «1», значит, только одна игла оставалась в кассете. Красный цвет кассеты указывал на то, что на иглу был нанесен смертельный яд. Из этого же ящика мистер Голд извлек игломет и вставил кассету в обойму. Положив игломет в карман, мистер Голд закрыл ящик на кодовый замок и подошел к своему письменному столу. Из стола он достал еще один игломет, проверил обойму, в ней находилась красная кассета. Этот игломет мистер Голд положил на стол, после чего позвонил.

Вошел охранник.

— Роджер, садись, — Чарльз Голд показал на кресло, стоявшее напротив экрана видеофона. — Ты узнаешь эту комнату? — Он ткнул пальцем в экран.

— Ореховая гостиная.

— Верно. Сейчас я пройду туда, мне нужно поговорить с этой девушкой. Разговор будет не из легких. Скажу прямо, всякое может случиться, но ты должен проявлять хладнокровие. В твоей помощи я не нуждаюсь, запомни. Вот если только она выстрелит в меня, тогда ты должен будешь вмешаться, тогда, и не раньше. Ты молчишь? Это

хорошо. Вот игломет, на столе, видишь? Заряжен иглами со смертельным ядом.

– Я должен буду убить ее?

– Только если она выстрелит в меня. Вопросы еще есть?

– Нет, сэр.

– Да, вот что. Я нажимаю на эту кнопку, видишь? – Мистер Голд включил видеозапись всего, что происходило на экране, видеозапись без записи звука. – Перед тем, как тебе выйти из комнаты, если ситуация вообще заставит тебя выйти, ты должен будешь нажать на нее.

Лола сразу узнала его, человека, в которого она стреляла, – и вздрогнула так, словно ее ошпарили кипятком. До этого безжизненно раскинувшаяся в кресле, теперь она сидела прямо, как будто кол проглотила, напряженная и потрясенная. Из разговора с Джонни она выяснила, что его отец – видная фигура в Арагонском братстве, но ни Джонни, ни она не предполагали, что Чарльз Голд – тот самый человек, в которого ей довелось стрелять.

– Вы, кажется, узнали меня, мисс? – проговорил Чарльз Голд насмешливо.

– Уходите! – взмолилась она.

– А говорят, у особ женского пола в розовом возрасте частенько с памятью нелады бывают. Видно, не у всех. Вы, наверное, сейчас спрашиваете себя, что я делаю здесь, в этом доме, или вы из догадливых? Не буду вас мучить, мисс. Я – отец

Джонни, мое имя Чарльз Голд. – Полюбовавшись произведенным эффектом, мистер Голд продолжил: – Оказывается, вы прехорошенькая, мисс убийца. Надо же, у такого уродливого типа, каким был ваш отец, смогла родиться такая милашка дочь. Это даже наводит на определенные мысли. Может, старина Мартин нашел вас в капусте?

Сделав паузу как бы для того, чтобы девушка сумела осознать его скабрёзности, мистер Голд сказал:

– Ты и характером на своего отца не похожа, тот был парень простой. Признаюсь, тебе удалось многого добиться, моего сына одними голыми ляжками не прельстишь. Можешь радоваться, он умрет вместе с тобой. У тебя все же получилась твоя месть, так что поздравляю.

– Я не хочу, чтобы вы его убили! – воскликнула Лола.

– Не хочешь? Или я ослышался? Интересно, а зачем тогда ты, без пяти минут мертвячка, приклеила его к своей п..?

– Я не знаю, почему он полюбил меня, за что, – прошептала Лола едва дыша.

Арагонец, посерьезнев, долго молчал, меряя шагами пятачок у двери. Потом он проговорил:

– Если хочешь, я могу подсказать тебе, как ты можешь сохранить ему жизнь. Не сомневайся, в моем совете не будет лукавства, ведь мне самому не хочется, чтобы ты утянула его с собой.

– Что я должна сделать?

– Убить себя. Арагонцам-исполнителям я скажу, что он убил тебя, и он будет прощен. Конечно.

но, я бы мог шлепнуть тебя и сам, но этому есть маленькое препятствие: я не хочу ссориться с Джонни.

– Хорошо, я сделаю это. Но у меня нет оружия.

– Вообще-то ты могла бы догадаться повеситься на чулке, проткнуть себе глаз вот этой вилкой так, чтобы острые кончики дошли до мозга, или еще что-нибудь придумать, но пожалеем твое изображение. – Мистер Голд достал из кармана игломет и открыл обойму. – Видишь, красная кассета? В кассете – одна единственная игла. Для тебя. Держи!

Лола вялой рукой приняла игломет. Поднявшись с кресла, она стала с каким-то странным удивлением разглядывать его, словно видела это оружие впервые.

– На пленке будет видно, как ты сама целишься в себя, а Джонни мы скажем, что ты нашла игломет в ящике комода, – пояснил мистер Голд. – Теперь стреляйся, а я пошел.

У двери арагонец оглянулся. Лола все еще рассматривала игломет, будто силясь сообразить, как им пользоваться.

– Давай, давай, – приободрил ее мистер Голд. – Забыла, где находится спусковой крючок? Вот достойная дочь своего отца, тот всадил себе в сердце нож, хотя у него с собой был игломет с полной кассетой.

На лице Лолы обозначилось недоумение.

– Так мой отец сам убил себя? – Она была уверена, что его убили ударом ножа в сердце исполнители.

– Да, он умер сам. Наши люди только отрезали ему голову.

Девушка судорожным движением наставила игломет на арагонца.

Мистер Голд приметно вздрогнул.

– Что это за штуки? – возмутился он с нотками страха в голосе.

В облике Лолы появилось нечто такое, что стало ясно: сейчас она выстрелит.

И вдруг она приставила дуло игломета к своей груди и нажала на спусковой крючок.

По лицу девушки разлилась смертельная бледность. Колени ее подогнулись, и она мягко упала на ковер.

Мистер Голд, помедлив, поднял игломет, выпавший из руки Лолы, вышел в коридор и пошел в свой кабинет.

Роджер сидел там, куда его посадил мистер Голд, и послушно смотрел на экран.

– Роджер, эта дуручка потеряла сознание, – проговорил Голд. – Пойди, приведи ее в чувство, нечего ей валяться на полу, растопыриваться ляжками.

Мистер Голд проследил по экрану, как Роджер перенес Лолу на диван, где она и пришла в себя. Когда она приподнялась, мистер Голд отключил камеру. Экран видеофона погас, после чего араговец включил механизм, стирающий сделанную видеозапись.

Он был недоволен. Его затея сорвалась: он хотел, чтобы Лола Харт выстрелила в него, а она выстрелила в себя. Жаль, жаль, ведь замысел был неплох: девчонка стреляет в него, он падает, Роджер несется в ореховую гостиную и убивает дев-

чонку. Джонни показывают запись, как Лола Харт стреляет в его отца, и это заставляет Джонни возненавидеть ее. Мистер Голд в бессознательном состоянии попадает в клинику. Он не умирает только потому, что время от времени проходил курсы специального фармако-рефлекторного воздействия, которое снижало восприимчивость к яду, нанесенному на красные иглы. Потом мистер Голд, конечно, сказал бы, что он именно этого и добивался, чтобы Лола Харт убила его, он не хотел жить, имея такого скверного сына. Джонни глубоко раскаивается в своих ошибках. Занавес.

А игла в игломете, из которого стреляла Лола, конечно, была особая: она была красной, это так, но никакого яда, ни снотворного, ни смертоносного, на нее не было нанесено. Мистер Голд не хотел рисковать, кто знает, а вдруг эти его фармако-рефлекторные курсы ничуть не помешали бы ему отправиться на тот свет, всади в него Лола Харт смертельную иглу. «Интересно, получилось что-нибудь у Эльзы?» – подумал Чарльз Голд и включил камеру, установленную в гостиной его жены.

Миссис Голд сидела у стола в страдальческой позе, свесив голову и прижимая ладони к вискам. Она была одна.

Чарльз Голд включил микрофон.

– Эльза, где Джонни?

Она медленно повернула голову к камере и проговорила бессильно:

– Он только что вышел. К ней пошел, куда же еще.

– У тебя ничего не получилось?

– Ничего. – Она закрыла лицо руками, и пле-

чи ее задрожали. До мистера Голда донеслось сквозь рыдания: — Она ведь могла убить тебя, а он... Он не знал, что она стреляла в тебя, но когда я сказала ему это, он... он не проклял ее, он промолчал!

Мистер Голд прервал связь и вызвал Роджера.

— Роджер, возьми игломет, — он показал глазами на стол, где все еще лежал игломет, которым он прежде велел воспользоваться Роджеру, если Лола Харт выстрелила бы в него. — Ты, Джо, Джим и Люк, вы вчетвером сейчас пойдете в ореховую гостиную. Ты должен убить девушку, которая находится там, ты видел ее на экране. С ней мой сын, если он попытается помешать вам, скрутите его.

Роджер вышел, и мистер Голд набрал код ореховой гостиной.

На экране он увидел ее и его. Они не обнимались, нет, они просто смотрели друг на друга. Мистер Голд включил звук. Они смотрели друг на друга и молчали. Арагонец потупил взор.

Потом он услышал какой-то шум и голос Роджера:

— Господин, мне приказано убить ее.

Мистер Голд посмотрел на экран.

Джонни стоял, заслоняя собою Лолу Харт. В руке у него был лучемер.

А перед ним топтались четыре охранника с угрюмыми лицами.

Чарльз Голд сказал в микрофон:

— Роджер, я отменяю свой приказ. Возвращайтесь по местам, ребята.

Мистер Голд выключил видеофон, и почти немедленно раздался звуковой сигнал. Арагонец

покосился на табло, где высвечивался код желавшего связаться с ним абонемента. Сейчас это был код помощника Магистра-Секретаря.

У Голда стало тоскливо на сердце. Магистр-Секретарь сказал ему, что он должен поторопиться, и он не успел, он бестолку провозился с девочкой столько времени и так и не сумел убить ее. Рапорт Энтони Криза поступил к Магистру-Секретарю, вот что означал этот звонок. Шальная мысль промелькнула в голове арагонца – а что, если проигнорировать звонок? Ничего из этого путного не выйдет, тут же подумал он, его исчезновение отнюдь не расположило бы в его пользу членов Совета Магистров.

Мистер Голд нажал на кнопку связи.

Помощник Магистра-Секретаря, молодой человек со смазливим лицом «мечта гомосексуалиста», отчеканил:

– Сэр, совет соберется ровно в полдень в перламутровом зале «Звездного глобуса». Сможете ли вы прибыть?

Вопрос «Сможете ли?» был данью вежливости, не прибыть мистер Голд не мог. Буркнув «буду», он выключил видеофон.

Араговец осушил у бара рюмку горячительного, снял шерстинку с костюма перед зеркалом и двинулся к двери.

Клуб любителей космических путешествий «Звездный глобус» находился за городом, в живописном зеленом районе «Тропаринус». Здание

клуба представляло собой тридцатипятиэтажную «свечку» с укрепленным на крыше светящимся голубым шаром. На поверхности шара горели ослепительные точки-лампочки, изображавшие звезды.

Помещения клуба были завалены всевозможными картами, схемами, маршрутками, путеводителями-малютками и толстенными томами-путеводителями, различного формата фотографиями иноземных пейзажей. Сотни людей корпели перед экранами компьютеров в сотнях комнат, составляли новые карты, прочерчивали новые маршруты, монтировали новые фильмы-путешествия. Целью всей этой работы было предоставить возможность семерым членам клуба путешествовать по космосу, не выходя из здания «Звездного глобуса». В тридцатипятиэтажной громадине было оборудовано несколько залов, где с помощью новейших достижений науки создавалась полная иллюзия космического путешествия – тут тебе и романтика без бытовых неудобств, и безопасность.

Такова была внешняя сторона закрытого клуба «Звездный глобус», клуба, насчитывавшего всего семь действительных членов, на которых приходилось шестьсот человек obsługi. Но была у клуба «Звездный глобус» еще и внутренняя сторона: семь членов клуба являлись семью Магистрами Арагонского братства, составлявшими Совет Магистров; нетрудно догадаться, что именно в здании клуба и собирался Совет; здесь же размещались аппарат Магистра-Секретаря, архив и казна Арагонского братства.

Когда Чарльз Голд вошел в перламутровый зал, он увидел пять своих коллег из шести. За

круглым столом сидели: прямо напротив входа Магистр-Секретарь, справа от него – Энтони Криз, Магистр-Исполнитель, при появлении мистера Голда с каменным лицом уткнувшийся глазами в стол, и Джон Силбер, Магистр-Диспетчер, с виду простодушный толстяк с торчащими колючими усами, подмигнувший Голду. Справа от Магистра-Секретаря что-то быстро писал Магистр-Финансист Тим Симерс, самый молодой из семерых, ставший Магистром во многом благодаря феноменальным математическим способностям, Чарльза Голда он как будто не заметил. Рядом с Симерсом восседал чопорный Магистр-Контрактик Майкл Даусон, этот холодно кивнул Голду.

Чарльз Голд приветственно изобразил в воздухе четырехугольную звезду и занял свое место, справа от Магистра-Секретаря. Следом за Голдом в зал вошел человек, совершенно лишенный волос на голове, с лицом, обтянутым желтоватой пергаментной кожей. Это был Чак Ред, Магистр-Вербовщик, желчный нытик по прозвищу «Лысый Череп».

Когда Чак Ред занял последнее свободное место, Магистр-Секретарь поднялся и торжественно, то воздевая руки вверх, то обращая их долу, произнес:

– Небо Арагона и ты, арагонская земля, отец и мать наши, дайте нам силу, веру и мужество, нам, вашим сыновьям! И если станется так, что душа арагонца надломится, пусть вы окажетесь открытыми для нее, небо Арагона и арагонская земля!

После короткого молчания Магистр-Секретарь сказал:

— Братья-Магистры, я вынужден собрать вас сегодня, ранее установленного срока, потому как одно неотложное дело требует вашего решения. На имя высокого Совета поступил рапорт Магистра-Исполнителя. Я зачитаю его.

Андре Бостон, Магистр-Секретарь, принялся медленно читать. Рапорт Энтони Криза был сух, как и положено рапортам, и тем отчетливее представлялась вся чрезвычайность, вся скандальность, вся неожиданность содержащейся в нем информации. Кратко, не давая оценок, Энтони Криз изложил, как некто Джон Голд, арагонец-исполнитель, помешал арагонцам-исполнителям такому-то и такому-то выполнить свою прямую обязанность, которая заключалось в том-то и том-то. Приговоренная Лола Харт сейчас находится в доме Магистра братства Чарльза Голда, поэтому Энтони Криз был вынужден прекратить ее преследование на основании статьи двести семь Устава «о неприкосновенности жилища Магистра». О переговорах с Чарльзом Голдом и Магистром-Секретарем, предшествовавших написанию этого рапорта, Магистр-Исполнитель, понятное дело, не упомянул.

Во время зачитывания Андре Бостоном рапорта Магистра-Исполнителя в зале не раздалось ни звука. Закончив, Андре Бостон сказал:

— Теперь уважаемые Магистры должны определиться, как быть, во-первых, с Лолой Харт и, во-вторых, с Джоном Голдом. Сначала о Лоле Харт. Оставляете ли вы в силе приговор, вынесенный ей?

— Кто будет исполнять приказы, которые легко отменяются? — проворчал Магистр-Вербовщик

по прозвищу «Лысый Череп». – А что станет с братством, если не будут выполняться наши приказы? Братья станут убивать друг друга, грабители проникнут в наш дом, земля Арагона покроется трещинами, имя нашего мира станет мертвым отзвуком былого величия!

Магистры высказались один за другим, кроме Голда. Только Магистр-Диспетчер пробормотал, что решение, пожалуй, лучше отсрочить, необходимо время для размышления, остальные же единодушно высказались за то, что приговоры не должны отменяться.

– Что скажешь ты, Чарли? – спросил Магистр-Секретарь.

– Раз она сумела удрать от исполнителей, пусть живет, – произнес Чарли Голд.

– Это мы еще посмотрим, сумела ли, – отозвался Энтони Криз.

Странно глянув на мистера Голда, Андре Бостон предложил проголосовать.

В центре стола находилась эмблема Арагонского братства, четырехугольная пластиковая звезда с лучами различной величины. На внутренней поверхности стола рядом с каждым из Магистров была кнопка, от которой шел проводок к звезде. Если большинство членов Совета нажимало на кнопку, звезда загоралась красным светом. При таком способе голосования невозможно было определить, голосовали ли члены Совета единогласно или различно, и кто как голосовал, что считалось одним из элементов, поддерживающих единство руководства арагонцев. Такая тайность в какой-то степени избавляла меньшинство от сожа-

лений, что не они взяли верх, и препятствовала деловым разногласиям перерасти в личную неприязнь.

На этот раз загоревшаяся звезда возвестила, что большинство членов Совета подтвердило приговор, вынесенный Лоле Харт.

– Теперь я хочу знать, как мне до нее дотянуться, – проговорил Энтони Криз. – Вы должны приказать Голду выдать мне ее, или разрешите мне с моими ребятами пройти к нему в дом.

– Дом Магистра неприкосновенен, – строго сказал Магистр-Контрактик.

– Мы не протянем и года, если разрешим врываться в наши дома, и вместе с нами погибнет Арагон! – вскричал Магистр-Вербовщик.

На лицах всех, кроме Магистра-Исполнителя, можно было прочесть неудовольствие, кто заворчал, кто беспокожно заерзал, и Андре Бостон подытожил:

– Не можно допустить, чтобы араговец вошел в дом своего Магистра против его воли. Но приговор есть приговор, он должен быть исполнен.

– Сегодня истекает срок, который вы мне отвели для этого, напомнил Энтони Криз.

– Значит, она должна умереть сегодня, – сказал Магистр-Контрактик.

Больше никто не захотел высказаться. В зале повисла звенящая тишина. Ждали слова Чарльза Голда – Магистра-Оберегателя, в чьем распоряжении находились группы слежения за подразделениями братства и независимые от исполнительного гнезда силовые группы. Никому не хотелось грубо толкать его в русло общих решений.

– Я убью ее, но на это вы дадите мне хотя бы неделю, – молвил Чарльз Голд.

– Она должна умереть не позже, чем кончится этот день, раз уж мы так решили раньше, – возразил Лысый Череп. – Здание начинает рушиться с маленькой трещинки, я не хочу, чтобы небо Арагона обрушилось мне на голову!

– В самом деле, Чарли, – мягко произнес Магистр-Диспетчер с обезоруживавшей улыбкой в кошачьи усы, – мы только что проголосовали не за смерть Лолы Харт, а за то, чтобы нам не менять наши решения, так не вынуждай нас опять голосовать по тому же поводу.

Мистер Голд с надеждой посмотрел на Магистра-Секретаря.

Андре Бостон сказал:

– Она должна умереть сегодня, но пусть ее убьет Чарли. Это не будет противоречить нашим прежним решениям, мы же не указывали специально, что именно службе Энтони Криза надлежит убить ее.

– Но исполнительное гнездо для того и существует, чтобы исполнять приговоры! – взорвался Энтони Криз.

– Я тебя понимаю, Энтони, – участливо произнес Андре Бостон, – тебе не просто будет объясниться со своими ребятами. Но авторитет Чарли больше пострадает, если он выдаст тебе Лолу, нежели твой авторитет, если ты не получишь ее. Мы должны думать больше о братстве, чем о себе, так что, прошу, не настаивай на своем.

– Я сам хочу ее прикончить, – упрямо сказал Энтони Криз.

– Если ты настаиваешь, Энтони, придется нам проголосовать, кому поручить исполнить приговор.

Магистры проголосовали, и оказалось, что на этот раз большинство Совета согласилось с Чарльзом Голдом, убить Лолу Харт было поручено ему. Однако при этом как само собой разумеющееся предполагалось, что Чарльз Голд обязан был исполнить задание немедленно.

Когда решение было объявлено, мистер Голд не выказал ни досады, ни удовлетворения. Он сидел и молчал, устремив вперед застывший взор. Надо сказать, Магистру-Секретарю такая бесчувственность Голда не понравилась, но он как ни в чем не бывало продолжил совет:

– Теперь мы должны решить самый важный, самый сложный и мучительный для нас вопрос. Что делать с Джоном Голдом? Смею напомнить, этот юноша неплохо справлялся со своими обязанностями до этого случая, я не понимаю, как он осмелился пойти на такое преступление. И еще, не забывайте; он все же сын одного из нас, а ведь сказано: «Могучие деревья крепят землю Арагона своими корнями, а ветвями своими касаются неба». «Ветвями», братья!

– Чарльз Голд предал братство, – проговорил Магистр-Исполнитель тоном обличителя. Недовольный результатом предыдущего голосования, с Чарльзом Голдом он решил не церемониться. – Отступник должен умереть. Я не возражаю, – добавил Магистр-Исполнитель ехидно, – чтобы и над ним исполнение приговора было поручено Магистру-Оберегателю.

– Должны ли мы выяснить причины, почему Джон Голд поступил так? – задал вопрос Магистр-Секретарь, всем своим видом показывавший нейтральность. – Похоть двигала им, что же еще, – хмыкнул Энтони Криз.

– Земля Арагона не сможет носить без боли и судорог того, кто предал Арагон, – сказал Лысый Череп. – Предатель должен умереть, какие бы там ни были причины предательства. Чарли, не смотри на меня так. Убейте и меня, если я оступлюсь!

– В Уставе прямо сказано: «Предавшего и да проглотит бездна». О том, что мотивы предательства могут повлиять на приговор, в Уставе не говорится. – Магистр-Контрактщик с сожалением посмотрел на Чарльза Голда. – Мы ничего не можем поделаться, Чарли.

– Я не думаю, что мой сын – предатель, – с расстановкой проговорил мистер Голд. Все изумленно посмотрели на него. – Джон не предатель, он... – мистер Голд поперхнулся. – Он сумасшедший.

– Готов доказать, что Джон Голд действовал вполне разумно последние двое суток, – сказал Энтони Криз. – Он проявил и находчивость, и выдержку. Какое уж тут сумасшествие!

– Я не имею в виду совершенное безумие, я говорю про безумие, которое называется любовью, сказал Чарльз Голд. – Вы говорите, он предал братство, но разве защитить того, кого ты любишь, это значит предать? В своем безумии он отошел от действительности, это так, но братство он не предавал. Предать – значит, проявить коварство, солгать, обмануть, но он был искренен, был прям,

был правдив, как никогда, последние несколько часов. Разве мир Арагона – не мир чести, мужества и прямодушия? Он не предавал Арагон, говорю я вам. Из-за него пострадали его товарищи, не сумевшие выполнить приказ, это так, но мой сын не предатель.

– Говорите, Магистры, – пригласил Андре Бостон.

– Арагон – не место для безумцев, – заявил Лысый Череп.

– По Уставу, неповиновение арагонца воле братства, а тем более противодействие этой воле, есть предательство, как ни крути, – пожал плечами Магистр-Контрактщик.

– Допустим, он – не предатель, он – укрыватель приговоренной и человек, воспрепятствовавший действиям наших исполнителей, – сказал Магистр-Финансист. – Не думаю, что если мы скажем так, то сможем смягчить приговор.

– Как же это он, Чарли? – сокрушенно покачал головой Магистр-Диспетчер.

– Вот мы приговорим его к смерти и тем самым проявим арагонскую честность, – сказал Энтони Криз. – Честность, и мужество, и твердость. Тогда уж никто из младших братьев не скажет, что предатель сумел укрыться под полой Магистра.

Чарльз Голд медленно повернул голову в сторону Магистра-Исполнителя, и Энтони Криз пожалел о последней оброненной им сгоряча фразе.

– Это у какого еще Магистра под полой собирается укрыться предатель? – зловеще-тихо произнес Чарльз Голд.

– Чарли, Чарли, – Магистр-Секретарь посту-
чал ребром ладони по столу, колокольчика ему не
полагалось. – Энтони не имел в виду кого-то из
присутствующих конкретно, он говорил вообще,
правда, Энтони? (Энтони Криз поспешно кивнул.)
Не нужно ссориться, братья, – продолжил Ма-
гистр-Секретарь, – Арагон крепок, пока мы сто-
им вместе. Но, Чарли, однако нам надо голосо-
вать. Не скрою, в твоём сыне многое мне симпа-
тично, и тем не менее... Итак, следует ли считать
Джона Голда нарушителем обычаев и устоев на-
шего братства? Кто за, нажмите на кнопку.

Арагонская звезда в центре стола вспыхнула.

– Теперь мы должны определиться относитель-
но наказания, – продолжал Андре Бостон. – Счи-
тает ли высокий Совет, что араговец Джон Голд
заслуживает смерти?

Говорят, что падающая в бездну звезда, гас-
нущая звезда предрекает кому-то смерть. Но есть
звезды, чей восход оборачивается смертью.

Магистр-Секретарь, взглянув на горящую в
центре стола звезду, кивнул:

– Решение принято. Поручим это тебе, Чар-
ли, ты ведь сам все устроишь?

– Только чтобы не затягивал, – бросил Ма-
гистр-Исполнитель.

– Давайте дадим на это две недели сроку, –
произнес Магистр-Секретарь. – Нет возражений?
Итак, наш приговор таков: Лола Харт должна уме-
реть до истечения сегодняшнего дня, Джон Голд
должен умереть не позже чем через две недели,
считая с сегодняшнего дня. Приговор поручается
привести в исполнение Чарльзу Голду, Магистру-

Оберегателью. Нет возражений? Голосуем, Магистры.

Уродливая звезда вспыхнула, и красноватые отблески пробежали по лицам Магистров. Произнеся несколько ритуальных формул, утверждающих приговор, Андре Бостон поднялся, и в зале грянула музыка (перед тем, как встать, Магистр-Секретарь нажал на неприметную кнопку).

Это был так называемый гимн арагонцев, которым по обычаю всякий раз заканчивался Совет Магистров. В звуке мелодии чудились гордые голоса космических стихий, раскаты грома, рев двигателей стартующих звездолетов. А потом в музыкальный вихрь вплелся суровый рокот мужского хора:

*Арагон, Арагон, Арагон,
Ты наш дом, наш отец, наш закон.
Космос в шири ладоней,
Взором неба бездонной,
Арагон, Арагон, Арагон.*

Магистры, вставшие следом за Магистром-Секретарем, начали подпевать хору, и тут Чарльз Голд, единственный, кто неуважительно остался сидеть, прохрипел:

— Подождите.

Его как будто не услышали, а может и в самом деле не слышали сквозь музыку и совместное пение. Тогда Чарльз Голд закричал во всю немалую мощь своих легких:

— Да погодите вы, стойте! Дайте мне слово!
Музыка оборвалась.

В пронзительной тишине Магистр-Секретарь сказал:

– Ты прервал гимн арагонцев, Магистр Голд. Надеюсь, у тебя были на это веские причины.

– Да, да! Я хочу сказать, что... Вы знаете, почему вы голосовали за смерть моему сыну? Да потому что вам не понятен он, потому что вам чужды его мужество и честность. Вот Устав, и гимн наш... Арагонец – это тот, кто честен с собою до конца, кто не склонится перед немой буквой на мертвой бумаге, кто умеет постоять за себя. Мой сын – настоящий арагонец, а вы... вы не арагонцы!..

Магистр-Секретарь достал откуда-то маленький ножичек, и словно по мановению волшебной палочки ножички появились в руках у остальных Магистров, кроме Чарльза Голда. Полетели пуговицы с рубах. Шесть арагонских звезд кроваво заалели перед глазами Чарльза Голда.

– Видишь, Чарли, – проговорил Магистр-Секретарь на удивление беззлобно. – Мы настоящие арагонцы. Отчаяние помutilо твой разум, Чарльз Голд. Я освобождаю тебя от двух следующих собраний Совета.

Мистер Голд медленно расстегнул пуговицы на рубахе и обнажил грудь. Сразу три звезды были вырезаны на его груди, одна в одной, и было видно, что раны совсем свежие.

Три звезды, не каждый арагонец мог пойти на такое, обычно после второй звезды даже урожденный арагонец терял сознание от боли. Под анестезией же звезды не «рисовались», в этом случае от них не было проку: тот механизм, который

придавал мужеству и воле особый закал, закал Арагона, могла включить только боль, вернее, только преодоление боли.

Проведя пальцем по ранам, да так, что из незаживших ран проступила кровь, Чарльз Голд сказал:

– Я тоже арагонец. И вы – арагонцы, братья, я говорил необдуманно. Но вам сила Арагона понадобилась, чтобы настоять на своем, а мне – чтобы сдержаться. Я бы мог спасти его, его и ее, пока они мыкались по городу, у меня достаточно сил, вы же знаете... Я подчинился духу Арагона. И я ошибся – не истинному я духу Арагона подчинился, а ложному. И теперь... Сила Арагона, дай мне не сломаться, дай выстоять!..

– Что ты хочешь, Магистр Голд? – спросил Андре Бостон.

– Я хочу, чтобы мой сын жил.

– Ты знаешь наше решение.

– Я хочу, чтобы дело решил Великий Магистр.

Что-то странное промелькнуло по лицам присутствовавших в перламутровом зале людей, не то сомнение это было, не то удивление, а может и страх.

– Ты хочешь обратиться к Великому Магистру? – уточнил Андре Бостон, и в голосе его впервые прозвучала какая-то нерешительность. – Ты знаешь, что из этого может получиться?

– У меня нет выхода.

– Помнишь того арагонца, которого Великий Магистр повелел сжечь живьем? Как он мучился, бедняга! Пожалуй, умереть от передозировки свотворного куда приятнее, как ты думаешь?

– Я подумал об этом.

– Значит, ты настаиваешь на своем?

– Да.

– Пусть будет так, – со вздохом сказал Магистр-Секретарь. – Голосовать нет необходимости. Чарльз Голд воспользовался своим правом Магистра передать дело на рассмотрение Великого Магистра.

– Но мы уже рассмотрели дело! – возмутился Магистр-Исполнитель.

– Великий Магистр может пересмотреть его, таков Устав, третий тайный параграф. Чарльз Голд и Энтони Криз, к Великому Магистру вы отправитесь вместе со мной. Жду вас завтра на космодроме «Урания», воспользуемся нашим катером «Циклон». Старт в девять тридцать. На сегодня все. Прощайте!

Магистр-Секретарь скрылся за боковой дверью.

Гимн Арагонцев на этом Совете Магистров так и не был закончен.

Чарльз Голд прибыл домой с тяжелым сердцем. По пути он, сидя в гравилете, несколько раз тер ладонью лоб: а не лучше ли вернуться, сказать, что сдурил, покаяться, и пусть будет так, как решил Совет? Но тогда, мысленно возражал он себе, тогда ему придется убить сына. Убить Джонни! Водитель несколько раз оглядывался, слыша непонятные звуки, но ему так и не пришлось в голову, что это были не неполадки в двига-

теле, это стонал один из главарей всемогущего Арагонского братства.

И еще мистер Голд несколько раз ловил себя на мысли, что иногда он бывал удивительно беспечен. Джонни немало рисковал, работая в исполнительном гнезде, приговоренные могли, обороняясь, подстрелить его, и как это раньше не шло ему на ум? То есть он, Чарльз Голд, имел представление, какова работа исполнителя, но почему-то был уверен, что несчастья и смерть – не для Джонни. Какая самонадеянность!

Едва он вошел в свой кабинет, как дверь открылась.

– Чарльз... – Миссис Голд сердцем чувствовала, что там, где был ее муж, решалась страшное.

– Входи, Эльза.

Миссис Голд вошла, не чуя под собой ног.

– Я должен отлучиться, – сказал Чарльз Голд. – Вернусь к вечеру завтрашнего дня, может быть, той ночью.

– А как... с Джонни что?

– Они оба пока будут здесь.

– А ты, куда ты...

– Все, Эльза, мне больше нечего тебе сказать.

Эльза Голд как-то боком вышла в коридор. Она стояла под дверью кабинета мужа, потом шла за ним, не смея приблизиться. Мистер Голд сел в гравилет и улетел, а она еще долго смотрела в небо, глядя из-под ладони.

Мистер Голд собирался пробыть в своей резиденции до утра, а там надо было отправляться на космодром «Урания».

Эльза Голд все глаза проглядела, дожидаясь мужа. Она прямо-таки извелась за эти часы, она то плакала, то ледышкой застывала в кресле, то громко стонала, ломая руки. Ореховую комнату она обходила стороной.

С наступлением вечера, когда муж обещал вернуться, миссис Голд устроилась на скамейке в садике перед домом и стала наблюдать за небом. Несколько раз она вскакивала, обмирая, но дальний гравилет пролетал мимо.

Загустела ночь. Миссис Голд становилась все взвинченнее – и вдруг она увидела огни подлетающего к усадьбе гравилета. «Это он, он!» Она выбежала за ворота.

А когда он вышел из машины, на нее нашло оцепенение. Ей захотелось продлить, растянуть время. Кто знает, быть может, шли последние мгновения, отделявшие ее от бездны ужаса и отчаяния.

Ее замешательство продолжалось недолго. Чарльз Голд обнял жену, и она увидела, что он улыбнулся.

– Наш сын будет жить, – выдохнул он.

Она залилась слезами радости.

Спустя несколько минут мистер Голд с суровым лицом объявил Джонни волю Великого Магистра (то есть волю Совета, так он сказал, поскольку само существование Великого Магистра было тайной, ведомой лишь арагонцам, носившим звание Магистра или старшего брата):

— Вы будете жить, вы оба, ты и она. Ты изгоняешься из братства.

— Спасибо, отец! — Джонни потянулся к Чарльзу Голду, чтобы обнять его, но тот ответил ему таким холодным взглядом, что Джонни растерялся.

— Мне удалось убедить Совет, что ты не предавал Арагон, — проговорил мистер Голд. — Но меня-то ты предал, сынок. Вот сейчас ты радуешься, ты и забыл, что эта твоя любовь стреляла в меня?

— Она не знала, что ты мой отец.

— Она не знала, но ты-то знаешь, что она пыталась убить меня, и я не вижу, чтобы это тебя удручало. (Короткая пауза). Ты должен покинуть мой дом.

— Ты прогоняешь меня?

— Я не желаю жить в одном доме с той, кто хотел убить меня, и с тем, кто предал меня.

Досада желчью разлилась по сознанию Джонни. Отец хотел сделать его убийцей, а теперь недоволен, почему это он так черств, что осмелился полюбить ту, которая стреляла в его отца. Да и разве стреляла бы Лола в его отца, если бы на свете не было Арагонского братства, братства жестокосердных убийц, в котором его отец — один из главных заправил?..

— Очень хорошо, — буркнул Джонни. — Ты больше никогда меня не увидишь.

Чарльз Голд смотрел на сына, пока тот не скрылся за дверным косяком, а потом повернулся к окну.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Утром, едва начало светать, они вышли за ограду усадьбы Голдов – счастливая Лола и смятенный, взволнованный Джонни, то радостно улыбавшийся ей, то темневший лицом.

– Подожди, – сказал он и обернулся. Он долго смотрел на дом, в котором остались его мать и отец. В одном из окон он увидел силуэт матери. Держа платок у глаз, она помахала ему рукой. Ему одному, мать никогда не простила бы Лоле ее попытку убить его отца. Махнув рукою в ответ, Джонни обронул:

– Пойдем туда. – Он показал на домик неподалеку и пояснил: – Там живут Джонсоны. Мистер Джонсон каждое утро летает на работу в Терриган на своем гравилете, он подбросит нас.

Лола вдруг почувствовала, как тяжело сейчас приходилось Джонни. Слезы подступили к ее глазам. Из-за нее ведь это, из-за нее он порвал со своими родителями... Но что тут сырость разводять, одернула она себя, разве ему станет легче, если она разрыдается? И Лола превозмогла свою боль.

Весельчак мистер Джонсон без всяких распросов доставил Джонни и Лолу в центр. «Всего хорошего, ребята», – и он, подмигнув Джонни, повел свою машину круто вверх.

– Неподалеку должно быть бюро по найму квартир, – сказал Джонни.

У Джонни было с тысячу кредитов, у Лолы – двести. Они наняли квартиру на бульваре Карла Третьего за двадцать кредитов в неделю, плата за пять недель вперед. Квартира с видом на Серебряное озеро смотрелась неплохо, но уж роскошной ее, конечно, нельзя было назвать. Теперь стало возможным заняться подготовкой к свадьбе.

Джонни съездил в Управление сектора. Гражданская регистрация браков проводилась каждый четверг, объяснили ему, заявление подавайте хоть в этот же день. Ближайший четверг – послезавтра, значит, они зарегистрируются послезавтра, сказал себе Джонни.

Когда он вернулся, они с Лолой принялись перебирать, кого же пригласить. Джонни вознамерился позвать на свадьбу всех своих друзей – Алана Фостера, Филипа Лейдена, Дика Кастла, – что же касается Фрэнка Стауна, отказавшего ему в помощи, так о нем Джонни даже не вспомнил, после того случая вычеркнув Стауна из своего сердца. Можно было пригласить, кроме того, нескольких знакомых квадистов и тренеров из квади-клуба. Лола назвала имена трех подруг детства, к этому времени уже замужних. Всего набралось около двадцати человек.

Теперь перед ними встал самый неприятный вопрос, финансы. Джонни обзвонил десяток ресторанов, арендовать на сутки банкетный зал со столом на двадцать человек стоило никак не менее трехсот кредитов. Но еще надо было купить обручальные кольца, а это стоило по двести кредитов за коль-

цо, и еще Джонни хотелось отложить пятьсот кредитов, меньше никак нельзя, на свадебное путешествие. А венчание в церкви, без которого не обходилась ни одна порядочная свадьба? А несколько кругов над Терриганом в гравилетах фирмы «Лебединая стая», как без этого обойтись? А счастливое предсказание? И еще, ведь он должен купить подарок невесте, подумал Джонни тревожно, да такой, чтобы не ударить в грязь лицом. Джонни прикинул, получается, ему нужно где-то раздобыть, по крайней мере, полторы тысячи кредитов.

Он отправился в свой родной квади-клуб «Ветры Земли». Неужели ему не выдадут аванс по случаю его свадьбы, в счет его будущих выступлений на арене?..

Об авансе может распорядиться только председатель, объяснила ему в финансовой части полная женщина в больших очках и носиком-пипочкой, похожая на сову. Делать нечего, Джонни направился к Мартину Кастлу, председателю квади-клуба.

Мистер Борн, секретарь, сразу узнал его, что Джонни несколько обнадежило, он ведь был всего лишь учеником.

— А, Джонни! К боссу? Мистер Кастл занят сейчас. У него совещание по видеофону. Ты не смог бы навеститься завтра?

— У меня послезавтра свадьба, мистер Борн, так что... Мне бы хотелось попросить мистера Кастла об авансе.

— Свадьба? Экая невидаль! Поверь, тебе еще наскучит регистрироваться. — Увидев, как у Джонни осунулось лицо, мистер Борн снизошел: — Лад-

но, я спрошу, примет он тебя или нет. Только подожди немного.

Спустя долгое время Борн прошел в кабинет председателя. Он пробыл там несколько секунд. Появившись, показал Джонни на дверь:

– Мистер Кастл готов выслушать тебя, только особо не распространяйся, у босса мало времени.

Джонни ни разу не приходилось разговаривать с председателем. Правда, он несколько раз видел Мартина Кастла в зале, наблюдавшим за схваткой, и почетной ложе. Между квадистом-любителем (или квадистом-учеником, что, в сущности, было одно и то же) и председателем квади-клуба дистанция пролежала громадная, не удивительно, что Джонни оробел, войдя в кабинет.

Седоволосый старик (волосы по плечи) с крупным прямым носом, характерным признаком представителя аристократического рода Кастлов, показал Джонни на кресло. Когда Джонни опустил-ся на самый краешек, мистер Кастл в добродушной улыбке распустил морщины:

– Я слышал, ты женишься, Голд? На свадьбу пригласишь?

– Для меня было бы честью, мистер Кастл, если бы вы... – Слова Джонни потянулись противным сиропом, он сам себя не узнавал, он и не предполагал, что может так заискивать.

– Тебе, наверное, нужны деньги, Голд? – внезапно спросил председатель, оборвав сладкозвучную речь Джонни.

– Я бы хотел просить вас, сэр, выдать мне аванс в пятьсот кредов. Это мой месячный зара-

боток в клубе, мне не составит труда его отработать.

— Авансов я не выдаю никому, это мой принцип.

У Джонни упало сердце.

Мистер Кастл достал из ящика стола несколько банкнот:

— Во пятьсот кредов, возьми. Это тебе на свадьбу от клуба. Нет, молчи, бери, это подарок.

Джонни так растерялся при виде неожиданной милости председателя, что никак не мог выдать из себя слова благодарности. Мистер Кастл сказал:

— Кстати, сынок. Я видел тебя две недели назад на арене, ты выглядел неплохо. Из тебя получился бы классный профессионал, Голд. Что скажешь на это?

— Я хотел бы поступить в Академию Астронавтики, мистер Кастл, — проговорил Джонни. — Конечно, с квадаком я постараюсь не расставаться, но о профессиональной арене я никогда не мечтал.

— Значит, этот мальчишка мечтает о звездах, хм... — Мистер Кастл хитро прищурился. — А знаешь ли ты, Голд, что квадак профессионала способен пробить куда более широкую дорогу к звездам, чем это делает Академия Астронавтики? Сколько, по твоему, зарабатывает за сезон профессиональный квадист?

— Около ста тысяч кредов?

— Самое меньшее сто двадцать тысяч. По десять тысяч кредов за каждый из боев — это минимальная ставка профессионала. Для тех же, кто достиг в нашем деле высот, гонорар закругляется

совсем другой. За свой последний сезон Кит Латурсон заработал семь миллионов кредитов, Джеймс Купер — пять с половиной миллионов, как тебе это нравится? Космический крейсер стоит десять миллионов кредитов. Ты смог бы стать капитаном собственного корабля, Голд! А кем ты станешь, когда окончишь эту свою Академию? Служащий с дипломом, скованный по рукам и ногам инструкцией и во всем послушный начальству. Имея же собственный корабль... Ты ведь хотел бы иметь свой корабль?

Джонни вяло согласился.

— Так ты подумай насчет профессиональной арены, сынок, — произнес Мартин Кастл, отпуская Джонни кивком головы. — Если у тебя есть деньги, звезды сами посыпятся к тебе в ладони.

Джонни вышел из приемной председателя клуба с деньгами в кармане и с досадой на себя. Как он мерзко себя вел, как раболепствовал перед этим старикашкой с головою, похожей на стог сена! Действительно, он хочет, чтобы свадебное торжество удалось, он хочет предоставить Лоле приятное, но нельзя же так!..

Проходя по коридору, Джонни столкнулся лицом к лицу с Кастлом-младшим. Дик Кастл весело спросил:

— Откуда несешься, Джонни? Неужто был у моего старика? Надумал перейти в профессионалы, никак?

— Нет, еще не надумал. Я женюсь. Послезавтра свадьба. Регистрация в Управлении семнадцатого сектора, — проговорил Джонни отрывисто. — Приходи.

– Буду обязательно. Тебе, наверное, нужны деньги? – Джонни криво улыбнулся, и Дик Кастл вытащил из кармана пачку купюр. – Возьми, здесь пятьсот кредитов. Считай, это тебе мой подарок на свадьбу.

Джонни неуверенно принял деньги. От холодного, подчас высокомерного Кастла, кичащегося своим аристократическим происхождением, он не ожидал такого.

– Я не смогу принять от тебя эту сумму в подарок. Только в долг...

– Не выдумывай. Для меня это совсем немного, шепну тебе на ушко. Отец мало помалу передает мне дела, и у меня стали водиться денежки. Да, как насчет помещения? Ты договорился с каким-то рестораном?

– Пока нет.

– Банкетный зал нашего клуба тебя устроит?

– Право, не знаю...

– Ресторан при клубе являлся одним из самых дорогих ресторанов в округе.

Дик словно читал его мысли:

– Я позабочусь, чтобы тебя не ободрали до нитки. Сколько человек будет?

– Полагаю, не больше двадцати.

– Значит, кухня и банкетный зал, это тебе обойдется в... двести кредитов. Это немного, ты согласен?

Это действительно было немного. Джонни сказал, что готов воспользоваться услугой Кастла, и поблагодарил его от всего сердца.

Из клуба кवादистов Джонни отправился к Филипу Лейдену.

К этому времени Филипп Лейден окончил медицинский колледж и теперь работал в Институте Внеземных Болезней. Институт, здание которого представляло собой положенные друг на друга крест-накрест параллелепипеды, находилось на Пятой Академической улице.

В холле у прохода, ведущего к лифту, сидели два охранника. Они направили Джонни к дежурному. Придерживая готовые вот-вот свалиться очки, старик-дежурный водил пальцем по графам, бормоча фамилию приятеля Джонни. «А, вот он, Филипп Лейден», и старик набрал номер телефона. Переговорив, он посмотрел на Джонни:

— Вам нужно подождать, молодой человек. Доктор Лейден скоро освободится и спустится к вам.

Джонни прождал полчаса, потом опять подошел к дежурному. Старик, побряхтев над какой-то инструкцией, сказал:

— Да что там, мистер, вы можете пройти к нему сами, он в секторе нулевой секретности. Вон ту лестницу видите? Поднимитесь на второй этаж, комната двести пять.

Через минуту Джонни уже открывал дверь с цифрой «205» на ней.

Он чуть не вылетел обратно в коридор, слишком уж сильно ему в носшибануло аммиаком. Стараясь дышать как можно поверхностнее, Джонни подошел к человеку в белом халате, сидевшему боком к двери.

— А, ты. — Филип отложил ленту, которую выплевывал с короткими промежутками аппарат,

стоявший на столе. – Подожди в коридоре, сейчас выйду. Эй, Питер, пятый режим пошел! – Это Лейден крикнул какому-то из двух парней, колдовавших в дальнем углу над стеклянной посудинной, опутанной проводками.

Через четверть часа Лейден наконец вышел в коридор.

– Ну здравствуй, Джонни, или я уже поздоровался с тобой? – Доктор Лейден явно проявлял нетерпение. – Что стряслось-то?

– Я женюсь, Фил.

– Ого! – Лейден нахмурил брови. – Подожди-ка.

Он исчез за дверью. На этот раз Джонни не пришлось томиться в ожидании. Быстро обернувшись, Филип Лейден протянул Джонни клочок бумаги:

– Вот возьми.

– Что это? – Джонни взял узорчатую бумажку, уже догадавшись о ее предназначении.

– Чек. На тысячу кредитов. Помнишь, ты одалживал мне.

Джонни, не надеявшийся, что Лейден когда-нибудь вернет ему долг, повеселел.

– Так ты разве разбогател?

– Честно говоря, нет. Мне заплатили за одно открытие, кое-что новое о кровообращении аммиачных тритонов с Цитрона, так, крохи, три тысячи кредитов всего. Но, как видишь, долг я тебе могу отдать.

Из института Джонни выходил с улыбкой. Теперь свадьба получится что надо, ничуть не хуже,

чем у других. Плохо только, что Филип Лейден пообещал ему прибыть на его свадьбу как-то неуверенно.

От Лейдена Джонни направился к человеку, когда-то бывшему его лучшим другом, к Алану Фостеру. Если бы Алан не перешел в профессионалы, возможно, между ними сохранилась бы давняя привязанность, но теперь... Сделав свой выбор, Алан почти перестал видаться с прежними друзьями, это требовало его новое качество профессионального кवादиста. С Джонни они не общались несколько месяцев, время и было стеной, возведенной меж их сердцами не то самим Аланом, не то судьбой, направившей его на дорогу профессионала.

Алан Фостер не так давно был куплен у старика Кастла владельцем клуба «Бородатые», и сейчас Джонни летел на запад Терригана, где находился этот клуб.

Серая башня с четырьмя равными сторонами-стенами и углами-прямоугольниками покоилась на ступенчатой основе. Четыре бородатых зверских лика, изваянных из камня, смотрели на четыре стороны света. Под одной из каменных завитых бород находилась дверь-вертушка, через которую Джонни и прошел в холл клуба «Бородатые».

К нему немедленно приблизился дежурный.

– Я могу увидеть Алана Фостера? – вежливо спросил Джонни.

– Это невозможно, мистер Фостер ни с кем из посторонних не встречается. Вы можете написать ему записку, я передам его тренеру.

– Я – друг Алана Фостера, мне нужно увидеть его, – проговорил Джонни с некоторым нажимом.

– Сожалею, – дежурный пожал плечами, больше демонстрируя свою непреклонность, чем сожаление.

Джонни медленно двинулся к выходу. Никакую записку он писать не стал, все равно ее Алану не передали бы. Собственно, на что он надеялся? Он ведь прекрасно знал, что время квадистов-профессионалов расписано по минутам, и не ими, а их менеджерами, да и даже не в этом было дело. Квадистам-профессионалам категорически запрещалось самостоятельно, напрямую общаться с внешней средой, даже с ближайшими родственниками, что, как правило, заранее обговаривалось в контракте. В подготовке профессионала к бою немаловажное место занимала психологическая подготовка, а лучшая психологическая подготовка, как считали многие, – изолировать бойца и давать ему строго определенную психологическую «пищу», и чтобы никаких потрясений.

Ему вскружили голову эти две тысячи кредов, на которые сегодня потяжелел его кошелек, не иначе, подумал Джонни. Вот он и споткнулся, разогнавшись.

И, тем не менее, он должен попытаться увидеться с Аланом. Он может подобраться к нему обходным путем. Окна первого этажа открыты, уж ни знак ли это подает ему судьба?

Джонни, подтянувшись, забрался на подоконник и спрыгнул вниз.

Он попал в тренировочный зал. В этом зале никого не было, но отсюда не было и выхода иного как через соседний зал, где, судя по доносившемуся оттуда шуму, занимались квадисты.

Джонни скинул рубашку, а квадак он всегда носил при себе. Поигрывая квадаком, как это мог делать только умелый квадист, с рубашкой на плече, он направился в соседний зал.

Когда он проходил мимо тренировавшихся квадистов, некоторые из них вскользь посмотрели на него. Посмотрели и остались равнодушными к нему – квадак в руке, обнаженный до пояса мускулистый торс, именно это и следовало видеть в тренировочном зале квади-клуба, чему же тут удивляться. Что же касается рубашки, почему она не осталась в раздевалке, да и вообще, почему это квадист тренируется в одиночку, над этим никто не задумался, не беря на себя труда шевельнуть извилинами.

Джонни вышел из зала в короткий коридор, откуда можно было пройти в душевую и раздевалку, и здесь надел рубашку. Сориентировавшись в дверях, он прошел из этого коридора в другой, соединявший различные помещения здания.

Теперь куда ему идти, спросил себя Джонни, стараясь казаться неприметным среди проходивших по коридору людей.

Судя по всему, он только что видел, как тренировались любители. У профессионалов должен быть свой зал. Только как его найти? Расспросить кого-нибудь? Вдруг Джонни увидел дверь с висевшей на ней табличкой: «Только для профессионалов». Квадак был у него на бедре, ножны кре-

пились на подкладке брюк. Джонни извлек квадак из ножен и толкнул дверь.

Ему открылся новый коридор, в конце которого через дверной проем (дверь была открыта) он увидел зал с занимавшимися квадистами.

– Чего тебе, парень?

Джонни следовало сначала посмотреть в эту сторону, а не в сторону зала. Два охранника – крутые подбородки, кривые носы – поднимались с продавленных кресел и явно не с дружелюбными намерениями.

Джонни кинулся бежать – к тренировочному залу, где, если бы ему крупно повезло, он увидел бы Алана Фостера. Чертыхаясь, охранники, грохоча каблуками, припустились за ним.

Разбитые на пары квадисты-профессионалы обменивались ударами. Они были в черных костюмах, представлявших собой специально приспособленные для подобной тренировки скафандры средней прочности. Встроенные в костюмы датчики регистрировали удары; далее полученная информация поступала в компьютер, классифицировавший удары по степени тяжести и подсчитывающий их. Пожилой человек, очевидно, тренер, внимательно наблюдал за боем. Внезапно он резко обернулся:

– Ты кто такой?

Тут за спиной у Джонни выросли ротозеи-охранники. Ни один из них не коснулся его громадной пятерней: Джонни с быстротой молнии метнулся в центр зала и оказался среди сражавшихся.

Охранники зашумели. Джонни расслышал слово «шпион». Квади-клубы держали втайне свои

способы подготовки профессионалов к боям, так что это слово было вполне к месту. Тренер дунул в свисток, и бой остановился.

Джонни быстро пробежал глазами по лицам квадистов, благо шлемы на их головах не были покрыты отражающим составом. Он не сразу узнал Алана из-за курчавившейся у того бородки, Алан первым узнал его.

— Это ко мне, Мак, — бросил Алан тренеру. — Ничего у меня товарищ, а?

Квадисты засмеялись, должно быть, приметив злые лица охранников. Тренер сказал:

— Алан, ты же знаешь, ты не должен встречаться ни с кем из посторонних. Есть пункт в договоре.

— Брось, Мак. Разве я нарушил договор? Это мой товарищ встретился со мной, а не я с ним. Его вы не связывали договором, так?

— Умничаешь, Алан. — Тренер безвольно махнул рукой. — Ладно, говорите. Только недолго. Что? — Тренер посмотрел на охранников. Вы не должны были пропустить его сюда, а вы? Так что теперь вам лучше помалкивать, босс такие промахи не прощает.

Пройдя с Аланом в конец зала, Джонни шутливо покачал головой:

— Да вас тут охраняют как сенаторов.

— Или как охраняют убийц в тюрьме, — отозвался Алан. — По сути мы и есть убийцы.

— Тебе как будто стала надоедать профессиональная арена?

— Как сказать. Эта мясная резня... Иногда мне чудится, что я на бойне орудую ножом. Ну и довольно об этом. Ты как?

– Я женюсь. Послезавтра регистрация. Мне бы хотелось, чтобы ты присутствовал. Приходи в Управление семнадцатого сектора к десяти часам.

– Я рад за тебя, Джонни, – улыбнулся Алан. – Только сам понимаешь, как я могу прийти? Меня, видишь, сторожат тут.

– А я-то думал...

– Не обижайся.

– Да ничего, – буркнул Джонни с досадой.

Стараясь смягчить появившуюся неловкость, Алан быстро спросил:

– Интересно, что сейчас подделывают Лейден, Стаун, Кастл? Ты ведь видишься с ними, или нет?

Джонни скупно рассказал. Говоря про Фрэнка Стауна, Джонни дал понять Алану, что они рассорились накрепко, и больше ничего о Фрэнке Стауне он слышать не желает. Внимательно посмотрев Джонни в глаза, Алан не стал ни о чем допытываться. Разговор явно не клеился. Джонни казалось, что раз они с Аланом не виделись *столько* времени, они засыпят друг друга вопросами, они не в состоянии будут наговориться, да только не выходило. Неужели душою они стали настолько далеки друг от друга?

Тренер окликнул Алана, велел поскорее заканчивать. Алан проводил Джонни до общего коридора и попросил подождать его немного. Вскоре он вернулся с чеком.

– Тысяча кредитов, Джонни, возьми. Мой подарок к свадьбе. Незамысловато, но ты же понимаешь...

Джонни принял чек, поблагодарил. Они простились, и Джонни пошел на выход. На обратном

пути его никто не задержал. Когда он проходил через холл, дежурный заметил его, но промолчал, не стал поднимать шум, побоявшись, видно, как бы проникновение Джонни в клуб не сочли за промах самого дежурного.

Джонни обменял в Имперском банке чеки Лейдена и Фостера на наличные. Теперь у него было на руках без малого четыре тысячи кредитов. С такой суммой об устройстве свадьбы можно не беспокоиться.

В магазине «Алмазная звезда», одном из лучших в столице, Джонни купил два кольца, два золотых обручка с золотой веточкой-печаткой. На каждой из веточек сверкало по две бриллиантовые крупинки. Еще он должен был выбрать подарок Лоле на свадьбу. Он походил по магазину. Среди золота и драгоценных камней Земли на витринах сияли всякие инопланетные редкости, но все это казалось Джонни ненужной мишурой. Обручальные кольца должны быть драгоценностью, а не пустозвонными медяшками, но еще он хотел подарить Лоле что-то такое, в чем бы чувствовалась душа, при взгляде на что становилось бы легче и свободнее, и никаких чтобы мыслей не возникло о стоимости этой вещи. Да что это он, разве в ювелирном магазине такую вещь, не обремененную высокой ценой, можно найти?..

Джонни отправился путешествовать по магазинам. Иногда ему начинало казаться, что лучший подарок для Лолы – хорошее платье. Он проходил в отдел, смотрел, как перед зеркалами кокетничают женщины... и вздрагивал. Он же ничего не знает, ни какой у Лолы вкус, ни какие

размеры. Купить отрез на платье? Джонни подолгу мял и переливчатую «электру», и строгую темную «классик», и крикливо-пеструю «фрю-фрю». «Нет, – говорил он себе, отходя от рулонов с материей, – я же хотел подарить ей что-то такое...» Он искал нечто, что было бы ослепительным, как горный снег, прозрачно-чистым, как ручей, неведомым и задумчиво-теплым. Он и сам не знал, что ищет в переливчатых магазинных джунглях Терригана.

Что же ей подарить? Взгляд Джонни наткнулся на вывеску: «Живой подарок». В витрине он увидел сотни клеток со зверюшками. Судя по ценникам, магазин имел поставщиков со всех концов Галактики, помимо земных игуан и хомяков здесь были и сидонские перламутровые змейки, и гвиальские пучеглазики, и малийские тритоновобразные со светящейся шерстью, и мурлыкающие лягушки планеты Квэй, и много прочей иноземной живности. Домашнее животное – это тепло и нежность, но... домашнее животное – не лучший свадебный подарок, пришел Джонни к выводу в результате часовой маеты у витрины. Он эгоистически представил себе, как Лола гладит какую-нибудь мурлыкающую лягушку... нет, домашнее животное, определенно, не подходит.

Так, останавливаясь чуть ли ни на каждом шагу, Джонни дошел до Свободного Рынка Сувениров. На большой огороженной площадке толпились люди и инопланетяне, предлагая всякие безделицы, затейливые поделки и редкости. Походив среди поющих пирамидок, двухголовых кукол, чучел животных, браслетов и амулетов, Джонни

остановился у одной старухи, с виду вполне земной старухи, хотя не исключено, что это была человекообразная геянка с двенадцатой планеты системы Бетельгейзе. Старуха продавала ожерелье из янтаря. Джонни присмотрелся. В каждой янтарной бусинке был заключен комарик. Джонни, не торгуясь, купил ожерелье за тридцать кредитов.

Тридцать кредитов... Настоящий янтарь с комариками стоил бы в несколько раз дороже. Вероятно, это просто желтая пластмасса, подумал Джонни, отходя. Как он и хотел, ожерелье не имело особой ценности, если под ценностью подразумевать денежную стоимость, но в нем заключалось что-то неуловимое, смутно выступавшее, если взглянуть в прозрачную бусинку. Это «что-то» и создало его, но чем оно было, какую сторону жизни затрагивало? Бренность ли жизни демонстрировали мертвые комарики, или о вечности заставляли задуматься? Как бы то ни было, при взгляде в такую бусинку задевалась душа, словно касаясь чего-то бескрайнего, распростертого наподобие моря, выносящего на берег светлый янтарь.

Теперь у Джонни были и обручальные кольца, и подарок Лоле. Пришла очередь позаботиться о счастливом предсказании.

Обычай приглашать на свадьбу предсказателя сложился в начале тридцатого века. Это делалось тихо, скрытно, стремились, чтобы у гостей создалось впечатление (или чтобы они могли притвориться, что оно создано), будто предсказание прозвучало неожиданно. А предвещали молодым в таких случаях, понятно, только хорошее. Не то чтобы это было чистым шарлатанством: предска-

затель на свадьбе выступал профессиональный, имеющий лицензию, то есть тот, чьи прогнозы оправдывались достаточно часто. Кроме того, некоторые считали, что громогласно произнесенное предсказание будущего, даже если оно не идет от сверхъестественного чувства, имеет определенный смысл, поскольку настраивает услышавших предсказание на исполнение предсказанного.

Конторы всех предсказателей Терригана теснились на длинной, узкой и извилистой улице Предсказателей. Такая скученность объяснялась отнюдь не тем, что предсказатели не могли обходиться ни часу без общения между собой. В самом существе их профессии было что-то не только далекое от цивилизованности, но и противоречащее ей, вот поэтому несколько столетий назад специальный закон изгнал предсказателей с прочих мест на эту удаленную от столичного центра улицу, власти как бы стыдились существования института предсказателей на Земле и поэтому упрятали их подальше и от собственных глаз, и от глаз представителей неземных рас.

Вывески, короткие и длинные, по-старомодному строгие и в современном стиле «изгиб галактического бедра», были настолько многочисленны, что местами налезали друг на дружку. Надписи попадались самые разнообразные, как разнообразны бывают характеры людей. Здесь были и лаконичные надписи типа: «Мистер Бор, предсказатель» или «Гадалка мадам Грауфт», и высокопарные: «Завесы тайного приоткрыватель, чтец книги откровения, достойнейший и искуснейший мистер Стилмен», и научного склада: «Ба-

калавр парапсихологии Мар-Аран». Джонни почему-то приглянулась следующая надпись: «Угадываю прошлое, предсказываю будущее, миссис Бронкс». Контора размещалась в подвале, куда можно было попасть со двора. Спустившись вниз, Джонни толкнул дверь.

В маленькой приемной сидела рябая, какая-то перекошенная девчонка-секретарша и грызла ногти. Уродство отпугивает злых духов, всплыло в памяти Джонни расхожее суеверие.

– Я хотел бы видеть миссис Бронкс, – проговорил он.

Ничего не ответив, секретарша скрылась за некрашеной деревянной дверью и тут же вышла:

– Миссис Бронкс готова принять вас.

Джонни вошел в комнату, обставленную с характерным для подобных заведений мистическим шиком: на столе череп, в клетке сова, в другой клетке, под потолком, чистил перышки попугай, отовсюду глядели странные куклы-уроды, клоуны, звездочеты. Желтые листики, покрытые старинной вязью, разбросаны по столу. О современности напомнил только компьютер, стоявший на приставном столике, на экране монитора подрагивали столбцы цифр.

Миссис Бронкс оказалась пожилой дамой с необхватным бюстом и жирными губами, как будто она только что съела сливочное пирожное.

– Садитесь, мистер...

– Мистер Голд. Я хотел бы получить предсказание.

– Какое именно предсказание вы желаете получить? Беспристрастное, черное, счастливое?

Джонни, хотя и не увлекался мистикой, вопрос предсказательницы понял, как понял бы любой его современник. Беспристрастное предсказание – это невыборочное предсказание будущего, черное предсказание – когда предсказатель сообщает лишь о плохом, что ожидало человека в жизни, счастливое – только о хорошем. Конечно, черное предсказание для себя лично никто не запрашивал, но можно было попросить гадалея сделать черное предсказание для недруга. Выкрикнутое недругу в лицо, оно здорово подпортило бы ему настроение.

– У меня послезавтра свадьба, мне нужно предсказание, – ответил Джонни.

Они обговорили детали. Миссис Бронкс должна будет во всеуслышание возвестить об их с Лолой будущем, когда они выйдут из церкви. Деньги, двести кредитов, Джонни внесет вперед, положит на такой-то счет в Имперском банке.

Джонни вышел из конторы предсказательницы в сумерках. Сев в таксолет, он велел водителю поживее гнать машину в Дом Гражданских Обрядов, где находился офис фирмы «Лебединая стая». Джонни еще хотелось успеть в этот день договориться об аренде их фирменных гравилетов, очертаниями похожих на лебедей.

Обряд проходил в соборе Трех Скорбящих Апостолов.

Сквозь разноцветные витражи лился радужный свет. Неярко светился хрустальный шар в

рост человека, лежавший в центре сводчатого зала, голубовато-зеленый, с искусно смакетированными коричневыми извивами горных хребтов и синими ниточками рек на поверхности. Чуть выше шара, на мраморном пьедестале, наклонно стояла раскрытая книга Будущего Завета в переплете из коры деревьев, и все девять апостолов космической эпохи как бы благословляли через ее страницы обрुчавшихся.

Священник в черном одеянии, обводя Джонни и Лолу вокруг хрустального шара, несколько раз останавливался и провозглашал истины Будущего завета: «в космос уходя, оставь на Земле душу свою», «не ищи рая среди звезд»; «всегда возвращайся»... Сделав три круга, он дал молодым по кольцу, золотой обруч с веточкой-печаткой; они надели их друг другу. Священник соединил их руки со словами: «Да пребудете вы в мире, дети мои, в мире земном рожденные, и да будет плод от любви вашей земным плодом». Он трижды повторил эту формулу, которой заканчивался обряд, и только когда отзвук его последнего слова угас, стоявшие ближе к двери люди с миртовыми веточками в руках позволили себе зашевелиться.

На выходе молодоженов окружила толпа. Кругом были радостные лица, цветы, отовсюду неслись поздравления. Формально обряд бракосочетания закончился, Джон Голд и Лола Харт стали мужем и женой, — но впереди ждали развлечения, свадебные ритуалы, богатый стол.

О предсказательнице Джонни почти забыл, поэтому ее голос с хрипотцой прозвучал для него

неожиданно и резко. Пробившись к молодым, миссис Бронкс громко, как от нее и требовалось, выкрикнула:

– Вы будете любить друг друга до самой смерти, и смерть вас не разлучит!

В толпе стали переглядываться. Неужели о будущем этой пары нельзя сказать ничего путного, не упоминая о смерти? Один из приятелей Джонни по квади-клубу, гигант с лицом словно сработанным топором, буркнул:

– Ты, мамаша, ничего не могла придумать повеселее, что ли?

Гадалка не расслышала его. С иступленным выражением лица и вытаращенными сумасшедшими глазами, будто на нее и вправду снизошло откровение (рассказывали, чтобы такое состояние казалось искренним, предсказатели накануне выпивали уйму психотропных препаратов), она кричала и кричала свое, входя в раж, достигая непритворного безумия. Если бы, к примеру, она предрекала молодым богатство, удачу в делах, долгую жизнь, хороших детей, это ее кликушество было бы вполне приемлемо, она тем самым просто отрабатывала бы свой хлеб, но то, что она кричала, как-то неприятно резало слух, это отвратительное слово «смерть»...

Раскрасневшуюся предсказательницу стали теснить, иные – ворча, что-де надо бы отсудить уплаченные ей деньги. Недовольство толпы еще больше подзадорило ее:

– Да, да, так будет, и что может быть лучше? Они будут любить друг друга пока не умрут, и их любовь переживет самую смерть!

Ее оттеснили все-таки, а там уже показались изящные гравилеты фирмы «Лебединая стая», на которых молодым с друзьями предстояло подняться в небо для торжественного полета над Терриганом.

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Свадебное путешествие во второй половине тридцатого века – явление впечатляющее. Те, кто вообще мог позволить себе свадебное путешествие, редко довольствовались Землей: молодые летели на какую-нибудь из планет-курортов, тут тебе и экзотика, и удобства, а некоторые, имевшие деньги в достатке, предпочитали посещать за одну поездку несколько гостеприимных уголков Галактики сразу.

На свадьбу Джонни израсходовал тысячу семьсот кредитов, осталось у него без малого две тысячи триста. Из них тысячу семьсот кредитов Джонни отложил, они понадобятся, когда они вернутся на Землю, а другую часть суммы предназначил для космического круиза.

Чтобы освободиться от всяких докучливых мелочей, Джонни прибегнул к услугам туристической фирмы «Гименей-Галактика», специализирующихся на устройстве круизов для молодоженов. Джонни отвалил фирме тысячу сто кредитов, сюда входила и стоимость билетов, и оплата гостиниц, и четырехразовое питание, и культурная програм-

ма. Всего их с Лолой свадебное путешествие должно было продлиться три недели, за это время им предстояло посетить три «туристские» планеты: Орхесту, Люфинию и Викку.

Сначала их, в составе группы из десяти молодых и не очень молодых пар, доставили на Орхесту. Это была планета умершей цивилизации. Цивилизация орхестян не погибла в космической катастрофе и не сгорела в огне междоусобицы, но тихо угасла, как угасает догоревшая свеча. Считалось, что орхестян убила потеря интереса к жизни, этот бич цивилизаций, развивавшихся по гуманитарно-эстетическому пути. Конечно, за те несколько тысячелетий, в течение которых на Орхесту не ступала нога разумного существа, время изрядно попортило культовые сооружения, жилища и культурные центры орхестян, но все же на Орхесте осталось и немало интересного или, скажем, любопытного, а не одни бесформенные развалины. Во всяком случае, утверждалось, что там, где поработали реставраторы, планета приняла совсем-совсем такой облик, какой она имела во времена цветения на ее древе жизни веточки разума.

Орхестяне были гуманоидами, и поэтому их сооружения воспринимались земным умом не как чужое и совершенно бессмысленное, но как оригинальное и занимательное. Джонни и Лола целыми днями любовались каменным орнаментом высоких домов-башен, скульптурными композициями (реставраторы уж постарались, чтобы обвалившиеся головы и растрескавшиеся тела не вызывали у туристов досады), мягкими линиями хра-

мов. Несколько отдельных архитектурных сооружений, как им сказали, заслуживавших особого внимания, они посетили, перенесясь к ним на гравилетах. Подобно своим спутникам по туристической группе, Орхесту они покинули с целой сумкой каменных обломков.

Другая планета, Люфиния, не могла похвастаться тем, что ей однажды удалось породить разум. На Люфинии была жизнь, но она напоминала жизнь Земли эпохи ящеров. Кстати сказать, в этом и заключалась привлекательность Люфинии. Как говорилось в рекламных проспектах, «посещая Люфинию, вы посетите Землю, какой она была сто миллионов лет назад». И тут же составители проспектов добавляли, что хотя на Люфинии и встречаются крупные хищные ящеры, подобные земному тиранозавру, туристам нечего опасаться: в радиусе двадцати миль от гостиницы все подвижные формы жизни истреблены, и в пределы этой зоны не допускались, для чего по периметру зоны были установлены сильные защитные поля. Теперь требовалось успокоить любителей риска и любителей побрюзжать:

«Если Вы пожелаете увидеть люфинских хищников воочию – всегда к Вашим услугам гравилет с опытным пилотом. Охотничьи лицензии и любое оружие выдаются на месте.

Примечание.

Любителям острых ощущений. Немного формальностей – и Вас высадят в любом месте люфинских джунглей по Вашему выбору, с оружием или без оружия».

Джонни с Лолой несколько дней рассматривали люфинские пейзажи: папоротники в несколько десятков метров высотой, пасущихся добродушных гигантов-динозавров, стаи крылатых ящеров, спаривавшихся в воздухе, терзающих друг друга хищников. На Люфинии очень хороши были зори – красно-фиолетовые, похожие и в то же время отличные от земных. Обнявшись, молодожены стояли и смотрели на раскрашенную яркую полосу неба, пока краски ее не тонули в черноте ночи или в золотистом сиянии дня.

Однажды ночью Джонни проснулся, словно его кто-то толкнул. Он открыл глаза – и сна как не бывало, он будто бы и не спал.

Машинально Джонни провел рукою рядом с собой. Лолы на кровати не оказалось.

Он сел. Тревожно осмотрелся.

Лолы в комнате не было.

Хотя что тут тревожиться, она прошла в ванную, должно быть.

Но в номере стояла тишина, мертвая тишина.

Джонни зажег свет и тщательно осмотрел номер. Не забыл заглянуть под кровать, в шкаф для одежды тоже заглянул.

Лола исчезла.

Джонни плеснул в горсть воды из графина и обмыл лицо, но от этого Лола рядом с ним не появилась.

Если только... Лучше бы она сразу убила его.

Джонни попытался отогнать мрачные мысли, но непослушное воображение старательно вырисовывало перед ним животрепещущую картину: он и она, извечная тема, вот они соприкасаются

губами, вот они переплетаются в объятиях, вот он, изнемогая от желания, входит в нее... Джонни с трудом отказался от мысли кинуться вон из комнаты, рыком подозвать служащих отеля и строго спросить с них, где сейчас находится его жена.

Он выглядел бы дурнем, начини он с шумом разыскивать ее, да наверняка никто ему ничего и не сказал бы.

Вот урок женившемуся на проститутке.

Но если все раскроется, им придется расстаться. В голове у Джонни зашумело. Не лучше ли все оставить как есть? Со временем он сумеет приручить ее, он влюбит ее в себя настолько, что она позабудет про эти свои замашки. Джонни лег в постель. Вообще, лучше ему заснуть. Он потом решит, как поступить. И даже не утром он решит, а потом. Потом. Пока же он будет наслаждаться близостью с ней.

Нет, ничего не получится из лжи, подумал Джонни минутой позже. И нечего тут хитрить с самим собой.

Он посмотрел в окно. Две бледные луны круглились на небе серебряными озерами. Или все же стоит потребовать у нее, чтобы она раскрылась? Удар клинком в грудь лучше, чем в спину, потому что честнее.

Но она может обмануть его, сказать, что просто ей захотелось погулять ночью, подышать свежим ночным воздухом, или придумает что-нибудь поумнее.

Лучше ему самому дойти до всего. Это ее ночное отсутствие, конечно, не последнее, он дождется

следующего раза, только в следующий раз он будет чуток, он не упустит шанса проникнуть в ее тайну. Он проследит за ней в следующий раз, и все выяснится.

Тем более не стоит спешить со скандалом, поскольку ее виновность, в общем-то, не доказана. А вдруг причина ее отсутствия вполне невинна? Джонни ухватился за эту спасительную мысль, в глубине души сознавая, как мало шансов у нее воплотиться в действительность. Да-да, он не станет спешить, сперва он выяснит все, а уж потом поговорит с ней.

... Лола вошла тихонько, еле слышно. Если бы он не был настороже, то, наверное, и не слышал бы ее шагов. Постояв немного у кровати (прислушивалась к его дыханию, не иначе), она прилегла с краю, потом пододвинулась к нему. С содроганием Джонни ощутил ее горячее бедро.

Утром он вел себя как ни в чем не бывало, так ему казалось, она же, несколько раз внимательно посмотрев на него, сказала, что он не такой как обычно, уж не заболел ли он? Джонни отвечал, что объелся вчера за ужином здешних овощей, наверное, поэтому его слегка подташнивает.

Лола забеспокоилась. Джонни едва удалось отбиться от ее настойчивых попыток потащить его к врачу. Ему сейчас значительно лучше, чем было вчера вечером, только несколько раз повторив это, он сумел провести Лолу мимо амбулатории при гостинице и увлечь ее в ресторан.

— Ты не должен ничего есть, а чаю выпей, — сказала она ему. Он кивнул. Она подозвала офи-

цианта. Этот молодой смазливый стервец официант как-то странно улыбнулся ей, подумалось Джонни. Уж не с ним ли она... Когда Лола сделала заказ, Джонни удивился:

– Ты тоже будешь один чай? Ты ведь не передала накануне.

– Мне что-то не хочется есть, – ответила Лола. Чай они пили в полном молчании.

После завтрака, едва они поднялись из-за стола, к ним подошел руководитель группы мистер Винстон, седоволосый осанистый старик, хлопотливый и услужливый, которого все в группе за глаза называли «папаша». Папаша Винстон проговорил:

– Предлагаю слетать на островок, тут неподалеку. Там устраивают подводные экскурсии. Можно поплавать в подводной лодке, великолепный обзор. И все удовольствие не будет стоить вам ни мелкоглистика, наша фирма берет расходы на себя.

– Да, мы полетим, – ответил Джонни, стараясь стряхнуть с себя оцепенение. Лола не должна заподозрить, что ему известно об ее отсутствии ночью в номере, иначе она станет осторожной и он ничего не узнает.

Лететь на островок вызвалась половина группы, пять пар из десяти, остальные предпочли распорядиться этим днем без чьей-либо помощи. Папаша Винстон безумолку болтал, пока гравилет нес их к островку, на этот раз он рассказывал о том, по скольку у люфинских ящерообразных бывает яиц, и как они их высиживают – попеременно самец и самка или кто-то один, а у отдель-

ных видов, знаете ли, ящерятки развиваются в яйце вообще без высиживания.

Папаша Винстон разглагольствовал с таким видимым удовольствием, будто сам был не прочь усесться на ящерову кладку в качестве наседки. Почти все улыбались, слушая Винстона, улыбался и Джонни. Собственно говоря, а что ему киснуть? Он поведет свое расследование не с унижительным страхом входящего в темную комнату ребенка, а с усмешкой, словно играет в сыщиков. На островке их ждали, Винстон перед отлетом созвонился с организаторами морских экскурсий. Оказывается, подводная лодка, вернее, лодочка, имелась здесь для каждого клиента. Хотите берите рулевого-экскурсовода, хотите отправляйтесь в море сами, принцип управления лодочкой вам объяснят за две минуты. Так мало времени требовалось на объяснение, потому что при неправильной команде и малейшей опасности управление брал на себя бортовой компьютер. Компьютер же ограничивал удаление от острова десятью милями.

От экскурсовода Джонни отказался, он и сам сумеет порулить в морских глубинах. Когда он собрался опуститься за Лолой в лодку, к нему подкатил папаша Винстон:

– Меня не подхватите, ребята? Я бы мог показать вам кое-какие прелюбопытные местечки.

Собственным работникам фирма «Гименей-Галактика», очевидно, не оплачивала экскурсионную программу в части морского путешествия на Люфинии. «А что, если... он», – подумал Джонни и критически осмотрел Винстона с головы до ног. Винстон с его носом, похожим на гриб-дожде-

вик, и в молодости, вероятно, не был красавцем, теперь же, когда годы одарили его животом, фартуком свешивавшимся на штаны, морщинами... Но иногда старики обладают удивительной жизнестойкостью относительно отдельной части своего тела. И есть ведь такое понятие, как женский каприз.

Джонни, собравшийся было деликатно отказать Винстону, произнес:

– Конечно, мистер Винстон, мы с Лолой будем рады, если вы присоединитесь к нам. – «Посмотрим, как вы будете вести себя, когда усядетесь рядом, мистер Винстон и миссис Голд» – подумалось Джонни.

В лодке три кресла были установлены перед обзорным экраном, крайнее справа принадлежало рулевому, его-то и занял Джонни. Винстон сел крайним слева, таким образом Лола оказалась в центре.

Произведя погружение, Джонни повел лодку вперед, через открытое пространство, где не было заметно живности, в водоросли. Винстон стал подсказывать: «Давай левее, сынок, или мы упремся в скалу». Джонни послушно повел лодку влево, мимолетно скосив глаза на Винстона и Лолу.

За каменной грядой стали попадаться рыбы; иногда неподалеку проплывали, не спеша работая ластами, мелкие ящеры. Винстон предложил включить локатор. Оказалось, рядом находится крупный подвижный объект, стоило только развернуться. Они развернулись, и, проплыв немного, увидели ящера размером с земного кита, пожиравшего малиновую люфинскую медузу. Так

они путешествовали целый час, от ящера к осьминогу, от осьминога к морским змеям, и на протяжении всего часа Джонни то и дело поглядывал на своих спутников. Винстон и Лола вели себя безупречно. А потом раздался сигнал, означавший окончание путешествия, и бортовой компьютер, взявший управление на себя, повел лодку к островку.

На Люфинии группа папаша Винстона оставалась еще двое суток. Эти две ночи прошли для Джонни впустую. Лола находилась при нем безотлучно. Неужели она догадалась обо всем и теперь стала осторожничать?..

Перелет с Люфинии на Викку, последнюю планету, которую они планировали посетить, занял трое суток. Джонни плохо спал во время перелета, он ожидал, а вдруг все откроется в космосе, на корабле? На время оставив Винстона в покое, он десятки раз перебирал в уме их спутников мужского пола. У каждого была с собой жена, но, кто его знает, *не было ли среди них любителей нырять на сторону?* Джонни примечал все, и как себя вели мужчины их группы, и как себя вели женщины, не проявлял ли кто-то из дам недовольство своим супругом, но нет, ничего подозрительного Джонни заметить не удалось, даже старушка миссис Кверидж, по-видимому, не имела никаких претензий к своему юному супругу. Однажды в душу к Джонни закралось страшное подозрение. Он взглянул на их группу с другой точки зрения. За время путешествия Лола наиболее сблизилась с молоденькой миссис Поттер, любила она и переброситься сло-

вечком со смешливой дамой средних лет миссис Старм.

Джонни всмотрелся в обеих дам. Поттер весьма открыто и натурально демонстрировала приязнь к своему супругу, так что Джонни, подумав, подозрения относительно нее отодвинул на задний план. Что же касается Старм... Мистер Старм был меланхоличным усачом в летах, крупным ученым-компьютерщиком. Мистер Старм не говорил, а бормотал. Он был человеком со странностями, мистер Старм, так, когда он опрокидывал кисель на штаны, а это с ним случалось регулярно, он сначала вытирал усы, потом лужу на столе, а уж потом проявлял интерес к своим штанам. Надо сказать, свое дело он знал отлично, так, когда аппарат для синтеза фруктовых желе начал работать со сбоями, он, случайно услышав разговор поваров, моментально устранил неисправность. Миссис Старм любила подшучивать над своим мужем. «Мой Уоррен так задумчив, словно собирается проглотить крысу», – говорила она. Поправляя за столом салфетку мужу, она вдруг начинала проявлять излишнюю заботливость – протирала ему этой же салфеткой усы, заставляла высморгаться в платок. Но это было еще ничего, это все сходило за дружескую шутку. Однажды Джонни услышал, как Старм сказала о своем муже в женском кружке: «Мой мудак в очках». Миссис Старм не любила своего мужа, уверился Джонни, очевидно, ее держал при нем денежный интерес. Впрочем, это открытие Джонни ничего не дало, так как само по себе не могло служить доказательством существования патологической связи

между Лолой и миссис Старм. Кроме того, после этих слов миссис Старм о своем муже Лола, тоже слышавшая их, стала сторониться насмешницы, что нельзя было истолковать иначе как в пользу чистоты Лолы.

Когда перелет подошел к концу, оказалось, что Джонни так и не удалось ничего выяснить.

На Викке царствовали растения. Животный мир здесь почему-то не получил развития, встречались кое-какие слизняки, некоторые насекомые, да в мелких морях водились крохотные ракообразные, и все.

Вокруг гостиницы были разбиты прекрасные цветники из местных цветов, свои услуги туристам предлагали многочисленные конторы, организуя походы в джунгли планеты. Достопримечательностью джунглей Викки были хищные растения, ведущие полуподвижный образ жизни. Они способны были передвигаться вместе с присосками, выполнявшими роль корневой системы, при помощи усиков. Они как бы подтягивались на усиках в поисках наиболее лакомых для них растений, иной раз «проходя» за сутки, а виккянские сутки приблизительно равнялись земным, расстояние в несколько десятков ярдов. Для любителей тихой охоты на Викке было раздолье: здесь встречались растения, почти неотличимые по вкусовым качествам и внешнему виду от земных грибов, правда, нередко попадались и их ядовитые сородичи.

На Викку Джонни прибыл едва ли не с нервным расстройством, таким он стал раздражительным, взвинченным, и эту самую раздражи-

тельность у него уже не было сил скрывать. С нетерпением он дождался ночи. Он решил, что если и в эту ночь ничего не выяснится, тогда он спросит у Лола напрямую, куда она уходила на Люфинии.

Чтобы не заснуть, Джонни на ночь напился крепкого кофе.

Когда они легли в постель и насладились своими супружескими правами (Джонни был немножко груб, но Лола ничего ему не сказала, а может, это ей даже понравилось), Джонни притворно храпел. Храпел он долго, с перерывами. Тепло и недавние усилия так разморили его, что против своей воли он начал засыпать. И тут Лола, до этого тихо посапывавшая, шевельнулась.

С него слетел сон.

Через минуту-другую Лола встала с кровати. Джонни, продолжая храпеть, повернул голову, чтобы иметь возможность наблюдать за ней.

Она оделась, взяла с собой сумочку (косметичка, зеркальце, кошелек) и вышла из номера. Тихо звякнул ключ, поворачиваясь в замке.

Замок в дверь был врезан такой, что изнутри его можно было открыть и без ключа (Джонни отверг первоначально предложенный им номер только из-за отсутствия этого удобства). Вскочив с кровати, Джонни на цыпочках добежал до двери и выглянул в коридор.

Лола дожидалась лифта.

Джонни быстро оделся. Когда он опять выглянул в коридор, Лола входила в лифт. Это было удачей, что она еще не уехала, он мог узнать, где она выйдет.

Лифт тронулся. Джонни побежал вниз по лестнице. Лола доехала до первого этажа и там вышла. Джонни затаился, потом, увидев, что Лола вышла на улицу, бросился за ней. Сердце его бешено стучало. Как и всякий на его месте, он боялся и потерять ее из виду, и оказаться вдруг замеченным ею.

Лола быстро шла по улице. Она явно знала, куда идти. Вот она остановилась у какой-то витрины... Да это же аптека. Постояв с минуту, словно раздумывая, стоит ли входить, Лола толкнула дверь и прошла внутрь.

Но почему аптека до сих пор открыта? Или Лолу ждали?

Джонни подскочил к витрине. Пошарив глазами, он быстро обнаружил табличку: «Работаем круглосуточно».

Он переместился за угол. Не лучше ли сразу вернуться в номер, спросил он себя. Он знает, куда по ночам ходит его жена, теперь он может расспросить ее об этих странных посещениях аптеки. Он сумеет распознать, правду она станет говорить ему или нет. Вон она покупает кое-какое лекарство, через витринное стекло хорошо видно. Что же это такое?

Но из аптеки она, быть может, пойдет еще куда-то, а уж потом вернется в номер. Дождусь ее, подумал Джонни.

Лола вышла из аптеки и направилась к гостинице. Джонни – за ней. Когда она открыла дверь в гостиничный холл, ему стало нехорошо. Ему не скрывать, что он следил за ней. На лифте она доберется до их этажа раньше него, увидит, что его

нет в номере, и все поймет. Разве что попытаться обогнать лифт?

Как все это гнусно, скривился Джонни. Как гнусен он сам с его слезкой. Нет уж, он не побегит через три ступеньки по лестнице наверх. Пусть она узнает обо всем сразу же. Пришло время.

Звонить ему не пришлось, Лола оставила дверь в номер открытой.

Она стояла у окна.

Он решительно приблизился к ней и посмотрел ей в лицо – оно было жалким, как у обиженного ребенка.

– Зачем ты ходила в аптеку, Лола? – спросил он ее спокойно.

– За лекарством.

– Неужели у тебя не нашлось для этого времени днем? Или ты скажешь, что заболела только что?

– Нет, не только что.

– Так в чем же дело? Или... (Его мозг пронзила страшная догадка.) Это противозачаточные, да? Ты не хочешь от меня ребенка?

– Нет, не то. Я просто хотела, чтобы ты ничего не узнал до Земли... о моей болезни. У нас еще несколько дней до окончания нашего путешествия, ты так был счастлив все это время... Я не хотела, чтобы ты узнал об этом раньше времени.

– Я не понимаю тебя, Лола. Ты пугаешь меня. Если ты больна, почему ты из этого делаешь тайну? Неужели ты могла подумать, что я побрезговал бы тобой, или...

– Сейчас ты все поймешь.

Лола разделась и подняла правую руку. Она показала Джонни серое пятно, родинку под мышкой величиной с мелкую монету.

– Вот для этого мне нужно лекарство, – произнесла она.

– Что это?

– Ты слышал про плесень Брилла?

У Джонни потемнело в глазах.

– Я слышал про эту болезнь, но ведь она...

Арлам далеко отсюда...

– Это плесень Брилла, Джонни.

Он отшатнулся.

– Не бойся, – торопливо добавила Лола, и ему показалось, что сейчас она испытывает больше жалости к нему, чем к самой себе. – От меня ты не заразишься. Споры плесени вызревают только на Арламе, на родной планете плесени. А у моей плесени и спор-то пока нет.

Джонни, волоча ноги, подошел к кровати и тяжело сел на край. Охрипшим голосом он спросил:

– Как могло случиться, что ты заразилась? Не представляю себе... Или ты жила когда-то на Арламе?

– Дальше Луны до этого нашего свадебного путешествия я нигде не бывала. А как я заразилась... На Земле каждый год заболевают тысячи человек болезнью Брилла, тысячи тех, кто на Арламе никогда не бывал. Это сказал мне доктор на Орхесте, помнишь, на Орхесте я ходила к доктору?

– Ты сказала, что у тебя разболелась голова.

— Я обманула тебя. Когда я заметила это пятно, я сразу подумала о плесени Брилла, поэтому ничего не сказала тебе.

— Но как ты догадалась?

— Мой дядя был инженером на космическом корабле-транспортнике, летал он и на Арлам... Там он и заразился. Я видела точно такое же пятнышко у него на коже. А потом у него много появилось таких пятнышек... К доктору я пошла, чтобы удостовериться. Взяли анализ. Это плесень Брилла, точно. Доктор сказал, что я могла заразиться случайно, как заражаются каждый год тысячи людей на Земле. Зрелые споры с Арлама несмотря на все санитарные преграды попадают на Землю, и если одна такая спора окажется в ранке, с занозой или еще как, она может прорасти. У некоторых прорастет, у других гибнет. У меня проросла.

Джонни учащенно дышал, как рыба, выброшенная на берег волною. Мир рушился перед его глазами. Плесень Брилла... Ему как-то довелось увидеть по стереовизору передачу про эту болезнь, это было ужасно... Люди покрывались слоем плесени толщиной в несколько сантиметров, человек как будто превращался в зверя, в мерзкого монстра... И неужели Лола... Неужели это же станет с Лолой?..

Лола подошла к нему, села рядом с ним.

— Доктор дал мне мазь, мефенамовая кислота с вазелином, она заставляет плесень убраться с кожи... мазь быстро портится, а мазать кожу надо каждый день, поэтому мне пришлось сходить в аптеку на Люфинии и вот сейчас... Пятно стало

вдвое меньше, наверное, когда мы прилетим на Землю, оно совсем пропадет.

В душе у Джонни появилась надежда, но вместе с тем ему показалось, что надеется он зря. Что-то из той давней стереовизионной передачи предостерегало его не обольщаться раньше времени, но что это было, что?..

— Ты говоришь, эта болезнь поддается лечению? — прошептал он, страдальческими глазами посмотрев на Лолу.

— Плесень только спрячется, так мне доктор сказал. Он даже не хотел давать мне эту мазь... Плесень уйдет в легкие и в желудок, станет там развиваться. Вот так было у дяди Фоя... Ему несколько раз становилось лучше.

Джонни застонал. И с мокрым лбом, с капелькой пота, покотившейся по виску, обхватил Лолу за плечи. Губы его быстро нашли то самое серое пятно. Он впился бы в него зубами, если бы не боялся причинить Лоле боль... А потом они долго лежали, рука в руке, слушая стрекот ночных насекомых. Джонни чувствовал течение каждого мига, словно время замедлило свои шаги. И нарушался этот тягучий покой только быстрыми огненными каплями, сбегавшими по его щекам.

БЕЛЫЙ ЕДИНОРОГ

ГАДИНА

Джонни и Лола не стали дожидаться формального завершения их свадебного путешествия. Пропади пропадом деньги, уплаченные вперед туристической конторе, — на другой же день после объяснения они вылетели на Землю. Джонни рвался использовать для лечения Лолы весь арсенал земной медицины, в голову его с детских лет было вбито рекламными роликами частных лечебниц, что чем раньше начато лечение, тем лучше бывают его результаты.

По прибытии на Землю Джонни сразу же купил толстый справочник «Медицинские учреждения Терригана». Дома он быстро пролистал стра-

ницы. Раздел «Бесплатная помощь» он, не глядя, пропустил, ощутив тошнотворный запах благодетельного рыбьего супа. Вот, частные амбулатории. Глаза его побежали по строкам. Оказывается, рядом, через улицу, находилась частная амбулатория доктора Хроста, лицензия такая-то. Основана двадцать лет назад... каждый год амбулаторией приобретается нового оборудования на пятьдесят тысяч кредитов... в штате семнадцать врачей, все – действительные члены Императорского Врачебного Общества... расценки... Расценки Джонни смотреть не стал. В сущности, информационные блоки были схожи – никакой критики, никаких хвалебных определений. Только адрес, перечень услуг, несколько сухих цифр.

Джонни задумался. Хрост покупал ежегодно на пятьдесят тысяч кредитов нового оборудования, некоторые его коллеги разорялись на шестьдесят, восемьдесят тысяч кредитов ежегодно, другие не дотягивали до тридцати тысяч. Но что толку в этих цифрах, если в справочнике не приводилось, сколько человек обслуживала каждая лечебница за год? Одно дело, когда маленькая лечебница тратит на свое переоборудование пятьдесят тысяч кредитов, и другое дело, когда эта же сумма тратится большой лечебницей, имеющей широкий перечень услуг и обслуживающей много больных. Но если к помощи какой-то из лечебниц прибегают многие, это само по себе говорит за то, что обратиться следует именно туда, подумал Джонни, даже если бы эта лечебница тратила на свое переоборудование относительно много.

Джонни показалось, что его рассуждения не совсем верны. У него зарябило в глазах, и он захлопнул справочник. Для начала они обратятся в амбулаторию Хроста, этот Хрост, кажется, неплохой малый. А там видно будет.

На пути от космопорта до квартиры Джонни накупил на двадцать кредитов продуктов с марками: «натуральное», «рекомендовано Институтом Гигиены», «рекомендовано Независимой Ассоциацией Врачей». Перед тем, как усесться за справочник, он велел Лоле хорошенько подкрепиться, для борьбы с болезнью нужны силы. Перелистнув последнюю страницу, он посмотрел на жену. Сутулая, безучастная, она сидела за столом, равнодушно глядя на пучки зелени, раскрытые баночки с салатом, источавшие божественный аромат мясные консервы, заполнявшие вазу фрукты.

— Ты же ничего не съела, — ужаснулся Джонни.

Он начал ее убеждать. Он сделает все, чтобы вылечить ее, но должна же и она приложить какие-то усилия к своему выздоровлению. Или она считает, ему легче от того, что она упала духом? Не нужно сейчас думать о тех сотнях или тысячах, которые умирают от этой болезни, им нужно думать о тех, кто выздоравливает. Ведь выздоравливают же некоторые, она сама говорила ему. Что же касается ее дяди, да, он умер, но разве был у него кто-то, кто любил бы его так, как Джонни любит ее? Кроме того, с тех пор прошло пятнадцать лет, и эти пятнадцать лет земная наука не стояла на месте. До туристических планеток с их ретроградами-врачами, вполне возможно, новей-

шая информация о способах лечения ее болезни еще не дошла.

Лола как будто ободрилась. Она поднесла к губам апельсиновую дольку, затем еще одну... У Джонни сердце сжималось от жалости, когда он смотрел на ее прозрачные пальцы.

Через час они входили в амбулаторию доктора Хроста, небольшое двухэтажное здание округлой формы в пластико-бетонном строгом стиле.

Регистратура амбулатории доктора Хроста щеголяла новейшими компьютерами, ослепительной белизной накрахмаленных халатов, предельной вежливостью персонала: «Десять кредитов, пожалуйста. Благодарю вас, сэр. Проверьте квитанцию, будьте добры. Прошу вас, пройдите на второй этаж, кабинет двести четыре. Доктор Рольсдорф ожидает вас».

Доктор Рольсдорф оказался низким лысоватым мужчиной лет сорока. Выслушав Джонни, он тщательно расспросил Лолу о ее болезни. «Теперь я должен осмотреть вас, миссис Голд». Она разделась. Того серого пятнышка у нее на коже уже не было, мефенамовая кислота сделала свое дело.

Закончив осмотр, доктор Рольсдорф стал что-то быстро набирать на компьютере.

— Что скажете, доктор? — с тревогой спросил Джонни.

— Пока ничего определенного сказать вам не могу. Видимых проявлений болезни Брилла у вашей жены нет. Возможно, потому что вы лечились и плесень ушла с кожи. Но нельзя исключать, что это был какой-то безопасный грибок.

Вашей жене необходимо пройти обследование, мистер Голд. Вы согласны пройти обследование, миссис Голд?

– Да, конечно, – отозвался Джонни за Лолу.

– В таком случае вот вам счет, опуститесь вниз. В кассе вам поставят вот здесь штампик. С этим счетом пройдете в комнату сто пять, это на первом этаже. Потом возвращайтесь ко мне.

Лола слабо охнула, когда кассир сказала Джонни: «С вас сто семнадцать кредов, сэр». Джонни безропотно заплатил. Они отошли, и Лола сказала ему:

– Лучше бы мы обратились в государственную амбулаторию, там бесплатно.

– Никогда моя жена не будет лечиться в государственной амбулатории, – отрезал Джонни. Когда-то давным-давно, когда он был еще ребенком и его отец только начинал карьеру в Арагонском братстве, мать сводила его в государственную амбулаторию с простудой. С тех пор у него застряло в голове, что там и не лечили совсем, а только выдавали бесплатный суп.

В комнате 105 деньги отрабатывали как надо: были здесь и мерцающие экраны, и циферблаты с бешено пляшущими стрелками, и джунгли из разноцветных трубок.

Лолой занялись две лаборантки: «Сюда, миссис Голд. Сделайте вдох, миссис Голд, будьте добры. Теперь, миссис Голд, прижмите ладонь к этой поверхности». Через полчаса Джонни и Лола опять оказались в кабинете у любезного доктора Рольсдорфа.

Доктор Рольсдорф долго изучал длинный лист

с цифрами, прописями и графиками, который Джонни передал ему. Наконец он изрек:

– Определенно, у вас, миссис Голд, болезнь Брилла.

Джонни быстро спросил, не желая допустить после этих слов доктора хоть малейшую паузу:

– И какое же лечение вы нам посоветуете?

– Я – врач общей практики, мистер Голд, а болезнь Брилла – специфическое инфекционное заболевание. Конечно, я бы мог дать вам кое-какие советы, но будет лучше, если это сделает специалист. Врач-инфекционист сейчас принимает в комнате сорок шесть на первом этаже. Я бы посоветовал вам обратиться к нему. Вы не пожалеете, доктор Бьяри – клиницист с богатым опытом.

– Я еще раз должен заплатить за прием? – спросил Джонни перед тем как выйти.

Доктор Рольсдорф соболезнующе развел руками.

Внеся в кассу десять кредитов, Джонни ввел Лолу в кабинет инфекциониста. Доктор Бьяри быстро просмотрел сопроводительные документы – испитый доктором Рольсдорфом листок и результаты обследования в 105-й комнате.

– Плесень Брилла, несомненно, – резюмировал инфекционист. Он посмотрел на Лолу. – Вы говорите, вас сейчас ничего не беспокоит? Не отмечаете ли вы легкого подташнивания? Слабость? Слегка прикашливаете?

– В горле у меня першит, – сказала Лола. – Но меня не тошнит. Только аппетита нет.

– У вас, миссис Голд, вторая фаза болезни Брилла, начальная стадия, – уверенно проговорил доктор Бьяри.

– Что это значит, доктор? – спросил Джонни.

– Если не давать плесени развиваться на коже, она начинает разрастаться в желудке и в легких. Ваша супруга использовала мефенамовую мазь, и плесень ушла из кожи. Начальные признаки поражения заметны в желудке.

– И это опасно?

– Желудок и легкие – органы весьма важные, вы должны это понимать, мистер Голд.

Джонни сглотнул болезненный комок.

– Каково будет лечение?

– Наилучшие результаты мы имеем от применения препарата Х-10. При развитии на коже плесень, когда наступит время, выбрасывает споры, это называется «фаза колошения». В эту фазу мы применяем препарат Х-10. Под его воздействием наступает фаза исхода. Х-10 сильно раздражает плесень, и она покидает тело человека. И она умирает, потому что не может жить вне человеческого тела кроме как в спорах.

Слова инфекциониста показались Джонни обнадеживающими.

– И вы немедленно начнете лечение этим самым Х-10?

– Вы не совсем правильно поняли меня, мистер Голд, – мягко сказал доктор Бьярни. – Мы не можем сейчас же дать вашей жене этот препарат. Сначала надо дождаться фазы колошения.

– То есть... вы хотите сказать... надо подождать, пока моя жена покроется плесенью с головы до ног?

– Именно так, и для этого ваша жена должна прекратить использовать мазь с мефенамовой кис-

лотой, которая только загоняет болезнь вглубь. Пусть плесень опять выйдет на кожу, пусть разовьется на коже и заколосится. И вот тогда наступит черед X-10.

— Но почему нельзя использовать ваш X-10 сейчас?

— X-10 способен подействовать на плесень в любой фазе ее развития, но мы неспроста дожидаемся фазы колошения. X-10, как я уже говорил, вызывает фазу исхода, состояние, когда плесень покидает тело больного человека. Фаза исхода очень травматична. Плесень буквально разрывает тело хозяина. Наверное, эти цифры вас огорчат, но я по закону обязан говорить вам правду, и я скажу вам правду: только один из десяти человек после фазы исхода выживает, и это при условии, что фаза исхода проходит в развернутой операционной с персоналом наготове. Теперь вы понимаете, как важно, чтобы плесень причинила наименьшие повреждения телу хозяина в фазе исхода. Наименее активна плесень в фазе колошения, потому что она, подойдя к фазе зрелости, всеми силами стремится достичь ее и из-за этого задерживается в теле хозяина, даже уже испытывая воздействие X-10. Из-за этой задержки она успевает разрушиться настолько, что, когда все же начинается исход, она исходит ослабленной, вялой, не способной наверняка убить больного.

— То есть, если ваш X-10 будет применен сейчас, плесень, уходя, убьет мою жену? — хмуро проговорил Джонни.

— Совершенно верно, мистер Голд. Давайтеждемся колошения, и тогда уж применим X-10.

– И другого способа... нет?

– Боюсь, что нет, если вы хотите добиться излечения, а не временного улучшения. Хотя и этот способ, увы, весьма рискован.

– Раз другого способа нет, мы согласны, пусть будет этот. – Джонни повернулся к Лоле. – Так ведь, ты согласна на это?

– Нет. Я не хочу превратиться в обезьяну. И не обезьяну даже, а... Ты никогда не видел, как выглядят эти люди?

– Полноте, полноте, – доктор Бьярни сделал предостерегающий жест руками. – Не нужно так говорить, миссис Голд. Не скажу, что болезнь делает вас симпатичной, но ведь это косметическое страдание только на время. Потом мы введем вам в вену Х-10, и все будет хорошо. А пока вы могли бы пожить в каком-нибудь загородном пансионате для таких же больных, где вам нечего будет опасаться нескромного любопытства окружающих.

– Тебе надо соглашаться, Лола, – буркнул Джонни.

– И сколько... сколько мне придется ждать? – спросила она инфекциониста. – В среднем плесень достигает фазы колошения за десять лет.

– Десять лет! Нет, я не согласна. Я не отдам этой гадости свое тело. Спасибо за консультацию, доктор. Пойдем, Джонни.

Взвинченная, она вышла из амбулатории доктора Хроста – и силы оставили ее, она заплакала.

– Неужели ты подумала, что я оставлю тебя, если ты согласишься десять лет таскать на себе звериную шкуру? – спросил Джонни глухо.

Она ничего не ответила, и он посчитал себя не вправе требовать от нее ответа.

Джонни отвез Лолу домой, а сам отправился к Филипу Лейдену, в Институт Внеземных Болезней. Филип все же окончил медицинский колледж, неужели он не поможет своему старому другу хотя бы советом?..

Филип Лейден теперь работал в охраняемом секторе, поэтому Джонни не удалось пройти к нему так просто, как в прошлый раз. Он прождал Лейдена внизу, в холле первого этажа, почти час. Джонни уже начал морщиться, вспоминая, что Филип Лейден не нашел время побывать у него на свадьбе, он уже начал сомневаться в Лейдене, когда тот появился.

Филип Лейден с ходу принялся извиняться – и за свое отсутствие на свадьбе Джонни, и за то, что заставил друга долго ждать. Джонни, пренебрежительно махнув рукой, перебил его:

– Послушай, Фил. У меня к тебе несколько вопросов. Тут у меня одна проблема возникла... – Собравшись с духом, Джонни выпалил: – У моей жены болезнь Брилла, Фил.

Филип Лейден округлил глаза:

– Что ты говоришь? Плесень Брилла?

– Да, мы недавно узнали это. Она заразилась здесь, на Земле. На Арламе она даже ни разу не была.

– Я знаю, такое бывает, – Филип действительно был сильно расстроен. – Мне чертовски жаль, Джонни, что так получилось.

– Мне нужна твоя помощь, Фил, – с мягкой настойчивостью Джонни дал понять, что одними

соболезнованиями Филип Лейден от него не отделяется. – Мы сегодня были у доктора, тот сказал, надо, дескать, подождать, пока плесень заколосится. Раньше нельзя лечить. А ждать придется десять лет. Все эти десять лет она будет мучиться, страдать, изнывать в облике монстра... Я не могу об этом думать.

– Да, приятного мало, – согласился Лейден. – Я помню, было у нас несколько занятий по болезни Брилла. От плесени такой запах, бы-р-р-р... И еще, больные говорят, она и болючая к тому же, так что пинцетом ее не повыдергиваешь.

– Неужели нет никакого другого способа лечения?

– Ты знаешь, я не специалист в этой области... А вы не обращались в Имперский Институт Бриллологии?

– Впервые слышу об этом. Что это такое?

– Разве доктор не сказал тебе о нем?

– Нет.

– Понимаю, вы были у частного врача.

– В частной амбулатории.

– В этом все и дело. – Лейден усмехнулся. – Тут у нас так заведено. Те доктора, которые работают в благотворительной сети, пытаются поскорее сбыть сложных больных куда-нибудь. А частнику, конечно, интересно выжать из кошелька своего пациента все до последней капли.

– То есть... неужели... этот доктор Бьярни соврал мне, когда сказал, что нет других способов лечения болезни Брилла? Другие способы есть, но в других лечебницах, так?

– Ну зачем же так сразу «соврал». Вообще-то, насколько я помню, самый распространенный способ лечения как раз тот, про который он сказал тебе. Однако, возможно, в Имперском Институте Бриллологии тебе присоветуют кое-что лучше.

– В этом институте опыты над моей женой ставить не будут? Ее будут лечить, да?

– Имперские институты все организованы одинаково, при каждом есть клиника благотворительная и есть клиника платная. Методы лечения отрабатываются в благотворительной клинике, тем же, кто дает деньги, особо опасаться на этот счет нечего.

– Где находится этот институт?

– Головной корпус на Арламе, а филиал на Луне.

Джонни задал еще несколько вопросов. Ответы Лейдена становились все короче, ему, видно, не терпелось вернуться к своей работе. Когда Джонни начал прощаться, тот испытал видимое облегчение. Он уже собирался предложить Джонни встретиться еще раз позже, но Джонни избавил его от нарушения приличий.

На следующий день с космодрома «Гелиос» Джонни и Лола вылетели на Луну.

Лунный филиал Имперского Института Бриллологии находился на окраине Нью-Хоккайдо, крупнейшего города Луны. У входа в приземистое подковообразное здание стояло довольно много гравилетов; озабоченные люди входили и выходили через настежь распахнутые стеклянные двери.

Джонни провел Лолу внутрь здания с опасением, как бы им навстречу не попался больной с плесенью в фазе колошения. Она могла бы посчитать, что видит свое будущее, и это было бы для нее сильным ударом.

Прямо напротив входа висел указатель, две направленные в противоположные стороны стрелки: «платный прием» и «бесплатный прием». С благотворительной стороны до Джонни донесся запах немытых тел, лекарств и мочеприемников. А денег у них осталось совсем немного, меньше тысячи кредитов, заскребло у Джонни на душе.

Джонни заплатил шесть кредитов «за консультацию», и миловидная сестра показала им, куда пройти.

На двери висела табличка «доктор Хаггис». Доктор Хаггис оказался худощавым угловатым мужчиной с торчащим кукишем кадыком. Выслушав Джонни, вкратце рассказавшего их с Лолой печальную историю, он долго всматривался в бумажки из частной амбулатории Хроста, во все эти результаты анализов, благоразумно прихваченные Джонни с собой. Наконец он отложил бумаги в сторону и проговорил с дежурной улыбкой:

— Будьте добры, миссис Голд, разденьтесь.

Закончив осмотр, доктор Хаггис сказал:

— Вам необходимо пройти дополнительное обследование, миссис Голд. Это можно устроить прямо сейчас, если при вас есть наличные или чековая книжка.

— Направляйте, — обронил Джонни.

Когда они через час вернулись к доктору Хаггису, тот, взглянув на поданный ему Джонни листок, произнес:

— У вашей супруги, мистер Голд, действительно болезнь Брилла. Относительно лечения. Про официальный метод лечения вам рассказали в амбулатории доктора Хроста. Это отнюдь не плохой метод, надо сказать, на фоне других, хотя десять процентов выздоровевших, конечно, немного. Другие же методы... Мы используем некоторые другие методы, но каждый из них помимо преимуществ имеет и определенные недостатки. Так, мы можем активизировать развитие плесени, раз ваша жена не желает дожидаться десять лет фазы колошения. Запатентованный нами препарат И-7 позволяет сократить ожидание до трех лет.

— Три года, это слишком много для меня, слишком долго... — пролепетала Лола. — Вот если бы три дня...

— Препарат усовершенствуется, но, к сожалению, до исполнения вашей просьбы нам еще далеко. А что вы скажете про препарат Х-100? Как вам правильно сказали, если фазу исхода вызвать до достижения плесенью фазы колошения, больной наверняка умрет. Но это если вызвать фазу исхода препаратом Х-10. Х-100 дает некоторую надежду, нам удастся спасти одного человека из ста.

— Мы не можем пойти на такой риск, сказал Джонни. — Предложите что-нибудь еще.

— Есть еще Лурье-7. При его применении плесень как бы засыпает. Мы добиваемся насыщения

больного препаратом Лурье-7, потом начинаем давать внутрь мефенамовую кислоту. В половине случаев плесень погибает. Только при применении этого метода лечения мы встречаемся с одной неприятностью: Лурье-7 очень неблагоприятно действует на мозг. Девяносто человек из ста, принявших его, теряют память. Плюс некоторая неадекватность в поведении, спутанность мыслей, галлюцинации...

– Я не хочу стать сумасшедшей, – со слезою в голосе промолвила Лола.

– Вы говорите, плесень погибает, когда вы начинаете давать мефенамовую кислоту внутрь, – произнес Джонни, цеплявшийся за каждое слово доктора Хаггиса как утопающий за соломинку. – А нельзя ли обойтись без Лурье-7? Или мефенамовая кислота одна не справится с плесенью?

– Если ваша жена сейчас начнет принимать мефенамовую кислоту внутрь, плесень уйдет из ее желудка и из легких. Уйдет, как она уходит из кожи при смазывании кожи мазью с мефенамовой кислотой, но не умрет. Плесень уйдет туда, где концентрация мефенамовой кислоты будет наименьшей, обычно плесень начинает развиваться в мозговых оболочках. И тогда ваша жена умрет, сначала ее парализует, а потом она умрет, если, конечно, вы не дадите плесени вернуться в легкие и желудок или же в кожу. Лурье-7, как я уже сказал, усыпляет плесень. Плесень теряет свою жизнестойкость, она не уходит в мозговые оболочки и под действием мефенамовой кислоты умирает.

Джонни начало охватывать отчаяние. Неужели земная наука со всеми ее межпланетными исследовательскими институтами, с тысячами и тысячами ученых не может предложить ему ничего, после чего ему бы не пришлось сожалеть о своем выборе?

– Похоже, смертельный риск – ваше единственное лекарство, – раздраженно сказал Джонни. – Так есть у вас что-нибудь стоящее или нет?

– Вот мы и добрались до стоящего, мистер Голд, – сдержанно улыбнулся доктор Хаггис. – Наша новинка – препарат Модуль-2, о нем еще мало знают, так как клинические испытания только закончились. Модуль-2 действует подобно X-10, то есть он вызывает фазу исхода, однако выздоровление при применении Модуль-2 наступает в тридцати процентах. Это само по себе неплохо, кроме того, его можно применять не дожидаясь фазы колошения.

– То есть вы можете начать лечение прямо сейчас? – робко спросила Лола.

– Да, миссис Голд.

– Я согласна. – Лола взглянула на Джонни, взглядом спрашивая у него его одобрение.

– Тридцать процентов выздоровевших, это значит, есть семьдесят процентов других, которые... Тридцать процентов – это мало, доктор Хаггис, – проворчал Джонни.

– Вы правильно поняли меня, мистер Голд. Тридцать процентов выздоровевших не означает, что остальные семьдесят умерли. При этом методе лечения в фазе исхода плесень вызывает со-

всем небольшое повреждение в организме, до сих пор у нас выживали все больные. Семьдесят процентов – это те, на кого препарат не действует. В этих семидесяти случаях из ста плесень просто-напросто остается жить в организме больного как ни в чем не бывало.

– В таком случае, я согласен, чтобы вы применили этот препарат, – сказал Джонни. – Раз вы говорите, что моей жене ничего не угрожает.

– Направление на лечение я могу дать немедленно, – произнес доктор Хаггис. – Только сначала вы должны оплатить. Препарат очень дорогой, только в этом затруднение его использования. Пятьдесят тысяч кредитов, мистер Голд, и я выпишу направление.

– Пятьдесят тысяч! – обморочно ахнула Лола.

– Препарат изготавливается из семидесяти компонентов, их доставляют в институт со всех концов Галактики, – любезно пояснил доктор Хаггис. – Разумеется, вы должны понимать, что если препарат не оказывает нужного воздействия, мы не возвращаем обратно деньги. Не требуете же вы деньги за выпитое вино, если у вас от него началась изжога.

– У нас нет при себе такой суммы, но мы вам ее предоставим немного позже, – проговорил Джонни, овладев собой. – Вы не могли бы пролечить мою жену в кредит?

– Это невозможно.

– Тогда сообщите, на какой счет мне перевести деньги.

– Пожалуйста, обратитесь в кассу, там вам все объяснят.

– Спасибо доктор. – Лола потянула Джонни за дверь. «Я достану эти пятьдесят тысяч кредитов, будь они прокляты!» – твердил Джонни про себя, с жалостью поглядывая на Лолу. Они летели на Землю.

СХВАТКА

Как только Джонни задумывался, где же ему достать столь значительную сумму, пятьдесят тысяч кредитов, первым делом в мыслях его возникала загородная вилла в зелени под защитным куполом и со строгим привратником. У его семьи, то есть у его отца, были деньги, собрать пятьдесят тысяч кредитов для Чарльза Голда, вероятно, не составило бы проблемы. Джонни рассорился с отцом, но разве он не может попросить у отца прощения, покаяться, помириться с ним? В том-то и беда, что не может, с тоской думал Джонни. То есть он мог, смирив свою гордость, сказать отцу, что он кругом виноват и просит прощения, хотя в действительности он не чувствовал себя виноватым, – и что, что с этого? Предположим, отец скажет, что прощает его. Далее, он говорит, что ему нужно пятьдесят тысяч кредитов. Чарльз Голд спрашивает, зачем. И что он ответит? Что деньги ему нужны для спасения жизни человека, стрелявшего в его отца? Если он уверит своего отца, что осознал свою вину, что отрекается от Лолы, как же он сможет попросить денег на ее лечение?..

Или ему солгать, сказать, что деньги нужны не для Лолы, а на что-то другое? Но что такое он сможет придумать, что объясняло бы его нужду в пятидесяти тысячах кредитов? Да и солги он, разве его отец не стал бы наводить справки, разве его отец не докопался бы до истины?

Как ни крути, а выходило, что из разговора с отцом у него не получится ничего путного.

Но ведь у него еще была и мать.

Джонни знал, что его мать, миссис Эльза Голд, постоянно пополняла свой счет в Имперском Банке, переводя на него понемногу из сумм, выделяемых ей ее мужем, Чарльзом Голдом, для ведения хозяйства. Конечно, это не было тайной для Чарльза Голда, он сам поощрял ее к этому: «Мало ли что может случиться, а у тебя есть денежки на твоем личном счете». Кто-кто, а мать не должна отказать ему в помощи, заключил Джонни.

По прибытии на Землю Джонни сразу же позвонил матери.

Эльза Голд находилась дома, да она вообще редко отлучалась из дома, разве что заглянет в ближайший магазин. Услышав голос сына, она облегченно выдохнула:

— Наконец-то. Ты так долго не звонил, сынок.

Как ты?

— Мама, мне нужны деньги.

Шуршание в трубке.

— И много?

— Пятьдесят тысяч кредитов.

В трубке стон.

— Зачем же столько?

– Я не могу тебе сказать. Но мне очень нужно. – Его слова прозвучали как-то неубедительно, и Джонни усилил просьбу: – Речь идет о моей жизни.

Миссис Голд, помедлив, проговорила:

– У меня своих денег немного, несколько тысяч... Я спрошу у отца.

Его надежды на мать рухнули. Что же касается отца... Джонни не сомневался, что проводить переговоры с ним не имело смысла.

– Можешь не спрашивать.

– Я спрошу. Я умолю его...

– Нет. Ничего не нужно. – Джонни хотел повесить трубку, но тут что-то случилось с ним, что-то сжало, сдавило ему горло. Уж не дикое ли упрямство это, отвергать всякую возможность контактов с отцом? Не получится ли так, что это его упрямство, которое он принимает за трезвый расчет, погубит Лолу? – А знаешь, попробуй, – выдавил из себя Джонни. – Попробуй, поговори с ним. Я позвоню тебе завтра.

Джонни повесил трубку и вышел из таксофонной будки.

Поскольку надежда на отца была мизерной, ему нечего сложа руки дожидаться завтрашнего дня. Он должен, не откладывая, искать другие пути, как достать деньги.

Джонни шел по улице, маленький человек, мимо многоярусных зданий-пирамид, мимо поднимавшихся на сотни метров вверх железобетонных спиралей, суживавшихся кверху напоподобие раковины, мимо громадных домов-шаров, державшихся на опорах из особопрочного сплава. В небе

мелькали гравилеты, электромобили пронеслись по скоростной трассе – только ветром обдавало, высокие, в десятки ярдов, статуи героев и императоров отбрасывали длинные тени. Величие и мощь Земной Империи объяли мир, да только эти величие и мощь не были в силах дать счастье одному маленькому человеку.

Джонни и не надеялся на империю со всеми ее благотворительными организациями, слезливыми общественными и высокомерными частными. Он должен сам спасти Лолу. Но как? В голове у него мелькали тысячи комбинаций. Он мог выиграть... найти клад... ограбить банк... наняться в космодесантники и, проявив чудеса храбрости, добиться высшей награды Империи, Знака Утренней Зари, а с ним – прилагавшихся к нему ста тысяч кредитов наградных, он мог... Он ничего не может сделать, внезапно вспыхнуло у него в голове. Все эти планы или слишком фантастичны, или на их осуществление потребовалось бы очень много времени. Кстати, а сколько времени в его распоряжении?

Лола избрала путь красоты и смерти, она твердо заявила ему, что намерена применять мефеномовую кислоту от плесени, – это не даст плесени развиваться на коже (при втирании в кожу мази с мефеномовой кислотой), а также в легких и в желудке (при приеме мефеномовой кислоты внутрь). Но это, в конце концов, приведет к тому, что плесень начнет развиваться в мозгу, только как скоро такое произойдет?

Плесень в мозгу – это смерть, – вспомнил Джонни слова доктора из Имперского Института

Бриллологии. Если он не успеет достать пятьдесят тысяч кредитов, Лола... На лбу Джонни выступил холодный пот. Ему не хотелось думать, что Лола может умереть, но кошмар сам лез в голову, да и не мог он искать способ ее спасти, не думая об этом. Уж лучше бы они ничего не знали – и сразу... Подумав так, Джонни разъярился на себя. Господи, неужели он желает ей смерти, неужели он настолько упал духом?..

Ему следовало бы узнать о сроках, сколько времени у него в распоряжении, но вихрь чувств смел с души его все благоразумные соображения. Он должен был видеть ее немедленно, он должен был видеть ее, пока она... Он побежал, и грохот собственных шагов заглушил прозвучавший у него в голове голос: «Пока она не умерла».

Он открыл дверь своим ключом. Лола что-то напевала в задней комнате. Невероятно. Всю обратную дорогу на Землю она была удрученной, подавленной, что же случилось?

Никогда так Джонни не хотелось чуда. Вот сейчас он увидит ее здоровую, здоровую... и будто не было ничего, ни серого пятна у нее на коже, ни приговора врачей.

Она услышала, как он хлопнул дверью, и вышла в прихожую.

В руке она держала тряпку, должно быть, протирала пыль.

– Ты проголодался? Я приготовила тебе поесть.

Он прошел на кухню, взглянул на стол. Так. Она выходила за продуктами. Тут Джонни взглядом поймал ее движение, она что-то торопливо прикрыла ладонью, что-то, лежавшее на столе у

мойки. Он сделал вид, что не заметил это «что-то», а он заметил, и у него затосковало сердце. Это была коробочка с мефенамовой кислотой в капсулах. Действительность восстала перед ним как мертвые встают из гроба, вызывая ужас до содрогания. То, что несколько счастливых мгновений казалось ему сном, обернулось явью: Лола была опасно больна.

Он принялся есть, не чувствуя ни вкуса пищи, ни запаха. Гремя кастрюльками, Лола сказала:

– Тебе звонили из квади-клуба, какой-то мужчина. Спрашивал, скоро ли ты у них появишься. Я сказала, что не знаю. Он просил передать, чтобы ты позвонил в клуб.

Слова Лолы не были для Джонни новостью. В клубе его ждали. В день свадьбы Джонни имел примечательный разговор с Диком Кастлом. Кастл провел его в банкетный зал клубного ресторана перед тем, как туда прошли гости. Джонни начал восхищаться прекрасной сервировкой стола, и тогда Кастл, кивая и благодушно улыбаясь, как бы в шутку сказал, что он так постарался потому, что знает, за Джонни не пропадет, Джонни – хороший квадист, жаль что не профессионал, он еще немало пользы принесет клубу. Джонни весело обещал не подвести. Так они вместе изобразили, будто исключительно для смеху напялили маски расчетливости, скрывая под ними сердечную привязанность, вместе с тем они прекрасно поняли друг друга. Джонни обязан был отработать помощь Кастла, хотя и не взял на себя формального обязательства вернуться в клуб.

И он расплатится с Кастлом, только позже. Сейчас ему не до квади-клуба.

Но квади-клуб — это деньги, тут же подумал он. Пять выступлений в месяц на любительской арене приносили ему пятьсот кредитов ежемесячного дохода.

Однако что значит эти пятьсот кредитов ежемесячно, если ему нужно достать (заработать, занять, украсть) пятьдесят тысяч кредитов, и как можно скорее?

Пойти в профессионалы? А что, это идея. Профессионал-квадист получает не менее десяти тысяч кредитов за каждое выступление. Правда, в течение первого года работы на профессиональной арене мало кому из квадистов удастся превысить эту планку, десять тысяч кредитов за выступление, но ведь можно выступить несколько раз, провести несколько боев, и так, постепенно, собрать пятьдесят тысяч кредитов. Да, был еще один момент: профессионалу запрещалось выступать чаще, чем раз в месяц. То есть ему нужно пять месяцев, чтобы набрать нужную сумму: четыре месяца между пятью боями и месяц на подготовку.

Вот только есть ли у него эти пять месяцев?

Джонни быстро закончил обед. Амбулатория доктора Хроста, куда он поначалу повел Лолу, находилась неподалеку, там ему расскажут, что его интересует.

Лола не спросила его, куда он так спешит, что даже не допил сок и не притронулся к десерту, и сам Джонни не стал ничего объяснять. Похоже, Лоле хотелось позабыть про свою болезнь, что же,

раз ей кажется, что ей так лучше, он не станет лишний раз затрагивать эту тему.

Заплатив за консультацию, Джонни направился в кабинет доктора Бьярни, инфекциониста. Ему пришлось подождать, у доктора был клиент. Но вот старая дама с узлом седых волос на затылке и ожерельем из крупных красивых жемчужин жеманно попрощалась с доктором в дверях, и Джонни прошел в кабинет. Доктор Бьярни сразу узнал его.

– Решились, мистер Голд? – Доктор как будто сказал: «Я так и знал, что вы с вашей женой согласитесь подождать, пока настанет время применить препарат X-10, то есть пока ваша жена обрастет плесенью с головы до ног и плесень заколосится». – Я предлагаю поместить вашу супругу в пансионат доктора Николаса, это...

– Нет, доктор, мы еще ничего не решили, – огорошил Джонни инфекциониста. – Может, мы все так и сделаем, как вы нам посоветовали, но пока что... Понимаете ли, доктор, мы еще не потеряли надежды на излечение иным способом, не столь неприятным. И не столь опасным, вы же сами говорили, что только единицы выживают после применения X-10. Я знаю, вы опытный врач, мы доверяем вам, но утопающий всегда барахтается, прежде чем пойти ко дну.

– У вас сложилось неправильное представление о методике, которую я вам предложил, мистер Голд. Она совсем не плоха, особенно в сравнении с...

Джонни жестом остановил инфекциониста.

– Я хотел бы узнать от вас, доктор, вот что. Я слышал, если мазь с мефенамовой кислотой пос-

тоянно втирать в кожу и одновременно принимать мефенамовую кислоту внутрь, плесень не станет развиваться ни на коже, ни в легких, ни в желудке. Однако через некоторое время она начнет расти в мозгу больного человека. Вы можете сказать, как скоро от начала применения мефенамовой кислоты больной умирает?

— Если применять мефенамовую кислоту как вы сказали, смерть наступит через месяц-два. Неужели ваша жена решилась на самоубийство, мистер Голд?

— Нет, она только хочет прожить хоть несколько дней без плесени. А я хотел узнать, сколько времени у нас есть на раздумье. Вы сказали, месяц-два?

— Это средние сроки. Иногда, знаете ли, плесень попадается бойкая. Две-три недели проходит, и все, печальный исход.

Джонни сдвинул брови.

— Но если бросить применять мефенамовую кислоту, едва появятся первые признаки, что плесень начала развиваться в мозгу, она уйдет из мозга? — спросил он с надеждой.

— К сожалению, в практике такого ни разу не случалось. Если плесень затронула мозг, человек погиб.

Джонни опустил голову. Доктор Бьярни долго смотрел на мускулистого молодого человека, стоявшего перед ним, потом как бы нехотя сказал:

— Я мог бы дать вам совет, как получить время на раздумье, если желаете.

— Я слушаю вас, доктор.

Доктор Бьярни пожевал губами, помолчал, словно не уверенный, стоит ли давать обещанный совет. И все же он заговорил:

— Вы можете поиграть с плесенью, это даст вам отсрочку. Используйте мефенамовую кислоту попеременно на кожу и внутрь, а не сразу мазь и капсулы. Ваша жена принимает капсулы с мефенамовой кислотой?

— Да.

— Тогда пусть пока мазью не мажется. Как только кашель и боли в желудке пропадут, все, капсулы больше не нужны. Выждите сколько-то, как только появится пятно на коже, пусть начинает мазаться, а капсулы не пить. Пятно исчезнет, сразу или немного позже возникнут кашель и желудочные боли. Мазь отставляете, начинаете глотать капсулы. Вот так гоняйте плесень между кожей и легкими с желудком.

— И плесень не станет развиваться в мозгу?

— Если бы так. Вы ее погоняете так месяца три-четыре, потом она все равно примется за мозг.

Значит, в моем распоряжении — три месяца, сказал себе Джонни, покидая амбулаторию доктора Хроста. Причем три месяца, конечно, усредненное число. Наверное, бывают случаи, когда плесень, начни ее «гонять», поражает мозг раньше чем через три месяца. Так сколько же у них с Лолой времени на самом деле? Месяца два, не больше.

За два месяца он должен раздобыть пятьдесят тысяч кредов. А если у него ничего не получится? Что же, тогда Лола пойдет этим мучительным путем обречения плесенью, и через десять

лет ей дадут Х-10. Если только она согласится на это.

Но если он располагает только двумя месяцами, как же ему заработать пятьдесят тысяч кредитов на профессиональной арене квадистов? Ему нужно не меньше пяти месяцев, только тогда... он... на арене... пятьдесят тысяч кредитов... и то, если он всякий раз будет побеждать, десять тысяч кредитов за выступление выплачивается победителю... побежденный... что получает побежденный?.. смерть или тысячу кредитов страховки...

С тяжелым сердцем Джонни вернулся домой. Разговор с инфекционистом он передал Лоле. Оказывается, она так и собиралась делать, применять мефенамовую мазь и капсулы с мефенамовой кислотой порознь, чередуя. Она рассказала ему, что вычитала это в брошюрке про болезнь Брилла, которую купила, когда ходила за продуктами. И странно, в голосе Лолы Джонни не заметил ни горечи, ни слез. Неужели он ошибался, думая, что она избегает говорить про свою болезнь, избегает, потому что хочет в тоске своей позабыть про нее? Неужели это ее внешнее спокойствие было не забвением, но осознанием своей обреченности?..

– Ты не веришь мне? – вдруг спросил он ее.

– Ты о чем?

Он сжал ей руки и заглянул в ее лицо.

– Клянусь, я вылечу тебя, вылечу!.. Почему ты не веришь мне?

– Да, вылечишь, – сказала она с улыбкой.

Он заключил ее в объятия, покрывая поцелуями. Ее щеки показались ему солеными от слез. Она плакала, когда его не было? Значит, она не

забыла про свою болезнь и не пыталась забыть, она как и тогда, вначале, стремилась избавиться от лишней боли его, она боялась видом своих мучений свергнуть его в еще большую скорбь!..

Он перенес ее на кровать, и настал миг, когда звуки органа заглушили карканье ворон и безутешное рыдание иволги.

... Утром Джонни, наскоро позавтракав, отправился к ближайшему таксофону. Он мог бы позвонить матери и не выходя из квартиры, у них в квартире был установлен видеофон, но он не хотел, чтобы его разговор с матерью слышала Лола. Если новости будут плохие, она обо всем и по его виду догадается, не вдаваясь в расспросы, и это вряд ли улучшит ее настроение.

Набрав номер, Джонни услышал голос матери.

— Мам, это я.

— Джонни, сынок... — Голос ее был опечаленным. У Джонни стеснилось дыхание. Тут только он понял, что до последнего момента верил в отца, хотя и уверял себя, что ничуть не верит в его помощь. — Джонни, мне не удалось достать для тебя деньги, — убито проговорила миссис Голд. — То есть те деньги, которые были на моем счете, я уже перевела на твой счет в Имперском Банке. Прости, это только семь тысяч кредитов. Это все, что у меня было. С отцом я говорила, но... Значит, тебе нужны деньги для той девушки?

Джонни горько усмехнулся. А он еще раздумывал, что бы такое солгать, зачем ему понадобились пятьдесят тысяч кредитов! Были мгновения, когда он воображал, что сумеет провести Магистра Арагонского братства! Очевидно, его отец ус-

тановил за ним слежку сразу после того, как они расстались.

Разжалобить же Магистра Арагонского братства было столь трудно, как и провести.

— Да, деньги, мне нужны деньги для Лолы, — сказал Джонни. — С ней... словом, она... Спасибо за помощь, мама. Прощай.

Миссис Голд начала участливо успокаивать его, но ему не нужно было ни сочувствие, ни успокоение. Он повесил трубку. Он должен достать пятьдесят тысяч кредитов, где угодно, как угодно, но он должен их достать!..

Джонни, стиснув зубы, двинулся по улице, и неожиданная мысль пришла ему в голову.

Он ищет способ, как ему достать пятьдесят тысяч кредитов, а ведь нужно не это. Собственно говоря, для лечения Лолы нужен препарат Модуль-2, а не пятьдесят тысяч кредитов.

Он вырвет из лап институтских жирных крыс в белых халатах этот Модуль-2, и тогда никакие пятьдесят тысяч кредитов ему не понадобятся.

Джонни быстро стал выстраивать в голове план действий. Цель — выкрасть Модуль-2 из лаборатории Имперского Института Бриллологии. В лабораторию он проникнет ночью. Только прежде ему нужно узнать, в какой именно лаборатории этот препарат хранится, в каком сейфе. Подкупить какого-то докторишку из института? В распоряжении Джонни было семь тысяч кредитов, но хватит ли этого для подкупа? У институтских, должно быть, оклады хорошие, раз они такие деньги дерут за лечение, так что несколькими сотнями кредитов их не соблазнишь. Если и предла-

гать взятку, так тысяч пять, не меньше. Но ведь... но ведь он еще должен из этих семи тысяч отложить некоторую сумму для дальнейшего лечения Лолы. Одного Модуля-2 недостаточно, чтобы она выздоровела. Модуль-2 заставит плесень, поселившуюся в ее организме, войти в фазу исхода, а это значит... Джонни прошлым вечером пролистал брошюру о болезни Брилла, которую купила Лола. Фаза исхода... Там была такая картинка: серо-зеленая змея вырывается из груди больного – ломая кости, разрывая мышцы... Джонни вспомнились отдельные слова из текста. «Фаза исхода очень травматична... Перед применением препарата, вводящего плесень в фазу исхода, необходимо поместить больного в операционную... Результаты лечения напрямую зависят от оснащения операционной и квалификации врачей... Мы посоветуем несколько клиник, имеющих опыт работы в... » Как только у него в руках окажется Модуль-2, он должен будет поместить Лолу в хорошую клинику, причем ему придется заплатить не только за лечение. У персонала не должно возникнуть вопросов, откуда он достал это удивительное лекарство. Молчание персонала тоже потребует оплаты.

Раскинув умом, Джонни пришел к выводу, что ему не следует тратить на подкуп кого-то из сотрудников Имперского Института Бриллологии. На это у него просто нет денег.

Но как же тогда ему добраться до проклятого Модуль-2, если он не будет знать пути?

Он осмотрится на месте, решил Джонни. Там, на месте, он и увидит, что делать.

Джонни вылетел на Луну в этот же день. Из дома Голдов он сумел вынести только один игломет, поэтому перед самым отлетом он зашел в маленький оружейный магазинчик «Три пистона». Хозяин магазинчика хорошо знал его по его прежним делам в Арагонском братстве: на Земле решалась только торговля иглометами, но многие торговцы оружием, чтобы разжиться, приторговывали и лучеметами с черного хода, Арагонское же братство являлось крупнейшим поставщиком нелегального оружия. Из магазинчика Джонни вышел с лучеметом «Фейерверк» в руках, лучеметом класса повышенной мощности, обошедшимся ему в пятьсот кредитов.

Прибыв на Луну, Джонни отправился на стоянку грави-такси. Пилоту таксолета он сказал, что желает полюбоваться сверху красотами столицы Лунной провинции. Пусть таксист сделает несколько кругов над городом, а там он укажет, где ему сойти.

Таксист равнодушно кивнул.

— Да уж, у нас есть на что посмотреть, сэр. Таких высоких зданий нет на Земле, хотя, как вы знаете, на Луне сила тяжести давно равна земной. И, кхе, таких стройных ножек вы на Земле не найдете, как ни ищи.

— Должно быть, у вас тут попадаются ножки высотой с колонну Франца Второго, — пошутил Джонни. — Только пока я не увидел ничего особенного.

— Если вам угодно, сэр, я пролечу мимо нескольких открытых окон, — ухмыльнулся таксист. — Я знаю, где что можно увидеть.

– Там видно будет, а пока давай вон туда, что там у вас за громадина?

– Филиал Имперского Казначейства, сэр.

И они полетели над городом. Джонни то и дело спрашивал у таксиста название улиц и площадей, интересовался наиболее примечательными архитектурными ансамблями и функциями отдельных зданий. Имперский Институт Бриллологии Джонни поначалу как будто и не заметил. Только когда они второй раз пролетали над приземистым зданием-подковой, Джонни спросил:

– А это что там такое, вон то, как гвоздь согнутый?

– Имперский Институт Бриллологии, сэр. Слышали про болезнь Брилла? Их тут лечат. Боятся, как бы от них болячка на Землю не перекинулась, вот и поселили их тут, среди нас, на нашей красавице Луне. Земле до нас нет дела, пусть хоть, случись что, мы тут все передохнем.

– Я слышал, болезнь Брилла от человека к человеку не передается. Зараза разносится спорами, а споры могут созреть только на Арламе, родной планете плесени.

– Если этих больных нечего опасаться, отчего же институт построили на Луне, а не на Земле?

– Может, когда строили институт, еще не было уверенности, что больные болезнью Брилла не заразы, то есть еще не знали, что они становятся заразными только под солнцем Арлама, – предположил Джонни.

Таксист недоверчиво фыркнул.

– Все же, сэр, я бы не советовал вам прогуливаться вблизи этого «гнутого гвоздя».

– Между прочим, вон тот парк, который при-
мыкает к зданию института, словно нарочно со-
здан для прогулок.

– Сейчас я покажу вам, кто там прогулива-
ется.

Таксист сбросил высоту и сбавил скорость.
Они медленно полетели над институтским парком.

– Видите, какие уроды, – с отвращением бур-
кнул таксист. – Говорят, запашок от них такой,
что скорее нос затыкай. А они ничего, не воро-
тятся друг от дружки. Пообвыкли, приняхались,
что ли.

В парке гуляли больные. Некоторые из них
выглядели совсем здоровыми, другие, судя по длин-
нополым одеждам и надвинутым на самые брови
шапочкам, пытались скрыть от взоров свои обезо-
браженные плесенью тела, иные же... Эти послед-
ние словно бравовировали собственным болезненным
уродством, они не носили головных уборов, а ру-
кава их пижам были закатаны выше локтя – и их
безобразие било в глаза. Густая серо-зеленая шерсть
покрывала их руки, шеи, лица – так казалось со
стороны, на самом же деле не шерсть это была, а
плесень. А один субъект вообще обнажился до по-
яса, как бы бросая вызов своему чувству стыдли-
вости, – и даже не на обезьяну он был похож, а на
злого сказочного монстра.

– Как вам это нравится, сэр? – спросил так-
сист.

– Хватит, посмотрелся, – пробормотал Джонни.

Таксолет набрал высоту. Они еще немного по-
летали над городом, пока Джонни не приметил
то, что ему было нужно: ближайший к Институ-

ту Бриллологии полицейский участок находился в десяти минутах полета от него.

Джонни высадился в другом конце города, чтобы таксист не заподозрил в нем повышенного интереса к институту. Купив пижаму, схожую с теми, которые были на институтских больных, Джонни остановил проезжавший мимо электромо-биль. Будет лучше, если до института он доберет-ся на случайном попутном транспорте.

Немного не доехав до института, он сошел. В укромном уголке между домами он переоделся: свою одежду сунул в пакет, а сам облачился в больничную пижаму. Расстояние до парковых во-рот он преодолел быстрым шагом, почти бегом, чтобы как можно меньше прохожих таращили глаза на его персону.

В институтский парк Джонни вошел совер-шенно свободно. Какое-то время ему казалось, что все глазект на него, но потом, пройдя из конца в конец пихтовую аллею, он успокоился, поняв, что всем безразличен — и больным-пижамникам, и их унылым родственникам, и куда-то озабоченно спе-шащим людям в белых халатах.

Джонни сел на скамейку и стал присматри-ваться.

Вон через ту дверь больные входили и выхо-дили. Больничные пижамы мелькали только в ок-нах второго этажа четырехэтажного институтско-го здания — вероятно, палаты больных располага-лись только на втором этаже. Первый этаж Джон-ни сумел рассмотреть в свой прошлый прилет на Луну, его занимала институтская поликлиника. Логично предположить, что лаборатории находи-

лись на третьем и четвертом этажах, вот только узнать бы, за каким именно окном следует искать вождеденный Модуль-2.

Сначала Джонни ощутил прелый, с гнильцой, запах погреба, а потом услышал слова:

– Что, друг, грустишь? Тут у нас не салон красоты, да? Ничего, привыкнешь со временем. И даже не заметишь, как сам таким станешь.

Джонни обернулся.

На край скамейки опустился больной, судя по голосу, мужчина зрелого возраста. Лицо его сплошь покрывала серо-зеленая плесень, свешиваясь с подбородка на грудь в виде бороды; плесень пучками выбивалась у него из ноздрей и ушей; шерстью покрывала его кисти. Он не красовался без пижамы, но он и так выглядел отвратительно.

– Скоро заколосится, – сказал больной, поймав взгляд Джонни. – Доктор Модрок говорит, через неделю-другую. А тебе еще долго ждать, друг. Кто тебя лечит?

– Все забываю его имя, – с досадой сказал Джонни. – Я здесь недавно, не запомнил еще. Такой невысокий, волосики прилизаны.

– Кто же это такой... – собеседник Джонни задумался.

Разговор начал принимать опасный для Джонни оборот, поэтому он быстро сказал:

– Ждать мне долго не придется, приятель, ты это зря говоришь. Меня будут лечить новейшим препаратом Модуль-2, слышал про такой?

– Как не слышать. Я бы и сам от него не отказался, но старому космическому волку такая

дичинка не по зубам. Пятьдесят тысяч кредов отвалить, где же я их возьму? Нет, видно, мне придется дожидаться старого доброго X-10. Хотя от него и не каждый отчуживается.

— Я отдал все свои деньги, продал дом, чтобы заполучить этот Модуль-2, — проговорил Джонни. — А будет прок или нет, неизвестно. Или, может, когда доктора соберутся мной заняться, Модуль-2 возьмут и украдут, весь запас. Жди потом неизвестно сколько, когда изготовят новую порцию.

— Чтобы украсть Модуль-2, надо разнести весь верхний этаж. Да и этого мало, не по полу же он там у них рассыпан, наверное, в каком-то сейфе его держат. Так что не трусь, получишь ты свой Модуль-2, раз денежки заплатил.

— Но вор может пробраться на верхний этаж через окно, разобьет стекло и все, он там, — предположил Джонни. — А замок в сейфе можно вырезать лучеметом. Или они на ночь включают защитное поле?

— Генераторов защитного поля здесь нет, за девять лет ничего похожего на защитное поле я не видел. Да, и к чему им защитное поле? На четвертом этаже, где у них секретные лаборатории, круглосуточно дежурят охранники, шесть молодых. Если же банда нападет, полицейский участок недалеко, успеют сообщить.

— Я слышал, Модуль-2 хранят вон там, видишь крайнее окно справа? — спросил Джонни невинным тоном.

— А пес его знает, где он хранится.

Джонни задал еще несколько вопросов про Модуль-2, как бы невзначай, только чтобы под-

держат беседу, но ничего полезного ему более узнать не удалось. Настала пора разойтись. Джонни поднялся со скамейки со словами, что ему захотелось поразмять ноги.

— Я тоже непрочь прогуляться, — неожиданно заявил больной. — Мы куда?

Чтобы отвязаться от назойливого собеседника, Джонни пришлось немало потрудиться. Пока они гуляли по парку, Джонни то демонстративно отворачивался, зажимая нос, то игнорировал обращенные к нему вопросы, или же отвечал односложно и отрывисто. Намеки Джонни больной в упор не замечал. Только через полчаса он оставил Голда в покое.

Джонни еще немного побродил по парку. Потом, подходя в очередной раз к воротам, он повернул на выход.

Его никто не остановил.

Переодевшись в темной подворотне, Джонни отправился в космопорт, где в камере хранения лежала его сумка с оружием. По пути он купил у уличного торговца маску, изображавшую усмехащегося тролля.

Некая фирма «Первая скорость», находившаяся на территории космопорта, сдавала в аренду транспортные средства. Сюда и заглянул Джонни, как только получил свою сумку. Назвавшись первым пришедшим в голову именем, он взял сроком на двое суток маленький одноместный гравилет «Жучок». На «Жучке» он отправился искать ночной ресторанчик, а в фирме остались двадцать кредов арендной платы и шестьсот кредов залога.

Просидев в ресторанчике до полуночи, Джонни посчитал, что настало время действовать. Перед тем, как раскрыть дверцу машины, он луче-метом испортил бортовые номера, так что их стало невозможно прочесть.

Маленький одноместный гравилет с выключенными фарами понесся к Имперскому Институту Бриллологии.

Джонни предполагал, что в таком большом научном учреждении найдутся несколько энтузиастов, готовых задержаться до поздней ночи. Так оно и оказалось: два окна на четвертом этаже институтского здания светились. Впрочем, за одним окном, вероятно, находились охранники, только за каким из двух? Наверное, за окном, находившимся в центре здания, рассудил Джонни. А вот за тем, что в самом конце, должно быть, сидели ученые умники, которые могли бы провести его к сейфу с чудодейственным препаратом.

Отлетев от института на пару сотен ярдов, Джонни кинул гравилет на крайнее справа окно четвертого этажа.

Окно было такое, что как раз влететь гравилету марки «Жучок».

Стекло разлетелось с пронзительным звоном; гравилет Джонни оказался в комнате. Правым крылом машина врезалась в стол, отлетевший в сторону и ударившийся о стенку. Стоявшие на столе склянки попадали на пол, некоторые при этом разбились.

В комнате находились два сотрудника в белых халатах. Они сидели в дальнем углу комнаты за столом с приборами, поэтому участь стола

со склянками они не разделили. Внезапное вторжение Джонни заставило оцепенеть их обоих – и лысого, с красным морщинистым лицом, как у недоношенного младенца, и прыщавого, лохматого, с ручкой за ухом.

Джонни выскочил из гравилета. В одно мгновение оценив, что от находившихся в комнате людей ему нечего ждать неприятностей, он метнулся к двери. Коридор, в который выходили двери лабораторий, был ярко освещен и хорошо просматривался из конца в конец. Справа коридор оканчивался стальной дверью. «Фейерверк», находившийся у Джонни в руке, изрыгнул струю огня. Сталь расплавилась не сразу, Джонни пришлось отвести переключатель мощности в крайнее максимальное положение. Наконец по двери поползли раскаленные «слезы».

Через несколько секунд Джонни убрал палец со спускового крючка. Надо было бы проверить, достаточно ли крепко заклинило дверь, которая должна была послужить преградой охранникам, но на это не было времени.

Джонни вернулся в лабораторию.

Из этих двух институтских сотрудников бойцы вышли бы некудышные. Пока Джонни отсутствовал, они даже не успели прийти в себя, настолько страх парализовал их. Джонни, ожегши яростным взглядом перекошенные бледные лица, гаркнул:

– Где Модуль-2? Вы что, оглохли, где Модуль-2? Лысый пробормотал:

– Модуля-2 готового нет, во всем институте нет. Его готовят перед самым применением.

- Где находятся компоненты?
- В двести третьей лаборатории.
- Ведите, живо!
- Сэр...

– Живо, говорю! – Джонни положил палец на спусковой крючок.

Держа лысого и прыщавого под прицелом, Джонни вслед за ними вышел в коридор. Дверь, у которой они остановились, была закрыта, как и следовало ожидать. Джонни вырезал замок огненным лучом и, распахнув дверь ногой, дулом лучемета подтолкнул своих проводников:

– Шагайте, шагайте! А теперь показывайте, где эти самые ваши компоненты? – Взглянув на часы, Джонни выругался. В его распоряжении осталось менее пяти минут, если исходить из того, что охранники подняли тревогу сразу же, как только он вломился через окно в лабораторию, не могли же они не слышать звона разлетевшегося стекла, от участка же полиции до институтского здания было десять минут полета на гравилете.

Джонни смахнул со стола какие-то приборы и жестом показал, куда ставить посудины с этими самыми компонентами Модуля-2. Как только на столе появились первые стеклянные банки, Джонни схватил одну и быстро посмотрел на этикетку.

– Но здесь не написано, что из этого делают Модуль-2, – с нажимом сказал он. – Вы хотите меня обмануть?

Несколько лабораторных столов рухнуло, расщепленных огненным лучом. Институтские сотрудники поняли предупреждение. Прыщавый застыл

с подрагивающей челюстью, лысый быстро забормотал:

— Сэр, на компонентах Модуля-2 не написано, что это такое, что это для Модуля-2, честное слово, клянусь... Сэр, используются семьдесят компонентов, мы знаем, какие именно, но технология... технология очень сложная... Нужен хромоторный плексикатор, спектротрон... Как изготовить Модуль-2 из компонентов, знают только двое... Мы знаем в общих чертах, и знаем компоненты, этого недостаточно, чтобы изготовить... Даже если бы у нас были все аппараты и приборы, мы не смогли бы...

Дальше Джонни не слушал. Ему и так стало ясно: Модуль-2 ему не получить. Были компоненты, первичные элементы, но не было препарата, а из компонентов он сам не смог бы препарат создать. Или же его водили за нос, или же Модуль-2 стоял себе спокойно где-то рядом в темном шкафчике? Но даже если все обстоит именно так, что же ему теперь, стрелять? Разве убийство укажет ему на препарат?

Нет, не может быть, чтобы они лгали, подумал Джонни, взглянув на жалкие лица лысого и прыщавого.

Проклиная свое невезение, Джонни бросился в коридор. У него было не больше минуты, чтобы убраться из института. «Жучок» Джонни с включенными фарами понесся прочь от здания Имперского Института Бриллологии — а к институту уже подлетали полицейские гравилеты, шаря в воздухе лучами прожекторов. Джонни удалось ускользнуть от световой сети. Он высадился за

городом. Оставив машину в кустах, он стянул с головы маску усмехающегося тролля, закинул ее подальше и двинулся в сторону космопорта.

Разгром двух институтских лабораторий в полиции посчитали не столь важным происшествием, чтобы закрыть космопорт. Джонни без всяких затруднений сел на лайнер, отбывавший на Землю. Он прибыл в Терриган рано утром.

Дверь Джонни открыл своим ключом, не желая будить Лолу. А она уже не спала. Одетая, она вышла к нему, обрадовалась, прильнула к его груди. Он обнял ее, с тревогой ища в ее глазах признаки болезни или уныния. И в который уже раз подивился ее выдержке.

На кухне, глядя, как он ест, она сказала:

– Вчера была передача по стереовизору, одна фирма, «Борн и К» называется, нуждается в специалистах для дальнего космоса. Подготовка за счет фирмы, только надо сдать экзамен по курсу школы второй ступени. Ты еще слышишь голоса звезд, Джонни?

– Я не могу пока этим заниматься. Я...

– Мне кажется, ты слишком много внимания уделяешь моей болезни. Мы же решили, как я буду лечиться, теперь ты мог бы подумать и о себе.

– Что мы решили? Что ты станешь применять мефенамовую кислоту два месяца? А потом что?

– Мефенамовая кислота мне поможет и потом.

– Я же объяснил тебе, если применять мефенамовую кислоту долго, дольше двух месяцев, тебе может стать плохо.

– Это как получится. Но зачем ты сейчас терзаешься, зачем торопишь время?

– Я не терзаюсь, я ищу способ помочь тебе. Я ищу средство лучшее, чем эта мефенамовая кислота.

– Мы же знаем, какие бывают способы, нам объяснили, и в книжке написано... Мефенамовая кислота – самое лучшее для нас средство лечения моей болезни. И не о чем больше думать.

– Если я достану пятьдесят тысяч кредитов...

– Ты только напрасно мучаешь себя, Джонни. Тебе нужно сходить сегодня в эту фирму, сегодня последний день принимают документы. Тебя сочтут годным для дальнего космоса, я уверена.

Молча Джонни закончил свой завтрак, затем долго стоял у окна, глядя на безмятежные стайки голубей. Он бы заплакал, если бы огонь мучений не сжигал слезы в глубине его души.

И он сказал ей:

– Зачем мне звезды? Разве у меня нет звезды, чьих лучей мне дано счастье касаться?

Она тихонько засмеялась, и он стал покрывать поцелуями ее руки. И раскрылось небо, и звезды глянули на них из просторов Вечности, и время, казалось, остановилось. Времени не было дела до них, потому как в любви своей они не принадлежали ни земле, ни небу, но только друг другу. Есть родник, над которым не властно время, этот родник играет струями в глазах влюбленных.

Позже Лола сказала:

– Вчера вечером тебе опять звонили из квади-клуба.

– Надо же, как я им нужен, – отозвался Джонни с иронией. – А ведь попроси я у них денег займы, они ни за что не раскошелятся, даже если я пообещаю им отработать со временем все до медяка.

На память Джонни пришли его прежние рассуждения, как раздобыть пятьдесят тысяч кредитов, используя мастерство квадиста. Он было решил стать бойцом-профессионалом, но впоследствии отказался от этой мысли, потому как выяснилось, что он располагает лишь двумя месяцами, зарабатывать же пятьдесят тысяч кредитов на профессиональной арене можно в лучшем случае месяцев за пять. Однако... а почему он так уверен, что, сделавшись профессиональным квадистом, раньше чем за пять месяцев он пятьдесят тысяч кредитов не заработает?

Из квади-клуба ему звонят уже второй раз, значит, клуб в нем нуждается. Старик Кастл предлагал ему перейти из любителей в профессионалы, можно сказать просил, обольщая деньгами. Судя по всему, он, Джон Голд, скромно говоря, неплохой квадист. А раз так, почему бы ему, перейди он в профессионалы, не заключить с квади-клубом контракт на более выгодных условиях, чем это бывает обычно?..

Вспомнив, что у него все равно не было наготове лучшего способа достать деньги, Джонни отправился в квади-клуб.

В приемной клубного председателя его встретили куда любезнее, чем в прошлый раз.

— Мистер Голд? — Секретарь широко улыбнулся. — Одну минуточку. — В кабинете шефа секретарь пробыл менее минуты. Вернувшись в приемную, он раскрыл перед Джонни дверь кабинета:

— Прошу вас, мистер Голд.

В кресле председателя сидел Дик Кастл, старый приятель Джонни. А где же сам мистер Кастл?

— Привет, Дик, — Джонни еще не понял, что произошло. — Где твой отец? Я хотел бы поговорить с ним об одном деле. Или... Неужели...

— Точно так, старина. Теперь это мой кабинет. Папаша, так сказать, передал мне бразды правления. Конечно, отец оставил за собой право решающего голоса в вопросах всяких там переорганизаций, но с текучкой теперь управляюсь я сам целиком и полностью.

— Что же, Дик, поздравляю... Честное слово, я очень рад за тебя.

— Спасибо. Садись, чего стоишь? Надеюсь, ты явился сюда не для того, чтобы сказать мне, что порываешь с клубом?

— Нет, Дик. Как раз наоборот. Я...

— Прости, Джонни, что я тебя перебиваю. Конечно, когда мы наедине, ты можешь называть меня по-прежнему по имени, мы ведь так долго вместе махали квадаком, но при посторонних тебе не следует обращаться ко мне так. Знаешь ли, все эти похлопывания по плечу... Люди могут подумать, что всякому дозволено вот так запросто

разговаривать со мной накоротке. Не то чтобы я слишком много возомнил о себе, просто я хочу сохранить дисциплину в клубе такой, какой она была при отце. Что же это за клуб квадистов без дисциплины?

Джонни слушал Кастла с чувством возраставшей отчужденности. Когда Кастл замолчал, Джонни выдавил из себя:

– Я понимаю тебя, Дик. Да, ты прав, дисциплина в клубе должна быть.

– И еще, Джонни. Чтобы в присутствии посторонних ты смог взять правильный тон, не поперхнувшись, неплохо бы тебе прямо сейчас потренироваться, как это будет звучать. «Мистер Кастл», «сэр»... Ну, ты меня понимаешь.

– Да, я все понижаю, сэр, мистер Кастл, – угрюмо проговорил Джонни.

– Теперь давай о деле. С чем ты пришел ко мне?

– Я хочу стать профессиональным квадистом, сэр.

Дик Кастл сделал большие глаза, откинулся на спинку кресла.

– Не ожидал, не ожидал от тебя! – Губы Кастла изогнулись в довольной улыбке. – А я-то думал, что мне придется упрашивать тебя остаться в клубе любителем! Стать профессиональным квадистом, это славно ты решил, старина Джонни! С твоим умением орудовать квадаком из тебя, ей-ей, выйдет классный профессионал!

Джонни тихо сказал:

– В контракте, мистер Кастл, мне бы хотелось, чтобы было указано вот что. За первое выступле-

ние я получаю двадцать тысяч кредов, за второе – тридцать тысяч. Все расходы на мою подготовку и на лечение, разумеется, оплатить должен клуб.

Дик Кастл изумленно вскинул брови:

– Двадцать тысяч кредов за первое выступление и тридцать тысяч за второе? Это неслыханно! Прости, Джонни, но мне кажется, у тебя не в порядке с головой. Ты разве не знаешь расценки? Ни один профессионал не получил за свое первое выступление больше десяти тысяч кредов, уж можешь мне поверить. Что же касается последующих боев, то там плата обговаривается за каждый бой особо. Если публика полюбит тебя в качестве профессионального бойца и на твои выступления будут валить толпы, что же, я буду платить тебе больше, чем десять тысяч кредов за бой. Но ты должен отдавать себе отчет, тебе придется удачно провести не менее десятка профессиональных боев, чтобы публика накрепко влюбилась в тебя. Десять боев – это в лучшем случае. Немало профессионалов с солидным опытом имеют все те же десять тысяч кредов за выигранный бой.

– Так ты... Извини, забыл. Так вы, мистер Кастл, собираетесь платить мне только по десять тысяч кредов за выступление? – уточнил Джонни.

– Для начала по десять тысяч, а там посмотрим.

– В таком случае, прощайте. Придется, видно, мне обратиться в другой клуб.

– Как тебе будет угодно.

Джонни направился к двери. Кастл и не подумал остановить его.

Выйдя из приемной, Джонни остановился. Или действительно сходить в другой клуб? Но как, чем он докажет, что стоит этих денег? Показать несколько упражнений с квадаком? Перед мысленным взором Джонни пронеслись знакомые ему лица клубных председателей – обрюзгшие, с висящими щеками и рыбьими холодными глазами, хищные худощавые, курносые и сальные, цвета красной меди... Даже если он примется отплясывать на острие кинжала, он не убедит этих типов, что достоин получать плату большую, чем прочие бойцы, делающие первые шаги на профессиональной арене. Да и с чего это он думает, что достоин высшей платы? Между прочим, он уже несколько недель не держал в руке квадак. Пожалуй, сейчас, без предварительной тренировки, он не сумел бы выполнить даже упражнение средней сложности.

Джонни повернул назад. Кастлу он сказал:

– Пусть будет по десять тысяч кредитов за выступление, я согласен. Только... Мне нужно, сэр, через два месяца иметь на руках пятьдесят тысяч кредитов. Месяц уйдет на подготовку, а потом нельзя ли устроить так, чтобы я за месяц провел пять боев, а не один?

– Ты же знаешь, что по Уставу квади-лиги профессионалу разрешается выступать не чаще чем раз в месяц. И это разумно. Победитель, каким бы он ни был искусником на арене, почти что всегда выглядит как жеванный ростбиф, и бойцу нужно не меньше месяца, чтобы раны как следует затянулись.

– Я попытаюсь стать первым победителем с неповрежденной кожей. Мне очень нужна эта сум-

ма, пятьдесят тысяч кредитов, мистер Кастл, за два месяца я должен ее собрать.

Дик Кастл забарабанил пальцами по столу. Что-то просчитав в уме, он сказал:

— Хорошо. Ты заработаешь пятьдесят тысяч кредитов за два месяца. Для этого тебе придется дать шесть боев и, естественно, всякий раз ты должен будешь выходить победителем.

— Как, шесть боев? Вы не дадите мне по десять тысяч кредитов за бой, сэр?

— Ты получишь не меньше чем десять тысяч кредитов за бой, это я тебе гарантирую. Шесть боев — шестьдесят тысяч кредитов, из них пятьдесят тысяч твои, а десять тысяч мне придется уплатить в виде штрафа. Штраф в две тысячи кредитов, таково наказание за бой, проведенный раньше положенного срока, то есть проведенный бойцом до истечения месяца после последнего боя. Итак, за первый профессиональный бой ты получишь десять тысяч кредитов, за последующие пять — по восемь тысяч, и всего у тебя наберется пятьдесят тысяч кредитов, что тебе, я вижу, здорово как нужно.

— Я согласен, — сказал Джонни со вздохом. — Начать подготовку я хочу с завтрашнего дня.

— Приходи завтра к девяти утра, прогуляемся в министерство за сертификатом, а там и готовиться начнешь.

На другой день Дик Кастл повез Джонни в Бюро Лицензий и Сертификатов Министерства Зрелищ и Развлечений. Джонни без труда прошел медицинскую комиссию, после чего его подвергли маленькому экзамену. Ему пришлось немного пофехтовать квадаком с одним из ветеранов про-

фессиональной арены, которого специально держали в штате Бюро для такого случая. Джонни смотрелся неплохо, отсутствие практики на протяжении нескольких последних недель было возмещено его энтузиазмом, и старый квадист поставил ему высший балл. Потом Джонни попросили обождать в коридоре, а Кастл остался в помещении, где заседала комиссия, со всеми необходимыми бумажками: свидетельством, что Джонни провел сто тридцать семь любительских боев (для сертификации требовалось, чтобы кандидат провел не меньше сотни любительских боев), со справкой, что Джонни психически здоров, с заявлением Джонни, что тот стремился стать профессионалом «согласно собственному умунастроению и без какого бы то ни было давления со стороны»... Через час Дик Кастл вышел к Джонни, помахивая пестрым листком.

— Вот твой сертификат, взгляни. Он останется у меня, а тебе мы сделаем копию.

Джонни прочитал: «Сим удостоверяется, что Джон Голд, землянин, личный номер АМТ-23654-32765, обладающий всей полнотой прав и обязанностей гражданина Земной Империи, является профессиональным квадистом и имеет право выступать на профессиональной арене». Далее шли кружевные подписи и печать.

Дик Кастл, приняв у Джонни сертификат, сказал:

— Теперь поехали в клуб. Заключим контракт на двенадцать выступлений, честь по чести.

— Мне нужно только шесть.

– Ты сможешь выйти из игры когда захочешь. Контракт на двенадцать выступлений, это не значит, что ты обязан двенадцать раз выступить. Это значит, что ты обязуешься не переходить из моего клуба в какой-то другой прежде чем двенадцать раз выступишь на профессиональной арене.

– То есть я вправе бросить квадак после шестого выступления?

– А я о чем тебе толкую? Выступать или нет – твое дело, только если ты бросишь выступать до того, как проведешь двенадцать боев, формально ты останешься в моем клубе. Все это будет в контракте, что я тут тебе разжевываю.

Когда они прибыли в клуб, Дик Кастл показал Джонни контракт, форменный бланк без единой правки ручкой. Джонни быстро пробежал глазами по тексту. Страховка на случай проигрыша... Бесплатное медицинское обслуживание... Специальное питание за счет клуба... Обычно молодчики, оказавшиеся на месте Джонни, крепко задумывались над следующей фразой: «Страховка выплачивается в случае, если проигравшему дарована жизнь или если смерть проигравшего наступила в ходе боя. Если смерть проигравшего наступила согласно волеизъявлению зрителей, страховка не выплачивается». Джонни этот абзац пропустил, запнулся он на другом абзаце, находившемся в самом конце. «Профессионал обязуется в точности исполнять указания своего тренера, в случае же нарушения... вплоть до штрафа в... » Джонни вспомнил, что обычно готовящимся к бою профессионалам не разрешалось

видеться ни с родными, ни со знакомыми. Это стоило обговорить.

— Я должен иметь право встречаться с моей женой когда мне захочется, — сказал Джонни. — Это надо сюда вписать.

— Зря беспокоишься, старик. Для профессионалов я держу хороших девочек, чистых и не склонных к отрицательным эмоциям.

— Я не подпишу контракта, если здесь не будет, что я сказал.

Кастл поморщился.

— И угораздило же меня сертифицировать тебя перед подписанием контракта! Понадеялся на твою порядочность, бестия ты такая, а ты вон что, условия ставишь. Твой сертификат обошелся мне в тысячу кредитов, налог пришлось заплатить, а с тебя, между нами говоря, я еще ничего не поимел. Ладно, будь по-твоему. Ты сможешь видеться с женой раз в неделю.

Джонни запротестовал. После долгого спора с Кастлом он все же сумел настоять на праве видеться с Лолой три раза в неделю, и контракт был подписан.

Джонни хотел выйти из кабинета, но Кастл окликнул его:

— Ты куда?

— Домой, с женой повидаться. Через два часа буду в клубе.

— Э, нет, погоди, так не делается. Ты подписал контракт? Видишь, что здесь написано? Контракт вступает в силу с момента подписания. Все, теперь ты мой. Самому тебе покидать клуб запре-

щено. Если хочешь, твою жену мы сюда приведем, раз уж на том порешили.

Джонни подавил злобу. Еще вчера он ощутил между собой и Кастлом стену, и все же он не ожидал от человека, некогда называвшегося его другом, такой черствости.

— Ну так пригласи ее в клуб, — буркнул Джонни. — Я желаю видеть ее.

— К вечеру пригласим. Сейчас ты будешь занят, у Роджерса, твоего тренера, через полчаса начинаются занятия. Ваше свидание с женой продлится два часа.

— Что такое? Ты станешь отмерять, сколько мне видаться с женой? Где контракт? У тебя нет такого права!

— Ты забываешь свою обязанность повиноваться дисциплине.

— Я...

— Можешь уйти отсюда и подать на меня в суд, только я выиграю процесс, и ты заплатишь пять тысяч кредитов неустойки.

— Ты говорил, я всегда могу бросить квадак!

— Это вступает в силу только после твоего первого боя, надо лучше читать бумаги, которые подписываешь.

Джонни готов был вцепиться в горло Кастлу, но тут хозяин кабинета посмотрел в сторону двери и с видимым облегчением сказал:

— Вот, кстати, и Роджерс. Роджерс, это тот самый квадист, о котором я говорил тебе. Забирай его, сертификат ему выдан, контракт мы подписали.

Седой ветеран квадака с обезображенным шрамами лицом внимательно осмотрел Джонни, словно покупал раба.

— Да ты ничего, парень, — удовлетворенно проворчал Роджерс и с размаху ударил Джонни по щеке, едва не сбив его с ног. Лицо Джонни загорелось от гнева, а Роджерс продолжил: — Ты ничего, только злости в тебе маловато. Это поправимо. Пошли.

Джонни уже не владел собой. Он размахнулся — ветеран проворно отступил, и удар Голда пришелся впустую.

— Оказывается, еще и сдержанности тебе недостает, сынок, — весело сказал Роджерс. — Ну да мы тебя воспитаем. Шагай!

Он жестом приказал Джонни идти впереди, как приказывают конвоиры арестанту.

СТАЛЬНОЙ ДРАКОН

Свидание с Лолой у Джонни получилось коротким, даже обещанных Диком Кастлом двух часов им не дали. Роджерс сказал: «Ты, парень, попустрее, я не собираюсь за дверью дожидаться, пока вы натешитесь». Джонни встретился с Лолой в тренерской, то есть на суверенной территории Роджерса, что в какой-то мере извиняло грубость тренера (надо сказать, Роджерс очень удивился бы, услышав оправдание его грубости, он-то сам ни в каких оправданиях потребности не испытывал).

– Я теперь профессиональный квадист, – сказал Джонни в ответ на отчаянный взгляд Лолы. – Я говорил тебе, я ни один год ходил в любителях и всегда мечтал стать профессионалом. Думаю, если сложится неплохо, через два месяца я смогу заплатить за Модуль-2. Через два месяца ты станешь здоровой.

– А звезды? Ты всегда говорил, что звезды...

– Звезды? Что такое звезды? Звезды – это мальчишеские фантазии, они остались в прошлом. Да и вообще, звезды мне всегда мерещились во вторую очередь, а первым моим желанием было попасть на профессиональную арену.

– Воображаешь, тебе удастся обмануть меня?

– Понимай как знаешь, но... Что сделано, то сделано. На два месяца мы разлучены, таковы правила квади-боя, но зато потом у меня будет достаточно средств, чтобы вылечить тебя. Впрочем, иногда мы будем видеться в эти два месяца, я добился специального разрешения.

– Два месяца!

– Говорю, иногда мы будем встречаться. Как сейчас. Теперь вот что. Дай мне слово, что за эти два месяца, кроме случаев, когда я тебя вызову на встречу, ты близко не подойдешь к квади-клубу.

– Не понимаю...

– Я не хочу, чтобы ты увидела меня на профессиональной арене. Некоторым кажется, будто своим присутствием на трибуне они помогают бойцу, действительно же...

– И ты смог подумать, что у меня хватило бы сил смотреть, как ты дерешься там, как ты пос-

тоянно рискуешь, как тебя... — Лола готова была вот-вот разрыдаться.

Джонни почувствовал, что еще немного, и он не сумеет далее говорить короткими отрывистыми фразами и метать строгие взгляды, удерживая ее от раскисания. В это время за дверью раздраженно затопал Роджерс. Джонни передал Лоле все деньги, которые были с ним, и они простились.

Роджерс старшинствовал над группой из восьми профессиональных квадистов, Джонни стал девятым. Кроме группы Роджерса в клубе «Ветры Земли» было еще несколько групп профессионалов численностью до дюжины человек, каждая находилась под началом квадиста-ветерана. Появление Джонни квадисты Роджерса восприняли довольно равнодушно, ну еще один любитель перешел в профи, что же с того? Когда Роджерс ввел Джонни в зал, профессиональные бойцы только на секунду прервали свои занятия. И то не все. Изматывавший тренажер-гигант с маленькими носорожьими глазками даже не кивнул на приветствие Джонни. Не то чтобы Джонни не пришлось по душе Арчи Ласкену, просто не в привычке Арчи Ласкена было отрывать внимание от собственной персоны хоть на мгновение.

Занятия у Джонни начались немедленно. В оружейной он подобрал себе квадак по руке, затем стал облачаться в защитный костюм, а Роджерс уже проявлял нетерпение, чего это там новичок копается. Когда Джонни вышел в зал, оказалось, что все квадисты успели переодеться в защитные костюмы, пока он выбирал оружие. Раз-

бившись на пары, они стояли полукругом в ожидании указаний Роджерса.

Поблизости от каждой пары находился квади-счетчик. Красная и синяя лампочки приборов горели равномерно: бой еще не начался, ни один из бойцов, будь он в синем костюме или красном, не получил еще ни единого удара. Роджерс велел Джонни одеть красный костюм, тогда как сам он был в синем. Разумеется, Джонни не пришлось долго ломать голову, кто будет его партнером на этом занятии.

Роджерс всегда уделял новичкам больше внимания, чем остальным. Или, скажем, новички куда больше нуждались в его внимании, чем остальные. Меньше чем через минуту Джонни убедился, как немного он стоил в настоящем бое. Он должен был отразить удары Роджерса, удары, о которых был предупрежден, потому как Роджерс, прежде чем провести удар, громко называл его, Джонни же мог как угодно атаковать Роджерса, не объявляя способ атаки, — и вот, несмотря на очевидную фору, Джонни проиграл бой. Менее чем через минуту от начала боя затрещал звонок квади-счетчика. Взглянув на счетчик, Джонни увидел, что красная лампочка погасла. Это означало его проигрыш. Не будь на нем защитного костюма, он был бы мертв.

Роджерс тщательно разобрал ошибки Джонни, после чего дал сигнал к бою следующей паре. Один за другим запели звонки, и после каждого Роджерс доходчиво объяснял, используя Джонни в качестве наглядного пособия, в чем заключалась допущенная тем или иным квадистом ошибка.

За ближайшие несколько дней Джонни при-
смотрелся к компании, в которую попал.

Неприветливый верзила Арчи Ласкен, тупо-
ватый и вспылчивый, из двадцати семи боев, про-
веденных на арене, проиграл десять. Десять про-
игранных боев — это было небывало высоким по-
казателем, обычно после нескольких проигрышей
зрители своим волеизъявлением убивали неудач-
ника. Ласкена, выступавшего под именем «Тер-
риганский Буйвол», публика раз за разом мило-
вала. Наверное, многие находили интересным на-
блюдать, как эта глыба мяса носится по арене.
Для того, чтобы увидеть бой рыцаря с чудовищем,
нужно ведь иметь в наличии не только рыцаря,
но и чудовище.

Парк Брэнкс внешне напоминал злобного гно-
ма — низкорослый, горбатый, с длинным подбо-
родком, выступающими надбровьями, с тонкогу-
бым ртом. Коренастый, с сильными руками, он
из пятнадцати проведенных боев победил в четыр-
надцати. Несмотря на такое множество побед, про-
тивостоящих единственному поражению, он нахо-
дился всего лишь в середине профессионального
списка квади-лиги, это потому что противников
он выбирал себе по плечу, среди них не было звезд.
Публика его не любила, поэтому он весьма осто-
рожно относился к выбору соперников. Он гово-
рил, что не может позволить себе роскошь проиг-
рать, потому как в этом случае «милостливая»
публика непременно его прикончит.

Тиму Стэбу, самому старшему квадисту из
группы Роджерса, недавно исполнилось тридцать
восемь. Стэба как будто в детстве держали в спе-

циальных кубических формах, вот он и вырос широкоплечий, коротконогий, с приплюснутой головой. Из двадцати проведенных боев он проиграл в трех. Зрители называли его Мясник Стэб за красное невыразительное лицо и привычку приканчивать поверженного противника расчленяющими размашистыми ударами.

Бак Осинджер, по прозвищу Бешеный, провел семь боев и все семь выиграл. Уравновешенный, даже флегматичный вне арены, на арене он превращался в смерч: нанося беспорядочно удары, он совершенно переставал реагировать на контрудары, что неизменно приводило его соперника в изумление. Страх противника, паника – и победа оставалась за Осинджером. Роджерс как-то сказал ему: «Все это хорошо, Бак, что ты умеешь быть таким нечувствительным, только однажды тебя изрубят в капусту, а ты и не почувствуешь, как умрешь».

Луи Вильсон, высокий жилистый квадист, из двенадцати проведенных боев проиграл два. Отличала Вильсона глубокая религиозность, так говорил он сам, будучи на деле дремуче суеверным. Вообще-то суеверия постоянно сопутствовали квади-бою, только спросите, и всякий квадист пона-расскажет вам, как пагубно бывает для профессионала плевать на арену перед выступлением или до боя принимать от поклонников цветы. На этом общем сумеречном фоне Вильсон, однако же, заметно выделялся, как выделяется на грязном стекле раздавленная и присохшая муха. У Вильсона существовала целая система, что он должен сделать перед боем и чего он ни в коем случае не

должен делать. Вильсон держал в памяти множество примет, как сложится бой, удачно или неудачно для него, и, случалось, он отменял уже назначенное выступление, выплачивая при этом громадную неустойку. На его груди постоянно болтались три талисмана, три раскрашенные деревянные фигурки божков-покровителей. Безобразный бог страха Лэй должен был напугать противника Вильсона до оцепенения, а лучше до обморока; от Орля, бога силы, Вильсон ожидал божественной мощи. Третий божок был богом милосердия Снотом. В принципе помощи двух первых богов было вполне достаточно для победы, но на всякий случай (боги, как известно, великие привереды и капризники) Вильсон часть своей набожности обратил и на Снута. Вильсон надеялся, что в случае его поражения Снут сумеет настроить сердца зрителей так, что те даруют ему, Вильсону, жизнь.

Макс Аррен, смуглый скуластый квадист с перешибленным носом, провел девять боев, из них один проиграл. Отец пятерых детей, он говорил, что оставит квадак, когда у него накопится сумма, достаточная, чтобы купить поместье на одной из курортных планет. Ему оставалось заработать на арене что-то около тридцати тысяч кредитов, то есть выиграть три боя.

Самых молодых квадистов, входивших в группу Роджерса, звали Стив Делорес и Рой Флинтон. Стив Делорес имел за плечами два боя и оба он выиграл, Рой Флинтон, белокурый красавец, заканчивал подготовку к своему первому бою. Стив Делорес отнесся к Джонни с некоторым пренебрежением, так в колледже второкурсник смотрит на

первокурсника, с Флинтоном же Джонни нашел общий язык. Да и не удивительно, Джонни и Рой Флинтон занимали в группе почти равное положение, они не провели еще ни одного профессионального боя, так что и надежды, и опасения у них были одинаковые.

Как и Джонни, как и большинство профессиональных квадистов, Рой Флинтон не собирался оставаться на профессиональной арене всю свою жизнь. Тридцать-сорок тысяч кредитов, три-четыре профессиональных боя отделяли его от светлого будущего в виде пожизненного обеспечения и вечного союза с рыжей подружкой-веселушкой (Флинтон показал Джонни ее фотографию: конопушки, вздернутый носик, собранные в две озорные косички волосы цвета ржавчины). Тридцать тысяч кредитов, а лучше – сорок, и все, прощай, арена, говорил Флинтон с мечтательной улыбкой в редкие минуты расслабления.

Истекла первая неделя подготовки Джонни к профессиональному бою. Силовые упражнения чередовались с тренировкой меткости, выносливости, с показательными боями, медитацией, массажем. Хотя Роджерс вел далеко не все занятия, в зале при группе он находился неотлучно. По графику с квадистами занимались психологи, инструкторы различных мастей, ежедневно каждый боец осматривался врачом. Прошла неделя, и наступил день, ради которого группа Роджерса покинула загородную базу подготовки профессионалов: в этот день предстояло состояться бою между Максом Арреном и Дикобразом Джо из клуба «Зубачи». Так было всегда, когда квадисту пред-

стоял бой, другие квадисты из его группы шли к арене вместе с ним, только у самой арены их пути расходились, боец выходил на арену, а его спутники занимали места на трибуне. Как известно, мудрые учатся на опыте других. А из опыта других наиболее доступен для усвоения тот, который близок – то есть тот, о котором знаешь не понаслышке, и тот, который является опытом близкого тебе человека.

Дикобраз Джо, среднего роста крепыш с шеей настолько короткой, что ее как будто не было совсем, в профессиональном списке квади-лиги (называемым «шкалой результативности») стоял на ступеньку ниже Аррена. Столь незначительная разница оценок мастерства квадистов, уверяла реклама, являлась одной из привлекательных сторон будущего боя: если противники почти равны друг другу по силе, значит, бой предстоял жаркий. Впрочем, если на лестнице признания квадистов разделяла не одна ступенька, а несколько десятков ступенек, реклама также находила в этом свою привлекательность: квадист, рискнувший сразиться с куда более именитым противником, несомненно, заслуживал зрительского внимания.

Это был далеко не первый бой, который видел Джонни, тем не менее хладнокровия ему хватило только на три первые минуты боя. Только три минуты он подсчитывал шансы соперников на победу, примечал каждую неточность, каждый неверный удар, обдумывал, как в том или ином случае лучше было бы провести атаку или уйти с пути сверкнувшего лезвия. Прошло три минуты с начала боя, и Голда подхватил бурный поток мелькаю-

щих бойцовских рук, кровавых ран, яростных взоров и нечеловеческих, зверских оскалов. Джонни и сам не заметил, как его голос влился в рев зрительских толп – и вдруг время остановилось. Зрители на какой-то миг застыли с готовыми разодраться ртами и вознесенными выше голов кулаками. Оба бойца упали одновременно, как показалось, одновременно пронзив друг друга квадаками.

Время может остановиться, но не могут остановиться люди. Трибуны, едва стихнув, тотчас же ожили, зашумели, заверещали пестрой разногласицей. И тут Дикобраз Джо начал приподниматься. Левой рукою зажимая рану пониже сердца, в правой держа квадак, он начал приподниматься!

Пошатываясь, Дикобраз Джо выпрямился и поставил ногу на грудь Максу Аррену.

Рядом с ареной был установлен квади-счетчик новейшей модели. На бойцах не было защитных костюмов, но на них были разного цвета набедренные повязки, красная и синяя, что соответствовало красной и синей лампочкам квади-счетчика. Сейчас обе лампочки тревожно мигали вместо того, чтобы ровно светиться: оба бойца были тяжело ранены. Оба были тяжело ранены, но между тем один валялся поверженный, а другой возвышался над ним – или же степени тяжести их ранений были различны, или же Дикобраз Джо был наделен куда большим желанием жить, чем Аррен. Или же Аррен выжидал, набирался сил, чтобы внезапно подняться? Ведь случилось, что было определившиеся победитель и побежденный менялись местами.

Чтобы посрамить всех неуверенных в исходе боя, Дикобраз Джо несколько раз пнул ногой Макса Аррена как пададь. Теперь сомнениям не осталось места: победа была за Дикобразом Джо.

На табло под именем бойца из клуба «Зубачи» вспыхнуло слово «ПОБЕДИТЕЛЬ».

Громкоговорители включились на полную мощность, наступил важнейший этап зрелища. Комментатор, к репликам которого до этого мало кто прислушивался, залился соловьем:

– Итак дорогие друзья, победа присуждена Дикобразу Джо, нашему незабвенному, великолепному Дикобразу Джо! Поприветствуем его! Поприветствуем! Это его двенадцатая победа! – Отдышавшись, комментатор продолжил в несколько другой тональности: – А теперь, дорогие друзья, вы должны осуществить свое священное право. Макс Аррен, ты хорошо бился, парень, я уверен, вместе со мной тебе сказал бы это любой. Будь на месте великого Дикобраза Джо какой-нибудь другой квадист, ты бы, конечно, победил. Победа осталась не за тобой, но и ты получишь немало. Ты умрешь на арене, как мужчина, как боец, разве это не прекрасно? Или же тысячи сияющих глаз подарят тебе жизнь, а разве кто-нибудь дарил тебе больше, чем жизнь? В любом случае тебе придется неплохо, старина! Я вижу, судья Уиндем подает знак сигнальщику... Над ареной поплыл звук гонга, поплыл и растаял где-то в вершине купола.

Комментатор зачастил:

– Только одна минута отводится вам для голосования, друзья мои, только одна минута! Поторопитесь же, у каждого из вас номерок, посکو-

рее опустите его в белую щель, если вы хотите, чтобы Макс Аррен жил, она находится в левой ручке вашего кресла! Белая щель – жизнь, черная щель – смерть, не перепутайте! Поторопитесь же, минута истекает!

На табло через минуту высветилось жирное «СМЕРТЬ». Ниже загорелись мелкие цифры: 2136 человек проголосовали за то, чтобы Макс Аррен умер, и 432 за то, чтобы жил.

У комментатора началась словесная рвота:

– Прощай, Макс Аррен, прощай, дружище, все любители квадака, а их только в этом зале собралось пять тысяч, вечно будут помнить тебя, твои блестящие победы, твою великолепную смерть! Прощай, парены!

Дикобраз Джо нагнулся над Арреном: «Мне жаль, Макс» и погрузил квадак ему в горло. Обезглавливать поверженного противника Джо не стал, хотя это выглядело бы эффектно. Джо чувствовал себя отвратительно, он не хотел от излишнего усилия потерять сознание, скомкав тем самым победоносное завершение боя.

Квадисты Роджерса возвращались в родной клуб в полном унынии. Только Арчи Ласкен не подавал виду, что расстроен, да, возможно, он и не был расстроен, слишком равнодушный к другим. Джо ожидал, что занятий в этот день не будет, что хмурый Роджерс распустит квадистов по их комнатам, да не тут-то было. Построив квадистов в зале, тренер деловито заявил: «Разберем, на чем попался Макс. Надевайте костюмы».

На этот раз себе в партнеры Роджерс взял не Джонни, а Роя Флинтона. Кстати, следующим на

арене из квадистов Роджерса должен был выступить Флинтон...

– Предположим, что ты, Рой, – Макс Аррен, а я – Дикобраз Джо. Сейчас я проведу удар, которым Джо свалил Макса, а ты попробуй его избежать. Бой... Роджерс ударил молодого квадиста, и хотя тот тоже сумел достать Роджерса, на пульте контроля квади-счетчика погасла лампочка не Роджерса, а Флинтона.

– Заново, – бросил Роджерс. – Стив, переключи на ноль.

Красная лампочка опять загорелась.

Роджерс несколько раз повторил атаку, и раз за разом красная лампочка гасла.

– А теперь смотрите, что надо было делать Максусу, – проговорил Роджерс.

Роджерс занимался с Флинтоном до тех пор, пока тот не научился выдерживать удар. После этого тренер разбил квадистов на пары, и пары поочередно воспроизвели бой Дикобраза Джо и Макса Аррена.

В конце дня у Джонни едва хватило сил доплестись до кровати. Он был предельно вымотан, как и остальные квадисты. Думать о Максе Аррене, о его жизни и смерти у Джонни уже не осталось сил. Едва коснувшись головой подушки, он заснул, и этой ночью ему не снились сны.

Рой Флинтон вышел на профессиональную арену через два дня. Он пожелал выступать в маске. Это не было чем-то новым, немало квадистов выходило на арену в маске; при этом они, как правило, брали себе новое имя или выдумывали для себя имя-прозвище. Рой Флинтон решил выступить

под именем «Серебряный Змей», соответственно и маску ему сделали – чешуйчатая голова пресмыкающегося с колючим гребнем поверху.

Причин, в силу которых квадист надевал маску и принимал новое имя, было несколько. Квадист надевал маску, если в предыдущем бою испытал поражение или услышал несчастливое предсказание относительно исхода предстоящего ему боя, или если не он сам, а кто-то из его группы неудачно выступил, его же выступление было следующим за неудачным. В основе этих соображений лежала слепая вера в судьбу и удачу, квадист как бы хотел сменой имени сойти с полосы невезения, в которую угодил он сам или его группа, или же избежать напророченную ему беду. Пусть беда будет поджидать его, но его она не заметит, ведь у него теперь новое имя.

Причина, по которой Рой Флинтон решил надеть маску, была иной. До выхода Макса Аррена на арену оставалось еще несколько дней, когда Флинтон сказал Джонни о своем решении и пояснил:

– Это привлечет ко мне внимание. Ну, ты знаешь, как это бывает: зрителей разбирает любопытство, кто это там скрывается под маской, и они валом повалят на мои выступления. А если билетов будет продаваться много, за одно выступление я стану получать больше, чем эти жалкие десять тысяч кредов.

– Кажется, ты говорил, что сорока тысяч за четыре выступления тебе хватит на всю оставшуюся жизнь, – заметил Джонни. – Теперь же ты как будто...

– Посмотрим, как дело пойдет. Я не собираюсь жадничать, но если я буду чувствовать, что я еще в состоянии побеждать, я погожу бросать арену.

Эта причина выступать в маске, причина меркантильная, не была редкостью. Среди устроителей профессиональных квади-боев давно шел спор, что более способно заполнить трибуны, маски бойцов или их открытые лица. Маска – это тайна, а тайна всегда манит, с другой стороны, любо-дорого смотреть на гримасы дерущихся не на жизнь, а на смерть профессионалов: тут тебе то страх, то ярость, то боль, то отчаяние, причем все эти чувства в крайней степени выраженности.

Рою Флинтону, Серебряному Змею, в противники поставили Ганса Олверса, квадиста, уже имевшего в послужном списке две победы и избежавшего поражений. Вообще-то существовало правило, запрещающее против квадиста-новичка выставлять бойца, имевшего мало-мальский опыт профессионального боя, но это правило не действовало, если новичок собирался выступить в маске. Надевая маску и принимая новое имя, квадист как бы облакался в тайну, то есть тем самым он отказывался и от привилегий новичков, и от уважения к своим прежним заслугам.

Поначалу, наблюдая за боем, Джонни счел, что победа будет на стороне Флинтона. Джонни даже позволил себе расслабиться. Перелом наступил на одиннадцатой минуте. Не то Ганс Олверс только притворялся, что он слабее Флинтона, не то Олверсу невероятно повезло, но он сумел провести удар, решивший исход поединка.

Квадак Ганса Олверса погрузился в печень противника до половины лезвия. Флинтон упал на правое колено, но оружие не выпустил. Олверс ударил его квадаком по плечу, рассекая мышцы, и тут только квадак Флинтона скользнул на песок. Белокурый красавец теперь находился в полной власти торжествующего Олверса.

Ганс Олверс, радостно оскалившись, стянул со своего противника маску и далеко отшвырнул ее. Трибуны бешено приветствовали победителя. Олверс поднял руки, в одной из которых сжималась рукоятка квадака, приветствуя тем самым восторг трибун. Его победа была полной. В этот момент комментатор объявил истинное имя квадиста-неудачника, скрывавшего лицо под маской Серебряного Змея.

Роя Флинтона не знал никто из публики, совершенно никто, любительские выступления его проходили в провинции, откуда он был родом. Но вместе с тем публика не стала охать разочарованно, что под маской не оказалось знаменитости. На трибунах раздались грудные вздохи женщин, и у Джонни появилась надежда, что для красавца Флинтона еще не все кончено, что толпа, быть может, дарует ему жизнь.

Когда на табло загорелось слово «СМЕРТЬ», Джонни болезненно скривился.

Более трех тысяч человек высказались за убийство Флинтона, а против – меньше тысячи. Такой результат следовало предвидеть, подумалось Джонни. Его ввели в заблуждение женские вздохи, женские колыхающиеся груди, женские горящие глаза. Ах, эти женские глаза... Дамоч-

ки, посещающие профессиональные квади-бои, всегда предпочитали увидеть смерть красавца-квадиста надежде еще когда-нибудь полюбоваться на его выступление. И то сказать, за следующее представление следовало платить особо, тогда как за удовольствие увидеть смерть было заплачено.

Флинтон словно не понимал, что вокруг него происходит. Он находился в каком-то сонном оцепенении. Ганс Олверс легко запрокинул ему голову, открывая шею для удара, так мясник заворачивает голову овце на бойне. У края арены стояло четыре человека в черном; когда приговоренный к смерти неудачник начинал оказывать сопротивление победителю, а такое случилось, они восстановили порядок. На этот раз их помощь победителю не понадобилась.

На песок хлынула кровь. Какое-то время Флинтон удерживал равновесие, потом боком повалился в алу ю лужу.

На другой день Джонни заметил, что в группе Роджерса его стали сторониться. Луи Вильсон, Бак Осинджер, Тим Стэб, Стив Делорес – они отводили глаза и цедили сквозь зубы что-то вроде «да пошел ты», едва Джонни обращался к кому-то из них. Джонни встревожился. Сначала он хотел выяснить, что же стряслось, но после свидания с Лолой переменял свое решение. Наплевать ему на этих надутых профи, считавших себя лучше его только потому, что они уже выступали на

арене, а он — еще нет. Одна боль вытеснила другую: хотя Лола ничуть не изменилась с их прошлой встречи, само общение с ней, сама мысль о том, что она тяжело больна, заставила Джонни позабыть о прочих неприятностях.

Джонни хотел отмахнуться от новой невзгоды, но она оказалась прилипчива. Поздно вечером она сама напомнила о себе.

Готовясь ко сну, Джонни услышал за спиною какое-то движение. Он обернулся. В дверях (он еще не запер дверь) стоял Парк Брэнкс, горбатый квадист, чья язвительность задевала и раздражала многих.

— У тебя, кажется, тяжело больна жена, Джон? — неожиданно спросил горбун.

Вопрос Джонни не понравился.

— А тебе какое дело до моей жены?

— Да нет, никакого, только... Луи Вильсон говорит, что это из-за тебя все, ну, что случилось с Максом... и с Флинтоном... Что это ты принес в нашу группу несчастье.

— Что за бред! Посоветуй Вильсону от меня приложить на лоб холодную примочку.

— Бред или нет, не знаю, а все же две смерти подряд... Не могу сказать, что ребята у нас черных кошек боятся, но, по-моему, они начинают Вильсону верить.

— Все это ерунда. Я хочу спать, Парк.

— Как сказать, ерунда или нет... Мистер Кастл — человек просвещенный, он, конечно, ни за что не переведет тебя в другую группу и тем более не выгонит из клуба, что бы там ни говорили, но... Но ведь бывает так, что квадист переходит в другую группу

по своему желанию, а если босс не позволяет этого, можно ведь и контракт прервать.

– Контракт я прерывать не собираюсь и в другую группу не перейду. Что еще велели тебе сказать?

– Знаешь ли, сынок, у профессиональных квадистов очень большая психическая нагрузка. Некоторые не выдерживают, особенно из новеньких... заходишь вот так к нему в комнату, а он уже за-костенел, и квадак в сердце. Самоубийство.

– Да вы что, сдурели? – У Джонни, раздуваясь, заходили ноздри. – Завтра Луи Вильсон скажет, что я мешал лягушечьей лапкой суп в ваших тарелках или что я подсыпал вам в компот перетертые кости мертвеца, и вы поверите ему? Если меня и преследуют несчастья, то только меня, чтоб вам пусто было, вас это не касается!

Горбун с улыбкой посмотрел в глаза Джонни, как будто наслаждаясь его смятением, и сказал:

– А знаешь, ты прав. Все это глупости, что бормочет Вильсон. Давай его проучим, а? – Надо сказать, до того, как в группе Роджерса появился Джонни, Луи Вильсон винил во всех неудачах Брэнкса. Вильсон говорил, что внешность Брэнкса отпугивает привередливое счастье.

Парк Брэнкс не стал делиться воспоминаниями с Джонни, вместо этого он принялся излагать свой план:

– Вот что я придумал, Джон. Луи Вильсон, этот суеверный кретин, терпеть не может, когда ему переходят дорогу с правой стороны. Какая-то гадалка напроорочила ему лет десять назад, что он примет смерть с правой руки. Так и сказала, «с правой руки», и ему втемяшилось в голову, что

смерть приблизится к нему с правой стороны, хотя, может, он просто не расслышал каргу, она сказала не «с правой руки», а «от правой руки». Эдакое дешевое предсказание, ведь среди квадистов левши встречаются не чаще, чем среди других людей. Теперь как мы сделаем. Завтра ты перейдешь дорогу Вильсону, причем движение начнешь, разумеется, с правой стороны. Вильсон выругается и обязательно плюнет через левое плечо, он всегда так делает, он думает, раз смерть перешла на левую сторону, именно туда надо плевать. Я постараюсь устроить, чтобы в этот момент за левым плечом у Вильсона оказался кто-то из ребят, или, лучше, Роджерс. То-то начнется потеха! – Горбун довольно захохотал.

– Это не для меня, Парк, – отрезал Джонни. – А вашего Вильсона я не боюсь. Пусть забирается ночью ко мне в комнату, там посмотрим, кто окажется несчастливее, он или я.

Хмыкнув, раздосадованный Брэнкс покинул комнату Джонни.

Джонни ожидал, что с каждым днем квадисты будут относиться к нему все хуже, отравляемые ядом суеверия, но вышло иначе. Горбатый квадист, добиваясь, чтобы Джонни согласился участвовать в его проказе, немного сгустил краски, неприязнь к Джонни не настолько была сильной, чтобы побудить к активным действиям против него, и сильнее она не становилась. Более того, вскоре она пошла на убыль, через несколько дней даже Луи Вильсон стал относиться к Джонни как ни в чем не бывало. Здесь, конечно, не обошлось без влияния психологов, настороженно следивших

за настроениями в группе. Как бы то ни было, напряжение вокруг Джонни было снято. Луи Вильсон даже как-то разоткровенничался с Джонни: оказывается, богобоязненным родителям Вильсона благодаря его заработку удавалось поддерживать свое главенствующее положение в какой-то секте. Что же касается деревянных божков, болтавшихся на груди Вильсона, то они чрезвычайно помогали ему на арене, в нужные моменты из них прямо-таки изливалась сила, которую он, Луи Вильсон, хорошо чувствовал.

На исходе третьей недели подготовительного срока, Джонни, до этого отвергавшему всякие суеверные измышления, пришлось засомневаться, а не тянется ли за ним действительно шлейф невезения, а не попал ли он действительно под черное крыло судьбы.

Как-то Джонни просматривал «Вестник квадрилиги», единственную газету, попадавшую к профессиональным квадристам без цензуры клубных психологов. Сразу под рекламой «Новейший супертренажер «Рысий коготь-2» Джонни увидел черную рамочку, а в ней... крупно: АЛАН ФОСТЕР.

И буквы поплыли перед глазами Джонни.

Потом он все же сумел прочесть некролог. В сущности читать-то было нечего, несколько сухих, поблекших от частого употребления строчек: «Трагически погиб... подавал надежды... выражаем соболезнование близким... руководство клуба «Космические бизоны», тренеры, друзья». В некрологе ни слова не было о том, что послужило причиной смерти Алана, хотя, конечно, ясно, что он умер не от старости и не от продолжительной бо-

лезни. Его убили на арене? Джонни с ходу отверг это предположение. Убитым на арене квадистам никогда не посвящались некрологи, разве что в какой-нибудь слезливой газетенке, требовавшей отмены квади-боев как антигуманных, можно было увидеть черную рамочку. Об умерших на арене следовало читать на четвертой странице «Вестника квади-лиги», в рубрике «Они проиграли». Здесь были разделы:

1. Оставленные в списке бойцов (этим зрителями даровали жизнь).

2. Выбывшие из списка бойцов (эти или погибли в бою, или были умерщвлены позже, согласно волеизъявлению зрителей).

Во втором разделе Алан Фостер не был упомянут. Конечно, это не означало, что его оставили в списке, просто он принял смерть не на арене. «Что же случилось с Аланом?» — задался вопросом Джонни. И обратился к Роджерсу.

— Алан Фостер? Знаю, первоклассный боец. Кваданулся? Нет, не на арене? Ничего не слышал. — Роджерс тут же потерял к разговору всякий интерес. — Хватит болтать, берись за квадак.

В этот день Роджерс был недоволен Джонни. Молодой квадист никак не мог собраться, сосредоточиться на бое, даже пара чувствительных, до крови, уколов острым лезвием квадака не привела его в чувство.

Алан Фостер, Алан Фостер... Джонни парировал удары, увертывался, бросался в атаку, а перед его глазами стояло лицо умершего друга. Алан Фостер... на память Джонни приходили их дворовые игры, совместные тренировки в кваде-

клубе, их мечты об обдуваемой гравитационными ветрами межзвездной дороге. Алан Фостер, Алан Фостер... теперь Алану никогда не ощутить сладковатую жуть космического полета, никогда не увидеть мир из космоса, да и для земного, такого привычного и иногда кажущегося скучным мира теперь закрыты его глаза.

Ранним утром следующего дня, до начала занятий, в комнату к Джонни вошел молодой мужчина в строгом костюме.

Открыв дверь, Джонни хмуро поздоровался и с видом обреченного выслушивать скучные вещи отошел к окну, за которым медленно ползли жирные тучи и тускло поблескивали лужи.

– Ты хорошо знал Алана, Джонни? – спросил клубный психолог, без приглашения расположившись в плетеном кресле.

– Да. Другьями были.

– Я могу рассказать тебе, как он погиб. Об этом написано в «Известиях космических трасс», вчерашний номер.

Джонни заинтересовался:

– Мне хотелось бы это знать, доктор Рюш.

– Алан Фостер с командой профессионалов клуба «Космические бизоны» летел на корабле «Адмирал Уэбстер» на Скуню, шестую планету Альдебарана. «Адмирал Уэбстер» уже вынырнул в наш космос, и тут, представь, астероид. Защита сработала, но корабль потрянуло так, что произошло возмущение гравитационного поля корабля. Максимальная точка искажения поля пришлась как раз на кабину твоего друга... Фостера кинуло на перегородку. Ему размозжило голову.

Выдержав паузу, психолог произнес:

– Теперь ты знаешь все. Твоего друга больше нет в живых, но разве смерть не ожидает всех нас? В известном смысле, как это ни кощунственно звучит, Фостеру даже повезло, в статье говорилось, что реанимировать было нечего, ему разнесло мозги в одно мгновение, так что его смерть не была мучительной, а ведь бывает и иначе.

Джонни тихо проговорил:

– Он... Алан Фостер... он так дрался, он так любил жизнь... он...

– Алан Фостер сменил беспокойство нашего космоса на покой безвременья, так что сейчас у него нет никаких целей. Стоит ли сожалеть, что он никогда ничего не достигнет и не прочувствует, как скоро он сам об этом не сожалеет?

– Он, может, и не чувствует ничего, но я-то чувствую, что его нет со мною рядом, – вырвалось у Джонни с болью, – нет и никогда не будет.

– Вот то-то и оно, – подхватил психолог. – Сейчас ты сам признал, что тебе больно не потому, что он испытывает боль, его теперь ничего не ранит, а потому что ранен ты. Другими словами, у тебя сейчас душевная рана, мужчина же должен относиться ко всем своим ранам, хоть телесным, хоть душевным, по-мужски, то есть без женской слезливости и жалости к себе. Ты согласен со мной?

Джонни, хмурясь, ничего не ответил. Доктор Рюш произносил правильные слова, на которые неискушенному в искусстве спора молодому кवादисту нечего было возразить.

– Душевные раны имеют одну особенность, – проговорил доктор Рюш. – Они немедленно затя-

гиваются, как только на них перестают обращать внимание. Как я понимаю, тебе нужна победа на арене, ради тебя самого и ради жизни твоей жены. Скажи, сможет ли победить квадист, начавший бой с раной в груди?

– Я не могу так просто забыть Алана, – выдавил из себя Джонни.

– А зачем про него забывать? Забывать друзей нехорошо. Я только за то, что тебе следует думать о нем без сожаления, тем более что пока никто не доказал преимущество нашего мира перед тем, в котором он сейчас находится.

В этот день Роджерс во время подготовки ворчал на Джонни куда меньше обычного. Старый квадист никогда не хвалил своих подчиненных, считая, что похвала расслабляет, так что такую его сдержанность в отношении Джонни можно было считать за похвалу.

Между тем приблизился срок очередного боя с участием одного из квадистов группы Роджерса. Стив Делорес должен был выступать против профессионала из клуба «Первые», квадиста по прозвищу Кроманьонец, выходившего на арену в маске первобытного человека. Стив Делорес и Кроманьонец стояли на одной ступени шкалы результативности, оба они имели по два боя на своем счету, в каждом из которых победили.

И опять песок арены под рукоплескание трибун обогрился человеческой кровью – в блеске стали, в вихре боли и ярости, в хитроумном переплетении смертоносного искусства квади-боя.

Победил Кроманьонец. Стив Делорес был смертельно ранен в одну из его атак и скончался на

месте, так что зрителям не пришлось утруждать себя голосованием.

Понурые возвращались Роджерс и его квадисты на загородную базу клуба. По прибытии они облачились в защитные костюмы, следовало проработать ошибки, совершенные бедолагой Делоресом. Перед занятием Роджерс на минуту отлучился, и тут эмоции выплеснулись через край. Луи Вильсон крикнул Джонни в лицо:

– Это все из-за тебя, сопляк! Ты принес к нам смерти! Смерть ходит за тобой по пятам, да, по пятам! Макс Аррен, Рой Флинтон, Стив Делорес... Кто следующий?

Квадисты обступили Джонни, и даже обычно державшийся в стороне Арчи Ласкен сузил и без того маленькие глаза в угрожающие щелки. Многие поверили словам Вильсона, только горбун Парк Брэнкс, высунувшись из-за спины Ласкена, неприметно подмигнул молодому квадисту – видишь, мол, я же говорил тебе, что такое этот Луи Вильсон.

Сгустившуюся в зале тревожную атмосферу пронзил хриловатый голос незаметно вошедшего Роджерса:

– Кажется, ты, Луи, хочешь, чтобы следующим от нашей группы выступил Джон Голд? Будь по-твоему. Если ты прав насчет всей этой чертовщины, что Голд ходит под ручку с несчастьем, значит, Голд умрет. А если Голд принесет клубу победу? Тогда, получается, ты все врал про него, ты зря трепал людям нервы, ты только мешал нашей предбоевой подготовке. И это, Вильсон, я не смогу просто так оставить.

– Что же вы сделаете со мной, мистер Роджерс? – окрысился Вильсон.

– Это мы сделаем прямо сейчас. Мы заключим пари. Ставка – десять тысяч кредитов. Я утверждаю, что ты напрасно косоротишься на парня. Голд принесет клубу удачу, говорю я вам всем! Он победит! Если же он проиграет, я выплачу тебе десять тысяч кредитов.

– То есть... если этот мальчишка выиграет...

– Тогда ты передашь мне десять тысяч.

Вильсон покачал головой. Сумма, на которую Роджерс собирался поспорить с ним, могла кому угодно смутить. Десять тысяч кредитов, столько получал профессиональный боец за выступление, разумеется, только в том случае, если он побеждал... Некоторые профи, правда, получали за свое выступление больше, но Вильсон к таким умельцам не относился.

– Я не буду с тобой спорить на деньги, – сказал Вильсон.

– Не вилай, дружок, умей ответить за свои слова. Я знаю, ты уже давно мутишь воду, так что пора тебе и пузыри пустить. Сегодня же приглашу нотариуса, и мы заключим с тобой пари по всем правилам.

– Я не собираюсь ничего с тобой заключать!

– В таком случае следующим на арену выйдешь ты, я тебе обещаю.

Вильсон скривился. Страх боролся в нем с жадностью.

– Я не собираюсь выступать следующим, как не собираюсь я ткнуть себя квадаком в живот. Если только ты попытаешься устроить мне это, я

перейду в другой клуб. Или попрошу босса убрать тебя из клуба, ты же совсем старик, Роджерс.

— Ты предложишь мистеру Кастлу выбор — ты или я? — нехорошо усмехнулся Роджерс. — Поглядим, что из этого получится. Иди, отправляйся к мистеру Кастлу. Сейчас же.

— Я намерен сейчас заниматься...

— Я пока что не уволен? Ну так позволь мне распоряжаться здесь. И пока я буду работать, ты не приступишь к занятиям, так что поторопись к боссу.

Луи Вильсон быстро смекнул, что перегнул палку. Ставить вопрос перед Кастлом об увольнении Роджерса не имело смысла, если Вильсон хотел остаться в клубе. Кастл, может, и пожурит маленько Роджерса за вспыльчивость, но из клуба-то вылетит он, Вильсон, а не Роджерс. Три последних выступления квадистов Роджерса были неудачны, но за Роджерсом столько числилось прекрасно подготовленных бойцов, бойцов-победителей, что эти три неудачника, конечно, не могли сокрушить его репутацию талантливого тренера, разве что немного поколебали ее. А что значит для Вильсона быть изгнанным из клуба? Ни один солидный квади-клуб, то есть квади-клуб, в котором работа профессионалов хорошо оплачивается, не примет к себе изгнанного из другого клуба бойца. Принять к себе бойца-изгнанника считалось плохой приметой, а кому как не Вильсону, знать, насколько суеверны квадисты!

У Вильсона оставался только один выход из сложившейся ситуации: помириться с Роджерсом.

Цена же такого примирения была Роджерсом уже указана.

– Мистер Роджерс... я согласен, – глухо проговорил Вильсон. – Я согласен, сэр, заключить с вами пари.

В этот же день между Луи Вильсоном и Роджерсом было заключено пари со ставкой в десять тысяч кредитов, оформленное документально, скрепленное печатью нотариуса и десятью подписями свидетелей, так что результат первого выступления Джонни на арене стал предметом заинтересованного спора еще до того, как дату боя официально объявили.

Это был гениальный ход, разумеется, не самым Роджерсом придуманный. Все рассчитали штатные психологи клуба: теперь Джонни мог готовиться к выходу на арену в относительно спокойной психологической обстановке, спокойной настолько, насколько двое менял в своем общении бывают спокойнее двух фанатиков противоборствующих религий.

О роке и о судьбе в группе Роджерса все как-то позабыли, замороженные поставленной на кон кругленькой суммой. Даже Луи Вильсон желал поражения Голду более из опасения потерять десять тысяч кредитов, нежели боясь остаться в опасной близости к человеку, приносящему несчастья. Парк Брэнкс, так тот в открытую подсмеивался над Вильсоном, вызывая улыбки квадистов: «Десять тысяч кредитов, Луи, и все из-за маленьких рожек, которые почудились тебе в волосах Джонни. Я бы скорее выколол себе глаза, чем стал рисковать десятью тысячами кредитов, честное слово!»

Приблизился день, когда Джонни должен был впервые ступить на профессиональную арену. Накануне Джонни потребовал, чтобы ему устроили встречу с Лолой. Вместо этого ему показали отснятую утром стереопленку: она желала ему удачи, она ободряла его, она держалась молодцом. Да, она выглядела неплохо, ее вид мог кого угодно ввести в заблуждение, но Джонни не обманулся, он никогда и на минуту не забывал, что его жена тяжело больна.

И ему не дали встретиться с ней, в нарушение подписанного с ним контракта не дали!

Казалось, Джонни еще никогда в жизни не злился так, как в этот день. Вот в какой переплет он угодил: он мог бы добиться выполнения контракта через суд или даже выплаты неустойки, но судебная волокита требовала времени, которого у него не было. Ему оставалось только подчиниться воле тех, кто направлял каждый его шаг. И он подчинился, сжимая кулаки и скрипя зубами.

Вечером перед днем выступления в комнату к Джонни вошел доктор Рюш.

– Почему вы не дали мне увидеться с женой?! – крикнул Джонни.

– Поверь, Джонни, для тебя так лучше, – говорил психолог, про себя отмечая, что поставленная цель достигнута, к бесстрашию и целеустремленности квадиста прибавилась изрядная толика злости. – Теперь у тебя намного больше шансов на победу, нежели если бы мы дали вам увидеться. Кстати, вы сможете встретиться сразу же, как только ты покинешь арену – с победой покинешь, я надеюсь.

– Про то, что для меня лучше, а что хуже, я слышал сегодня много раз. Можете не повторяться.

– Собственно, я зашел сюда не для дополнительных разъяснений. Я кое-что хочу сказать тебе насчет завтрашнего боя, Джон.

– Я слушаю.

– Ты выйдешь на арену в маске. Это не мое решение и не решение мистера Кастла, так решил компьютер. А мы уж постарались, какой только информацией о тебе его не напичкали!

Джонни издал носом неопределенный звук.

Психолог продолжил:

– Если хочешь, я могу пояснить тебе, не объяснить все, но прояснить ситуацию, почему компьютер так решил. Маска полезна для бойца с фантазией, бойца, способного в трудный момент отрешиться от тягот боя, взглянуть на схватку со стороны и увидеть ее красоту, и от этой красоты подзарядиться силой. Также маска пригодится тому, для кого арена – не цель, но путь к цели. Идущему по пыльной дороге не мешает плащ, не так ли? Еще...

– Еще маска нужна трусу, чтобы никто не смог заметить на его лице испуг, – невесело добавил Джонни.

– Не трусу, а, скажем, предусмотрительному бойцу, предусмотрительность же не есть трусость. Если боец не умеет корчить зверские рожи, разве мы можем сказать, что это плохой боец? А вот его противник в какой-то момент так подумает и воспрянет духом, что, согласись, для нашего бойца совершенно ни к чему.

— Короче говоря, я буду выступать в маске. Что еще?

— К маске прилагается имя. Мы опять-таки запросили компьютер, и он подсказал нам, какое имя тебе больше всего подойдет.

— Какое же?

— Белый Единорог. И маска будет соответствующая.

— Хорошо. Пусть будет «Белый Единорог». Это все? Я хочу остаться один.

Доктор Рюш вышел. Через несколько минут к Джонни в комнату внесли маску, которую он должен был завтра надеть: белая лошадиная морда с оскаленными крупными зубами и коротким пластмассовым рогом на лбу.

Ночью Джонни снился сон. По черному космосу, обгоняя кометы, мчится прекрасный белоснежный скакун со звездой во лбу. В седле сидит девушка, держащаяся за гриву коня обеими руками. Лола. Лола!..

Джонни беспокойно ворочался в постели до самого утра.

И настал день боя, день прыжка над пропастью, за которой ждала счастливица победа. Вот только кто будет этим счастливецом, а кто успокоится на дне, на острых камнях?..

На трибунах народу собралось довольно много, судя по выкрикам, были здесь и те, кто видел выступления Джонни в бытность его квадистом-любителем и не забыл его. Медленно тянулась предворявшая схватку процедура, пусть толпа истомится по зрелищу, ощущения будут ярче, если люди встретят бой как встречает умирающий от

жажды влагу небесную. Секунданты осматривали и переосматривали оружие, чиновники из Министерства Зрелищ и Развлечений в какой уже раз обходили арену, не установлена ли где ловушка для бойца клуба-противника, проверяли и перепроверяли документы. Медицинский осмотр... Проверка электронной системы голосования... И наконец – рев зрителей, и противники расходятся в разные концы арены, чтобы затем сойтись подобно воде и огню, или как сходятся жизнь и смерть, или, может, как сходятся земля и небо в туманной дали.

Противник Джонни, Олвис Дорн, выступал без маски. Дорн представлял клуб «Братья-квадаки» с Луны. Внешне он был похож на проросший лесом холм – кряжистый, сутулый, волосатый. Его послужной список включал три выигранных боя. Перед выходом на арену психолог шепнул Джонни: «Этот Дорн создан для арены, а ты – для жизни. Не давай себя увлечь, не давай ему окунуть тебя в бой с головой, и ты победишь».

Зверовидный, волосатый, Олвис Дорн в самом деле как будто был создан для арены. Сердце бывалого любителя квади-боев не могло не возрадоваться при виде гневно раздувающего ноздри квадиста, напрягающего внушительные мышцы, угрожающе скалящего зубы, только что не рвущего песок ногами подобно разгоряченному жеребцу. Когда судья подал знак начать бой, Дорн кинулся к Джонни, потрясая квадаком:

– Ты уже мертв, ублюдок! Ты мертвец!

Сверкнула сталь, и первая алая капля упала на желтый солнечный песок.

Джонни и не подозревал, что жить – это так непросто. Одно дело, когда ты дерешься, зная, что если и будешь ранен, то легко, а если приключится что серьезное, бой немедленно остановят и – в лазарет, а там спасут. Иное – драться, сознавая, что тяжелая рана открывает дорогу не в лазарет, а к смерти.

Считалось, что для сохранения боеспособности квадист не должен осознавать свой страх. Достигали этого двумя путями: или приобретая опыт профессионального боя, или в бою приходя в состояние иступленности. Был еще один способ овладеть собой: собраться в кулак и набросить на чувства узду холодной воли, но этим способом могли воспользоваться только те, кто имел в наличии такую узду.

Опыта ведения боя на профессиональной арене у Джонни не было. Сила воли была, но сила воли – невещественная субстанция, чтобы она обрела плоть и стала тверже стали, нередко требуются некие побудительные толчки. Пожалуй, из всех способов стать бесстрашным перед лицом смерти простейший – впасть в буйство.

Через минуту от начала боя Джонни рычал и скалился совсем так же, как и его противник.

Зрители были довольны ходом схватки. Квадаки мелькали с быстротой молнии, все новые раны появлялись на телах соперников, арена потихоньку краснела. И вот настал момент, который Джонни не сразу осознал: он нанес удар, и Дорн упал.

Дорн упал и застыл, не делая попыток подняться.

К куполу с трибун понесся гул недовольства. Зрители раньше Голда поняли, что произошло: Дорн был мертв, так что им не придется решать его судьбу голосованием.

Затарахтел комментатор. Джонни зашатался. А к нему уже бежали люди в белых халатах – сейчас, сейчас ему помогут. Победитель, конечно, заслуживал самого лучшего медицинского обеспечения.

Когда Джонни опустили на носилки, страх за этот день сжал его сердце холодным обручем. Когда же его поставят на ноги? Ох, чудится, скоро... Но ведь он должен за пять ближайших недель дать пять боев, как же он...

Ему ввели какой-то препарат, и у Джонни появилось ощущение, будто он падает в каменный мешок. «Спит. Порядок», – бросил один бородач в белом халате другому, похлопав Джонни по щеке и приподняв на мгновение его веко.

Джонни открыл глаза.

Он лежал в больничной палате. Один в комнате. Был день; в окно виднелось небо, по которому равнодушными льдинами медленно проплывали облака.

Джонни сел в кровати. Он чувствовал себя неплохо, только в правом боку закололо. И голова немного кружилась.

В палату вошел человек в белом халате. «Как самочувствие, победитель?» Не дожидаясь ответа Джонни, доктор положил ему на лоб какую-то хо-

лодную металлическую пластину. Джонни бодро ответил, что хоть сейчас готов выйти на арену, на что доктор, разглядывая показания пластины-датчика, сказал:

— Сейчас не сейчас, а вот через недельку мы вас выпишем. Современная медицина делает чудеса, поступи вы к нам пять лет назад с такими ранами, раньше чем через месяц мы с вами не расстались бы.

Едва доктор вышел, Джонни застонал, но не от боли, а от тоски. Ему, похоже, и в самом деле раньше чем через неделю не приступить к тренировкам: руки и грудь его были перевязаны, теперь, когда он окончательно ушел ото сна, раны его заныли. Неделю он будет валяться на больничной койке, еще неделя, а то и две, уйдет на то, чтобы восстановить бойцовскую форму, а это значит, что за ближайший месяц он сумеет провести один бой, в лучшем случае два боя, но ему-то нужно победить еще в пяти боях, в пяти, а не в двух, чтобы у него на руках оказалась сумма в пятьдесят тысяч кредитов. Ему нужно два или три месяца, раньше он не сможет купить Модуль-2, но в его распоряжении месяц, всего лишь месяц!..

Через месяц ситуация станет критической, плесень, возможно, начнет развиваться в мозгу у Лолы, а у него не будет для нее лекарства.

Джонни опустил голову, темнея лицом.

Со стороны двери раздалось:

— Пришел поздравить тебя с победой, малыш. Десять тысяч кредитов уже переведены на твой счет.

Джонни повернул голову. Надо же, сам Ричард Кастл пожаловал к нему. С губ Джонни неожиданно для него самого сорвались слова:

— Ты должен заплатить мне за следующий бой сорок тысяч кредов.

Кастл изумился настолько, что не стал выказывать неудовольствия тем, что Джонни заговорил с ним слишком вольно, запанибрата.

— Сорок тысяч? Эка куда хватанул! Да я ведь объяснил тебе...

— Дик, мне нужно получить за следующий бой сорок тысяч кредов. Иначе мне нет смысла выходить на арену.

Бросив на Джонни испепеляющий взгляд, Ричард Кастл вышел из палаты.

Джонни откинулся на подушку. В его голове царил полный сумбур. С одной стороны, он сказал то, что должен был сказать. Если он не получит за следующее выступление сорок тысяч, считай, все пропало. Но... Кастл мог расторгнуть с ним контракт. А если Кастл расторгнет с ним контракт, что же ему делать тогда?..

Вскоре у Джонни заломило в висках. Некоторое время он лежал без единой мысли, отчаявшийся, больной, обессиленный. Незаметно сознание его окутало серое липкое забытие.

Следующим утром, сразу после врачебного обхода, к Джонни в палату вошел Ричард Кастл.

Джонни приготовился к худшему.

— Знаешь что, Джон, я могу помочь тебе, — сказал Кастл отрывисто. — У тебя есть шанс заработать на арене сорок тысяч кредов разом.

— Спасибо, мистер...

— Погоди благодарить. Этот шанс невелик, а вот вероятность получить при этом смертельную пробоину в башке куда больше. Я смогу заплатить тебе сорок тысяч кредитов только в одном случае: если ты победишь на арене квадиста четвертой ступени мастерства, не худшего. Подумай над этим. Не забывай только, что сам ты стоишь на сто девяносто восьмой ступеньке.

— Я согласен встретиться хоть с чертом, тут не о чем думать.

— Не о чем, так не о чем. Противника я уже тебе подобрал. О Стальном Драконе ты слышал?

— Что-то там о нем писали в «Вестнике квади-лиги».

— До недавнего времени о нем не знали. Пока... Он провел всего пять боев, и в каждом победил. Только за это его, конечно, не внесли бы в четвертую строку, его возвысили так, потому что он дрался на арене через день, с сильными квадистами дрался, и за все пять боев получил лишь несколько царапин. Что ты теперь скажешь?

— Я встречусь с ним, у меня нет другого выхода, — проговорил Джонни, отмечая про себя, что раны заныли сильнее.

— Твоя уверенность мне нравится, только бы ты ее не растерял еще до начала боя. Мне придется договориться с его менеджером, давать рекламу, люди купят билеты, и если вдруг ты... Тех твоих десяти тысяч не хватит, чтобы возместить мой ущерб.

— Напрасно беспокоитесь, мистер Кастл. Я не подведу.

– Что ж, поверю тебе. Завтра я подошлю сюда своего помощника, подпишешь кое-какие бумаги.

– Присылай своего помощника, Дик... извините, «мистер Кастл».

Через неделю Джонни приступил к тренировкам.

Квадисты Роджерса теперь относились к нему иначе, не так, как в самом начале его подготовки, и не так, как после поражения Стива Делореса. Они симпатизировали ему – его выступление прервало полосу клубных неудач. Конечно, квадисты ничуть не восприняли победу Джонни как собственный успех, им-то от полученной им суммы ничего не перепало, но для Джонни уже хорошо было то, что они перестали считать его источником несчастий. Только Луи Вильсон был холоден с ним, что никого не удивляло: Вильсону, поставившему на проигрыш Джонни, пришлось выплатить десять тысяч кредитов Роджерсу.

К новости, что Джонни собирается драться со Стальным Драконом, в группе отнеслись по-разному. Бак Осинджер и Тим Стэб только покачали головами, Арчи Ласкен презрительно усмехнулся: «Каков наглец этот мальчишка!», Луи Вильсон не скрывал радостной улыбки, должно быть, он предвкушал поражение и смерть Джонни. Парк Брэнкс покрутил пальцем у виска. Роджерс воспринял новость с видимым безразличием, но позже, подойдя к Джонни, когда рядом больше никого не было, он процедил:

— Ну ты даешь, парень. На тот свет торопишься, что ли?

Джонни ничего не ответил.

Ночью перед боем он спал как убитый, наколотый всевозможными успокаивающими и укрепляющими препаратами, которых еще не успели внести в список запрещенных для применения квадистами средств.

Джонни проснулся ранним утром. Он чувствовал себя здоровым и сильным, как никогда. Каждая мышца, каждая клеточка его тела пела, трепеща от переполнявшей ее энергии.

Еще до того, как Джонни открыл глаза, в ясной синеве его сознания возник первый образ, образ Лолы.

За последнюю неделю они виделись дважды. Их свидания продолжались всего по несколько минут, тем не менее Джонни сумел почувствовать: она поверила в него. И не было у него поддержки крепче, чем эта ее вера.

Он должен победить, он хочет победить, он сделает все, чтобы победить, но сумеет ли он победить?

Ему прокручивали кассеты с записью выступлений Стального Дракона, чтобы он хоть немного вник в манеру противника вести бой. Стальной Дракон был гениальным квадистом, признал Джонни. Иногда во время просмотра ему казалось, что по арене передвигается не человек, а робот из следующего века, настолько точны и неуловимостремительны были движения Стального Дракона. Тем не менее не приходилось сомневаться, что Стальной Дракон — человек, а не сверхсовремен-

ный робот: многозвеньевая система контроля исключала возможность жульничества на арене.

Голова Джонни была светлой, он хорошо отдохнул, и... Он проиграет, внезапно дошло до его сознания. Да, у него была неплохая подготовка, но разве он может выиграть у такого противника?

Тут Джонни как будто увидел себя со стороны. Это сомнение, это его проклятое сомнение... Трещиной пробежало оно по его воле. Разве сможет выиграть безвольный, неуверенный в себе боец?

Джонни в душе давно отказался поддерживать какие бы то ни было отношения с Арагонским братством, он дал себе зарок позабыть о нем, изгнать из своего сердца сказочку об Арагоне, царстве справедливости и отваги, эту ложь, на которой Арагонское братство держалось. Но теперь Джонни вдруг вспомнил о братстве.

А ведь он мог призвать к себе на помощь силу, великую силу, сказал себе Джонни, силу, которой вряд ли сумел бы воспользоваться Стальной Дракон.

Джонни вынул из ножен квадак. Да, он отрекся от идей Арагонского братства, но сейчас не до амбиций. Пусть Арагон – иллюзия, и иллюзия опасная, но она поможет ему выиграть.

Острым кончиком лезвия Джонни стал вычерчивать арагонскую звезду у себя на груди. Боль, которую он при этом испытывал, и то, что он жестоким ритуалом в какой-то мере ослаблял себя перед самым боем, ничуть не волновали его. В эти мгновения его волновало только одно: остался ли он арагонцем в своем подсознании, придет ли ему на помощь Арагон или нет.

Если смотреть в глаза Джонни, в какой-то момент можно было бы заметить, как внезапно изменилась их окраска: из черных они стали кари-ми, затем зеленоватыми, голубыми, потом опять черными.

Ассоциативные связи сработали. Чувствительные клеточки кожи Джонни были раздражены кончиком клинка в определенном порядке, что включило сложный нервно-рефлекторный механизм, извлекший из подсознания Джонни идейные настроения Арагона, или, лучше сказать, вплеснувший их в его сознание.

Сомнения ушли. В мире Арагона не было места сомнениям. Единая цель возникла впереди, сияние которой заслонило и страх смерти, и боязнь ошибки. Так восходящее солнце гасит звезды. Цель эта была: победить.

В дверь постучали. Джонни, не потрудившись накинуть халат, пошел открывать. Впрочем, его на-кожное художество все равно увидят тысячи, ведь на арену бойцы выходили с обнаженным торсом.

Джонни пропустил в комнату Парка Брэнкса.

— Как ты? Не надумал отказаться от боя? — Тут Брэнкс перевел взгляд с его лица на грудь. — Это что у тебя за каракатица? На татуировку не похоже... или... да это же... да это же арагонская звезда!

Не обращая внимания на Брэнкса, Джонни стал одеваться.

Какое-то время горбун от волнения не мог говорить, потом он пробормотал:

— Так ты араговец, Голд? Ты понимаешь, что произойдет после боя, если ты выйдешь на арену

такой красивый? Тебя арестуют, тебя немедленно арестуют, ведь арагонское братство запрещено... А босс у нас такой слизняк, еще увернется, откажется платить тебе за победу...

Последние слова Брэнкса Джонни не понравились. И в самом деле, после боя им может заинтересоваться полиция, а у него нет времени разбираться с ней. И «мистер Кастл» штучка еще та... Брэнкс, без труда догадавшись, о чем подумал Джонни, сказал:

– У меня есть притирка, такая мазь, ее используют, когда бой разбивается на несколько раундов. Она хорошо маскирует небольшие раны. Если к ней добавить что-нибудь обезболивающее...

– Обезболивающего не надо, а притирку свою тащи, – скомандовал Джонни.

Брэнкс бегом принес снадобье. Как только царапины Джонни скрылись под слоем мази и Брэнкс удалился, к Джонни заглянул доктор Рюш.

– Как спалось, Белый Единорог?

– Я готов драться. Победа будет моей. Я достигну ее, я возьму ее, я вырву ее у него!

Психолог поймал взгляд Джонни. Так. Воодушевление на грани безумия. Такое воодушевление дает бойцу многое: бесстрашие, целеустремленность, нечувствительность к боли, но плохо то, что оно почти всегда идет в ущерб осмотрительности. Еще хуже другое. Находящийся в состоянии предельного возбуждения человек способен пройти путь до вершины, какой не пройдут люди сильнее его, но хватит ли у него сил пройти путь до конца? Если хорошенько настигивать слабо-сильную клячу, она некоторое время будет нестись

с ветерком, но ее можно загнать, не достигнув цели.

Психолог скользнул взглядом по фигуре молодого квадиста. Сломается или не сломается? Еще более взбодрить его, во всяком случае, вряд ли имело смысл, да и вряд ли было возможно.

Перед тем, как выйти, психолог произнес фразу, которой обычно напутствовал молодых бойцов перед боем:

— Помни же, твое поражение начнется не с того, что тебя ранят, а с того, что ты увидишь свою рану.

Противник Джонни, человек в маске Стального Дракона, был почти на голову выше его и значительно шире в плечах. На арену Стальной Дракон ступил уверенно и спокойно, как входят в собственный дом, во всем его облике не было и тени нервозности, свойственной людям опасливым. С публикой Стальной Дракон поздоровался скромно, только на секунду поднял руки в приветственном жесте.

Джонни ощутил силу противника с первого же удара, который ему едва удалось парировать. Чисто физически сила была на стороне Стального Дракона, но ведь совсем немного силы нужно, чтобы погрузить клинок в человеческое тело. Избегать клинка Стального Дракона ловкими увертками, постоянно атаковать сразу со всех сторон, как можно быстрее двигаться, двигаться, двигаться, — такова была стратегия боя, избранная Джонни.

Постепенно стало казаться, что клинок Белого Единорога как бы замкнул Стального Дракона в смертоносный круг, порхая вокруг него с непостижимой быстротой. Джонни добился тем самым, что Стальной Дракон полностью ушел в оборону, ему просто некогда было атаковать, однако пробить оборону противника Джонни никак не мог. Стальной Дракон был не из увальней, вращаясь вокруг собственной оси, он успешно отражал атаки Джонни, изредка получаемые им от Джонни царапины никак не могли ослабить его боеспособность.

Так продолжалось без малого четверть часа. Теперь любой знаток квади-боев с уверенностью сказал бы, что проиграет Белый Единорог. Если в первые минуты боя квадист, избравший метод непрерывных атак, не подавлял безусловно своего противника, он проигрывал. Невозможно атаковать непрерывно, усталость не заставит себя ждать, и тогда инициатива безоговорочно перейдет к квадисту, менее утомленному боем. И если этот сохранивший силы квадист физически окажется много крепче соперника, развязка наступит в считанные мгновения.

Когда Джонни начал свою непрерывную атаку, симпатии публики оказались на его стороне. Как обычно, зрители подбадривали того, в чьих руках, как им казалось, находилась инициатива. Шло время, люди неопытные и недалекие, а таких в толпе всегда большинство, продолжали громко восхищаться напористостью Джонни, но завсегдатаи трибун уже поглядывали друг на друга с понимающими улыбками. Раз Стальной Дракон

отлично держится до сих пор, он неуязвим, тогда как Белому Единорогу скоро ой-ой как придется плохо, вот только силенки у него пойдут на убыль.

Квадисты Роджерса, вместе со своим наставником сидевшие в первом ряду, стали сквозь зубы цедить ругательства, хмурясь. Роджерс не хотел видеть поражение Джонни, за подготовку которого он был ответственен, но еще меньше Роджерс был расположен лицеизреть Ричарда Кастла. Босс расположился в ложе прямо напротив и давно уже со злым лицом неприязненно поглядывал в его сторону. Можно подумать, это он, Роджерс, свел мальчишку Голда со Стальным Драконом. И сколько еще твердить, что профессионала высшей пробы не слепишь даже из самого лучшего теста ни за месяц, ни за два, на это нужны годы. Сражаться же со Стальным Драконом на равных мог только профессионал высшей пробы, это было совершенно очевидно.

Ах уж эта жадность боссов, устроителей квади-боев, готовых послать на арену едва обученного мальчишку!

Роджерсу вспомнилось детство. Убогая квартира, вечно пьяный отец-весельчак, сварливая мать... Первый заработок. Был два месяца в прислугах, потом наниматель, старый калека, как только Роджерс стягивал с него кальсоны на ночь, взял моду приставать, лез целоваться слюняво... Пришлось уйти. Калека зажил ли половину обещанного, просто удивительно, как другую, выплаченную половину, не отняла мать, не выклянчил и не выкрал отец... Ах да, он сказал им тогда, что не получил ничего, ни мелкоглистика. Его

обыскали, ничего не нашли, деньги он спрятал в саду у клумбы. И с этими деньгами он пошел в детский квади-клуб. Денег хватило только на пять занятий, но ему повезло, тренер обратил внимание на способного парнишку и доложил о нем владельцу клуба мистеру Роллерсу. К нему присматривались некоторое время, не требуя денег за обучение, а потом выдали членский билет. Так он перешел грань, отделявшую тех, кто платит деньги за обучение ремеслу, от тех, кто получает деньги за свое ремесло.

Роджерс вернулся в мыслях к квади-боям. Случилось, и его выставили против прославленного бойца, чье имя стояло в списке квади-лиги на несколько десятков строк выше его имени. Алчный босс, уверовав в него, а он перед этим одержал серию побед, задумал сорвать на его новой победе хороший куш. Роджерс проиграл, иначе и быть не могло. Тогда зрители даровали ему жизнь. Теперь зритель не тот, зритель стал куда жестче, теперь идут не на бой смотреть, а на смерть.

Бедняга Джон Голд, как тебе не повезло!

Здесь Роджерса словно под бок толкнули. Он давно уже не глядел на арену, кажется, целую вечность, но почему же диктор продолжает монотонно комментировать ход боя, почему же голоса толпы все звучат равномерным гулом? Неужели на арене еще не произошло ничего нового?

Роджерс поднял глаза. Да, на арене все как будто было по-прежнему. Белый Единорог непрестанно атаковал, Стальной Дракон умело оборонялся.

Старый квадист посмотрел на электронное табло, там высвечивалось время. Затем Роджерс глянул на свои наручные часы.

Что-то невероятное творилось в этот день на арене. Белый Единорог атаковал своего соперника в бешеном темпе почти что час.

Час непрерывной атаки, это было выше человеческих сил. Тем более что никаких признаков усталости у Белого Единорога не наблюдалось. Но не могли же одновременно сломаться и вон те громадные часы, и наручные часы Роджерса?

Джонни действительно усталости почти не чувствовал. Ему казалось, так он может драться как угодно долго, пока не разрушит защиту противника, пока не победит. Джонни не видел трибун, не видел желтого песка арены, не видел мощных световых установок, извергавших на арену поток белого света. Вот врага своего он видел, безобразную чешуйчатую тварь с острыми зубами и когтями-серпами, преграждавшую ему путь к дереву счастья. Чудовище высилось могучей скалой, но за спиной у Джонни были золотые ворота Арагона, откуда сила изливалась на него непрерывным потоком.

Роджерс не успел задуматься, в чем же заключалась причина такой удивительной неустойчивости Белого Единорога. Зрители затопали, завопили, некоторые дамочки, которым место — в домашнем кресле-качалке, упали в обморок. Такой взрыв эмоций мог означать одно: судьба поединка решилась.

Так оно и было. Стальной Дракон рухнул, пронзенный клинком Белого Единорога.

Джонни поразил противника в живот. Видя, как у Стального Дракона подворачиваются колени, как он валится головою в песок, Джонни вдруг почувствовал слабость. В миг мир Арагона исчез – исчезли золотые ворота, исчезла сила, исходившая из них, исчез и страшный зверь, преграждавший Джонни путь. Вместо чудовища Джонни увидел перед собой человека, квадиста в маске. Он лежал на песке, согнувшись; из раны в животе его сочилась кровь.

Усталость каменной плитой навалилась на плечи Джонни. Он зашатался, едва не выронил квадак.

А трибуны ревели. В эти минуты Джонни был кумиром тысяч. Победа, победа, победа – какие прекрасные, возвышенные слова! Двадцать тысяч зрителей находилось в зале, и все они стоя пожирали его глазами, скандировали его имя и аплодировали ему.

После того, как победитель был объявлен, комментатор произнес:

– А теперь, друзья, Белый Единорог откроет нам имя своего соперника. Стальной Дракон одержал пять блестящих побед, поднялся на четвертую ступень мастерства, вам, конечно, хочется узнать его подлинное имя, не правда ли? Что поделать, Стальной Дракон, тебя победил сильнейший, и сейчас мы узнаем, кто ты, скрывающийся под маской!

Зрители дружно поддерживали комментатора; судя по их реакции, мечтой их жизни было увидеть лицо Стального Дракона.

Джонни, нагнувшись, попытался снять маску с противника. Ему пришлось прибегнуть к

квадаку: маска плотно облегала голову Стального Дракона, кроме того, пальцы из-за сильной усталости плохо слушались Джонни. Где подворачивая маску, где вспарывая ее, он-таки справился с ней.

Джонни увидел лицо поверженного противника – тот был бледен, без сознания, дышал часто и порывисто – и Джонни окаменел.

Это казалось нелепым, невозможным, невысказанным, но это было, было реальностью. У ног Джонни лежал Алан Фостер, друг детства, которого он похоронил в своем сердце и оплакал.

Как так могло случиться? Ведь Джонни собственными глазами видел некролог в «Вестнике квади-лиги». А психолог, так тот еще рассказал ему, как умер Алан, будто психолог прочитал об этом в «Известиях космических трасс».

Да что там мудрить, ясно, как это делается, с тоской подумал Джонни. Очевидно, менеджер Алана решил вместо искуснейшего бойца заполучить излучавшего тайну искуснейшего бойца. Смерть Алана была умело инсценирована. А на следующий день после «смерти» Алана в клубе «Космические бизоны», в котором он состоял, появился новый боец, Стальной Дракон. Стальной Дракон стал совершать на арене чудеса, и то, что его лицо было скрыто под маской, являло для публики особую привлекательность.

Однако Кастрл не мог не знать, кто носил маску Стального Дракона. Этого, естественно, не знали зрители, этого могли не сказать Джонни, но Кастрл никак не мог этого не знать. Устроители боев всегда были прекрасно осведомлены, каково

настоящее имя и какова бойцовская биография квадиста, выходящего на арену в маске.

Кастл, старый дружок, скрыл от Джонни, что Стальной Дракон – это Алан Фостер. И Кастл допустил, чтобы они, Джонни и Алан, сошлись на арене в смертельном поединке!

Или нет, все было гораздо хуже. Кастл не только допустил их столкновение – он организовал их бой. Он нарочно устроил так, чтобы они сошлись на арене. Но зачем это ему было нужно?..

Молодого квадиста вернуло к действительности понесшееся с трибун настойчиво-громкое: «Убей его! Убей!» Что-то верещал комментатор... Что там он болтает?

Джонни прислушался, силясь вычленить из хаоса звуков голос диктора.

Комментатор бодрым тоном, в котором, однако, чувствовалась тревога, торопливо бормотал:

– Вот, дорогие друзья, уважаемая публика, истинный квадист, настоящий профессионал: он растягивает последние минуты, он не хочет уходить с арены, он остался бы на арене навсегда! Однако мы, Белый Единорог, всего-навсего зрители, мы не квадисты, мы ждем конца. Так давай же, победитель, вонзи свой острый рог во врага, в того, кто едва не убил тебя! Убей его! Убей!

Джонни поискал глазами электронное табло. Вот оно что. Пока он каменел, с ужасом осознавая, что вогнал квадак до половины лезвия в живот своего лучшего друга, зрители успели проголосовать. Проигравшего они обрекли на смерть. «СМЕРТЬ»... Шесть огненных букв горели огнем

преисподней и, казалось, этот огонь прожигал грудь Джонни до самого сердца.

Зрители кричали все настойчивее, все настойчивее требовали своего. Комментатор продолжил выискивать оправдания для Джонни, объясняя, почему же победитель медлит, но, чувствовалось, это давалось ему все с большим трудом. А вскоре из дикторской речи вообще исчезли всякие обтекаемые, «объясняющие» фразы, из динамиков понеслось раздраженное: «Давай, убей его, что же ты!» Наверное, комментатору подсказал кто-то из штатных психологов, наблюдавших за происходившим на арене: если в тупую голову нужно вдолбить какую-то мысль, молоток для вдалбливания лучше не оборачивать войлоком.

Джонни перевел взгляд с размытого пятна, клякс из чьих-то лиц, на Алана.

Крови из раны Алана натекло столько, что теперь он лежал в кровавой луже.

Джонни, практически не отдавая себе отчет, что делает, опустился на колени, перевернул друга на спину и свел края раны. Нет, этим кровотечение не остановить, поврежден крупный сосуд... Но что же делать?

Диктор, на секунду задумавшись, какими же словами сопроводить действия Джонни, прокомментировал:

– Смотрите, смотрите, Белый Единорог пытается ногтями разодрать своего врага! Он пошел от краев раны, так, конечно удобнее. Должен сказать, Белый Единорог выбрал довольно оригинальный способ поставить точку. Мне довелось про-

смотреть с начала до конца более двухсот боев, ничего подобного я не видел. Это значит, что сегодня, на ваших глазах, не просто очередной мастер одержал очередную победу – сегодня, на ваших глазах, пишется новая страница в истории квади-боев! Я не могу не вспомнить Мориса Грая, ломавшего своим врагам шеи, Чака Пилма, в подобных ситуациях квадаком рассекавшего в груди противника несколько ребер и вырывавшего сердце, а незабвенный Лок Патрис...

Покрываясь холодным потом, Джонни зажимал рану Алана. Его усилия ни к чему не приводили: кровь текла через его пальцы. И вдруг перестала течь.

За вспышкой надежды последовала вспышка отчаяния. Джонни заметил, что Алан перестал дышать. Алан умер. Сердце его перестало биться, поэтому кровотечение остановилось.

По барабанным перепонкам Джонни забухали слова диктора:

– Я вижу, синяя лампочка погасла. Да, точно, погасла. Или она еще замигает? Я не могу не вспомнить, как в прошлом году... Ну вот, предупредительный сигнал. Сейчас на табло должна засветиться нижняя строчка, под словом «СМЕРТЬ» вы читаете «ИСПОЛНЕНО». Так, на табло загорелось «ИСПОЛНЕНО». Бой окончен, господа! Сегодня своих бойцов представляли клубы...

Джонни убрался с арены ни живой ни мертвый.

За решеткой, отгораживавшей арену от служебных помещений, его уже ждали: Дик Кастрл, Роджерс, секунданты, корреспонденты... Послы-

шались поздравления, глупые вопросы. К счастью, вскоре прессу от него оттеснили. Джонни криво улыбнулся. Он видел чьи-то лица, но не мог различить, кто это был.

К нему подкатили больничное кресло. Ах да, он же ранен... Те несколько легких ран, которые он получил в бою, не вызывали опасений, и тем не менее его должны были доставить в центр реабилитации квади-лиги для обследования и лечения, этого требовал закон.

Джонни уже собрался опуститься в кресло (он еле держался на ногах от усталости), но тут он увидел Дика Кастла, то есть он осознал, что человек, сиявший рядом с ним искусственными зубами и похлопывавший его по плечу, и есть Дик Кастл. Сила удара Джонни была такова, что Кастл, падая, сбил с ног одного из секундантов.

На Джонни навалились, мелькнул шприц, и сознание его померкло.

Джонни пришел в себя на больничной койке. В теле чувствовалась легкость, но голова у него была тяжелой, как будто с похмелья.

Кошмарный сон лениво клубился перед его глазами, никак не хотел уйти из памяти. Ему снилось, будто он убивает Алана... И приснится же такое!

Джонни встал с кровати, подошел к умывальнику. Холодная вода обожгла лицо. В голове сразу прояснилось, и Джонни опустил плечи.

Эта стычка была на самом деле. Да, конечно, она была на самом деле. И смерть Алана – сущая

правда. И сущая правда, что Алан умер от его руки. «Дик Кастл, как ты мог? Стравить тех, чьим другом ты считался... »

От невеселых размышлений Джонни оторвал бодрый голос:

— Мистер Голд, я мистер Лоренс, помощник мистера Кастла. — В дверях стоял и улыбался здоровячок-толстячок. — Мистер Кастл распорядился уведомить вас, что сорок тысяч кредитов, полагавшихся вам за последнее выступление, уже переведены на ваш счет в Имперском банке.

Подождав ответа Джонни и не дождавшись его, мистер Лоренс удалился. Едва помощник Кастла скрылся с глаз, как Джонни расслышал, по коридору застучали каблучки.

Лола!

Выскочив в коридор, он увидел толстобедрую сестру милосердия, с грациозностью коровы спешащую куда-то на высоких каблучках.

Джонни охватила досада. И тут... Он увидел ее. Она вошла в коридор и стала неуверенно вглядываться в номера дверей.

Он побежал к ней с чувством, что впервые за последние дни сумеет обрадовать ее: у него теперь были пятьдесят тысяч кредитов, он мог купить лекарство, способное ее вылечить.

Они встретились как встречаются влюбленные, впервые вдохнувшие пьянящую свежесть любви: несколько слов, сказанных полупшепотом, вместили для них целый мир, а то, что не смогли вместили слова, было досказано глазами.

Спустя несколько минут Джонни поделился с Лолой радостью: теперь у них были деньги для

покупки Модуля-2. Он вылечит ее, он же обещал! И им не нужно тянуть с лечением, он себя чувствует совершенно здоровым, он немедленно покидает лечебницу, и они отправляются на Луну, в Имперский Институт Бриллологии.

Джонни даже не стал хлопотать о своей одежде, опасаясь, как бы его не попытались задержать доктора-зануды. Ничего, доберется он до дома и в больничной пижаме, а чтобы прохожие не главели на него зря, они наймут таксолет.

Они вышли на лестничную площадку и стали дожидаться лифта. Неожиданно Джонни окликнули. Он оглянулся.

Рядом с ним стоял Ричард Кастл в небрежно накинутом на плечи белом халате. Левая скула босса отливала желтизной.

– Что надо? – грубо поинтересовался Джонни.

– Я хочу объяснить тебе, как это получилось. Почему Алан оказался с тобой на арене, или, иными словами, как ты заработал пятьдесят тысяч кредитов. Ну, с первыми десятью тысячами все понятно, а вот сорок тысяч за второй бой... Когда ты заявил мне, что намерен взять за второй бой сорок тысяч, мне пришлось обратиться к менеджеру Алана. Я уже говорил тебе, что получить столько за один бой ты мог, только если бы одержал победу над бойцом из верхних строк списка квади-лиги. Но ты, я был уверен, ты, делающий первые шаги на профессиональной арене, ты не мог победить суперпрофессионала! Мне ничего не оставалось делать, кроме как обратиться к менеджеру Алана. Бойцовское имя Алана находилось в четвертой строке квади-списка, как

раз то, что нужно, кроме того, с ним можно было договориться.

— О чем... договориться?

— Чтобы он не убил тебя на арене, болван! Чтобы он дал тебе победить! Или ты думаешь, я бы смог договориться с каким-то другим бойцом, чтобы тот, вот так, запросто, отдал тебе победу?

— Так значит, Алан поддался мне?

— Не знаю. Ваш бой шел не так, как мы с Аланом думали. Я был уверен, что ты не сможешь драться с Аланом на равных, это же говорил и Роджерс, и все, кто видел, как дерешься ты и как дерется Алан. Мы рассчитали, Алан должен был с полчаса демонстрировать свое превосходство над тобой, а потом у Алана подвернулась бы нога и он в этот момент раскрылся бы. Ты, конечно, воспользовался бы этим, ты нанес бы ему удар, который он сумел бы лишить смертоносной силы, но якобы не сумел отклонить. Победа, таким образом, осталась бы за тобой, но Алану зрители даровали бы жизнь.

— Эти гиены пожелали его смерти.

— Только потому что Алан проиграл не так, как мы думали. Алан должен был подвернуть ногу, пытаясь поймать цветок одной из своих поклонниц. Вот тут-то ты и ткнул бы его квадаком в спину. Согласись, в этом случае зрители оказались бы миролюбиво настроены к Алану.

Джонни передернуло.

— Ты был уверен, что я ударю Алана в спину?

— Не Алана, а Стального Дракона. В наш с Аланом план входило, что ты, когда начнешь бой, не будешь знать, чье лицо скрывала маска Сталь-

ного Дракона. А уж Стального Дракона почему бы тебе не ударить в спину, если бы ты за полчаса боя убедился, что красиво тебе с ним не сладить. Ведь тебе крайне были нужны эти сорок тысяч, не так ли?

Боль, было унявшаяся, вспыхнула в сердце Джонни с новой силой. Получается, если бы только он не начертал на своей груди арагонскую звезду, у него не хватило бы сил противостоять Алану на арене, и тогда все пошло бы по плану Кастла. И тогда Алан был бы жив!..

Дик Кастл, заметив, что его слова наконец нашли в душе Джонни желанный отклик, ворчливо проговорил:

— Видишь сам, нет моей вины в том, что Алан погиб. И твоей вины нет, так что не надрывайся напрасно. Я не ожидал, что ты сможешь так ловко орудовать квадаком, а ты не знал, кто такой Стальной Дракон. Такова судьба, Алану, видно, суждено было погибнуть в этот день.

Кастл говорил правильные слова, но эти пустые слова не достигали сознания Джонни. «Ты виноват! Ты виноват! Ты!» — стучало у Джонни в висках. Он нашел виновника смерти Алана в Кастле, а ведь, оказывается, единственным виновником его смерти был он, Джонни Голд. И что теперь оправдываться, дескать, он действовал по неведению, он не знал, что Стальной Дракон — это Алан Фостер? Разве не по доброй воле он перед боем прибегнул к помощи Арагона, хотя недавно клялся себе, что никогда, никогда не попросит помощи у силы, причинившей ему и его возлюбленной столько боли? Он говорил себе, что пор-

вал с Арагоном, а сам, как только пришлось туго, прибегнул к его силе, силе лжи. И что же теперь, кого ему обвинять, что вышло то, к чему он по своему бездумью стремился?..

— Я не ожидал от тебя такого, Джонни, и никто не ожидал, — говорил Кастл. — Нехорошо, что так получилось с Аланом, но зато теперь я знаю: из тебя получится сильнейший боец. Я уверен, пройдет несколько лет, и твое имя будет внесено в первую строчку списка квади-лиги. Ты ведь не собираешься бросать клуб, Джонни?

— Это был мой последний бой, — отозвался Голд. — Я никогда больше не выйду на арену.

Подъехал лифт, раздвинулись дверцы. Кастл заторопился. Он обрушил на Джонни обещания, одно заманчивее другого, он сулил ему десятки, сотни тысяч кредитов, только бы Джонни не бросил арену, только бы... Войдя в лифт следом за Лолой, Джонни встал так, чтобы Кастл не вздумал прошмыгнуть за ним. Дверцы закрылись, и лифт плавно поехал вниз.

Когда они добрались до квартиры, которую снимали, Джонни первым делом заперся в ванне. Столовым ножом он нацарапал у себя на груди звезду. Это не была звезда Арагона. Двенадцатиконечная, с одинаковыми лучами, это была звезда с эмблемы военного космического флота Земли, и одновременно эта звезда являлась центральной фигурой императорского герба. Силу и единство власти Земли олицетворяла она, власти, распространявшейся в космическом пространстве во всех направлениях.

Нервные импульсы потекли в подсознание Джонни, как только нож коснулся кожи. То, что прочерчивал он, поначалу было похоже на арагонскую звезду – те же прямые линии, складывавшиеся в лучи, – и поэтому программа извлечения из его подсознания мира Арагона была включена. Однако как только контуры звезды стали проступать яснее, иные, чуждые программе импульсы проникли в подсознание Джонни.

Джонни уже увидел золотые ворота, в его ушах зазвучала торжественная и грозная мелодия Арагона – и вдруг золотые ворота дрогнули, как будто в них ударили тараном. И гармонию музыки нарушил рев прибора. Словно невидимые могучие волны стали биться тараном в золотые ворота.

Нечеловеческая боль сотрясла тело Джонни, нервы его словно обожгло огнем. Два желания схлестнулись в его сознании: он хотел изобразить звезду могущества Земли, но вместе с тем нечто, поднимавшееся из глубины его мозга, заставляло его хотеть иного, заставляло его стремиться изобразить звезду Арагона. Судороги скрутили правую руку Джонни, в которой он держал нож. «Арагон – это гармония, Арагон – это сила, Арагон – это прекрасно», – кричал чей-то голос у него в голове. И вместе с тем другой голос твердил: «Арагон – это боль, Арагон – это ложь».

Все же сила воли Джонни оказалась сильнее силы кода, вложенного в его подсознание. Он сумел дорисовать, дочертить звезду земного величия.

И как только звезда земного величия обозначилась на его груди во всей своей целостности,

голос, сначала приказывавший ему следовать воле Арагона, затем просящий, затем молящий хотя бы оглянуться на Арагон, умолк.

Исчезли и золотые ворота, и сказочное небо Арагона, словно сотканное из тысяч глаз, и земля Арагона, обгаренный кровью желтый песок. Вместо мира Арагона вспыхнул в сознании Джонни другой мир: синее бесконечное небо, луговина, далекие поросшие лесом холмы.

В отличие от мира Арагона, входившего в сознание Джонни на долгие часы, новый мир предстал перед ним всего на долю секунды. Это потому, что новый мир не подчинил сознание Джонни, он только уничтожил мир Арагона и вслед за миром Арагона исчез из сознания Джонни навсегда. Теперь, что Джонни не попытался бы изобразить у себя на коже — арагонскую звезду, земную звезду или еще какую-то, его подсознание не сумело бы подчинить себе его разум. Стереть изображение сможет всякий, но чтобы создать что-то новое, нужен художник.

На другой день Джонни получил в Имперском банке пятьдесят тысяч кредитов, и они с Лолой вылетели на Луну.

ПЛАНЕТА АРЛАМ

Сверхсовременный препарат Модуль-2, на который Джонни возлагал столько надежд и который стоил столько денег, Лоле не помог. Не по-

действовал, и все тут. Лолу усыпили, ввели ей Модуль-2 и продержали ее на операционном столе три часа – и ничего. Фазы исхода, то есть явления, когда плесень в корчах вырывается из организма больного, не произошло. Обычно фаза исхода начиналась через полчаса после введения препарата, никогда она не наблюдалась позже чем через час, так что спустя три часа после введения в организм Лолы Модуля-2 можно было смело утверждать, что исхода в данном случае вообще не произойдет. Что поделать, стало быть, Лола не попала в число тех тридцати счастливиц из ста испытуемых, на которых Модуль-2 действовал.

– Сожалею, мистер Голд. – Доктор Хаггис мрачно хмурился, в самом деле сопереживал. – Методика была выполнена точно, можете осведомиться у независимого эксперта. Я вас предупреждал, при использовании этого метода далеко не во всех случаях достигается излечение. Желаете посмотреть протокол манипуляции?

Доктор глядел прямо на Джонни, чего ему отводить глаза, ведь он не вор, не обманщик. Лечение не имело успеха, но уж не по вине доктора Хаггиса.

– Не надо протокола. – Джонни рассеянно провел рукою по лбу. – Что теперь будет с моей женой? Она обречена?

– Зачем же так сразу «обречена». Вы можете двинуться по общепринятому пути, то есть попытаться использовать X-10.

– Она никогда не согласится обрасти с головы до ног плесенью. Если вы не можете помочь, хотя бы посоветуйте, кто это может сделать!

– Неужели вы думаете, что я не направил бы вас в то место, где вашу жену вылечили бы наверняка, если бы такое место существовало?

– Не знаю... – Взгляд, которым Джонни смеялся доктор Хаггиса, отнюдь нельзя было назвать дружелюбным.

– Я понимаю ваши чувства, мистер Голд, – проговорил доктор Хаггис тоном, как будто хотел сказать: вы невежливы, молодой человек, но мне жаль вас и я вас прощаю. – Вот что, слетайте на Арлам. Вы знаете, что есть такая планета, Арлам, планета системы Спики, родина плесени Брилла? Слетайте туда, на Арламе находится головной корпус нашего института. Если вам где и помогут, то только там.

– Вы что, не поддерживаете связь со своим главным корпусом, раз не знаете, помогут нам там или нет?

– Поддерживаем, мистер Голд, поддерживаем. Именно поэтому я и советую вам отправиться туда. У нас в институте, знаете ли, нет дублирующих друг друга подразделений, мы ведем работу в одном направлении, на Арламе работают в другом. Может, они предложат вам что-нибудь лучше нашего Модуля-2.

Джонни забрал Лолу из клиники еще спящую. Он на руках отнес ее в таксолет и велел таксисту гнать в ближайшую гостиницу. Он не хотел и на секунду задержаться в здании, пропахшем ложью и алчностью не меньше, чем лекарствами.

Она пришла в себя на белоснежной постели гостиничного номера. Джонни сидел рядом. Открыв глаза, она прошептала:

— Все? Я здорова? У них получилось?

Джонни потупил взор и пробурчал:

— Эти идиоты ничего не смогли сделать. Они сказали, нам нужно лететь на Арлам, там помогут. На Арламе головной корпус института, а здесь, на Луне, только филиал.

Лола отвернулась к стене, задрожала мелко, зашмыгала носом. Джонни, посидев немного в тягостном оцепенении, развернул ее к себе и покрыл поцелуями ее мокрые щеки, набухший нос, изморщившийся лобик.

К концу дня Джонни убедился, что в настроении Лолы произошел печальный перелом. Если раньше она, осознавая тяжелый характер своей болезни, держала себя в руках, бодрилась, то теперь ее сил хватало только на то, чтобы сдерживать слезы, да и то не всегда ей это удавалось. Если раньше она стремилась к самостоятельности, показывала, что в опеке Джонни не нуждается, что Джонни совершенно свободен и не несет никаких обязательств по отношению к ней, то теперь она была такой слабой, жалкой, что сомнения не могло возникнуть, она нуждалась в его силе. Она соглашалась на все, готова была ехать куда угодно, лечиться как угодно, только одно она никак не принимала душой. Когда Джонни сказал, что им, быть может, придется, в конце концов, воспользоваться официальным способом лечения болезни Брилла (как известно, старый друг лучше новых двух), то она замотала головой и заплакала. Обрасти плесенью с головы до пят и так жить годами, ожидать, пока можно будет применить X-10, это не укладывалось у нее в голове.

Или у нее не укладывалось в голове, что такую «красавицу» в плесени может продолжать любить мужчина?..

Успокаивая и подбадривая Лолу, Джонни ни на секунду не переставал думать о главном. В головном корпусе Имперского Института Бриллологии, что на Арламе, за лечение, конечно, требуют деньги. А денег у них осталось меньше тысячи кредитов. На билеты до Арлама этого хватит, но чем расплачиваться с докторами?

Как ни крути, у Джонни был единственный способ достать деньги. Ему следовало вернуться на арену.

Вечером, когда Лола уснула, Джонни стал продумывать свои ходы. На Арлам они сразу не полетят, там без денег делать нечего. Они вернутся на Землю. Джонни переговорит с Кастлом. Хотя они не очень-то хорошо расстались, вряд ли Кастл откажется принять Джонни в клуб обратно. Обязательно нужен аванс, и его Кастл выдаст. Десять тысяч кредитов, на первое время этого хватит. Джонни устроит Лолу в институтскую клинику на Арламе, а сам вернется в клуб, отрабатывать аванс.

Вот только можно ли Лолу оставить на Арламе хотя бы на короткое время?

От размышлений Джонни отвлек видеофонный зуммер.

Он нажал на кнопку связи.

Вспыхнул экран, и Джонни увидел своего отца.

Джонни опешил.

Мистер Голд ничуть не изменился с тех пор, как расстался с сыном. То же уверенное выраже-

ние лица, те же твердые губы, тот же стальной взгляд.

– Здравствуй, сынок, – произнес Голд-старший с укориженной интонацией. – Видишь, как оно бывает, иные в сыне находят опору, а иные сами вынуждены приходить на помощь неразумному дитяте. Я знаю, Джон, что твоя девушка тяжело больна. Я помогу тебе. Ты получишь сто тысяч кредитов.

Джонни не поверил своим ушам. Растерянность, радость, чувство признательности попеременно отразились на его лице.

– Вижу, ты не откажешься от этих денег, – проговорил Чарльз Голд. – Вся сумма будет переведена на Луну немедленно, в Лунном филиале Имперского банка на твое имя откроют счет. Завтра утром сможешь получить все. Только не мечтай, что я простил тебя. Я не отказался от тебя, ты – мой сын, но до прощения еще далеко.

Чарльз Голд отключился. Сын так и не успел сказать отцу ни слова.

Лолу Джонни разбудил немедленно. Еле сдерживая волнение, он поведал ей о неслыханной новости, и сердце его затрепетало радостью, когда он уловил лучик надежды в ее широко раскрывшихся глазах.

Арлам, единственная планета Спики, Альфы Девы, была планетой лесов и искродия. Леса существовали для туземцев, сумчатых гуманоидов, искродий – для землян. У туземцев едва-едва на-

чинался каменный век, так что искродий, редчайший минерал, служивший топливом для звездолетов, им был ни к чему.

Первое месторождение искродия открыли на Арламе тридцать лет назад. За тридцать лет было найдено еще двадцать месторождений, вокруг каждого из которых вырос целый город.

И еще Арлам был планетой плесени Брилла, родиной своеобразного растительного организма, оказавшегося способным паразитировать в человеке. В начальных стадиях видимое появление болезни напоминало плесень, плесенью же Брилла эту болезнь называли по имени первого умершего от нее человека.

Плесень Брилла разносилась спорами, и Джонни, оказавшись в космопорте на Арламе, удивился, что здесь не предпринималось никаких мер против заражения: люди передвигались совершенно свободно, без защитных халатов, без масок. Один из спутников Джонни по космическому перелету, инженер, прилетевший на Арлам в третий раз, объяснил, что в изоляции от внешней среды не было необходимости. Так, на Земле даже самые болезненные из людей не носят скафандры, чтобы предохраниться от микробов, плесень же куда менее заразна, чем, скажем, грипп. Спора плесени должна попасть не просто на кожу, а в ранку, причем не каждая попавшая в ранку спора прорастает. На прощание инженер заметил, что иногда на Арламе скафандры все-таки одевают, одевают полицейские, когда устраивают облавы на зараженных туземцев. При встрече с больным туземцем, у которого плесень находится в стадии

спорообразования, риск заражения значительно возрастает. Вокруг такого больного клубится облако из спор, и одна какая-нибудь спора уж найдет трещину в коже здорового.

Головной корпус Имперского Института Бриллиологии сверху выглядел как обкусанный блин – невысокий, всего в три этажа, с многочисленными выступами-пристройками, он занимал громадную площадь. Можно сказать, он был велик не в высоту, а в глубину. Когда Джонни с Лолой прибыли в Институт, врачебный прием уже закончился, но у Джонни были деньги, и он не собирался дожидаться следующего дня.

Доктор Бланке, седоволосый розовый старичок, спокойно выслушал рассказ Джонни и внимательно осмотрел Лолу.

– Мне сказали, у вас есть способы лечения, которых нет нигде, – произнес Джонни. – На Земле и Луне моей жене не помогли. Вы что скажете?

– Мы попытаемся помочь леди.

– Значит, мы можем надеяться?

– Конечно. Сделайте первый взнос, и я немедленно отправлю леди в палату.

– Я не хочу оставлять ее одну. Вы не могли бы положить меня в одну палату с ней?

– Это против правил. Вы можете остановиться в гостинице при институте. Гостиница находится в этом же здании, блок 77.

Позади остались формальности, и мосластая мужиковатая санитарка повела Лолу в палату. Проводив взглядом узкую девичью спину с угловатыми плечами, Джонни отправился в гостиницу.

Он мог бы снять президентские апартаменты, но ограничился однокомнатным номером за пять кредитов в месяц. Потребности у Джонни были небольшие, да и иного применения деньгам отца, кроме как на лечение Лолы, он не видел. Оставив свои немногочисленные вещи в номере, он опустил вниз и спросил у портье:

– Скажите пожалуйста, Имперский Институт Бриллологии – единственное место на Арламе, где лечат болезнь Брилла?

– Наш институт – единственное место не только на Арламе, но и во всей галактике, где лечат болезнь Брилла, – произнес лысоватый седой портье тоном, которым мамыши уверяют детишек, что сладкое вредно для зубов. – Все остальные, которые манят, обращайтесь, дескать, к ним, мошенники или неучи.

«Старик портье, видно, крепко держится за свое место, – подумал Джонни. – От него правды не добиться. Ничего, спросим у других».

Джонни вышел на улицу, и через пять минут он уже знал, что на Арламе кроме Имперского Института Бриллологии действовали еще два крупных центра по изучению и лечению болезни Брилла, Независимый Институт Психологических Исследований доктора Ситроена и Институт народной Медицины Арлама доктора Халимана. Кроме того, на Арламе находилось около сотни частных лабораторий, в которых работало от одного до нескольких десятков человек, обуянных желанием найти эффективный способ лечения болезни Брилла. Такой энтузиазм был понятен, некий фонд Эдварда Райта установил награду в десять

миллионов кредитов тому, кто смог бы разработать действенный способ лечения болезни Брилла. В многих из этих лабораторий помимо исследовательской работы также занимались и лечебной.

— Только я не слышал, чтобы от кого-то выздоровевшие валили косяком, — сказал уличный торговец сладостями. — Иные крутолобые заверещат, мы-де на верном пути, ну к ним и повалят бедолаги в плесени, а на поверку оказывается пшик.

Джонни, хмуро дослушав зубоскала-торговца, отправился в институт Ситроена. Что зря время терять, пока Лолу будут лечить в Имперском Институте Бриллологии, ему надо разведать, чего стоят конкуренты Имперского Института.

У Ситроена дело было поставлено на широкую ногу, о чем говорил солидный вид институтского здания, представлявшего собой пятидесятиэтажный небоскреб. Заплатив за консультацию, Джонни прошел в кабинет, который ему указали. На двери кабинета висела табличка: «Доктор Сайман».

Доктор Сайман внимательно выслушал рассказ Джонни про плесень, мефенамовую кислоту и Модуль-2, словом, про все их с Лолой мытарства. Сайман сказал:

— Наш метод, мистер Голд, заключается в том, что мы стимулируем организм больного, прежде всего — стимулируем психику, с тем, чтобы больной сам справился с болезнью, то есть с плесенью. Вы, наверное, слышали, известно немало случаев выздоровления человека от болезни Брилла без лечения, всегда это происходило на всплеске психической активности, вот этот всплеск мы и пытаемся смоделировать.

– Я слышал, случаи самопроизвольного излечения очень редки.

– Таких случаев пятнадцать-двадцать в год. В процентном отношении к общему количеству больных это, конечно, не очень много, но от пятнадцати-двадцати случаев самопроизвольного выздоровления в год нельзя отмахнуться как от ничего не значащего исключения, что подтверждается нашими работами.

– И каковы шансы моей жены выздороветь, если вы возьметесь ее лечить?

– Из тех, кто начинал лечение у нас, выздоравливают двадцать процентов. Но, оговорюсь сразу, мы далеко не всех беремся лечить.

«Двадцать процентов – неплохой результат, – раздумывал Джонни, летя на таксовете в Институт Народной Медицины Арлама доктора Халимана. – Официальный X-10 дает только десять процентов выздоровления, а тут – целых двадцать процентов. Не попытаться ли пробиться в эти двадцать процентов?..»

В Институте Халимана Джонни разъяснили, что направление работы института – поиск местных, природных средств лечения болезни Брилла. Туземцы Арлама болеют плесенью Брилла тысячелетия, вот у них-то институт Халимана и заимствовал одни методы лечения и собирался заимствовать другие. Что же касается результативности лечения, то тут Джонни ответили так: «Мы помогаем многим, половина наших пациентов забывает про свои мучения». Джонни мрачно пошутил: «Эта половина умирает сразу, что ли?»

«Нет, зачем же. У нас вообще редко умирают. Умирают, когда уходят от нас».

По разным мелким лечебницам, чьи рекламные афишки нередко попадались на глаза, Джонни не поехал. Мелкое кажется неосновательным, несерьезным; утопающий хватается за соломинку только если рядом нет бревна. Бревно же было: Имперский Институт Бриллологии, институт Ситроена и институт Халимана выглядели весьма внушительно.

Когда Джонни на таксовете возвращался в гостиницу, из окна машины он увидел высокое здание, охватывавшее полукругом мраморный монолит. «Фонд Райта» — отозвался водитель на вопрос Джонни.

За день Джонни несколько раз слышал это имя. Фонд Эдварда Райта, как понял он, сам научными исследованиями не занимался, но оказывал мощную финансовую поддержку лечебным и исследовательским организациям, работавшим с плесенью Брилла. От этого имени, как его произносили, веяло такой силой, что Джонни, заметив по мрамору золотую вязь, велел таксисту опуститься у подножия монолита. Любая информация, касавшаяся плесени Брилла, имела для Джонни значение, поэтому фондом Эдварда Райта он не мог не заинтересоваться.

На мраморе золотом было высечено:

«Ныне я говорю: живой или мертвый, я буду душишь, рвать, кромсать арламскую плесень, пока она не издохнет.

Ныне я говорю: всякий мне друг, кто станет бороться с плесенью Арлама.

Ныне я говорю: кто найдет способ уничтожить арламскую плесень, получит десять миллионов кредитов наличными.

Мэгги, Мэгги, зачем ты полетела со мной?..»
Таксист, кивком головы показав на подпись, сказал Джонни:

— Мэгги — его дочь. Райт взял ее с собой на Арлам, понастроил здесь своих рудников, закрыл дело, а тут девчонка возьми да захворай, плесень на нее села. Она умерла, одни говорят, плесень ее сожрала, другие говорят, ее залечили. Тогда Райт создал свой фонд, а через пару лет сам ноги протянул. Только не от плесени, сердце сдало.

Прошло две недели, как Джонни с Лолой прибыли на Арлам. В институтской клинике за здоровье Лолы взялись всерьез: когда бы Джонни ни заходил к ней, вокруг ее койки постоянно в три ряда стояли какие-то приборы, причем одни вносили, другие выносили, и белые халаты кругом мелькали туда-сюда, туда-сюда. Словом, Лола в клинике Имперского Института Бриллологии получала все, что только можно было получить за деньги.

Однажды вечером к Джонни в гостиничный номер позвонили и попросили его, «если его не затруднит», немедленно подойти к доктору Ганзеру, лечащему врачу Лолы. Этаж такой-то, комната такая-то.

Доктор Ганзер сказал без предисловий:

– Положение вашей жены осложнилось, мистер Голд. Только что мы обнаружили зачатки плесени у нее в мозгу.

Джонни, с замирающим сердцем вошедший в кабинет, побледнел.

– Вы... сможете что-нибудь сделать?

– Если мы выявляем плесень в мозгу в самом начале ее развития, как это произошло сейчас, иногда нам удается повернуть процесс вспять. Впрочем, это больше зависит от плесени, чем от нас. Мы просто отменяем все лекарства, все назначения, – и плесень может перейти из мозга в кожу, а может не перейти. Это все, что я хотел вам сказать. По договору мы обязаны предупредить вас в случае всевозможных осложнений, что я сейчас и сделал.

– Я должен увидеть ее.

– Вы не должны сейчас видеть ее. Она спит, ни к чему ее беспокоить.

– Дайте мне хотя бы посмотреть на нее. Я не стану ее будить.

– Это возможно, только говорю сразу: если она проснется, когда вы будете находиться в палате, знайте, большего вреда ей вы не смогли бы причинить.

Она лежала в белой больничной постели и спала – такая одинокая, такая жалкая. Но она не одинока, нет, он никогда не оставит ее, хотелось вскричать Джонни и взять ее руки в свои, и обнять ее, – но вместо этого он задерживал дыхание, опасаясь ее разбудить.

И все же, как она одинока, она совсем одна, его бедняжка, подумал он, тоскуя сердцем. Разве может он переложить хотя бы часть ее мук на свои плечи? Нет. И все его попытки вылечить ее немногого стоили, раз они оказались безрезультатны. От него проку для нее – как от больничной стены, как же он может уверять себя, что его тепло согревает ее?..

Всю ночь Джонни простоял в палате Лолы, у двери. Он не слышал, как одна из сестер милосердия настойчиво предлагала ему стул.

На этот раз обошлось. Ранняя диагностика и своевременная отмена лекарств сыграли свою роль, плесень ушла из мозга Лолы. Ушла в кожу. На правом плече девушки за несколько часов прямо шерсть дюймовая выросла, только это была не шерсть, а волокна плесени.

Лола опять принялась за мефенамовую мазь. Нити плесени вскоре потеряли упругость, опали, границы серого пятна стали сокращаться.

Доктор Ганзер предупредил Джонни:

– Если ваша жена будет продолжать использовать мефенамовую мазь, боюсь, плесень скоро вновь появится у нее в мозгу. Во второй раз нам не удастся выманить ее оттуда. Если плесень Брилла ушла из мозга, а после туда вернулась, все, с ней ничего не поделать, об этом говорит весь галактический опыт.

– У вас есть какое-то другое лекарство, которое убрало бы эту гадость с кожи моей жены? Уб-

рало бы так, чтобы потом можно было не опасаться за ее мозг?

— У нас есть множество лекарств, способных устранить накожные проявления болезни Брилла, но, к сожалению, ни одно из этих лекарств не предотвращает уход плесени в мозг. Единственный способ предотвратить мозг вашей жены от поражения, это дать плесени развиваться на коже. Другого я не вижу. Потом, когда плесень войдет в фазу колошения, можно будет применить препарат Х-10.

— Нам еще на Земле говорили об этом способе лечения: идут годы, человек обрастает плесенью, а потом применяют Х-10. Мы думали, что здесь, на Арламе, в Имперском Институте Бриллологии, нам предложат что-нибудь лучше.

— Возможно, так это и произойдет. В нашем институте — двести лабораторий, семь тысяч сотрудников. Почти каждую неделю в клинику поступает новый препарат для испытания. Я бы посоветовал вам отговорить вашу жену применять мефенамовую кислоту, пока не поздно. Да, плесень начнет развиваться у нее на коже, но я уверен, вашей жене не придется долго страдать. Мы стоим на пороге уникального открытия, возможно, уже в этом году в нашем институте будет создан высокоэффективный препарат для лечения болезни Брилла.

Выслушав Джонни, Лола сказала, что ей делается страшно, так страшно, аж сердце замирает, как только она смотрит на свое правое плечо, на серое пятно плесени. Она умрет от страха и омерзения раньше, чем от самой болезни, если

плесень не уйдет с ее кожи. А для того, чтобы прогнать плесень с кожи, она должна применять мефенамовую мазь.

Переговорив с Лолой сразу после беседы с доктором Ганзером, Джонни в этот же день перевез ее в Независимый Институт Психологических Исследований доктора Ситроена.

Доктор Ситроен осмотрел Лолу сам (это стоило Джонни впятеро дороже, чем если бы ее осмотрел рядовой врач институтской клиники). Пригласив Джонни в свой кабинет, Ситроен сказал:

– Не скрою, мистер Голд, перед нами непростая задача, у вашей жены глубокая ипохондрическая депрессия. Нам придется хорошенько потрудиться, чтобы достичь каких-то результатов.

– Вы можете мне сейчас сказать, добьетесь вы чего-то или нет?

– Пока я не могу сказать вам ничего конкретного. Но мы приложим все усилия, я обещаю вам.

– У нее есть шанс? Я слышал, вы берете к себе на лечение только тех, у кого есть шанс выздороветь. Значит, я могу надеяться?

Доктор Ситроен поднял кустистые брови.

– Мы принимаем в клинику всех, кто к нам обращается. Если, конечно, человек болен болезнью Брилла, а не какой-то торксиханской лихорадкой, и если он кредитоспособен. Кажется, вам кто-то сказал иное?

– Не так давно я имел разговор с доктором Сайманом из вашего института. Он сказал, что вы

берете на лечение только тех, кому оно может помочь.

Ситроен кивнул.

— Доктор Сайман сказал вам правильно. В клинику мы принимаем всех, но к лечению оказываются готовы немногие. Лечение мы называем проводку лечебного кода через сознание пациента, достигшего эффективного стремления к излечению. То есть прежде, чем начать лечение, мы должны перевести вашу жену из состояния ипохондрической депрессии в состояние аффекта, затем мы внедрим в ее сознание разработанный нами код, а уж потом пойдет собственно лечение, изгнание плесени из ее организма.

Половину из того, что сказал Ситроен, Джонни не понял, но ему стало ясно одно: для начала Ситроен собирался внушить Лоле уверенность в себе, поднять ее дух. Состояние ее было крайне подавленным, она почти не разговаривала с Джонни, только плакала, и Джонни решил оставить ее в институте Ситроена. Он опасался, как бы Лола не зачахла от тоски, опережая участь, которую ей уготовила плесень.

Люди Ситроена стали вводить в организм девушки какие-то препараты, в результате чего ее психическое состояние, действительно, несколько улучшилось. Лола перестала плакать, все реже Джонни видел на ее лице страдальческое выражение. Вскоре она смогла говорить с ним на отвлеченные темы, но затем наступил перелом. Лола вдруг потеряла интерес к окружающему, перестала заговаривать с Джонни первая, место тоски в ее душе заняло безразличие.

Ситроен сказал Джонни:

– Мистер Голд, боюсь, мы не сможем помочь вашей жене. Мы сняли у вашей жены ипохондрическую депрессию, но теперь у нее развилась апатия, мы же хотели достичь установки на излечение, вогнать ее в аффект, в эйфорию. Нужного перехода не произошло.

– Разве вы не можете дать ей что-нибудь стимулирующее?

– Мы можем стимулировать ее психику, но получится не то, чего нам хотелось бы достичь. Переход ипохондрии в эйфорию, к чему мы стремились, означает, что душевные силы больного вместо того, чтобы струиться в пропасть тоски, начинают бить вверх в радости и вере. Иное, если мы стимуляцией пытаемся снять апатию, не устраняя причины, из-за которой апатия развилась. В этом случае обычно у пациента быстро наступает истощение и физическое, и психическое, развивается кахексия.

У Ситроена нам больше делать нечего, понял Джонни.

Перекладывая из больничной тумбочки в полиэтиленовый пакет личные вещи Лолы, Джонни ломал голову, куда же им теперь направиться. Вернуться в Имперский Институт, или попытаться счастья в халимановском Институте Народной Медицины? Возвратиться с мефенамовой кислотой в пакете в Имперский Институт было бы глупо, ведь там ясно сказали, что они смогут помочь только если будет изобретено какое-то новое средство лечения болезни Брилла, а чтобы дожидаться этого нового средства, Лоле следовало прекратить

использовать мефенамовую кислоту. Да, плесень в этом случае покрыла бы все ее тело, но не стала бы развиваться в мозгу, угрожая жизни, а с плесенью на теле можно жить годами.

Лола перестала применять мефенамовую кислоту, как только плесень ушла с ее кожи. Сейчас Лола находится в таком состоянии, что ему, быть может, удастся уговорить ее больше не принимать лекарство?

Она сидела на стульчике у окна и отрешенно смотрела на его сборы.

– Я не хочу, чтобы ты применяла мефенамовую кислоту, – проговорил Джонни: – Кислота раздражает плесень, плесень может убить тебя.

– Хорошо.

Джонни внимательно посмотрел Лоле в глаза. Она обманывает его, она просто не хочет спорить, она будет делать по-своему, но тайком, или она ответила ему искренне?

– Так ты обещаешь мне больше не прикасаться к мефенамовой кислоте? – уточнил Джонни.

– Да, обещаю.

Ей было все равно, совершенно все равно. Ее равнодушие выглядело пугающим, но сейчас оно было кстати. Апатичная, она без всякого сопротивления согласилась с тем, против чего раньше так стойко возражала.

Джонни повез Лолу в Имперский Институт Бриллологии. «Имперский Институт Бриллологии», это звучало куда солиднее, чем какой-то там «Институт Народной Медицины».

При поступлении в институтскую клинику Лоле первым делом провели сканирование мозга.

Зачатки плесени опять обнаружили под мозговой оболочкой.

В ушах Джонни стояли слова, которыми его напутствовали, когда он в прошлый раз вместе с Лолой покидал Имперский Институт: «Плесень не уходит из мозга дважды». Один раз плесень уже начинала развиваться в мозгу Лолы, тогда все обошлось, значит, теперь... Доктор, объявивший Джонни приговор, сказал, что не нужно терять надежды, что Лола будет находиться под постоянным наблюдением, и за ней обеспечат тщательный уход, что на свете всякое случается. «А что говорит ваш опыт, вам приходилось наблюдать, чтобы плесень ушла из мозга во второй раз?» – спросил Джонни. – «Нет, но...» Джонни повез Лолу в Институт Народной Медицины Арлама.

Доктор Халиман оказался поджарым мужчиной лет пятидесяти. Бронзовым от загара лицом, обветренными губами, быстрой походкой, короткой бородкой он напоминал разведчика-первопроходца, а не ученого.

Когда Джонни, обрисовав положение Лолы, раскрыл и закрыл бумажник, доктор Халиман сказал:

– Я возьму вашу жену в свою клинику. Да, процент выздоровевших у нас невелик, скажу прямо, он ничтожен, и это постоянно ставится нам в укор нашими конкурентами. Зато у нас велик процент выживаемости.

Джонни качнул головой:

– Я не понимаю вас, доктор.

– В Имперском Институте вам сказали, что ваша жена обречена, раз у нее поражен мозг, что

несколько дней – и все, конец, не так ли? А я говорю, вашей жене возможно помочь. Я не обещаю вам, что она выздоровеет, но мне, вероятно, удастся выманить плесень из ее мозга и тем самым устранить непосредственную опасность ее жизни.

– И плесень опять начнет развиваться у нее на коже?

– Быть может, нам даже этого удастся избежать.

– Каким образом?

Побарабанив пальцами по столу, Халиман сказал:

– В свое время узнаете. Начнем же мы с укрепления организма вашей жены. Она сильно истощена.

В клинике института Халимана больных устраивали способом отличным от того, с чем раньше пришлось встретиться Джонни. Каждому больному отводился маленький особнячок с садиком, по желанию больного вместе с ним мог постоянно находиться кто-то из родственников, так что Джонни и Лола обосновались в домике вместе.

Лолу начали лечить с первого же дня. Доктор Шерар, лечащий врач, принес в домик большую банку:

– Миссис Голд, это для вас. Принимайте по столовой ложке три раза в день после еды. Завтра я зайду в полдень. Да, что у вас есть, мефенамовая мазь, капсулы с мефенамовой кислотой? Отдайте это мне. Предупреждаю, кроме того, что мы даем вам, вы не должны ничего принимать. Пища у миссис Голд тоже будет особой, из мест-

ных овощей. Кухня со столовой находятся вон там, видите?

В полдень Джонни принес из институтской кухни обед в пластиковой упаковке, который оставалось только разогреть. Для себя он не стал искать другой пищи, если эта еда пригодна для Лолы, почему бы ей не быть пригодной для него.

Содержимое пластика по вкусу напоминало земное рагу и оказалось вполне сытным. У Лолы аппетит напрочь отсутствовал, но Джонни, конечно, не позволил ей остаться голодной.

Прошло несколько дней. Лола уже не была такой безразличной ко всему. Нельзя сказать, чтобы она повеселела, скорее наоборот, Джонни опять время от времени стал видеть на ее щеках слезы. Однако теперь она проявляла определенный интерес к окружавшей ее обстановке, что казалось Джонни лучше ее прежнего оцепенения. Да и ее слезы говорили о том, что, во всяком случае, собственное состояние стало ее интересовать.

Однажды Джонни без задней мысли, понюхал коричневый порошок в баночке, оставленной доктором Шераром. Джонни почувствовал запах шоколада. Но Лоле нельзя было есть шоколад, пить кофе, какао, это сказали Джонни еще на Земле и повторяли во всех лечебницах, где они с Лолой успели побывать. Было неопровержимо доказано, что продукты из какао-бобов и из зерен кофе стимулируют развитие плесени.

Джонни смутился, и его смущение быстро перешло в злость. На его вопрос, в чем будет заключаться лечение, Халиман высокомерно ответил: «Это вы узнаете в свое время». Что ж, он

сумеет убедить Халимана, что сейчас это время пришло.

Директора института на месте не оказалось. Джонни любезно сообщили, что доктор Халиман отправился в экспедицию и вернется нескоро. «Если у вас, сэр, есть какие-то вопросы относительно лечения вашей жены, обращайтесь к ее лечащему врачу».

Доктора Шерара Джонни в его кабинете не застал. Все сотрудники Халимана жили в домиках на территории института, подобных тем, в которые селили больных, и Джонни, не долго думая, отправился к Шерару домой.

Он застал Шерара выходящим из дома в простой дорожной одежде. Перед домом стоял гравилет «Малыш».

Выслушав Джонни, Шерар произнес:

– Да, вы правы, это лекарство очень напоминает шоколад. Оно приготовлено из ягод квантички. Скажу больше, потому шоколад и запрещают употреблять больным болезнью Брилла, поскольку он близок по своим свойствам к экстракту из ягод квантички.

Доктор Шерар замолчал, но эффектной паузы не получилось, он тут же вынужден был продолжить, увидев в глазах Джонни ожесточение:

– Есть одна теория, объясняющая происхождение плесени Брилла. Теория такая. Когда-то местные туземцы, арламцы, и плесень были единым организмом – не симбиозом разных особей, но существом целостным. Плесень обеспечивала репродуктивную функцию: арламцы размножались спорами. Потом произошла мутация, в результате ко-

торой плесень обрела сознание, а арламцы – органы размножения. С той поры два организма находятся в конфликте: плесени, не имеющей собственных органов пищеварения, нужно тело арламца как источник питательных веществ, а любому арламцу, конечно, хотелось бы избавиться от такого «спутника». Таким образом, взаимоотношения плесени и арламцев стали напоминать взаимоотношения паразит-хозяин.

Однако тут есть одна особенность. В подсознании плесени еще живет память о том времени, когда она, бессознательная часть тела, подчинялась единому нервному центру. Это доказывает распространенное у арламцев явление: многие арламцы (а среди них подавляющее большинство поражено плесенью) исхитряются жить с плесенью в дружбе и согласии. Плесень не истощает их и не губит их после фазы созревания спор, плесень вообще не вступает в колошение. Единственное, что она позволяет себе, так это иногда выступить пятном у них на коже.

Физиология человека, землянина, и физиология арламца для плесени оказалось несколько схожей, так что плесень стала развиваться в организме людей. Отсюда – суть нашего метода. Мы стараемся не убить плесень, но подружить плесень и человека, в тело которого она внедрилась, как это нередко получается у арламцев. Или, точнее говоря, не подружить, а породнить. Плесень на подсознательном уровне помнит, что она когда-то была частью единого целого, мы стараемся эту память пробудить, иными словами, мы стара-

емся преобразовать связку паразит-хозяин в связку ребенок-родитель.

Глазам Джонни открылся совершенно непонятный мир, поэтому бесконечно чуждый и страшный.

— Я не понял... как это? Плесень, что вы делаете с ней? Что вы делаете со своими больными?

— Мы их стараемся сблизить, плесень и больного человека. До сих пор плесень, поселившуюся в теле вашей жены, все пытались подавить, можно сказать, плесень «били» всевозможными лекарствами. Озлившаяся плесень, в конце концов, добралась до мозга миссис Голд, поставив ее жизнь под угрозу, а ведь обычно, если без лекарств, плесень никогда не развивается в мозге. Что теперь делать, как отвести смертельную опасность от вашей жены? Нужно успокоить плесень, «приголубить» ее, дать ей понять, что больше с ней не будут обращаться так скверно. Плесень — не какой-то микроб или вирус, своим сознанием, столь непохожим на наше, она понимает, что убей она носителя — и ей самой не жить, так что, если не загонять ее в угол, она не станет «кусаться». Дайте ей понять, что вы смиряетесь с ее существованием, и она даст возможность существовать вам.

— Но я слышал, что, в конце концов, плесень все равно губит больного, — возразил Джонни.

— Слово «губит», какой вы ему смысл придаете, неправильно употреблять в данном случае. Через десять — пятнадцать лет развития в организме носителя плесень вступает в фазу колошения, то есть в фазу выбрасывания спораносцев,

затем происходит созревание спор и их рассеивание. После рассеивания спор плесень гибнет, а поскольку ее нити в заключительную фазу ее жизни пронизывают весь организм носителя, гибнет и носитель, нити-то начинают разлагаться, инфицироваться, и никакой операцией их не извлечь, никакими лекарствами не рассосать. То есть не плесень губит носителя – смерть плесени губит носителя.

Теперь мы подходим к самому интересному. Плесень губит носителя, если умирает в носителе, но плесень умирает в носителе, если только она развивалась в носителе. Среди туземцев вы можете встретить немало пожилых, достигших шестидесяти-семидесятилетнего возраста, абсолютное же большинство туземцев носит плесень в своем организме с раннего детства. То есть, иными словами, некоторым туземцам плесень дает дожить до седых лет и умирают они отнюдь не из-за ее разложения, а от иных причин. Почему так происходит? Да потому что плесень не развивалась в телах этих туземцев, не было у нее ни колониения, ни споросозревания.

Эти туземцы-долгожители сумели не просто подружиться с плесенью, но породнились с ней, причем плесень они поставили в положение ребенка, а себя – в положение родителя. Плесень, восприняв себя как ребенка, перестанет развиваться на вашей коже. Достаточно будет вам мысленно поговорить с ней по душам, слегка пожурить, и она, если вы захотите, вообще скроется с вашего тела. Но, конечно, такое будет возможно только в том случае, если вы внушите ей, что вы ее

любите, и сумеете постоянно поддерживать в ней эту уверенность.

– Значит, ваш «шоколад», это ваше лекарство-порошок... это лакомство для плесени-ребенка?

– Плесень, живущая в теле вашей жены, еще далеко не плесень-ребенок. Ваша плесень очень агрессивна. Мое лекарство – лишь средство ее «ублаготворить». Будем надеяться, что она поверит в наши добрые намерения и покинет мозг миссис Голд.

– Допустим, это получилось, плесень ушла из мозга моей жены. Что потом?

– Потом я постараюсь научить миссис Голд дружить с плесенью, а в перспективе – любить плесень. Вашей жене придется есть то, что нравится плесени, делать то, что нравится плесени, мысленно по-хорошему разговаривать с ней (слов плесень не понимает, но их смысл отлично чувствует). Это очень большая программа, поставить плесень на место послушного ребенка, а себя – на место родителя. По ходу дела вы узнаете детали.

Последнее предложение доктор Шерар проговорил очень быстро и потом со значением взглянул на гравилет: надо, мол и честь знать, для продолжения разговора еще найдется время, а сейчас, мистер Голд, не задерживайте больше.

Простившись с Шераром, Джонни поплелся в отведенный им домик, к Лоле. По пути у него разболелась голова, не столько от того, что слишком много новой информации пришлось ему воспринять, сколько от того, что информация была не из приятных.

Лола, чтобы оставаться в живых, должна будет всю жизнь лелеять какую-то плесень, парази-

та, гадкое чудище, прорвавшееся в ее тело. Что скажет она, когда узнает, что этот порошок – не яд для плесени, а подкормка? Что скажет она, когда узнает правду, чему у Халимана ее собираются учить?

И что делать ему, что будет с ним, разве сможет он жить, зная что не смог отстоять свою любимую, что отдал Лолу в лапы арламской дряни? Лола будет расточать ласки мерзкому созданию, чтобы выжить, и он спокойно станет на это смотреть?

Но ведь если она сейчас не смирится, не склонится перед плесенью, она умрет... Увезти ее отсюда? Он может отдать за нее жизнь, но какое у него право распоряжаться ее жизнью? Если Лола решит капитулировать перед плесенью, что он ей возразит, разве у него есть способ справиться с ее болезнью?..

Войдя в домик, Джонни увидел Лолу, легкими движениями разминавшую правое предплечье. Она не видела его. «Да какой же это массаж!» – Джонни словно обухом по голове стукнуло.

Он прошептал пересохшими губами:

– Откуда ты взяла мефенамовую мазь?

Она резко обернулась, смутилась, но тут же на глазах у нее навернулись слезы досады. Должно быть, ей стало досадно, что она испугалась как застигнутая на месте преступления воровка. Или это были слезы не досады, но боли и тоски?

– У меня опять появилось пятно, вот оно, видишь, – показала она. – Я не хочу, не хочу, чтобы эта тварь сидела и пыжилась на моей коже! Аптека здесь недалеко, к счастью, мефенамовая мазь там была.

— Ты же обещала мне ничего не предпринимать самостоятельно! Ты убила себя, понимаешь, ты убила себя! — Джонни в отчаянии уже не пытался подбирать обтекаемые слова. — Когда плесень опять начала расти у тебя в голове, докторам еле удалось переманить ее на кожу. И что теперь? Ты все испортила! Давай сюда эту мазь! Где банка с порошком? Сыпь его на пятно, скорее!

Джонни вырвал тюбик из руки Лолы, а вот сыпануть ей на кожу порошка из банки не сумел. Лола выставила вперед ладони, защищаясь, и такое недоумение в перемешку с испугом было у нее в глазах, что Джонни, вынужден был дать ей объяснение своим действиям. Сбиваясь от волнения, он пересказал ей то, что услышал от Шерара.

— Ты хочешь, чтобы я, я полюбила это? — Лола с отвращением дотронулась до серого пятна.

— Я не хочу этого, я хочу, чтобы ты жила, понимаешь, жила! А для того, чтобы жить, тебе придется мириться с плесенью!

— Ни за что!

Твердости в голосе Лоле хватило только на это «Ни за что!», и тут же она залилась слезами, опустила плечи, согнулась.

Джонни в мгновение ока оказался подле нее. Он подхватил ее на руки. Грудь его ходила ходунком, но не из-за того, что он пробежал стометровку. Колени его слегка подрагивали, но не от слабости.

— Мы ей не дадим поблажки, мы убьем ее, если ты того хочешь! Мы убьем ее! Ты будешь жить без всякой дряни на коже, ты будешь жить свободной!..

К этому времени стемнело. Джонни готов был забрать Лолу отсюда немедленно, но куда они отправились бы ночью? В Имперский Институт или в институт Ситроена? Там они побывали. Искать же какую-то новую лечебницу, конечно, сподручнее было бы днем.

Рано утром Джонни отправился к доктору Шерару – предупредить, что они покидают институт. Шерар, видя, что Джонни держится уверенно, переубеждать его не стал. Он сказал:

– Конечно, это ваше дело, мистер Голд, ваше и вашей жены, избрать подходящую для вас больницу. Жаль, что мы вам не подошли. И куда же вы собираетесь направиться, если не секрет?

– Мы еще не решили.

– Если хотите, я вам посоветую одного врача. Вы, кажется, не стеснены в средствах.

– Что, это так дорого будет стоить?

– Думаю, да.

– Пожалуйста, говорите.

– Его зовут доктор Кроф. Мы когда-то работали вместе. Если кто-то и может избавить вашу жену от плесени, то это только он.

– Вы сказали «избавить», не «подружить»? Я не ослышался?

– Да, я сказал «избавить». Кроф не является сторонником нашего способа решения проблемы. Он всегда работал над тем, чтобы уничтожить плесень, и, судя по слухам, он достиг выдающихся результатов.

Джонни вышел из кабинета доктора Шерара с клочком бумаги, на котором был написан адрес – его последняя надежда.

МЕТОД КРОФА

Дверь открыл низкорослый худой мужчина с лицом красным и морщинистым, словно у преждевременно появившегося на свет младенца. На мужчине свободно, как на вешалке, висел некогда белый халат в разноцветных разводах и без единой пуговицы.

Приоткрыв дверь, но не выходя на крыльцо, хозяин дома проговорил, пыхтя рассерженным ежиком:

– Что вам угодно, мистер?

– Вы – доктор Кроф?

– Да, я Кроф. Дальше что?

– Доктор Кроф, мне посоветовал обратиться к вам доктор Шерар из Института Народной Медицины. Доктор Шерар сказал, что вы давно занимаетесь плесенью Брилла и лучше всех умеете ее лечить.

– Кто вы такой? Газетчик? Или вы из тех ученых летунов, которые носятся по институтам, высматривают, нет ли где подходящего открытия, чтобы его можно было спереть? – Голос Крофа напоминал звуки, получающиеся, когда царапают стекло гвоздем.

– Я не газетчик и не ученый. Моя жена больна, поэтому я у вас. Она в машине. (Джонни показал глазами на гравилет, который он арендовал на неделю). Не могли бы вы взять ее на лечение?

– А какие у вас доказательства, мистер, что вы не проныра репортер и не прощелыга со степенью? Вы могли выудить из канавы какую-нибудь пьянчужку, покрытую плесенью Брилла, подучить ее, чтобы она назвалась вашей женой, и вот вы заявились ко мне, чтобы выведать мои секреты, плоды моего труда!

Голова у Крофа непроизвольно задергалась от волнения.

– Можете справиться о нас у доктора Шерара, – проговорил Джонни. – Мы провели в институте Халимана несколько дней, Шерар был лечащим врачом моей жены.

– Почему я должен верить Шерару?

– Тогда наведите справки у секретаря Халимана. Доктор Халиман сейчас в экспедиции, не то он сам подтвердил бы...

– Шерар, Халиман... почему я должен верить им? Да, одно время мы работали вместе, и что с того? Эти ученые мужи – ползающие в моих бумагах тараканы, вот они кто!

– Каких же вы хотите доказательств от меня? – осведомился Джонни, стараясь не раздражаться.

– Если бы вы, мистер, предъявили мне свидетельство о браке и несколько свадебных фотографий...

– У меня нет с собою ни того, ни другого, доктор Кроф.

– Это уже лучше. Если бы при вас, мистер, все это было, я бы не сомневался, что вы все подстроили. Теперь извольте сообщить, в каком именно бюро Министерства Гражданских Актов был зарегистрирован ваш брак? Я пошлю туда запрос,

и если ваши слова подтвердятся, я постараюсь помочь вам.

У Джонни на лбу проступила испарина.

– Доктор Кроф, моя жена, миссис Голд, может не дожидаться, пока вы получите ответ. Плеень дважды изгоняли из ее мозга, боюсь, она опять начнет развиваться там, и тогда мне не на что будет надеяться. И сил у моей жены уже нет. Вы должны помочь нам, доктор Кроф!

– Всего хорошего, молодой человек.

Кроф сделал попытку закрыть дверь, но Джонни вовремя навалился на дверь с другой стороны и сунул ногу в дверную щель.

Ученый домовладелец, убедившись, что сила не на его стороне, длинно выругался.

Судя по всему, Джонни не приходилось ожидать от Крофа ничего хорошего, но неожиданно лицо ученого пошло пятнами, и выражение злобы сменилось страдальческой гримасой.

Джонни воспрял духом. Возможно, у этого недоноска некогда было большое чувство, и оно вспомнилось ему, или в нем заговорила совесть, нельзя же вот так прогонять молящего о помощи, если можешь помочь.

Джонни поспешно сказал:

– Доктор Кроф, прошу вас великодушно выслушать меня. С тех пор, как моя жена заболела, где мы только ни побывали, она лечилась на Земле, и на Луне, и здесь, на Арламе, – в Имперском Институте, институте Ситроена, институте Халимана. Никто ей не помог, теперь она умирает. Мне иногда кажется, что она расхотела жить. Вы – наша последняя надежда. Мне не нужны

ваши тайны, я только хочу, чтобы вы спасли мою жену.

Джонни говорил, силясь достучаться до сердца Крофа, а Кроф и не смотрел на него. Сначала Джонни казалось, что Кроф вспоминает что-то свое, и мольбы о помощи на этом фоне были вполне уместны. Но нет, вдруг понял Джонни, Кроф взглядом истукана гипнотизировал кого-то, находящегося у Джонни за спиной.

Тут Кроф заговорил:

– Мистер Голд, не могли бы вы одолжить мне десять тысяч кредитов? Чертовски нужны деньги, сэр...

Джонни посмотрел туда, куда пялил глаза ученый. Оказывается, рядом с домиком Крофа приземлился красный гравилет с черной жирной полосой по боку, поверх которой вислась четкая шеренга букв: «Имперская Служба Взысканий».

Из гравилета вышли пятеро: толстяк с кожаной папкой под мышкой, старик с лицом мумифицированной лягушки, молодой человек скучного вида, все трое – в строгих официальных костюмах, и два полицейских.

Краем глаза Джонни уловил, как запаниковал Кроф – задышал шумно, подался спиной назад, в коридор, нос его покрылся капельками пота.

Скрыться Кроф не успел, растерявшийся и цепенеющий от страха. Да и вряд ли его попытка спрятаться в доме имела бы успех. Прибывшие, конечно, увидели его, еще находясь в машине.

Пятеро мужчин приблизились. Официальный толстяк вежливо произнес:

– Мистер Кроф, если я не ошибаюсь? Я – инспектор Розард, бюро 237 Имперской Службы

Взысканий. Вчера на имя директора бюро поступило исковое заявление от управляющего банком «Арламские Гномы». Вы должны банку десять тысяч кредитов, срок платежа уже истек, признаете вы это?

– Да, – выдохнул Кроф.

– В таком случае, согласно Имперскому Уложению о Займах, объявляю вас неисправным должником. Ваше имущество будет немедленно опечатано и через десять галактических суток продано с аукциона. Но прежде необходимо произвести оценку вашего имущества, таков закон. Мистер Уоллес, – инспектор бюро взысканий обратился к скучному молодому человеку, – предъявите мистеру Крофу ваш сертификат оценщика.

Сертификат – золотая каемка, печати, штампы, – несколько секунд повисел перед носом беспомощно мигающего глазами Крофа, после чего инспектор приказал:

– Приступайте, мистер Уоллес.

Кроф, клая зубы от страха, загородил дверной проем. Лицо его было бледно-желтым.

– Вы, кажется, хотите попросить меня, мистер Кроф, чтобы я прибегнул к силе? – поинтересовался инспектор с иронией.

– Я не впускаю вас, вы не смеете! – с надрывом в голосе взвизгнул ученый. – Я – гражданин Земной Империи, у меня есть права! Вы ничего не слышали о неприкосновенности жилища, инспектор?!

Человек-лягушка вмешался:

– Мистер Кроф, я – имперский судья сектора 43 колонии «Арлам», мой кодовый номер 3321.

Вот мое удостоверение, взгляните. Мистер Кроф, я нахожусь здесь специально для того, чтобы ваши права не были ущемлены. Пока что мистер Розард действует в полном соответствии с законом, это я вам заявляю официально. Вы потеряли право на неприкосновенность жилища, как только выслушали претензию инспектора и согласились с ее справедливостью. Вот если бы вы вместо того, чтобы вступить в контакт с инспектором, забаррикадировались в своем доме, тогда, в самом деле, оценщик не мог бы войти в ваш дом. Не усугубляйте свое положение, мистер Кроф, позвольте оценщику выполнить свою обязанность.

Полицейские подобрались, словно собаки, ожидающие вот-вот услышать приказ хозяина.

Кроф, задрожав, пробормотал:

– Клянусь богом, ваша честь, в моем доме нет ничего ценного, там нечего оценивать, кроме пыльных половиков и кучи всяких стекляшек для лаборатории, все это вместе не стоит и сотни кредитов... Я не против оценки, раз так положено, но, господин судья, нельзя ли это сделать как-нибудь, чтобы не заходить в мой дом?

Толстяк инспектор хотел вмешаться – судья, сделав ему знак молчать, произнес:

– В чем дело, мистер Кроф? Объяснитесь. Если в вашем доме не совершается ничего противозаконного, вы не должны вести себя так.

– Я... я работаю у себя дома...

– Ну и что?

– Понимаете... Моя работа... Она почти закончена... Я искал лекарство от плесени Брилла... Я... кажется, я нашел его. Скоро я обнародую свое от-

крытие, и тогда я получу десять миллионов кредитов от фонда Эдварда Райта. Я смогу расплатиться!

Судья медленно покачал головой, как человек, отказывающий против своей воли.

— Сожалею, мистер Кроф, я не могу помешать инспектору делать то, его требует закон. Я...

Кроф перебил:

— Я не про это, вы меня не поняли, господин судья, я не прошу отсрочки. Я только хотел бы, и да простится моя дерзость, чтобы этот мистер оценщик сделал свое дело снаружи, не заходя внутрь дома. Если он что-нибудь расколет... там дорогие реактивы, опасные яды...

Судья посмотрел на инспектора:

— А что, Розальд? По закону оценщик работает, пока сумма всех его оценок не станет равной сумме, заявленной в иске. Применительно к данному случаю, как только оцененного имущества наберется на десять тысяч кредитов, оценку можно будет прекратить.

— Сэр, вы хотите, чтобы Уоллес оценил дом снаружи, без того, чтобы зайти внутрь? — угрюмо спросил инспектор.

— Да, если это возможно.

Розард повернулся к оценщику:

— Уоллес, что ты скажешь? Ты можешь назвать стоимость этого дома, не заходя внутрь?

— Нет, я же не знаю, что там внутри, может, там все полы провалились. Я лишь могу назвать минимальную сумму; меньше которой этот дом не может стоять. При этом я буду исходить из того, что там, внутри, все перевернуто вверх тормашками.

– Так во сколько этот дом может быть оценен минимально? – спросил судья.

Оценщик прищурился, глядя на дом, отошел, посмотрел за угол. Вернувшись он сказал:

– Дом стоит не меньше трех тысяч кредов. Но если внутри все в порядке, я оценю его тысяч в восемь.

Судья повернулся к Крофу:

– Видите, мистер Кроф, насколько это в рамках закона, я пытался вам помочь. Если бы ваш дом был оценен в десять тысяч кредов или больше, мы внесли бы эту сумму в акт оценки, вы расписались бы под ней, и на этом мы с вами простились бы. Однако вы слышали, что сказал мистер Уоллес. Придется мистеру Уоллесу осмотреть ваш дом изнутри, и, возможно, ему придется помимо вашего дома оценить еще что-то из ваших вещей, чтобы в итоге набралось десять тысяч кредов.

На Крофа жалко было смотреть. Если бы сделать с его лица слепок, получилась бы прекрасная маска отчаяния.

О Джонни, тихо стоявшем в сторонке, к этому времени все позабыли. Только один из полицейских изредка поглядывал на него. Джонни в разговор Крофа с чиновниками не вмешивался, хотя мог бы вмешаться в первую же минуту со своими деньгами. Джонни выжидал, впитывал информацию. «Кроф – штука еще та, – думал Джонни про себя, – так что не мешает разузнать, с чем к нему можно подъехать».

Теперь Джонни показалось, что настала пора вмешаться.

– Минуточку, ваша честь.

Судья удивленно посмотрел на него.

Ручкой-индикатором Джонни чиркнул в чековой книжке.

— Вот чек на десять тысяч кредов, доктор Кроф. Я возвращаю вам свой долг.

Он протянул чек Крофу, тот судорожно схватил его и долго ел глазами. Затем дрожащей рукой ученый передал чек инспектору.

Инспектор Розальд долго изучал чек. Роспись была совершенно четкой, тогда как если бы кто-то другой, а не хозяин, расписался на чеке ручкой-индикатором, чернила мгновенно расплылись бы. Знаки охраны были на месте. Цифра, несомненно, была той самой, десять тысяч кредов, если только Розарда не гипнотизировали.

— Все в порядке, инспектор? — спросил судья.

— Да, сэр. Чек подлинный.

— В таком случае покончим с формальностями, и побыстрее. Мне сегодня надо побывать еще в одном месте. У вас есть при себе бланк акта передачи исковой суммы?

— Конечно, сэр.

Несколько росчерков ручкой, и Крофу передали бумагу, удостоверяющую, что свой долг банку «Арламские Гномы» он вернул полностью при посредничестве Имперской Службы Взысканий.

Как только Кроф, не скрывая радости, закончил чтение бумаги, инспектор Розард, словно нарочно стараясь испортить ему настроение, сказал:

— Завтра увидимся опять, мистер Кроф, в бюро лежит исковое заявление от компании «Новейшая лаборатория», вы задолжали им пять тысяч кредов.

– Господин судья подсказал мне, что делать: завтра я забаррикадируюсь в своем доме и все, придется вам убраться со своим иском обратно, – весело заявил Кроф.

– Не думаю, что вы продержитесь долго в четырех стенах: мы отключим свет и воду, и продукты, конечно, не станем вам подносить.

– Да, обычно делается именно так, – поддакнул судья. – В крайнем случае истец обратится в суд, и через пару месяцев по решению суда вас выволокут из вашего дома силой. Кроме того, вы будете наказаны за то, что препятствовали Имперской Службе Взысканий осуществлять ее функции.

Инспектор добавил перцу:

– И еще об этих десяти тысячах, мистер Кроф. Вы решили свои проблемы с банком при посредничестве нашего бюро, а за посредничество надо платить. Не забудьте перевести в течение трех суток на счет 237-го бюро Имперской Службы Взысканий тысячу кредитов. Номер счета можете узнать у нас в офисе.

С лица Крофа сползла улыбка.

– Счастливо оставаться, мистер Кроф, – сухо простился судья, и представители закона направились к гравилету.

Когда машина поднялась в воздух, Кроф прошептал:

– Они приходили за моим открытием, Голд.

Поразившись, что после такой передрыги Кроф еще помнил его фамилию, Джонни заметил:

– Не думаю, чтобы вы были правы, доктор Кроф. Если я не верну свой долг к сроку, ко мне

тоже наведаются эти ребята. И мое имущество опишут.

— Нет, им было нужно мое открытие! Ты видел, как они скислись, когда у них ничего не вышло, аж почернели? Им нужны были мои дневники, да не вышло по-ихнему. Ты разве не заметил, инспектор повернулся к судье, а тот развел руками и чуть не заплакал?

Ничего такого Джонни не видел. Толстый инспектор, действительно, огорчился, когда Кроф протянул ему чек, но это не удивительно: охотничья собака, упустив зайца, завывала бы с досады, хотя, излови она его, зайцем полакомился бы охотник, а не его собака. Что же касается судьи, так тот под конец скорее казался усталым, чем разочарованным неожиданной удачей Крофа.

«Да плевать мне, сошел Кроф с ума или нет, — сказал себе Джонни. — Пусть он сумасшедший, только бы он спас Лолу, и теперь самое время напомнить ему, зачем я к нему явился». — Так что, доктор Кроф, возьметесь лечить мою жену? — спросил Джонни без тени былой почтительности в голосе.

Кроф, передернувшись, забормотал, как бы рассуждая сам с собой:

— Эти чертовы недоумки в фонде Райта выдают мне по сто кредов в месяц, а тупицам Халиману и Ситроену по двадцать тысяч, и это только потому что те могут пустить пыль в глаза, блистать пуговицами на халатах и кафелем в сортирах... Деньги, на все нужны деньги! И чтобы достать деньги, тоже нужны деньги!

Кроф захлебнулся от злости к Халиману, Ситроену, фонду Райта, ко всем обладателям толстых

пачек ассигнаций вообще. Передохнув, он пронзительно посмотрел Джонни в глаза:

– Мне нужно двадцать тысяч кредов, чтобы расплатиться с долгами, и еще пятьдесят тысяч, чтобы закончить работу, итого семьдесят тысяч кредов. Ты дашь мне столько?

– Вы получите семьдесят тысяч кредов, доктор Кроф, но только после того, как вылечите мою жену. Это во-первых. Во-вторых, будьте добры объяснить, как понимать ваши слова, что вам для завершения работы нужно ни много ни мало пятьдесят тысяч кредов? Так умеете вы убивать плесень или нет?

– Да уж, я умею кое-что, – проворчал Кроф. – Тебе известно, каковы результаты лечения у других?

– Мы были в Имперском Институте Бриллологии, в Лунном филиале и здесь, на Арламе, в институте Ситроена, в Институте Народной Медицины Халимана...

– Короче. Я уже слышал, ты валял свою жену на всех и всяческих больничных койках.

У Джонни возникло желание размазать ядовитую рожу о свой кулак. Только стал бы тогда Кроф лечить Лолу?..

– Выздоровливают десять-двадцать процентов больных, – тихо сказал Джонни, старательно выравнивая дыхание. – Тридцать процентов выздоравливают, если лечить Модулем-2, который стоит пятьдесят тысяч кредов одна доза.

– Возьми от этих цифр половину, другую половину ученые господа набавляют для своего престижа, и ты получишь истинные цифры. Теперь

скажу о себе. На прошлой неделе я вылечил пять туземцев, всех пятерых, которых взялся лечить, и всего за один день.

Кроф произнес последнюю фразу так напыщенно, что Джонни в иное время посчитал бы его слова за пустое бахвальство. Сейчас, однако, Джонни всеми силами души стремился верить в него. Генни как раз и бывают такими, подумал Джонни, ворчливыми, неуживчивыми, болезненно подозрительными, похабными, с сумасшедшинкой.

— Значит, вы вылечите мою жену, доктор Кроф?

— Да. Я вылечу ее. Веди ее в дом. Сегодня я должен закончить один опыт, а завтра приступим.

На заднем сиденье гравилета дрожала, скорчившись, земная девушка, худая и бледная. Что делала она в мире Арлама? Она умирала. А вокруг, под двумя солнцами Арлама, ослепительным белым карликом и багровым гигантом, кипела жизнь: крылатый ящер неся по воздуху за какой-то черной, с синим отливом, птицей, гигантские стрекозы мелькали, охотясь на крылатых личинок жучков-рогачей, распускались, протягивая к небу пестики-хоботки, тысячи фиолетовых цветков, густо росших вдоль обочин. Мир Арлама жил и жить ему еще миллионы лет, тогда как мир, заключавшийся в худеньком тельце земной девушки, тихо угасал.

Джонни помог Лоле выйти из машины и, поддерживая, медленно повел ее к дому. Лицо его

казалось каменным, тогда как водопад слез низвергался в бездну его души.

Повсюду в доме доктора Крофа виднелись следы холостяцкой неухоженности. На полу валялась высохшая пицца, полупустые и пустые бутылки сгрудились у мойки, грязные голографические обои, некогда создававшие иллюзию моря, местами висели лохмотьями, повсюду валялась одежда вперемежку с постельным бельем, книгами и какими-то лампочками-проводками.

Кроф через кухню провел Джонни и Лолу в комнату, где большую часть пространства занимала кровать. Эта комната, очевидно, служила Крофу спальней, судя по бутылкам, стоявшим и лежавшим под кроватью.

— Будете здесь, — буркнул Кроф. — Еда в холодильнике. По дому не шастайте, я этого не потерплю.

Джонни принес из кабинета гравилета два пушистых пледа, не ложиться же им в грязную постель Крофа.

Лола проспала до самого вечера. Проснувшись она в нежных объятиях Джонни, который так и не сомкнул глаз.

— Как ты? — тревожно спросил он.

— Голова не болит, — прошептала она, — только слабость.

— Ты должна поесть.

В холодильник Крофа Джонни заглядывать не стал, вместо этого он наведалься к гравилету, где в багажнике лежала запасенная им провизия. Лола выпила полстакана фруктового сока, похрустела печеньем и опять легла.

– Доктор Кроф сказал, что он вылечит тебя, – произнес Джонни. – Завтра же он примется за твое лечение. А лечит он быстро, один день, и ты здорова.

– Да, он вылечит, – покорно согласилась Лола.

Джонни силился добавить что-то ободряющее, но нужные слова не шли ему на ум. Злясь на себя, Джонни взял руку Лолы в свою руку и несильно сжал ее тонкие, полупрозрачные пальцы. Другой рукой она нежно коснулась его руки, и ему стало стыдно за свои огромные ручки бессовестно здорового мужчины.

– Он вылечит тебя, – прошептал Джонни, и в комнате надолго повисло тягостное молчание, словно в пику Джонни навивавшее ощущение тоскливой безнадежности.

За окном потемнело. Джонни и Лола этого не заметили.

Внезапно щелкнул выключатель, и в спальне загорелся свет.

Джонни вздрогнул.

Это пришел Кроф.

– Лаборатория готова принять пациента, – сказал ученый, – но я не совсем готов. Мне нужно тысячу кредитов. Сейчас. Немедленно.

«Не морочат ли мне голову?» – Джонни стало нехорошо. Доктор Кроф мог оказаться мошенником, работавшим на паре с доктором Шераром. Они договорились, как облапошивать обезумевших от отчаяния богачей: Шерар рассказывал подходящим клиентам о гениальном исследователе-изобретателе, а Крофу оставалось только собирать звонкую монету.

– Доктор Кроф, я хотел бы знать, зачем вам понадобились деньги среди ночи, – строго сказал Джонни.

– Я не собираюсь продавать за тысячу кредитов свои секреты. Если тебя что-то не устраивает, можешь выметаться отсюда со своими деньгами и женой. Да, чек мне не подойдет, нужны наличные.

На скулах Джонни зацвел злой румянец. И тут он понял, что ему нужно делать.

– Деньги у меня в машине, сейчас принесу.

– Подожди бежать-то, дверь заперта на ключ. Пойдем, открою.

Как только они подошли к двери, Джонни схватил Крофа за горло. Теперь он не опасался, что поднятый им шум разбудит забывшуюся во сне Лолу.

Кроф принялся царапать руки Джонни, будучи не в состоянии дотянуться до его лица. Усилив хватку, Джонни как следует потряхнул ученого мужа. Тот прекратил сопротивление. Колени у Крофа подогнулись, теперь он мечтал только об одном, хоть немного глотнуть воздуха.

Джонни, чтобы его призыв к благоразумию был услышан, не ограничился легким предупреждением. Он сжимал шею Крофа до тех пор, пока вздорный человечешка не потерял сознание.

Очнулся доктор Кроф на полу. Очнулся, и едва не закатил глаза, на этот раз от страха. Перед ним было лицо зверя: подрагивавшие от еле сдерживаемой страсти губы, белки в кровавых прожилках, ходившие ходуном крылья хищного носа.

Откуда-то до Крофа через ритмичный стук молотов в висках и гудение в голове донесся повелительный голос:

– Я хочу знать, Кроф, кто ты, мошенник или честный самодур? Отвечай, пока у тебя из ушей не потекли мозги! Вылечишь ты мою жену или нет?

– Я правду сказал, – прохрипел Кроф. – Я умею лечить болезнь Брилла. Я вылечу... э-э... миссис Голд.

– Этого мне мало. Выкладывай, как ты лечишь. Почему это столько людей не сумели найти верное средство против плесени, а ты сумел?

Железные пальцы уже не сдавливали шею Крофа, и он сел, привалившись спиной к стене. Кроф все больше успокаивался. Он возненавидел за звериную силу мальчишку, чуть было не задушившего его, но вместе с тем он поверил Голду. Теперь очевидно, Голд не собирался красть у него научные тайны, он только добивался, чтобы Кроф вылечил эту костлявую клячу, его подружку.

Кроф, потирая шею, поднялся. Джонни сторожил каждое его движение. Кроф сказал:

– Недоумки, у которых вы были, мистер Голд, никогда не совали нос дальше дамских уборных, в этом их ошибка. Даже Халиман, этот «великий исследователь джунглей Арлама», только тискает туземок и выслушивает их бредни. Да, Халиман на верном пути, лекарство против плесени следует искать здесь, на Арламе, в среде туземцев, которые живут в контакте с плесенью десятки тысяч лет, но разве Халиман когда-нибудь добьется того, чего добился я? Я не только наладил связь с туземцами, я стал их вождем.

Кроф решил выдавать Джонни информацию тоненькой струйкой, только чтобы тот вновь не

ухватил его за горло, но случилось иначе. Разрушение плотины начинается с маленькой трещинки, так и Кроф, начав, уж не мог сдержаться. То, что томилось в его груди, вырвалось наружу, поднимая его в собственных глазах на вершину величия.

С огнем во взоре он повернулся, вытащил из тайника в стене медальон с изображением крылатого ящера, как будто выточенный из слоновой кости, и торжественно показал его Джонни:

— Это знак власти. Владеющий им является вождем племени ракхов. Ракхи живут в лесах семнадцатого сектора.

Кроф, такой закоренелый циник, благоговейно поцеловал медальон.

— Я хотел бы знать, как вы будете лечить мою жену, — сказал Джонни. — И объясните, почему вы уверены в успехе лечения.

Положив медальон на прежнее место, Кроф произнес:

— Мистер Голд, я уверен в своем методе, потому что испытал его на себе. Чтобы проверить свои догадки и дополнительно кое-чему научиться у туземцев, я заразил себя плесенью. Шерар говорил вам, что туземцы контактируют с плесенью довольно тесно?

— Да. Доктор Шерар говорил, что многие из них умеют так ужиться с плесенью, что она принимает их за своих, чуть ли не за своих родителей, и не вредит им.

— Так оно и есть, и таких туземцев большинство. Однако некоторые предпочитают бой с плесенью союзу с ней. Из этих немногих основная

масса рано или поздно гибнет, но единицы все же побеждают плесень. Тот, кто побеждает плесень, получает звание «великого отца». Я сумел победить плесень на глазах у туземцев.

— Каким образом?

— Специальными упражнениями (медитация, аутогипноз, кое-какие физические приемы) я укрепил свою волю и силой воли изгнал плесень. Она разорвала мне кожу на груди и вывалилась наружу серым червем. И тут же издохла. Плесень не живет вне живого организма.

Джонни испытал разочарование.

— Примерно так же, если я не ошибаюсь, предлагает бороться с плесенью психолог Ситроен. Моей жене этот метод не подошел. Она слишком ослабла, она не в силах заставить себя заняться тренировкой воли.

— Тренировать волю ей не придется, мой способ не в этом. Психологическим способом борьбы с плесенью я воспользовался только чтобы войти в доверие к туземцам. Когда я стал «великим отцом», мне кое-что удалось подсмотреть у туземцев, а кое-что подслушать. Разумеется, еще мне пришлось кое о чем хорошенько подумать. Так я создал свой метод лечения болезни Брилла. Лучше сказать, метод излечения от болезни.

— Так вы, доктор, какой метод проверили на себе, только тот, психологический? — уточнил Джонни.

— Я проверил на себе оба метода. Первая проверка сделала меня «великим отцом», вторая — вождем.

— Что собой представляет второй метод?

– Вы, мистер Голд, увидите все собственными глазами.

– Я достаточно широко раскрыл глаза? – съязвил Джонни, которому вступление Крофа показалось слишком длинным. Хотя, так уж сказать, он сам велел Крофу ничего не пропускать.

– Для начала мне нужно получить от вас тысячу кредитов наличными.

Джонни достал бумажник, находившийся, конечно, при нем, а не в гравилете, и отсчитал Крофу в ладонь тысячу кредитов.

– Теперь я должен сходить в поселок туземцев, это недалеко отсюда, – сказал Кроф.

«Уж не хочет ли он сбежать с моими деньгами?» – подумал Джонни и заявил:

– Я пойду с вами, доктор.

– Как вам угодно.

Они вышли из дома. Кроф жил на окраине города, так что до леса, обиталища туземцев, было рукой подать. Ночь была темной, Арлам не имел спутников-лун, но Кроф направился к лесу, не сбавляя шаг и не озираясь. Видно, по этому пути он ходил не единожды. На предложение Джонни воспользоваться гравилетом он ответил, что тогда они не достигнут своей цели, туземцы терпеть не могли, чтобы к ним заявлялись на машинах. И людей с фонариками туземцы не жалуют.

Через полчаса Кроф и Джонни были в туземном поселке – около сотни хижин из жердей, скрепленных лианами. У одной из хижин Кроф остановился.

– Мистер Голд, мы не можем войти туда вместе, они вас не знают.

– Хорошо, я подожду здесь.

Кроф, отодвинув полог из грубой плотной ткани, прошел в хижину.

Джонни приготовился ждать. В голову ему лезли всякие нехорошие мысли. Кроф мог через подземный лаз улизнуть из хижины, и поминай его как звали вместе с тысячью кредитов. Или Кроф пришел к туземцам с деньгами, чтобы нанять среди них для Джонни убийц? Джонни пожалел, что все оружие (игломет, компактный лучемет марки «Комарик») оставил в багажнике гравилета.

Спустя некоторое время полог, загораживавший проход в хижину, зашевелился. Вместе с Крофом наружу вышел человек с накинутым на голову капюшоном.

– Мы возвращаемся, – коротко сказал Кроф.

На обратном пути Джонни не спускал глаз с Крофа и незнакомца. Разумеется, он шел позади них. Если бы они вздумали напасть на него, для начала им пришлось бы обернуться. Хотя, что уж там, они могли убить его и в поселке, стрелкнуть в него из лука какой-нибудь отравленной стрелой. Или они опасались случайных глаз?

Когда лес кончился, Джонни перевел дух. Если бы в голове у Крофа было что-то плохое, Кроф попытался бы осуществить свой замысел в темноте деревьев, так что теперь Джонни перестал о себе тревожиться. А тревожился о себе Джонни постольку, поскольку только в нем, в его активности, заключался шанс Лолы на выздоровление.

Кроф почему-то провел незнакомца не в дом, а в сарай, стоявший вплотную к дому. Войдя вмес-

те с Крофом в прихожую, Джонни потребовал объяснений.

— Это туземец, он нужен нам для лечения вашей жены, мистер Голд, — проговорил Кроф.

— Зачем?

— О, не беспокойтесь, ничего непристойного. Все будет происходить на ваших глазах. Лечение начнем завтра утром. Теперь, если позволите, я должен немного поспать.

Слова Крофа ничего не объяснили, но Джонни не стал на него давить. Кроф оставил свои хамские замашки, и Джонни не хотелось применять к нему физическое воздействие, да и так уж рассудить, раз он завтра сам все увидит, вряд ли сейчас необходимо было требовать от Крофа разъяснений его действий.

Джонни направился к Лоле.

Она спала. Дыхание ее было неслышно, и Джонни, вдруг покрывшись холодным потом, приблизил ухо к ее лицу. Он ощутил слабое движение воздуха. Она была жива, слава богу.

Осторожно, стараясь не разбудить ее, он прилег на край кровати. Плавно и совершенно незаметно для Джонни его мысли потеряли очертания и стали прозрачны. Он словно и думал еще о Крофе и о том, что Лоле предстоит, — и одновременно он видел беспокойное, мятежное, самовластное море и чувствовал его йодистый запах. Или не море это было, а бесконечный космос с редкими звездами-островами, в котором неслась песчинка, хрупкий кораблик его судьбы?

Кроф разбудил Джонни едва начало светать.

— Мистер Голд... — Джонни приложил палец к губам, и Кроф послушно замолчал. Они вышли из спальни. — Мистер Голд, для лечения вашей жены все готово. Я бы хотел, чтобы мы приступили прямо сейчас. К полудню, если не раньше, сюда заявятся эти типы, судья с инспектором, мне хотелось бы к этому времени получить от вас чек. (По лицу Крофа промелькнуло беспокойство). Вы не забыли про свое обещание? Вы сказали, что заплатите мне семьдесят тысяч кредитов.

— Доктор Кроф, вы получите эти деньги, если только вылечите мою жену. — Последние слова Джонни выделил.

— Мистер Голд, я хотел бы кое-что уточнить. Я убью плесень, в этом вы убедитесь. Но ваша жена еще некоторое время будет слаба, мой метод лечения довольно жесткий. Полагаю, то, что я уничтожу плесень, будет для вас достаточно, чтобы вы выплатили мне деньги?

— Да. Если только после вашего лечения моя жена не станет калекой.

— Этого не произойдет, за это я ручаюсь. Да и вы все будете видеть сами.

Джонни сделал движение, собираясь идти будить Лолу, но Кроф остановил его невнятным горловым звуком.

— Что-то еще, доктор Кроф?

— Мистер Голд, мне хотелось бы убедиться в вашей платежеспособности.

Джонни достал чековую книжку и протянул ее Крофу.

В пластиковом корешке книжки находился специальный глазок, где светилась цифра, показавшая, сколько денег осталось у клиента на счете. С каждым выписанным чеком цифра уменьшалась на сумму, пропечатанную на чеке. Сейчас в глазке светилось «72000». Это значило, что в Имперском банке у Джонни на счете оставалось семьдесят две тысячи кредов.

Возвращая чековую книжку, Кроф сказал:

– Надо было бы нам заключить договор, мистер Голд, и заверить его у нотариуса, но я надеюсь на вашу добропорядочность. Я жду вас с миссис в лаборатории, это та дверь в коридоре, понимаете?

Джонни разбудил Лолу поцелуем. Мир показался ей серым и тусклым, но он улыбнулся, и она, ощутив исходившую от него уверенность, улыбнулась ему в ответ.

Когда они вошли в лабораторию, Джонни нахмурился, а Лола не смогла сдержать испуганного восклицания.

Приборы, светящиеся трубки, переплетенные проводки – все это они видели не раз, и это не могло привлечь их внимание. Другое заставило их вздрогнуть.

В центре зала стояли два операционных стола, освещенные сильными бестеневыми лампами. Один был пуст, на другом лежало существо.

Это был арламский туземец, тот, которого Кроф ночью привел из поселка. Внешне туземцы Арлама напоминали первобытных людей – невысокие, коренастые, с развитой нижней частью лица и сравнительно небольшой черепной короб-

кой, они были почти сплошь покрыты короткой рыжеватой шерстью. В их внутренней анатомии и физиологии, однако, имелись значительные отличия от присущих человеческому роду черт: они были яйцекладущими, функцию сердца у них выполняли многочисленные пульсирующие сосуды с утолщенными стенками, существовали и другие особенности. Конечно, при всем этом встреча с арламцем не изумила бы ни Джонни, ни Лолу, на Земле в их эпоху люди не пятились, увидев и существо пострашнее. Земляне поддерживали отношения с тридцатью четыремя инопланетными видами разумных существ, из них к гуманоидам относилось только двадцать видов (виды, стоявшие на низкой ступени развития, вроде туземцев Арлама, не в счет).

Джонни и Лола испытали неприятное потрясение при взгляде на плотную серую «шерсть», сплошь покрывавшую тело туземца, за которой не была видна его природная рыжеватая растительность. И хуже всего было то, что среди серых нитей плесени виднелись спороносцы на крепких ножках. Их красные головки качались при малейшем движении туземца. Впечатление было такое, как будто плесень дразнилась тысячью красных языков.

Кроф усмехнулся:

— Вам, мистер Голд, плесени пока что нечего бояться, а миссис... — поймав взгляд Джонни, Кроф переменил тон: — Этого туземца рано опасаться, видите, спороносцы красные, а не черные? Споры еще незрелые и они плотно склеены друг с дружкой. Вот месяца через два, вздумай мы по-

дождать, головки почернеют, растрескаются, и зрелые споры полетят в разные стороны. Однако мы до того времени ждать не будем. Миссис Голд, вам необходимо лечь на стол.

С помощью Джонни Лола забралась на стол, вздрагивая от омерзения к больному туземцу.

В руке у Крофа появился инъектор.

Джонни требовательно спросил:

— Что вы хотите делать, доктор Кроф?

— Сейчас я усыплю вашу жену. А туземец, как видите, уже спит.

Джонни позволил Крофу ввести лекарство, но при этом так смотрел на ученого, что тот пустился в объяснения:

— Мой метод, мистер Голд, заключается в следующем. Мы помещаем рядом больного, в данном случае это миссис Голд, и «очистителя». Этот термин ввел я, он означает существо, зараженное плесенью Брилла, лучше всего, находящейся в фазе спорообразования или споросозревания, тогда плесень Брилла менее агрессивна, силы ее тратятся на репродукцию. Итак, у нас есть два тела, пациент и очиститель, болезнь Брилла у обоих. Я начинаю раздражать плесень. Для этого я использую препарат из местных трав, схожий с общеизвестным Х-10, только действующий немного мягче. Вы знаете, зачем больным дают Х-10?

— Чтобы вызвать фазу исхода. Х-10 обжигает плесень как кипяток, она разрывает тело больного и выходит наружу.

— И что же больной?

— Насколько мне известно, большинство больных от травмы погибают. Поэтому Х-10 исполь-

зуют только тогда, когда плесень выбросила споросцы. В такое время она наименее активна. И то, даже в этом случае выживает только один из десяти.

— У вас прекрасные знания о плесени Брилла, я бы, пожалуй, взял вас к себе в ассистенты, — пошутил Кроф. Улыбку у Джонни ему вызвать не удалось. — Только в одном вы не правы, мистер Голд. Больные, у которых произошла фаза исхода, умирают не от того, что плесень разорвала их тело, повреждения-то мы неплохо умеем лечить. Они умирают по той же самой причине, по какой умирают и те, в организме которых плесень, так сказать, отцвела. Они умирают из-за смерти плесени. Что собой представляет плесень в теле больного? Это нити, местами сгущенные настолько, что образуют «шерсть». Нити плесени пронизывают все тело хозяина, все органы. Представьте теперь, что наступило омертвление всех нитей. Конечно, организм не справится с таким количеством мертвой субстанции.

— Но ведь иногда X-10 помогает, люди выздоравливают. Я думаю, это потому, что они крепче остальных, и травма у них была не такой...

— Все это так, но главное, почему некоторые выздоравливают, это потому что в результате фазы исхода в их организме почти не остается плесени ни живой, ни мертвой. Куда же деваются эти некротические массы, которые губят остальных? — спросите вы меня. Как известно, плесень существует в организме хозяина одновременно в двух средах, в предметно-вещественной и в астральной. Когда наступает фаза исхода, стресс переводит под-

сознание некоторых больных на иной, более высокий уровень силы. Организм больного почти полностью вытесняет плесень в астрал, и в таком виде гибнущая плесень покидает организм. Омертвевших нитей в теле хозяина не остается или почти не остается.

Кроф подождал, пока Джонни усвоит сказанное им, и произнес:

– Должен сказать, до сих пор вы не узнали от меня ничего нового, все это известно-переизвестно, хотя и не общепринято. Мой метод не в том, чтобы помочь подсознанию вашей жены изгнать плесень в астрал. Мой метод – в том, чтобы плесень сама перешла в астрал и в таком виде «вытекла» из тела вашей жены. Кажется, ваша жена уже заснула. Теперь введем раздражитель, я называю его «Кроф-10».

Сделав инъекцию Лоле, Кроф подошел к туземцу.

– Его вы тоже хотите освободить от плесени? – спросил Джонни, видя, что Кроф вводит туземцу в вену то же самое вещество.

Положив инъектор на столик, Кроф приладил к ушам Лолы и туземца наушники, затем щелкнул переключателем прибора, с которым наушники были соединены черными проводками. Повернувшись к Джонни, он сказал:

– Вы правильно заметили, мистер Голд, туземцу я тоже ввел «Кроф-10». Мне нужно изгнать плесень из организма вашей жены, изгнать так, чтобы ваша жена не погибла, то есть чтобы плесень не умерла и не отравила вашу жену своим трупом. Что я делаю для этого? «Кроф-10» раз-

дражает плесень не грубо, как «Х-10», но чувствительно. Плесени хочется покинуть организм вашей жены, но плесень прекрасно знает, что вне живого организма она не может жить. Я даю плесени этот организм – вот туземец. Плесень из организма вашей жены должна перейти в организм туземца, такова моя цель. Но в теле туземца уже есть плесень, две же в одном организме не уживутся. Плесень вашей жены должна убить плесень туземца, только тогда она получит его тело.

– То есть между двумя плесенями произойдет стычка?

– Не стычка, а смертельный бой. Его ареной нельзя делать тело туземца, это разрушило б его тело, и плесень вашей жены, одержав победу, ни за что не перешла бы в тело умирающего. Вот поэтому я ввел туземцу «Кроф-10», как и вашей жене, пусть плесени сразятся друг с другом на нейтральной территории.

– А зачем наушники?

– Плесень вашей жены нужно убедить, что рядом ее ожидает прекрасное тело. В этом нужно убедить и плесень туземца, если мы хотим, чтобы плесени встретились в промежутке между телами. Для такого убеждения туземцы тысячелетиями вырабатывали словесный код, у плесени врожденное понимание этого кода.

Этот код, звучащий сейчас в наушниках, – великая тайна, ради которой мне и пришлось стать вождем одного из туземских племен, иначе бы мне ни за что не выдали ее. Нас положили рядом, меня и другого претендента, вот так, как лежит сейчас миссис Голд и этот туземец. Оба мы были зара-

жены плесенью. Наши плесени встретились, сцепились. Победила моя плесень, я стал вождем. Видите?

Доктор Кроф показал на грудь Лолы. Где-то в области грудины кожа приподнялась шатром, и этот «шатер» заходил ходуном, как качается шатер при сильном ветре. Происходили ли подобные изменения с телом туземца из-за толщины его шерстяного покрова трудно было различить.

– Но почему вы так уверены, что победит плесень моей жены, а не плесень туземца? – спросил Джонни озабоченно.

– Побеждает плесень того, у кого мощнее разум, именно поэтому «бой плесеней» туземцы используют, чтобы выяснить, кто же из «великих отцов» достоин стать их вождем. Разум землянина, несомненно, куда более развит, чем разум арламца, так что в победе плесени вашей жены можете не сомневаться. Кроме того, я подстраховался: плесень туземца находится в фазе созревания спор, а в этой фазе плесень наиболее слаба.

– И все же моя жена рискует. Вы что, не могли найти здорового добровольца, чтобы плесень моей жены без всяких хлопот перешла в него?

– Вы забыли аксиому, что плесенью Брилла нельзя заразиться иначе как через ее спору. Правда, я доказал ограничение этой аксиомы одним исключением. Плесень из организма больного может перейти в другой организм, в организм больного болезнью Брилла. Спора плесени полипотентна, она может прижиться в любом организме, а вот для заражения зрелой плесенью организм до-

лжен быть нужным образом подготовлен другой плесенью. Она... Смотрите!

Джонни увидел: вздутие на груди Лолы стало быстро увеличиваться, кожа натянулась, напруглась, готовая вот-вот прорваться... И порвалась. Через разрыв, окаймленный выступившей кровью, наружу вывалился сине-зеленый, покрытый слизью жгут, похожий на червяка толщиной в палец. Покачиваясь верхним концом, словно присматриваясь, «червяк» потянулся к туземцу.

Плесени, зазмеившейся из тела Лолы, не было видно конца. Когда свободным концом «червяк» коснулся тела туземца, по телу туземца пробежала дрожь, и в ту же секунду из груди туземца взметнулся другой «червяк».

Две плесени встретились. Едва соприкоснувшись, стебли — «червяки» сцепились как бешеные. Они сцепились в клубок, с огромной скоростью скручивавшийся и раскручивавшийся, они отращивали колючки и ими прокалывали друг друга насквозь, они выбрасывали тонкие, как лезвие, кожистые листья и рубились ими словно саблями. Только что острозубых пастей они отрастить не могли.

Джонни следил за этим странным сражением, затаив дыхание. В каждой мелочи он, сжимая кулаки, искал намека, кто одерживает верх. Еще вчера он всеми силами души желал смерти плесени, жившей в теле Лолы, а сегодня он с не меньшей силой желал ей жизни и победы, ведь только с победой плесень ушла бы из тела его жены в тело туземца. Обычно сила представляется как что-то большое и энергичное, поэтому ког-

да стебель, шедший из груди Лолы, становился толще и колебался сильнее, Джонни делалось немного легче. Иногда ему казалось, что плесень Лолы пронзила своими колючками сразу несколько изгибов плесени туземца, и тогда он радовался, хотя в змеином клубке противоборствующих плесеней очень трудно было разобрать, где чей стебель и чья колючка.

Неожиданно стебель, бравший начало в теле Лолы, перестал вибрировать и склонился на бок. Через секунду он шевельнулся и стал втягиваться в грудь девушки. Клубок из стеблей расплылся, как ком снега на солнце, и вскоре это был уже не клубок, а просто утолщение на толстом стебле. Получилось, как будто единый стебель тянулся из тела туземца в тело Лолы. Сначала он тянулся как-то сонно, медленно, потом задвигался быстрее. Вот он вышел из тела туземца целиком.

Джонни подбежал, ухватил плесень за свободный конец. Казалось, он крепко сжал хвост гадены, но тот легко выскользнул у него из пальцев и... скрылся в теле Лолы.

Итог поединка плесеней был очевиден: плесень туземца победила.

Джонни посмотрел на Крофа безумными глазами.

Тот был бледен, подбородок его дрожал.

— Невероятно, — прошептал ученый.

— Что? — Бесцветный голос Джонни устрасил Крофа больше, нежели если бы Джонни разразился ругательствами.

— Она... нет... — Кроф, пряча глаза, суетливо подошел к Лоле и положил подрагивавшую руку

на ее окровавленную грудь. – Во всяком случае, она жива, – пробормотал он. – Я сделал все как надо, да...

Туземец зашевелился, приподнял голову. Джонни не успел и глазом моргнуть, как он соскочил со стола и выбежал в коридор.

Кроф опомнился.

– Я купил его жизнь. Мы убьем его, а? Он далеко не убежит. – И Кроф боком стал передвигаться к двери.

Джонни ухватил ученого за плечо:

– Что теперь будет с моей женой, отвечай!

– Все осталось как прежде, сэр. Да, я не вылечил вашу жену, но ведь я и не убил ее. Конечно, сейчас я займусь ее раной.

Джонни оттолкнул Крофа, и тот засуетился. Подвел к телу Лолы электроды, стал нажимать кнопки каких-то приборов, забегал с инъектором. Полив грудь девушки тягучей жидкостью, он что-то пробормотал, потом, глядя на светящийся экран с пляшущими кривыми, хлопнул себя по лбу. И повернулся к Джонни.

– Не в разуме сила, вот в чем дело, а в воле. В туземце желания жить оказалось больше, чем в вашей жене, поэтому так получилось. Пусть ваша жена была умнее арламца, он оказался сильнее духом, и...

– Она была беззащитна, как голубка перед стервятником... – прошептал Джонни и посмотрел ученому в глаза.

Кроф вдруг вспомнил, что у него на столе лежал не подопытный объект, не лабораторное животное, не туземец, а человек.

— Я не хотел, я не мог предположить, что... Постойте, сэр. Кажется, еще не все потеряно. Еще можно попытаться... Доктор рысцой подбежал к встроенному в стену шкафу и вытащил оттуда что-то похожее на манекен. Вещица оказалась тяжелой, Кроф прокряхтел: «Помогите!» Джонни готов был пойти на все, в чем чудилась хоть малейшая надежда на лучшее. Манекен, в котором Джонни узнал электроантропа, был водружен на стол, освобожденный туземцем.

Электроантропы, человекообразные роботы с электронными мозгами и корпусом из пластика, использовались больше века, все они были узко специализированны, робота-универсала так и не удалось создать.

Это была довольно старая модель для уборки дома, с встроенными в корпус щетками, тряпками и дезодорантами. Пульт управления размещался на груди робота. Доктор Кроф нажал нужную кнопку, и глаза электронного человека загорелись.

Склонившись к уху Лолы, доктор Кроф певуче заговорил:

— Ты, питающаяся солнцем, ты слышишь меня? Вот рядом с тобой тело, хорошее тело, доброе тело. Крепкое тело, здоровое тело. Тебе нужны силы, питающаяся солнцем? Ты получишь эти силы — здесь, рядом, это тело я приготовил для тебя, питающаяся солнцем.

Замолчав, Кроф надел Лоле на уши наушники, которые он снял, когда начал лечить рану девушки.

Прошло несколько минут. Ничего не происходило. Кроф опять снял наушники и затянул свою молитву к «питающейся солнцем». «Питающаяся солнцем» — так, понял Джонни, Кроф называл плесень.

Закончив, Кроф сделал Лолу инъекцию, а уж потом надел ей на уши наушники.

Так повторялось несколько раз: молитва Крофа, инъекция, наушники. Через полчаса у Крофа начал заплетаться язык. Он сделал какую-то инъекцию себе, глаза его заблестели, и все снова потекло по кругу: молитва, инъекция, наушники; молитва, инъекция, наушники... Вдруг Джонни увидел, как сбоку, чуть пониже левого соска, кожа на теле у Лолы вздулась и лопнула. Серый стебель показался из кровоточащей раны.

Темп речи ученого возрос. И серый «червяк», все утолщаясь, все увеличивая рану, пополз из тела Лолы к электроантропу.

Стебель-«червяк» обвил голову робота и, разделившись надвое, наполнил на его глаза. Послышался слабый треск, глаза-лампочки электроантропа погасли. Плесень медленно стала втягиваться через глазницы в пластмассовую голову робота.

Когда из тела Лолы вышел серый хвост плесени и скрылся в голове электроантропа, Кроф выдохнул:

— Все.

В то же мгновение электроантроп ожил. Члены его задрожали, он стал приподниматься.

— Лежать! — крикнул Кроф не своим голосом. — М-35, я приказываю, лежать!

Поначалу электроантроп как будто подчинился, он рухнул на стол, но в следующий миг робот резко согнулся, как бы садясь, и спрыгнул на пол.

Кроф отдавал команду за командой, через слово повторял «М-35, М-35», как советовали электронщики, но робот и не думал повиноваться ему. Электронный мозг каждого робота имел аварийную схему, отключившую все его функции, ключ к которой составляли несколько букв. Кроф несколько раз крутанул этим ключом, произнес «Я-ДАК-46», но робот и на это не среагировал.

Робот надвигался на Крофа, на ходу разводя в стороны руки-манипуляторы, чтобы ученый не мог улизнуть.

Пятясь, Кроф дошел до стены. Дальше некуда было отступать.

Электроантроп стал сводить свои трехпалые руки.

Коснуться человека робот не успел: страшный удар опрокинул его на пол. Металлическими ножками стула-вертушки Джонни быстро доделал начатое, не обращая внимания на электрические разряды, вырывавшиеся из корпуса робота и легко проходившие через металлический стул.

Как только электрические разряды перестали поблескивать в груди электронно-пластикового хлама, из разломов пластика выступила серо-зеленая пена. Запах от пены пошел такой, что впопору было зажимать нос.

Кроф, с испугом косясь на стул, отброшенный Джонни к стене, проговорил:

— Ты убил робота, и плесень умерла... А ведь мне и раньше приходило в голову, что плесени

тело нужно не для питания, нет... Сознанию нужен разум, как любому миру нужен разум, вот истинная аксиома. Природа дала плесени сознание, а в разуме отказала. Плесень ищет разум – и находит его в туземце, или в человеке, или, оказывается, она может найти его в электроантропе, то есть искусственный разум ей тоже вполне подходит. Это гениальное открытие, я...

– Что с моей женой? – рявкнул Джонни.

Кроф поспешил к столу, на котором лежала Лола.

Одного взгляда на девушку Крофу оказалось достаточно, чтобы понять, дело скверное. Плесень оставила ее тело, но что она сделала с этим телом?! Рана на боку у Лолы была шириною в ладонь, и это помимо раны на груди, кое-как заклеенной Крофом. И еще этот «Кроф-10». Чтобы заставить плесень покинуть тело девушки, доктор ввел Лоле громадную дозу препарата собственно из изготовления, раздражавшего ткани.

Лицо Лолы было покрыто зеленоватой бледностью, при дыхании у нее в горле клокотало. Кроф взглянул на монитор: сердечная активность минимальная, выраженная кислородная недостаточность... Кроф, воткнув в подключенную вену девушки стационарный инъектор, кинулся крутить рубильники приборов, заскакал пальцем по кнопкам. Сердце бедняжки как будто заработало лучше, из раны опять засочилась кровь. Ученый принялся заливать рану тканевым клеем, и тут прерывисто зазвучал зуммер.

Метнув взгляд на монитор, Кроф уронил банку с клеем на пол. На ватных ногах он подбежал

к какому-то прибору и стал что-то там колдовать. Электрические разряды затрясли тело Лолы, ими ученый пытался пробудить ее уснувшее истстрадавшееся сердце.

Он оторвал глаза от кнопок и экранов спустя долгое время после того, как зуммер стих.

Обернувшись, Крофф прошептал еле повинующимися губами:

— Она умерла.

Джонни молчал, и чем дольше он молчал, тем страшнее Кроффу казался.

Ученый жалобно принялся оправдываться. Не его вина, что так получилось, он сделал все, что мог. Миссис Голд была слишком слаба с самого начала, а мистер Голд настаивал на немедленном лечении, ну и... Мистеру Голду следовало обратиться к нему раньше, а не ездить по всяким Халиманам и Ситроенам, тогда бы все закончилось хорошо. Да, его методика небезупречна, он еще не отточил ее как следует, но несчастье произошло не из-за этого, а из-за того, что...

Оправдания Кроффа Джонни пропускал мимо ушей. Сейчас весь космос его сознания уместился в жалком худеньком тельце, лежавшем перед ним на белом столе, в мертвых губах Лолы и ее глазах, где уже не было движения и жизни. Так иногда мертвый мир может быть единственным миром для живого. И была скорбь Джонни беспредельна, бездонна, безвременна.

Потом, много позже, в космическом холоде его застывшего бытия шевельнулась мысль: а ведь она просила, если умрет, сжечь ее тело. Это из-за плесени. Лола не думала, что плесень покинет ее тело

перед самой смертью, желая огненного погребения, она желала очищения, она желала хотя бы за гранью жизни избавиться от болезни. Однако же случилось так, что в своей смерти Лола оказалась свободна от сине-зеленого зла. Так должен он сжечь ее тело или нет?..

Она хотела, чтобы ее тело расплавилось в огне и стало огнем, и да будет так, подумал Джонни.

Тут только он заметил Крофа.

Кроф почувствовал, что на него обратили внимание, и жалкая улыбка пробежала по его губам. Кто-кто, а уж он прекрасно знал, как в такие минуты бывают несправедливы близкие умершего. В печальном исходе всегда обвиняют врача, а не судьбу, и это еще хорошо, если только обвиняют, а ведь некоторые сразу кидаются исполнить приговор.

Не сказав ни слова, Джонни взял тело Лолы на руки.

Он направил гравилет туда, где у горизонта виднелись светила Арлама, красный гигант и белый карлик. Полет к горам занял больше часа. Потом еще полчаса у Джонни ушло, чтобы рассмотреть подходящий утес, достаточно высокий и пригодный для посадки.

Приземлившись, Джонни вынес Лолу из машины и опустил на траву. Чтобы оторвать взгляд от ее лица, ему пришлось прокусить губу до крови. Он вернулся к гравилету, порылся в багажнике. А, вот они, батарейки к лучемету.

Джонни взял две батарейки. Одну он положил у головы Лолы, другую – в ее ногах. И отошел с лучемером за камень.

Дважды он прицеливался и дважды опускал руку с оружием. Наконец решился.

Тонкая как игла струя плазмы ударила в батарейку, лежавшую у Лолы в ногах. Батарейка взорвалась. Столб пламени поднялся высоко, а у его основания, там, где лежала батарейка, стала растекаться огненная лужа. С промежутком в несколько секунд взорвалась и вторая батарейка.

Скоро обе огненные лужи слились в одну, и точкой их слияния было сердце мертвой девушки.

Огонь бушевал недолго, но сила жара была такова, что у Джонни обгорели ресницы, а краска, в которую был окрашен гравилет, кое-где задымилась. Когда пламя стихло, Джонни подошел к тому месту, где оставил Лолу.

Ничего не было здесь, только круг выжженной земли.

Джонни поднял глаза к небу.

Маленькое облачко плыло в поднебесье. Быть может, это душа его любимой вознеслась на небо в огненных волнах?

Обезумев от горя, он зашагал к обрыву.

Станный голос остановил его у края пропасти. Он прислушался. Голос раздавался в нем самом:

– Ты слаб, ты низок, ты ничтожен. Ты ничего не дал своей девушке, пока она была жива, и ты ничего не хочешь дать ей теперь, когда она умерла. Ты дашь ей свою жизнь? А что, она так много стоит, твоя жизнь, жизнь ничтожества?

– Что же мне делать? – пробормотал Джонни.

– Если ты не смог дать ей жизнь в мире Земли и Космоса, то хотя бы дай ей жизнь в памяти людской. Если ее имя будут произносить тысячи, десятки тысяч, миллионы, значит, незримо она будет жить.

И, словно отвечая на невысказанный вопрос Джонни, голос пояснил:

– Пусть ее именем будет названа какая-нибудь звезда. Да, ты не заслуженный капитан, не почтенный сенатор, не могущественный император, но ты ведь знаешь, как это сделать, не так ли?

Джонни знал, что подразумевал голос.

Империя нуждалась в новых владениях – рудниках, благодатных местностях для колоний, и, конечно, в тех новых знаниях, которые несла каждая осваиваемая планета. Однако не так-то просто заполучить планету в свое владение. Искродиевые двигатели сделали доступными межзвездные перелеты, но не настолько, чтобы можно было обойтись без мужества смельчаков. Выход из подпространства был возможен только в определенных местах космоса, и ошибки дорогого стоили, нанести же эти места на карту могли только первопроходцы, вычисления тут оказывались бесполезными.

Этих первопроходцев космоса называли косморазведчиками. Профессия косморазведчика была весьма опасной, в случае неправильного избрания места выхода в натуральный космос космический корабль сгорал в огне термоядерной реакции вместе с экипажем. Конечно, работа косморазведчиков прекрасно оплачивалась, но мно-

гие из них больше денег ценили право, дарованное императором только им одним: право именования. Только они да еще император могли давать имена не имевшим еще имени космическим объектам: звездам, планетам, спутникам планет, кометам, астероидам. И чем больше был риск косморазведчика, то есть чем больше его предшественников погибло, пытаясь нащупать выход к той или иной звезде, тем выше поднималась планка оплаты его труда. Это касалось и денег, и чести. Так, в случае выполнения особо трудного задания косморазведчик получал право дать имя не какой-то глыбе льда, не аммиачной планете, но целому солнцу, несущему жизнь многим мирам.

— На пути косморазведчика ты вполне можешь свернуть себе шею, так что тебе совсем необязательно именно сейчас кувырнуться в пропасть, — сказал голос.

Джонни зашагал к гравилету.

Сделав несколько кругов над утесом, он повел машину к космодрому, клянясь себе, что настанет день, когда на звездной карте загорится имя его единственной.

КОСМОС БОЛИ

ИМЯ ЗВЕЗДЫ

На Земле Джонни первым делом позвонил матери. Дома все было по-прежнему, мистер Голд целыми днями пропадал на работе, миссис Голд скучала. Когда мать поинтересовалась, что с его женой, обошлось ли, Джонни коротко сказал:

– Лола умерла.

Миссис Голд всполошилась:

– О боже! Как это могло произойти? Неужели...

– Да, та самая болезнь. У меня остались деньги, семьдесят тысяч кредитов, из тех, которые дал мне отец. Я перешлю их ему по почте. Тридцать тысяч кредитов остаюсь должен.

– Можешь не пересылать. Я поговорю с ним.

– Я должен это сделать, мама. Тем более, поверь, деньги мне теперь не нужны.

– Уверена, отец простит тебя, когда узнает, что случилось.

– Ты думаешь, он ничего не знает?

Джонни не сомневался, что мистер Голд был в курсе всего, что происходило с ним.

Покорно прослушав слезливые материнские причитания и охи, Джонни повесил трубку.

Теперь нужно подумать о будущем.

В гостинице «Солнечная Корона» он снял номер с компьютером. У компьютера Джонни затребовал информацию о профессии «косморазведчик». Через минуту запищал принтер, и вскоре в руках у Джонни оказались нужные сведения.

На косморазведчика учили в Академии Астронавтики и в частных школах косморазведчиков. В Академии Астронавтики обучение продолжалось пять лет, в частных школах косморазведчиков – два года. По окончании обучения необходимо было сдать экзамен, который принимала комиссия из членов Академии Астронавтики и чиновников Имперской Службы Космической Разведки (ИСКР). Сдавшим экзамен присваивалось звание «косморазведчик». После пятилетнего курса обучения становились, как правило, косморазведчиками второго класса, после двухлетнего – третьего класса. Косморазведчики второго класса заполняли свободные вакансии в управленческих структурах ИСКР, косморазведчики третьего класса составляли передовой отряд косморазведки, это были те самые рабочие лошадки, которые делали дело, удачи которых вперемижку с нередкими смертями и размечали космические карты.

Джонни в чиновничье кресло не стремился, так что ему прямой был путь в частную школу косморазведчиков.

Частных школ косморазведчиков действовало больше сотни, почти все они находились в Терригане. Компьютер предоставил Джонни разбивку этих школ на группы качества, произведенную на основании двух параметров: процент выпускников, сдавших государственный экзамен на косморазведчика; процент успешных икс-переходов, совершенных выпускниками данной школы по отношению к общему числу совершенных выпускниками данной школы переходов. Всего групп качества было три. В первой, в группе лучших, находилось четыре школы. Джонни затребовал информацию по ним.

В трех лучших школах из четырех за право сдать вступительные экзамены нужно было заплатить тысячу кредитов. Разумеется, сама эта плата еще не гарантировала поступление. В четвертой, в школе братьев Сиртаков, денег с испытуемых не брали.

Джонни отправился в школу братьев Сиртаков. По пути он зашел на почту, подписал чек на семьдесят тысяч кредитов и отправил его своему отцу. Денег у него оставалось совсем немного, меньше тысячи кредитов, так что выплатить тысячу кредитов за право сдать вступительный экзамен он не мог. Вместе с тем, говоря матери, что деньги ему в ближайшее время не понадобятся, он знал, что говорил. В школах косморазведки обучали бесплатно, деньги за обучение потом возвра-

щались дипломированными косморазведчиками из их заработка. Введенная же в нескольких школах плата за вступительные экзамены была лишь способом избавить экзаменаторов от лиц, не имевших серьезных намерений работать в косморазведке.

Школа братьев Сиртаков находилась на Второй Ньютоновской улице. Пятиэтажное здание с колоннадой внизу было покрыто снаружи розовыми пластиковыми плитами под мрамор. Войдя в холл, Джонни на секунду задержался у стенда «Наша слава». Под этим заголовком, выполненным из искусственных рубинов, шла длинная вереница имен, рядом с каждым именем находилась голограмма героя и красная кнопка. В центре стенда размещался маленький экран. Подобные стенды были почти что в каждом уважающем себя учебном заведении, поэтому Джонни прекрасно знал назначение кнопок. Нажавший какую-то из кнопок увидел бы на экране видеохронику, касавшуюся лица, рядом с именем которого на стенде находилась эта кнопка. Пробежав взглядом по череде имен, некоторые из которых были на слуху у всех землян, Джонни пошел искать учебную часть.

Это оказалось не так-то просто: пройдя два этажа из конца в конец Джонни не повстречал ни одного человека, у которого можно было бы навести справки. Он толкнулся в одну дверь, в другую, третью... Все двери оказались заперты. Уже не говорила ли эта тишина о том, что братья Сиртаки разорились, обанкротились, вылетели в трубу? Следующая дверь, к которой он подошел, открылась сама.

Девушка в черном декольтированном платье, губы-вишенки, тени и румяна, процокала мимо него каблучками.

– Извините... – окликнул ее Джонни.

– Что вам?

– Я хочу поступить в вашу школу. Это в учебную часть, да?

– Очень жаль, вы опоздали. Набор уже сделан. Сейчас все – на площади Величия Империи, у нас посвящение в ученики.

Девушка отвернулась.

Джонни не собирался давать этикеточной красоте возможность думать, что он перестал существовать.

– Я готов рисковать головой на работе космо-разведчика, так мне что, ждать год, чтобы рискнуть головой?

– Вы, кажется, считаете, что на учебу к себе мы зазываем? У нас каждый год конкурс сто человек на место, так что и без вас желающих рискнуть головой хоть отбавляй.

– Но я не могу ждать год!

Девица пожала плечами.

С ненавистью проводив глазами покачивающиеся бедра, Джонни опустил голову. Он и помыслить не мог, что целый год будет им потерян впустую. Он не допустит этого. Да и что он так разволновался? Разве можно доверять словам раскрашенной дурочки? Он поговорит с самими братьями Сиртаками, в конце концов, им решать, а не этой пигалице.

Подняв глаза, Джонни увидел табличку: «ПРИЕМНАЯ». Он толкнул дверь.

В комнате, откуда вышла крашеная девица, стояли: стол с компьютером и телефонами, большой диван, шкаф, несколько кресел. Украшением приемной являлся так называемый пейзажный экран-калейдоскоп. На экране во всю стену шли картины космоса: проплывали звезды, появлялись и исчезали вдали космические корабли, иногда весь экран занимало какое-то солнце с огненными протуберанцами по краям. Из множества введенных в ячейки памяти картинок электронное устройство создавало определенное полотно, причем последовательность показа полотен и характер рисунка никогда не повторялись.

Джонни, мельком взглянув на экран, зашагал к двери, на которой висела табличка: «ЖАК СИРТАК».

Дверь была закрыта. Джонни надавил на ручку несколько раз – никакого результата. Мистер Жак Сиртак, очевидно, сейчас находился на площади Величия Империи вместе со своим братом, преподавателями школы и учениками.

Подождать, когда кто-то из братьев Сиртаков появится? Но захотят ли выслушать его? Что он скажет, чем он сможет подтвердить, что годится им в ученики? Годится настолько, что ради него стоит нарушить обычное правило, допустить его к вступительным экзаменам после того, как официально прием в школу на будущий год был завершен?

Вот если бы его отец, Чарльз Голд, коснулся кнопки видефона, тогда бы Джонни не пришлось беспокоиться о своем поступлении. Сиртакам только было не знать, чем именно занимается Чарльз

Голд, но до них не могла не долететь его мрачная слава, следовавшая по пятам за любым из Магистров Арагонского Братства: «вот джентльмен, с которым лучше не связываться».

Тут Джонни разозлился на себя. Неужели он сам ни на что не способен, или над ним висит проклятье, заставляющее его в случае всякого серьезного осложнения прибегать к помощи отца? Джонни вспомнил, как отец помог ему деньгами перед их с Лолой вылетом на Арлам. И что, пригодились те сто тысяч Чарльза Голда? Можно сказать, что пригодились, не сто тысяч так тридцать тысяч было потрачено Джонни на Арламе, но пользы от этих денег в конечном итоге не вышло никакой, Лола умерла. Так не будет ли помощь отца для него неизменно роковой?

Джонни дал себе слово навсегда отказаться от того, чтобы кто-то другой прокладывал ему дорогу. Если он что-то хочет сделать для памяти Лолы, он должен справляться собственными силами.

Безо всякого умысла Джонни взглянул на шкаф, стоявший рядом со столиком секретарши. На одной из папок было написано: «Вступительные экзамены». «Нельзя ли вписать себя в список поступивших?» – подумал Джонни. Задумавшись он хоть на минуту, он осознал бы, сколь это нереально: ему пришлось бы вносить свою фамилию во многие ведомости, кроме того, там, конечно, была нумерация, и все в школе знали число зачисленных на первый курс.

Джонни не стал думать ни о чем – он просто протянул руку к папке.

У двери раздалось:

– Подожди.

Он оглянулся. Секретарша, та самая расфуфыренная особа в туфельках с каблуками-шпильками, пожирала его глазами. Напряженная грудь девицы готова была в любой миг вывалиться из большого выреза платья.

Она подошла к нему и провела двумя пальцами по его лбу, по носу, по губам.

Следующая секунда могла побудить Джонни к резкости. Отстраняясь, он быстро сказал:

– Я намерен поступить в вашу дрянную школу в этом году. Можно это устроить?

– Ты сможешь это устроить сам, если очень пожелаешь этого, – проговорила девица. – Только мои бумажки тебе не помогут.

– Что я должен сделать?

Девица обвила рукой его пояс. Джонни взялся за застежку на брюках, чтобы помешать ей атаковать.

– Говори, я жду, – буркнул он, уговаривая себя не терять самообладание.

– Я скажу, но сначала...

– Нет, сначала скажи. – Джонни мягко отвел ее руку.

Девица как будто не обиделась. Немного успокоившись, она произнесла:

– Хорошо, слушай. Сейчас на площади Величия Империи собрались все школы косморазведчиков Земли. Сдавшие вступительные экзамены посвящаются в курсанты. Знаешь, как это происходит?

– Видел однажды, но плохо помню.

– На последней присоединенной к Империи планете зажигается Факел Земного Разума. Его

доставляют на площадь Величия Империи и укрепляют наверху монумента «Космос Безначальный». В день посвящения сначала произносят речи, потом от каждой школы, а их сто двенадцать, к монументу выходят по два-три первокурсника. По команде первокурсники начинают соревноваться, кто скорее доберется до Факела и зажжет от него свой факел. Имя победителя и имя школы, которую он представляет, становится известно всем. Для школы это прекрасная реклама. Понимаешь, что ты должен сделать?

– Выступить за Сиртаков?

– Да. Если ты первым зажжешь свой факел от Факела Земного Разума и скажешь, что ты – из школы Сиртаков, им некуда будет деться. Они зачислят тебя без экзаменов.

– Кажется, там, на площади, все курсанты будут в форме. И откуда мне взять факел?

– Форму я тебе принесу. У Жака Сиртака здесь целый гардероб, его форма должна тебе подойти. Про факел не беспокойся, факелов в избытке навалит у основания монумента, так что сможешь взять любой.

Ключ от кабинета Жака Сиртака у девицы оказался с собой.

Даже не надевая, Джонни определил, что предложенные девицей форменные брюки и рубашка узки для него, но привередничать времени не было.

Секретарша положила на стол ключ:

– Это от моего гравилета, вишневого цвета «пегас», во дворе увидишь. Переодевайся. – Она взглянула на настенные часы. – И не спеши осо-

бенно. Прежде чем мальчики побегут взапуски, там, на площади, вдоволь наговорятся. Сперва выступит Министр Освоения Новых Земель, за ним – директор ИСКР, потом вытащат на трибуну какого-нибудь замшелого старика из Академии Астронавтики, дадут слово нескольким покалеченным косморазведчикам...

– И все же я потороплюсь, – сказал Джонни. – Спасибо за все, подруга.

Девушка остолбенела.

Схватив со стола ключ и не выпуская из рук формы, Джонни кинулся вон из приемной, не дожидаясь, пока сластолюбивая особа опомнится.

Монумент «Космос Безначальный», колоссальное сооружение из пластикобетона, внешне представлял собой нагромождение различных лестниц: широких и узких, прямых и винтовых, идущих вверх и вниз под разными углами. В этом нагромождении было заметно только одно проявление порядка: широкий внизу, монумент кверху суживался, и там, наверху, все пути сходились у одной лестницы. Верхний пролет заканчивался небольшой площадкой, где в специальной стойке был укреплен Факел Земного Разума.

Некоторые лестницы монумента переходили одна в другую, иные заканчивались колодцами или тупиками, другие образовывали петли: конец одной лестницы являлся началом другой, конец которой, в свою очередь, являлся началом первой лесницы. Особенностью монумента была его ди-

наличность: перед каждым посвящением в курсанты лестницы переставлялись, чтобы путь наверх, к Факелу, невозможно было изучить заранее.

Джонни посадил гравилет неподалеку от площади Величия Империи, быстро переоделся в машине и побежал туда, откуда слышалась лившаяся из динамика высокопарная речь.

Будущие косморазведчики, каждая школа – особо, стояли ровными рядами напротив монумента. Перед ними, у подножия монумента, высилась трибуна с чинами в парадных формах. Справа от трибуны виднелась пластиковая двенадцатиугольная звезда, символ Империи, символ мощи Земли и Земного Величия. Она слегка покачивалась на лучиках-ножках, поддерживаемая техниками с манипуляторами. Внутри звезда была начинена электроникой. Снаружи в ней виднелись ячейки-гнезда числом сто двенадцать, по числу школ косморазведчиков. Этой звезде в торжестве предназначалась особая роль.

Директор Имперской Службы Космической Разведки обращался к первокурсникам:

– Вас научат всему, что необходимо знать навигатору, инженеру систем жизнеобеспечения и инженеру внешней защиты, ведь вам придется управлять космическим кораблем в одиночку. И главное, вас научат осуществлять переход. Что такое икс-переход? Я так вам скажу: это встреча кулака вашей воли с черной скулой смерти. Выдержит ли смерть удар, или нет, от этого зависит ваша жизнь. Ваши учителя вобьют вам в головы все, что знают, но они не смогут управлять ваши-

ми мозгами и вашими руками в опасную минуту. И ваша жизнь, и то, сохраните ли вы в целостности корабль, будет зависеть только от вас. Именно поэтому далеко не каждый из закончивших обучение станет косморазведчиком, вам еще предстоит сдать экзамен. Косморазведчик получится не из каждого, но зато тот, кто станет косморазведчиком... О, тогда вы поймете, что это такое, быть косморазведчиком, когда вашим именем будут называть комету, планету или целую звезду! Это слаще всего, и денег, и всех женщин мира. Когда же вы...

Джонни пробрался в толпу, стоявшую позади ровных прямоугольников курсантов. Толпа состояла из родственников первокурсников и праздных зевак. Кое-кто покосился на него, что это делает человек в форме курсанта среди зрителей, но дальше косых взглядов не пошло, никто не осмелился осквернить великолепие момента шушуканьем.

Наконец речи закончились. Министерский чиновник, прочистив глотку, произнес с подъемом:

– А теперь к Факелу, ребята! Факел Земного Разума ждет каждого, дастся лучшему!

Первокурсники были готовы к этому моменту. От каждого из прямоугольников курсантов отделилось по два-три человека. «Синие рубашки» побежали к факелам, целые охапки которых держали наготове люди из службы технического обеспечения.

Синяя рубашка Джонни легко затерялась среди сотен таких же. Человек, раздававший факелы, даже не подняв головы, быстро сунул факел

ему в руки. Потянись вместо Джонни к факелу обезьяна, она получила бы его с наименьшей легкостью.

С факелом в руке Джонни кинулся к широкой лестнице, с которой начиналось восхождение.

Сначала он бежал в толпе таких же, как он, людей в синих рубашках. Через сотню ступеней лестница разделилась, и число попутчиков Джонни уменьшилось вдвое. Еще несколько лестничных пролетов, и Джонни остался один. Невдалеке слышался крик: кто-то, должно быть, успел угодить в яму-колодец.

Джонни бежал по узкой лестнице, вдвоем не уместиться. Местами к его лестнице подходили другие ступеньки, на некоторые из них он смог бы перепрыгнуть, но пока не чувствовал необходимости свернуть.

Большинство лестниц монумента были без перил. Иногда Джонни на глаза попадались перила, но он перестал обращать на них внимание, после того как у него на виду один из его соперников вместе с обломками перил повалился в пропасть и был там, далеко внизу, подхвачен гравиполем. Подстраховочные грави-поля «пеленали» оступившихся бедняг таким образом, что те никак не могли выбраться на какую-нибудь из лестниц или площадок монумента самостоятельно, им оставалось ждать конца состязания и избавительных рук техников.

Узкая лестница вывела Джонни на широкую площадку, от которой отходили полувеером девять туннелей. Все туннели освещались, но ни в одном из них не было видно конца.

Свой туннель Джонни выбрал наугад. Он побежал по нему и через пару минут оказался в тупике.

Вернуться? А что еще остается? Но вернуться, значит, потерять время. Вернешься раз, другой, а потом начнешь в панике метаться по лестницам и туннелям, утерев цель.

Джонни простучал стены. Когда он стучал по стене, перегораживавшей туннель, звук получался гулкий, как если постучать по пустой бочке.

Джонни ударил ногой в стену.

Он не ожидал, что это окажется так легко, пробить в стене дыру. Но иначе не могло случиться: по прочности и толщине стена напоминала картон.

Он быстро расширил отверстие. Показалась лестница с высокими ступенями, ведущая вверх.

Опять Джонни помчался по лестничным ступеням.

В глубине души он надеялся, что на этом его испытание закончится, что лестница прямоком выведет его к Факелу Земного Разума. Так не случилось, очень скоро лестница разделилась на трое.

Он выбрал среднюю.

Ступив на площадку, которой лестница закончилась, он немного передохнул. А как же его соперники? Он подошел к обрывистому краю площадки. Одна из сторон монумента открылась ему: то там, то здесь виднелись карабкающиеся наверх фигурки.

«Нужно спешить», — подумал Джонни.

Площадка закончилась колодцем. На дне колодца лежало одеяло Грейдера, так называлось

изобретенное профессором Грейдером устройство, смягчавшее удары. На одеяло Грейдера можно было упасть с высоты в сто метров – и отделаться одними синяками.

Допустим, он не расшибется, если не перепрыгнет через колодец, но проторчать на дне колодца пока его оттуда не вытащат не больно заманчиво.

Вдруг Джонни увидел на противоположной стене колодца скобу, как будто стальную. Он сразу же прыгнул – но не к этой скобе, а на одеяло Грейдера.

Одеяло Грейдера с силой спружинило. Взлетев вверх, Джонни сумел ухватиться за скобу. Небольшое усилие, и он оказался по ту сторону колодца.

Джонни еще долго пробирался наверх. Иногда ему попадались на глаза синие рубашки, потом, чтобы увидеть их, он должен был оглянуться. Пот градом струился по его телу, к горлу все чаще подкатывала тошнота, но он и сам себе не признался бы, что устал.

Настал миг, и Джонни ступил на самую верхнюю лестницу монумента. Пройдя двадцать четыре ступеньки, по числу земных провинций, он увидел золотой цветок вполовину человеческого роста, с венчиком-звездой. В центре двенадцатикирпичной звезды был укреплен Факел Земного Разума.

Джонни зажег свой факел от доставленного из космической дали огня и замахал им, ликуя.

Как только факел Джонни загорелся, десятки гравилетов, круживших на почтительном рас-

стоянии от монумента, понеслись к верхней площадке. Гравилеты принадлежали средствам массовой информации. Пилоты выжимали из своих машин максимум возможного: каждому хотелось опустить победителя вниз в своем салоне.

Раньше всех подле Джонни оказался зеленый «аллигатор», принадлежавший газете «Новости дня». Из гравилета выскочил репортер и, ошале-ло пуча глаза, закричал, как будто имел дело с глухим:

— Как ваше имя, мистер? Какую школу вы представляете?

— Джон Голд, школа братьев Сиртаков, — вы-молвил Джонни.

Репортер закричал пилоту:

— Боб, ты слышал? Джон Голд, школа братьев Сиртаков!

Пилот проревел в микрофон:

— Победитель — Джон Голд, школа братьев Сиртаков!

Установленные на гравилете динамики тыся-чекратно усилили голос, а в следующую минуту к ним присоединились динамики запоздавших гра-вилетов. И все внизу услышали, курсанты школ косморазведчиков и преподаватели, правитель-ственные чины и зеваки, как загрохотало вверх: «Джон Голд, школа братьев Сиртаков!» А репор-тер уже усаживал Джонни в машину, забрасывая его вопросами и сердясь на его неразговорчивость.

Как только Джонни высадили у трибуны, ре-портеры кинулись к нему всем скопом. Прессу быстро оттеснили. Человек с красной повязкой на рукаве (золотыми буквами: «распорядитель») шеп-

нул Джонни: «Вы должны улыбаться, курсант Голд». Джонни послушно улыбнулся. «А ведь есть чему радоваться», — подумал он. Вот только может ли он радоваться, если Лола умерла?..

По сценарию праздника теперь, когда победитель доставил огонь к подножию монумента, соперничество должно было уступить место товарищескому сотрудничеству. Вот для этого внизу и находилась двенадцатиконечная звезда, звезда с герба Земной Империи и герба Императорского Дома.

Джонни подсказали, что он должен делать. Он встал рядом со звездой, и к нему по очереди стали подходить курсанты, которых он опередил (силами технической службы их оперативно доставили вниз с мест, достигнутых ими при восхождении на монумент). Каждый держал в руке факел, его зажигали от факела Джонни, после чего факелы ставили в ячейки имперской звезды.

Последним, стодвенадцатым, факел воткнул в ячейку Джонни, в самый центр звезды. И как только все ячейки оказались заполнены, сработала автоматика. Звезда медленно поплыла вверх.

Она поднялась выше монумента и там, в далекой высоте, ярко вспыхнула.

Позже терригане прочитали в вечерних газетах: «Имперская звезда разлетелась на тысячи осколков. Казалось, не осколками, а тысячами падающих звезд она возвращалась на землю. Так люди должны возвращаться на Землю — если не в плоти человеческой, то яркой памятью о себе. Где бы не настигла посланцев Земли смерть, в вое атомной бури или в безмолвии невесомости, в пла-

мени звезды или в тисках гравитации, пусть всегда они упокоятся в недрах родной планеты».

После того, как последний осколок звезды упал на притихшую землю, к Джонни пропустили репортеров. Вскоре некоторые из этой шустрой братии пожалели, что не прихватили с собой клещи, может, тогда им было бы легче выковыривать из победителя слова.

Какой-то высокий крепкий мужчина пробрался к Джонни, разрезав толпу плечом как крейсер разрезает носом волны.

— Я — Лау Крант, заведующий учебной частью школы братьев Сиртаков, — бросил великан газетчику, которому наступил на ногу. И повернулся к Джонни: — Курсант Голд, господа Пьер и Жак Сиртаки желают видеть вас.

Крант за руку вытащил Джонни из толпы. Их ждал гравилет, грязно-желтый «ролли-рол».

Крант провел Джонни через приемную, где тот успел побывать, в кабинет с табличкой «ЖАК СИРТАК» на двери. Знакомая девица, покашливая, делала глазки, но Джонни в самом деле ее не заметил.

В кабинете, обставленном по-президентски, он увидел двух мужчин в синей курсантской форме, а пожалуй, не совсем курсантской: цвет был куда интенсивнее. Худощавый мужчина посмотрел на Джонни с подозрительностью, полноватый улыбнулся ему лукаво.

— Оставьте нас, мистер Крант, — проговорил худощавый.

Заведующий учебной частью вышел.

Худощавый проговорил:

— Вы ловко подцепили нас на крючок, мистер. Клянусь богом, больше такое не удастся никому. Вас же нам придется продержат в школе пару недель, а потом мы вас отчислим «по собственному желанию». Теперь к делу. Сколько вы хотите за то, что совершили?

Джонни насупился.

— Вы считаете, я обогнал ваших ребят ради денег?

— А ради чего же? Мы тут прикинули с братом, мы согласны выплатить вам пятьдесят тысяч кредов. Этого вам хватит до конца жизни.

— Мне не нужны от вас деньги, сэр. Я только хотел бы, чтобы вы зачислили меня в свою школу.

— Я же говорил тебе, Жак! — воскликнул толстячок и весело хлопнул себя по сочным ляжкам.

Жак Сиртак смутился. До последней минуты он не сомневался, что человек, добравшийся до Факела Земного Разума и представившийся затем курсантом школы Сиртаков, проделал это только ради одного, чтобы заработать солидную сумму на шантаже. Сейчас все газеты принялись трубить, сколь прекрасна школа братьев Сиртаков, а вздумай победитель заявить, что в действительности он к этой школе не имеет никакого отношения, престижу школы Сиртаков был бы нанесен чувствительный урон. Так рассуждал Жак Сиртак, но, похоже, он ошибся.

– Вы хотите учиться у нас, я правильно слышал? – уточнил Жак Сиртак.

– Да, сэр.

Жак Сиртак посмотрел на брата.

– Что тут раздумывать, такого молодца мы просто обязаны внести в списки! – тряхнув налитыми щеками, проговорил Пьер Сиртак.

– Кто его знает, а если у него не хватит мозгов, чтобы учиться у нас?

– Вряд ли. Пусть у него теоретических знаний маловато, но ведь главное для нас не это.

– Да, не это, – эхом отозвался Жак Сиртак и сказал:

– Только имейте в виду, курсант Джон Голд, выпускные экзамены вам придется сдавать наравне со всеми. И тогда, уверяю вас, вы не найдете обходных путей.

Обучение в школе братьев Сиртаков велось по трем направлениям: физическая подготовка, теория косморазведки, практика. Физическая подготовка будущего косморазведчика включала общую физическую подготовку, аутотренинг, медитацию, выработку вестибулярной устойчивости и устойчивости к гипоксии. Теоретическими считались курсы астрономии, космофизики, общей химии, базовой электроники и космического права. Практические навыки будущие косморазведчики приобретали в кабинетах астронавигации, пилотирования космических аппаратов, жизнеобеспечения полета и кинетики нуль-перехода.

Курсанты жили в казарме при школе и находились на полном обеспечении хозяев школы, братьев Сиртаков. Конечно, дело Сиртаков было устроено так, что их затраты в дальнейшем с лихвой окупались. Каждый из курсантов заключал с братьями-владельцами договор, по которому обязывался в случае своего принятия в ряды косморазведчиков выплатить школе из своего заработка тридцать тысяч кредитов сразу или частями не позже чем через год после окончания обучения.

Для преподавателей школы способ поступления Джонни в школу не был тайной, однако ни один из них не подал виду, что знает об этом. Вместе с тем многие из преподавателей в душе ожидали от Джонни чудес, такому удивительному поступлению, если рассудить, должна была бы соответствовать не менее удивительная учеба. Против ожиданий, никаких сверхъестественных способностей первокурсник Голд не проявил. Более того, учеба давалась ему как будто труднее, чем большинству первокурсников. *Джонни часто отвечал невпопад или вообще ничего не отвечал, сидел на занятиях с отсутствующим видом, заканчивал решение задачи одним из последних.* Вскоре все позабыли о его триумфальном поступлении в школу и «записали» его в лентяи, кандидаты на отчисление.

В конце первого года обучения курсанты сдавали переходной экзамен: братья Сиртаки полагали, что незачем два года тратиться на неучей. Джонни удовлетворительно прошел все нагрузочные испытания (полчаса в гипоксической среде,

холодовая и тепловая камеры, час на вертушке Бернета), прошел не столько благодаря усиленной тренировке, сколько благодаря какой-то внутренней бесчувственности. Угроза отчисления нависла над Джонни на экзамене по космофизике.

Кое-как выговорив пять аксиом гравитологии, Джонни никак не мог вспомнить шестую.

Экзаменатор, молодой и беспощадный Питер Гоппер, холодно сказал:

– Без знаний гравитологии нет косморазведчика, курсант Голд. Вот объясните мне, как вы выйдете из поля притяжения звезды, не имея представления о шестой аксиоме гравитологии?

– Мы еще не проходили пилотирование, – угрюмо проговорил Джонни.

– А я вас уверяю, ничего у вас не получится без шестой аксиомы. Итак, шестая аксиома гравитологии гласит... Хорошо, я вам подскажу. Шестая аксиома была сформулирована в середине прошлого века. Вспомнили? Она изложена на странице 164 учебника гравитологии Иммерсона. Последняя поправка была внесена в нее Луиджи Баскетом пять лет назад. И вы еще молчите?

Гоппер, как это любят молодые преподаватели, с удовольствием демонстрировал курсанту свои познания. Внешне это выглядело так, как будто Гоппер был изумлен тупостью курсанта, позабывшего элементарную вещь, банальнейшую шестую аксиому гравитологии. Гоппер то удивленно поднимал брови, то презрительно улыбался, то кривился, словно увидел что-то неаппетитное.

Помучив Джонни несколько минут, Гоппер заявил:

– Вы не сдали экзамен, молодой человек. (Сам экзаменатор был всего на пару лет старше Джонни, однако продемонстрированная им эрудиция уж, конечно, давала ему право на такое снисходительное обращение).

По правилам школы Сиртаков оценка, полученная на экзамене, была окончательной.

Опасность вывела Джонни из состояния мрачной заторможенности.

– Задайте мне еще вопрос, сэр! – взмолился он. – Еще один вопрос!

Гоппер медленно, как бы смакуя, покачал головой.

– Тогда мне придется вас убить, сэр.

Гоппер вздрогнул от неожиданности. Если бы ему сказали такое потихоньку, он бы подумал, что ослышался. Но мальчишка курсант произнес последние слова громко и на полном серьезе. Да это не мальчишка совсем, подумал Гоппер, окидывая Джонни испуганным взглядом.

Увидев испуг в глазах экзаменатора, Джонни понял, что перегнул палку.

– Прошу прощения, сэр, – произнес он быстро. – Я только хотел сказать, что своим решением вы ставите меня в безвыходное положение.

– Вон! – слабо выдохнул Гоппер и подрагивающим перстом показал Джонни на дверь.

Джонни поплелся в казарму.

Через час ему велели явиться в кабинет к Жаку Сиртаку.

Жак Сиртак отвечал в школе за подготовку курсантов, тогда как его младший брат, Пьер Сиртак, работал со сдавшими квалификационный эк-

замен, то есть с подготовленными школой космо-разведчиками.

Старший Сиртак слыл сухарем и страшным педантом. Это по его милости были исключены из школы два отличника второкурсника, выпивших перед занятием по кружке пенистого веселунчика. Это старший Сиртак накладывал на курсантов громадные штрафы за каждую малость: секундное опоздание на занятие, расстегнутую пуговицу на рукаве, еле заметный след губной помады на шее. Словом, Джонни нечего было надеяться на пощаду.

— Курсант Голд, вы не сдали космофизику, — проговорил Жак Сиртак без предисловий. — Ваши причины.

Джонни чуть-чуть, самую малость стало легче. Похоже, Гоппер ничего не сказал про его угроз и про свой испуг.

— Виноват, сэр, — пробормотал Джонни.

— Я хочу знать, почему вы не были готовы сегодня. Да и вообще, преподаватели невысокого мнения о вас. Вы как будто так рвались поступить, и что же?

— Я бы мог пересдать экзамен. Дайте мне месяц, сэр, я подготовлюсь.

— Меня не интересует, сколько вам нужно времени, курсант Голд, чтобы подготовиться. Я вас спрашиваю, почему вы не готовы.

Джонни прекрасно знал, почему он не блистал успеваемостью. Лола... мысленно он видел ее лицо, и теоремы с формулами не лезли ему в голову. Он знал ответ на вопрос Сиртака, но разве мог он ответить, разве можно обнажить душу пе-

ред этим корявым чурбаном? Да и не перед кем он не собирается изливать свою боль. Лола, лишенная материальных одежд, имела теперь единственную оболочку, его душу, так разве не низостью было бы выставить ее на обозрение, чтобы пробудить жалость к себе?

— Я не могу ничего сказать, сэр.

— Вы исключены.

— Да, сэр.

Джонни на ватных ногах отправился к двери.

— Пойдите, Голд!

Джонни оглянулся.

— Я, пожалуй, мог бы назначить вам пересдачу, в отступление от наших правил, но для этого я должен знать причину вашей неуспеваемости. — Сиртак дождался реакции Джонни. — Или причины нет, все объясняется просто ленью?

— Причина есть, — сказал Джонни. — Прощайте, сэр.

— Курсант Голд, можете остаться в школе. Завтра узнаете в учебной части, на какое число вам назначена пересдача.

Джонни забила дрожь. Он слышал, что Жак Сиртак имел обыкновение устраивать над курсантами психологические опыты, кажется, такого рода опыту Сиртак сейчас подверг его самого. Сиртак был не из тех, кто мог ни с того ни с сего поменять решение, очевидно, он заранее продумал, каков будет его окончательный ответ в зависимости от поведения Джонни.

И еще Джонни показалось, что Жак Сиртак знает о нем куда больше, чем он указал в своей анкете.

— Я благодарю вас, сэр, — проговорил Джонни. — Но, черт возьми, почему вы изменили свое решение? Нехорошо говорить то одно, то другое.

— Говорить нехорошо, а делать нужно. Это называется учитывать обстоятельства. Займитесь хорошенько работой, Голд. Загрузите вашу голову. Это вам поможет, вот увидите. Сейчас вы щупаете руками тень, так наполните свой мир, и в руки вам дастся плоть.

Сиртак показал на дверь.

Джонни вышел, недоумевая. Сиртак узнал о Лоле? Но откуда? Нет, он не знал ничего, слова его были расплывчаты, неопределенны. И вместе с тем в них таилось что-то притягательное, что-то новое и истинное.

Чтобы воздвигнуть храм скорби, недостаточно скорбеть и молиться, нужно и руки приложить. Он же стремился воздвигнуть в своей душе куда более жизненный храм, храм Лолы, которая была не скорбь, а жизнь его.

Если он не станет хорошим косморазведчиком, разве когда-нибудь именем Лолы будет названа звезда?

Джонни засел за учебники. Через месяц он сдал экзамен мрачному Гопперу.

К концу второго года обучения Джонни стал одним из лучших учеников школы косморазведчиков. Жак Сиртак оказался прав, в мучениях труда куда более почитается память умершего, чем в безутешной скорби. Да и вообще, слезы и пе-

часть — это удел женщины, тогда как удел мужчины — тяготы и пот.

По прошествии двух лет обучения Джонни и его сокурсников подвергли квалификационному экзамену. Помимо прохождения всех установленных программой курсов Джонни к этому времени имел за плечами двадцать пять полетов в качестве навигатора на корабле с искродиевым двигателем (двадцать — с инструктором, пять — самостоятельных). Правда, в учебных полетах не было собственно работы косморазведчика, все они совершались по проторенным маршрутам.

Для определения способности работать косморазведчиком всех экзаменующихся подвергли икс-тесту. Икс-тест был камнем преткновения на квалификационном экзамене: как правило, допущенный к экзамену если и проваливался, то только проходя икс-тест.

Успешно проходить икс-тест курсантов учили целый год в кабинете кинетики икс-перехода. Иными словами, курсантов учили тому главному, что отличало работу косморазведчика от работы просто навигатора: *для того, чтобы совершить икс-переход*, просто навигатору достаточно было дать команду бортовому компьютеру, тогда как косморазведчик осуществлял икс-переход вручную.

Сделать же это куда как непросто.

Обычная скорость, с которой несется космический корабль в подпространстве, — тысяча световых, то есть скорость корабля в подпространстве в тысячу раз превышает скорость света. Искродиевый двигатель, обеспечивающий эту скорость, не может сбавить или увеличить ее плавно.

но, это особенность искродия, в подпространстве скорость можно увеличивать всякий раз десятикратно или уменьшать десятикратно. То есть при включении искродиевого двигателя скорость космического корабля увеличивается с субсветовой сразу в десять раз и корабль попадает в подпространство, где можно, регулируя подачу искродия в двигатель, достичь скорости в сто, тысячу, десять тысяч раз превышающей световую, а теоретически – и еще большей. Практически использовалась скорость в тысячу световых, так как при скорости в десять тысяч световых ни корабельная автоматика, ни навигатор не могли с достаточной точностью управлять кораблем.

Войти в подпространство нетрудно, включи искродиевый двигатель и все, куда труднее было «вынырнуть» из подпространства в натуральный космос. Чтобы выключить искродиевый двигатель усилий требуется не больше, чем при включении, сложность заключается в том, что отключить искродиевый двигатель допустимо было только в определенной точке подпространства. Отключение искродиевого двигателя в неправильном месте приведет к тому, что космический корабль вкупе с экипажем разлетится на элементарные частицы.

В подпространстве звезды смотрелись как жирные медузы – красные, желтые, фиолетовые – с растянутыми во все стороны щупальцами. Чтобы выйти в натуральный космос, навигатор должен был выключить искродиевый двигатель в момент нахождения корабля в зоне такого щупальца. Можно сказать, щупальца звезды были воротами из подпространства в натуральный космос

(воротами односторонними: пройти из натурального космоса в подпространство можно было где угодно).

Переход корабля из подпространства в натуральный космос осуществляется автоматически, если точка выхода была известна и программа маршрута находилась в бортовом компьютере. Но определить эту точку, зафиксировать ее мог только человек. В подпространстве все приборы слепы, только человек видит звезды-медузы с их щупальцами-воротами, поэтому самый первый выход из подпространства к той или иной звезде человек должен был делать вручную. Позже в программу маршрута включались координаты точки икс-перехода.

Косморазведчик и был тем человеком, который пролагал дорогу к звездам. Искусство косморазведчика заключалось в том, чтобы нажать на кнопку, отключавшую искродиевый двигатель, точно в момент нахождения корабля в зоне щупальца-ворот, ни раньше ни позже. Если косморазведчик ошибался, он погибал вместе с кораблем.

Икс-тест представлял собой череду смоделированных ситуаций, схожих с теми, в которые попадал завершавший путь косморазведчик.

Испытуемый садился перед экраном компьютера. На экране появлялась картинка: звезда-медуза в черноте космоса, движущаяся серебристая черточка-корабль. Необходимо было нажать на кнопку в тот момент, когда корабль находился в зоне щупальца. При нажатии на кнопку в момент, когда корабль находился в «черной» зоне, экран ярко.

вспыхивал, вспышка имитировала взрыв корабля. Не менее опасно было нажать на кнопку слишком поздно: ближе к звезде «щупальца» становились толще, однако если космический корабль выходил в натуральный космос у самой поверхности звезды, он не мог вырваться из ее гравитационных пут, он падал на звезду и сгорал. Как только черточка-корабль входил в зону фатального притяжения звезды, экран тоже ярко вспыхивал.

Картинки менялись на экране каждые десять-сорок секунд. Всего икс-тест проводился в течение часа, за это время на экране успевало появиться и исчезнуть около ста двадцати картинок. Если в восьмидесяти процентах случаев экзаменуемый вовремя нажимал на кнопку, икс-тест считался пройденным.

Джонни при прохождении икс-теста показал результат девяносто два процента правильных нажатий, это был отличный результат. Только один человек из сотни выпускников, некто Сэмюэль Эльм, сумел достичь лучшего.

Решением квалификационной комиссии Джонни было присвоено звание косморазведчика второго класса. Как правило, выпускники частных школ косморазведчиков получали звание «косморазведчик третьего класса», но для Джонни и Сэмюэля Эльма сделали исключение.

Вручение сертификатов косморазведчика, как всегда, проходило на площади Вечной Памяти, где находился Памятник Погибшим в Космосе.

Из полукружья Земли тянулся к небу цветок — слабый, с изогнутым стеблем, с маленькими и жалкими листьями. Должно быть, неласково встречало его небо: космической радиацией, метеоритными потоками и астероидами, холодом и безвоздушной пустотой. Трудно приходилось цветку, но могучие человеческие руки защищали его, беря начало от матери-земли, сводом возвышались над ним широкие ладони.

Памятник был сделан из синеватого сплава, цветок покрывала позолота.

Первым, по обычаю, держал слово священник. Вступительным аккордом его речи был стих из Будущего Завета:

*Я возьму лепесток лугового цвета;
От мертвящих звездных лучей...
Защитит он титановой брони надежней.*

За священником выступили: ректор Академии Астронавтики: «Передовые рубежи освоенного пространства — это передовые рубежи науки, не забывайте об этом, косморазведчики!», директор Имперской Службы Космической Разведки: «Буду рад всех вас увидеть в штаб-квартире ИСКР, Галилея 17, в самое ближайшее время», бывалый косморазведчик: «Если вы хотите уцелеть, ребята, поскорее затвердите себе одно: ваша жизнь дороже любых денег».

Потом была клятва астронавта: «Я, от Земли рожденный, клянусь жизнью и смертью, матерью и отцом, светом и светлым небом, клянусь, я умру на Земле. Если же я, против своей воли, не смогу

исполнить этот свой долг при жизни, пусть мой прах доставят на Землю. Могуществом Императора и силой закона я клянусь твердо следовать Уставу Астронавтов. Это моя клятва никогда не может быть забыта, и никто и ничто не может меня от нее освободить».

Сертификаты вручали начальник ИСКР и его заместитель. В заключение торжества из динамиков грянул гимн астронавтов, и молодые косморазведчики подхватили его тысячами глоток.

В штаб-квартире Имперской Службы Космической Разведки, занимавшей громадное здание-лабиринт на улице Галилея (множество корпусов различной этажности, соединенных переходами), в эти дни яблоку негде было упасть: около десяти тысяч только что сертифицированных косморазведчиков жаждали быть принятыми на работу. Директора школ представляли своих воспитанников заместителям шефа ИСКР. Чиновники, ознакомившись с документами претендента и задав несколько вопросов, как правило, сразу же выносили решение, пригоден им этот работник или нет. В большинстве случаев трудовой контракт заключался, ежегодно около десяти тысяч косморазведчиков гибли, выполняя задание, так что ИСКР нуждалась ежегодно в столь же массовом пополнении.

Выпускников школы, в которой обучался Джонни, представлял Пьер Сиртак. От ИСКР в кабинете находился мистер Шофф, косморазведчик

первого класса, крепкий старик с рачьими глазами навыкат.

О Джонни Пьер Сиртак отозвался в самых лестных выражениях. Бегло просмотрев документы, мистер Шофф ласково спросил:

— По какому маршруту вы хотели бы отправиться, косморазведчик Голд?

Накануне Джонни получил брошюрку с описанием всех предлагаемых ИСКР маршрутов. Маршруты делились по степени сложности. Числовым выражением сложности маршрута являлся так называемый коэффициент сложности. Простейший маршрут имел коэффициент сложности 1 (единица); чем больше косморазведчиков погибло при освоении данного маршрута и чем опытнее они были, тем выше был коэффициент сложности. В брошюрке самый высокий коэффициент сложности, двести тридцать, имели два маршрута, восьмой и девяносто третий.

— Я выбираю восьмой маршрут, — твердо сказал Джонни.

Мистер Шофф поднял брови.

— Вы не шутите, косморазведчик Голд?

— Я хотел бы отправиться по восьмому маршруту, сэр, — подтвердил Джонни.

— Понимаю, за выполнение этого задания Служба дает миллион семьсот тысяч кредитов, но... Вам известно, что тридцать четыре косморазведчика, многие из которых были куда опытнее вас, не сумели справиться с этим маршрутом?

— Да, сэр.

— И это вас ничуть не настораживает?

– Я хочу рискнуть, сэр. Простите, сэр в «информационном листке» ИСКР я прочитал, что кроме денег тот, кому удастся разработать этот маршрут, получит право дать название звезде. Это действительно так?

– Это так. Звезда, к которой мы никак не можем проторить дорожку, имеет только код, вот ей-то и даст имя счастливчик. Как я понимаю, вы ответили на мой вопрос: вами движет честолюбие. О честолюбие, честолюбие, сколько разбитых голов на твоей совести! На квалификационном экзамене вы получили высокие оценки, косморазведчик Голд, но это еще мало о чем говорит. Я тридцать лет в Службе, за это время я повидал немало молодчиков, от которых после икстеста все ждали чудес, и что же? Из них сейчас живы только те, кто не сделал ни единого рабочего вылета.

Пьер Сиртак, понимавший, что от трупа выпускника платы за учебу не дожидаться, поддакнул:

– Серьезно, Джонни, к чему тебе так рисковать? Возьми для начала маршрут два или три, испытай себя, а там, глядишь, и на большее можно будет замахнуться.

– Все-таки мне хотелось бы поработать на этом маршруте, – проговорил Джонни после недолгой паузы.

Мистер Шофф медленно произнес:

– Вам вольно рисковать собственной жизнью, косморазведчик Голд, но я не могу с такой же легкостью рисковать кораблем стоимостью в миллион кредитов. Берите маршрут с коэффициентом де-

сять, это очень высокий коэффициент для неоперившегося новичка, и подписываем контракт.

Джонни отрицательно мотнул головой.

– В таком случае, я должен подумать, – мистер Шофф закрыл папку с бланками контракта.

– Когда можно узнать ваше решение?

– Вам сообщат.

Пьер Сиртак, зная, что у Джонни в кармане не густо, милостиво разрешил:

– Пока можешь жить в казарме, Голд.

Из штаб-квартиры ИСКР Джонни отправился на аллею Слез. Растрескавшиеся каменные глыбы, протянувшиеся вдоль аллеи, источали алмазные струи – казалось, камни оплакивали весь мир, не забывая тех, о ком некому было всплакнуть.

Если бы они только знали, думал Джонни, проходя по аллее. В его душе не было страха и не было пустой бравады, он ясно представлял себе, что, избирая самый сложный маршрут, он поступал правильно. Погибни он, и его смерть стала бы величайшим почитанием памяти Лолы, самой великой жертвой, которую только мог принести смертный. Выполни он задание, и на небе появилась бы звезда, носящая ее имя, и большую честь трудно было вообразить. Но если бы он погиб, выполняя какое-то мелкое задание, разрабатывая какой-то рядовой маршрут... Это все равно, что подносить к памятнику самые дешевые цветы, оступиться и упасть в лужу.

В штаб-квартиру ИСКР его пригласили через две недели. На этот раз в коридорах здания-лабиринта было куда менее шумно, большинство косморазведчиков определились со своим назначени-

ем. В приемной мистера Шоффа Джонни попросили подождать. Опускаясь в кресло, Джонни заметил, что в приемной находился еще один посетитель.

Мускулистый, скуластый, Сэмюэль Эльм не глядел на Джонни. Эльм и Голд, выпускники школы Сиртаков, недолюбливали друг друга, их редкие контакты в казарме или школе были непродолжительны и резки. Сэмюэль Эльм никогда не забыл бы, как гордо Джонни стоял с факелом, зажженным от Факела Земного Разума, у монумента «Космос Безначальный», и как будущие косморазведчики зажигали свои факелы от его огня. В тот далекий день Джонни Голд отнял у него, Сэмюэля Эльма, триумф, отнял победу, и это невозможно было простить, пусть даже в последующем Эльм стал первым учеником школы, тогда как Голд оставался вторым.

Вскоре Джонни пригласили в кабинет. В нескольких словах мистер Шофф сообщил, что его пожелание учтено, он допускается к разработке восьмого маршрута.

Вечером Джонни случайно услышал в казарме, что Сэмюэля Эльма утвердили косморазведчиком девяносто третьего маршрута, маршрута той же степени сложности, как и у Джонни.

По тому, какой Джонни дали корабль, можно было безошибочно судить, как много от его полета ждали. Или, лучше сказать, как немного от его полета ждали.

Эту космическую шлюпку притащили со склада металлолома, не иначе: корпус, покореженный метеоритами, выглядел словно поверхность планеты без атмосферы, сплошные вдавлины; искривленные ноги стояли несимметрично; характерные образуемые гравитационными двигателями выпуклости отсутствовали. Это был «Фортунат», Форчи, как его называли астронавты, давно снятая с производства модель. На нем летали в те далекие времена, когда человек и помышлять не мог об управлении гравитацией.

Поймав хмурый взгляд Джонни, координатор восьмого маршрута, рыжий губастый бородач, заговорил:

— Что, не очень смотрится? Ничего, Голд, я и не на таких катался. Изнутри старина Форчи ничего, его хорошо подлатали, не сомневайся. Только садиться на нем не советую, корпус при посадке может не выдержать. Действуй по инструкции, осмотришь звезду и ее планеты с орбит.

— А на Землю мне что, можно не возвращаться? — осведомился Джонни.

Координатор пошарил пятернею в бороде (некоторым это заменяет чесание в затылке). Вероятность выполнения молодым косморазведчиком задания была столь ничтожна, что казалось бессмыслицей задумываться над его возвращением.

Наконец координатор нашелся:

— Тебя что, не учили, как это делается? Выйдешь на орбиту, подашь сигнал. Мы снимем тебя с «Фортуната». А, вот и Макс подходит, — координатор показал на сутулого пожилого мужчину, старшего техника маршрута, отвечавшего за тех-

ническую подготовку корабля к полету. — Макс, вот этот парень летит. Покажи ему хозяйство.

Макс бросил:

— Пошли, что ли. — И вялой походкой потащился к кораблю.

Перед тем, как зашагать за Максом, Джонни спросил у бородача:

— Полагаю, искродия в баках хватит на обратный прыжок?

— Сам заправлять баки будешь.

«Фортунат» оказался куда лучше подготовленным к полету, чем это можно было подумать, если судить по его наружности. В салоне даже находилась гравитационная установка, так что Джонни не предстояло расплываться в кресле при наборе кораблем скорости. Искродиевый двигатель был третьего поколения, то есть позавчерашнего дня, слава богу, что не первого. Межпланетная тяга обеспечивалась «Юпитером-4», атомным двигателем средней мощности, снятым с другого корабля, и еще на «Фортуна́те» были его собственные химические двигатели.

— Видишь сам, сынок, мои ребята работали на совесть, — пробормотал пожилой Макс. — Если тебе повезет закончить маршрут, то уж назад ты без труда возвратишься. С атомной тягой поосторожней, без рывков, в конденсорном котле я не очень уверен.

Когда Джонни и техник выбрались из корабля, координатор тут же сунулся к Джонни с папочкой: «Распишись, Голд». Джонни равнодушно поставил в нужном месте роспись-закорючку, которой он признавал корабль пригодным к полету.

Координатор распорядился, и к «Фортуна́ту» подтащили шланги. Началась заправка топливных баков.

Через два часа Джонни стартовал.

Выведя Форчи на околоземную орбиту, он переключил двигатель на атомную тягу. Корабль несколько раз тряхнуло. Джонни забеспокоился. Однако же обошлось, вскоре полет выровнялся. «Фортуна́т» быстро удалялся от Земли.

Как только корабль вышел за пределы солнечной системы, Джонни плавно увеличил скорость до субсветовой. Изображения звезд в обзорном экране стали расплываться. Он проверил корабельную автоматику. Пока что все контрольные приборы, двигатель и системы жизнеобеспечения работали безупречно. Джонни, помедлив, набрал на клавиатуре компьютера команду, включавшую механизм икс-перехода.

На панелях замигали разноцветные лампочки, сигнализируя о выполнении программы. Через минуту, как и положено, обзорный экран ярко вспыхнул, и звезды утонули в этой вспышке. Когда они появились опять, они выглядели уже не так.

Теперь они смотрелись не ослепительными точками, а маленькими паучками: от огненных ядер отходили радиально тоненькие ножки.

Джонни кинул взгляд на индикатор скорости. Десять световых. Сейчас кораблем управлял не он, а бортовой компьютер, он только смотрел на мелькающие цифры и прыгающие стрелки. Вскоре индикатор скорости показал цифру 100, затем ее сменила 1000. «Фортуна́т» пересекал космическое

пространство со скоростью, в тысячу раз превышавшей скорость света.

Прошла неделя, и на экране стала выделяться звезда, к которой летел «Фортунат». Один из мириадов «паучков» разросся до большого «паука», а затем стал «медузой». Приближалось время обратного икс-перехода.

Теперь Джонни стало понятно, почему его предшественников на этом маршруте настигали роковые неудачи. Успешный икс-переход был возможен только тогда, когда нажатие кнопки икс-перехода происходило в момент нахождения корабля в зоне «щупальца» звезды, для чего косморазведчики, подлетая к звезде, устанавливали движение корабля прямо по зоне «щупальца». В данном случае это было невозможно: мало того, что щупальца звезды АН-24486 были очень тонки, так еще они и изгибались змееобразно.

Как поступить косморазведчику, оказавшемуся в подобной ситуации? Предлагалось несколько советов. Считать до десяти и на счет «десять» нажать кнопку икс-перехода. Наметить какую-то точку в зоне «щупальца» по направлению движения корабля и нажать на кнопку икс-перехода, когда корабль приблизится к ней. И самый простой совет: представить, что смертоносных зон черного космоса не существует, вокруг только зона «щупальца», и тут же надавить на кнопку.

Все эти способы, как ясно из их изложения, были способами успокоить нервы, способами использовать шанс на удачу. Они не были шуткой, в них вкладывался немалый смысл, ведь стоило

косморазведчику запаниковать, промедлить с нажатием кнопки перехода, и его вместе с кораблем захватило бы огненное чрево звезды.

Джонни в успокоениях не нуждался. Как только корабль вошел в зону, казавшуюся наиболее обильной на плоть «щупалец», он вдавил кнопку икс-перехода.

Экран вспыхнул, как и в прошлый раз, и окружавшие Джонни экраны, кнопки, лампочки исчезли. Исчез и сам экран, исчезло и кресло под Джонни. Вокруг, в туманной пелене, завертелись какие-то блеклые хлопья. Поток подхватил его и потащил за собой.

Ощущение у Джонни появилось такое, словно он попал в водоворот. Только его одежда оставалась сухой. Какое-то время он смутно видел сквозь пелену перегородки корабля, так что можно было опасаться, вдруг невидимая сила разобьет его о них, но нет, его протаскивало сквозь перегородки, будто они лепились из воздуха. А вскоре он перестал вокруг что-либо различать, кроме отдельных грязно-белых хлопьев, похожих на снежные. Только вряд ли они были снежными, холода он не чувствовал.

Постепенно Джонни определил, что поток носит его по кругу, и с немалой скоростью. Мысль, что он умрет, появившаяся у Джонни в первые мгновения перемен, окончательно ушла из его сознания. Он знал, где находится.

После того, как он нажал на кнопку икс-перехода, он не вернулся с кораблем в натуральный космос, но и не погиб. Он попал в так называемое пространство Глота.

За два века межзвездных полетов накопилось около сотни случаев, когда ушедший в подпространство корабль не «выныривал» оттуда и не взрывался (в случае неправильно выбранной точки икс-перехода взрыв корабля, начавшийся в подпространстве, заканчивался в натуральном космосе и хорошо там был виден). Бродить в подпространстве бесконечно долго корабль не мог при всем желании навигатора, как только кончался искродий и искродиевый двигатель переставал работать, корабль «выдавливало» в натуральный космос. Где же находились корабли, не «вынырнувшие» из подпространства, не «выдавленные» подпространством и не взорвавшиеся? Говорили, они находились в пространстве Глота.

Из сотни потонувших в пространстве Глота кораблей восьми удалось вернуться в натуральный космос. Первым из навигаторов-счастливчиков был Арман Глот, по имени которого и называли это темное место.

Теоретически пространство Глота объясняли так. В действительности любая двумерность обязательно имеет и третье измерение, к примеру, двумерен лист бумаги, но любой лист бумаги обязательно имеет какую-то толщину. Прокалывая пространство, корабль оказывается в подпространстве, но между пространством и подпространством существовала некая область, в которой корабль по невыясненным причинам мог остаться. Эту область и называли пространством Глота.

Что же нужно было делать, оказавшись в пространстве Глота?

Один из учителей Джонни, некто Луис Аппер, преподаватель кинетики икс-перехода, в молодости испытал на себе, что такое пространство Гло-та. Аппер на занятии рассказывал об этом так:

— Скверная штука, доложу вам. Сначала меня закрутило, как в водовороте. Через час я подумал, нехорошо носиться по кругу, еще налетишь на что-нибудь твердое. И я погреб в центр. Меня засосало в воронку. Потом что-то такое... Я оказался на Сфагмане. То есть не буквально на Сфагмане, но в джунглях точно таких же, как на Сфагмане. Там есть такие лианы, сок капает с листьев, попадает на кожу — разъест до потрохов. Как раз одна такая лиана оказывается у меня под боком. А там другая тянется! Нож у меня был с собой, ну я и рубанул по стволу одну да другую. Хорошо, с этим справился, а там, слышу, сфагмийские лягушки заквакали. На охоту, значит, вышли. Уж не хотел бы я, чтобы одна такая лягушечка лизнула кого-то из вас! Язычок с зубами, мясо до костей сдирает. Средство против лягушечки одно: этим ядом лианы ей на язык вовремя брызнуть. Перчаток у меня с собой не было, пришлось ухватиться за ствол голый рукой. Ничего, не прожгло. Ствол я подрубил с другого конца для удобства, слишком длинным попробуй помахай, и тут лягушка показалась. Да, было дело... Я рубил, бежал, махал. Потом как-то вдруг джунгли расступились, и я словно в воду бултыхнулся. Даже видел, как круги пошли. Смотрю, за пультом сижу в корабле, на своем месте.

Джонни, вспомнив слова Аппера, изо всех сил замахал руками и ногами. Он пытался пробиться

к центру «водоворота», и это ему удалось. Его засосало, потянуло куда-то вглубь.

Он летел по неширокому колодцу с изгибами, перед глазами у него мелькали серые пятна. На память ему пришло еще кое-что из сказанного Аппером в тот день.

Поделившись собственными ощущениями, Аппер упомянул про то, что другие косморазведчики, побывавшие в пространстве Глота, описывали увиденное иначе. Один попал в ледяную пустыню, другой очутился в водовороте на глубине, третий... Аппер ни про кого не забыл, но сейчас Джонни не смог все вспомнить. Зато он вспомнил вывод Аппера: наверное, пространство Глота было миром, в котором отображались миры натурального космоса. Или же миры натурального космоса являлись отображением миров пространства Глота.

Наконец колодец кончился. Джонни влетел в какой-то лес и не расшибся о стволы только потому, что его скорость в последнюю минуту сама собой резко снизилась.

Сначала ему показалось, что он очнулся в джунглях, схожих с джунглями Сфагмана, то есть в точности там, где довелось побывать Луису Апперу.

Однако нет, этот лес совсем не был похож на сфагманские джунгли. Без фотографий джунглей Сфагмана не обходился ни один учебник космологии, так что Джонни имел представление, что они собой представляли. Джунгли Сфагмана били в глаза ярчайшими и разнообразнейшими красками, сфагмийские растения усваивали энергию солнца не только благодаря зеленому пигменту

хролофиллу, в тканях некоторых из видов содержались голубой, красный, коричневый, ярко желтый пигмент. Ничего похожего вокруг Джонни не было: его окружали унылые сероватые, кое-где зеленоватые, стволы. Деревья слегка покачивались, хотя ветра Джонни не ощущал. Вероятно, эти движения совершались местными деревьями вполне самостоятельно.

Джонни прошел несколько шагов, раздвигая гибкие стволы, и тут один из стволов изогнулся и верхушкой уткнулся ему в грудь.

На самой верхушке было красно-бурое утолщение.

Джонни замер. В его памяти возник образ: красные ягоды слегка колыхаются на серых ножках. Это он видел на теле туземца, за которым они с доктором Крофом ходили в деревню.

Так вот оно что. Не деревья окружали его: вокруг него колыхалась плесень Брилла, разросшаяся до гигантских размеров.

Спороносец, коснувшийся Джонни споровой сумкой, медленно выпрямился. Не успел Джонни перевести дух, как к нему потянулись красными головками сразу два «деревца».

Они тянулись к его лицу. Перед тем как нажать на кнопку икс-перехода, Джонни чинил освещение навигационной рубки и поранился. Сейчас через его лоб проходила царапина с корочками засохшей крови. Спора плесени проросла, только попадая на поврежденную кожу, вспомнилось Джонни.

По оболочке одной из споровых сумок на глазах у Джонни пошли трещины. В споровой сумке

споры плесени находились под давлением, когда оболочка сумки разрывалась, споры разлетались во все стороны.

Джонни быстро ухватился за споровую сумку, сорвал ее с ножки и сунул в рот.

Было доказано, что если слизистая оболочка рта не повреждена, спора, попав в организм человека через рот, не могла прорасти. В кислом содержимом желудка она быстро растворялась.

Как только Джонни, разжевав, проглотил споровую сумку, спороносцы выпрямились.

Он побежал. Он бежал и бежал, но лесу плесени не было видно конца. Наоборот, плесень росла все гуще. У Джонни на боку висел нож, неотъемлемая принадлежность астронавта, вскоре ему пришлось извлечь его из ножен. Местами Джонни приходилось буквально прорубаться сквозь чащобу.

В одном месте он попал ногой в неприметную ямку и упал. Падая, он сделал неловкое движение, острием ножа полоснул себя по руке.

Ранка закровила. Поднимаясь, Джонни услышал негромкий хлопок. Он быстро оглянулся на звук. Оказывается, это лопнула споровая сумка.

У плесени не было органа зрения, тем не менее она каким-то образом наблюдала за своей жертвой. Она выпустила споры в нужный момент и в нужном месте, споровая сумка лопнула как раз у ранки Джонни.

Споры попали в рану человека. Кровью они не вымывались, это Джонни было известно, поэтому он не стал отсасывать кровь. Существовала специальная жидкость для их уничтожения, но где ему взять эту жидкость?..

Через секунду со спорами, попавшими в ранку, начало твориться что-то странное. Они принялись вспыхивать синими огоньками. Несомненно, они гибли в этом синеватом огне.

Что происходило?

Кровь Джонни оказалась губительна для спор плесени? Да с чего бы это?

В голове у Джонни быстро возникла наиболее простая схема. Он съел споровую сумку со спорами, благодаря чему в его организме выработался иммунитет к плесени. Съеденные споры как бы были прививкой: вводится неопасный возбудитель, чтобы затем был не страшен возбудитель смертоносный.

Допустим, произошло именно так, в его крови теперь находились антитела, которые боролись с плесенью. Но если так просто было выработать антитела к плесени, почему же их не выработали до сих пор? Джонни ничего не слышал об иммунном лечении болезни Брилла. И что это за волшебные синеватые огоньки, поблескивающие у него в ране, разве так положено антителам губить чужеродное начало?

Вероятно, в этом странном мире все было не так, как в космосе Земли, сделал вывод Джонни. Вот и плесень здесь вымахала выше человеческого роста, тогда как там, в натуральном космосе, она смотрелась значительно скромнее. Не удивительно, что и способы борьбы с плесенью здесь были иные, чем на Арламе.

Джонни поднялся на ноги. Значит, здешняя плесень ему теперь ничуть не страшна. Прекрасно, следовательно, он наверняка выберется отсюда.

Судя по рассказу Луиса Аппера, выбраться из места, куда пространство Глота тебя забросило, означало выбраться из пространства Глота в натуральный космос. Джонни стал прорубать себе дорогу в направлении, где плесень казалась не столь густой.

Сколько он проработал, час, два? Он настолько устал, что ему самому казалось, будто он махал ножом целую вечность. Между тем его работе не было видно конца.

Джонни все чаще останавливался, чтобы перевести дух. Во время одной из таких остановок он от усталости опустился на колени. А подняться не смог: плесень шатром сомкнулась над ним.

Да что это такое, как это он не может подняться? Джонни с ревом вскочил на ноги. Несколько тонких стволиков плесени тут же потянулись к его рукам и обвили их.

Он замахал руками, едва не выронил нож. И он почувствовал, как плесень цепко схватила его за ноги.

Тяжи плесени потянулись отовсюду.

Уже не надеясь сожрать Джонни изнутри, плесень, похоже, решила его задушить.

Джонни полоснул себя ножом по груди. Показалась кровь. Опуская в рану пальцы, он стал брызгать своей кровью во все стороны.

Он надеялся только на то, что плесень отступит, но произошло другое: капли его крови, соприкасаясь с плесенью, загорались. И плесень прекрасно горела в этом огне.

Вскоре вокруг него встала стена огня. Жара Джонни не чувствовал. Он наносил себе все но-

вые и новые раны, и человеческая кровь брызгла во все стороны, порождая огонь и неся смерть чудовищу, загубившему столько людей. Чудовищу, убившему ту, которой одной принадлежала вся кровь Джонни.

Он пришел в себя в кресле навигатора. Панели управления были перед ним, половину обзорного экрана занимало синеватое с зелеными пятнами солнце. Солнце, не имевшее «щупалец».

Он находился в натуральном космосе, и на его теле не было ни единой царапины.

Возможно, Джонни следовало бы порадоваться, что он сумел выбраться из пространства Гло-та, но времени на радость не было: приборы показывали, что звезда все увереннее влекла его «Фортунат» к себе.

Джонни пришлось израсходовать все запасы химического топлива и большую часть атомного, чтобы выйти на орбиту. Сделав необходимые исследования звезды, он занялся планетами.

АН-24486 имела три планеты. Ни на одной из них не было атмосферы. На первой, ближайшей к звезде, постоянно бушевали огненные вихри, температура на ее поверхности превышала местами тысячу градусов; вторая была унылым миром кратеров и погасших вулканов; на третьей как будто давным-давно существовала жизнь, теперь же она мало чем отличалась от второй.

Покончив с исследованиями, Джонни повернул «Фортунат» домой.

Когда корабль «вынырнул» близ Солнечной системы, и Джонни послал на ближайший патрульный пост опознавательный сигнал, ему не по-

верили. Джонни было приказано оставаться на прежнем месте, ждать патрульного катера.

Полицейский катер состыковался с «Фортуна-том» только через пять часов. Задержку объяснили необходимостью тщательной проверки, точно ли это был «Фортунат», а не какая-то пиратская посуда, чей хозяин пытался усыпить бдительность полиции. За длительное ожидание Джонни был вознагражден преувеличенной любезностью полицейских, им еще не приходилось видеть косморазведчика, сумевшего разработать маршрут такой сложности.

Джонни вместе с «Фортуна-том» оттранспортировали к патрульному посту, который был оборудован на астероиде. Там Голду предоставили роскошные апартаменты. О том, чтобы Джонни отправился к Земле на Форчи, старой развалине, и речи не могло быть. Министерство Освоения послало за ним новенькую яхту.

На красавце яхте Джонни был доставлен на Землю. У трапа его встречали Директор ИСКР и сам Министр Освоения, а также с десяток чинов рангом поменьше. Восьмой маршрут уже собирались закрыть как слишком затратный, и вдруг нашелся человек, сумевший завершить его. Неподалеку за передвижным барьерчиком толпилась пресса.

Министр Освоения, слюнтявый старик, затеял целоваться. Джонни едва вынес стариковскую любезность, воротя на сторону рот. Директор ИСКР удостоил его чести поздороваться с ним за руку, после чего к нему подскочил карлик в официальном костюме:

– Мистер Голд, я – Пит Уиплтон, председатель комиссии Номенклатуры и Именований. По договору с Имперской Службой Космической Разведки вы получили право дать название звезде АН-24486 в случае выполнения вами задания. Вот, пожалуйста. – Карлик развернул перед Джонни папку и пояснил: – Впишите сюда имя, которое вы хотите дать звезде. Возьмите ручку. Не торопитесь. Четыре телевизионных компании заинтересовались вами, мистер Голд. Дайте хорошенько вас заснять. Вписали? Позвольте папочку.

Карлик заглянул в бумагу.

– Лола? Хм, что ж, значит, Лола.

– Что он написал? Что там? Какое имя? – закричали репортеры. Двое полицейских поспешили поддержать барьерчик, который опасно наклонился.

Карлик с достоинством сделал шаг по направлению к бордюрику и важно заявил:

– Господа, акт наименования завершен. Отныне звезда АН-24486 имеет имя «Лола», и под таким именем она будет обозначена на всех звездных картах, в каталогах и идентификаторах.

Утренние газеты пестрели фотографиями: герой-косморазведчик выходит из люка яхты; у трапа героя-косморазведчика встречают директор ИСКР и министр Освоения; карлик с папкой на переднем плане, позади него герой-косморазведчик, подле которого, как ангелы хранители, добродушно улыбаются директор ИСКР и министр Освоения.

На другой день после прибытия на Землю Джонни получил всю причитающуюся ему сумму, миллион семьсот тысяч кредитов чеками по сто ты-

сяч. Он рассчитался с братьями Сиртаками и отослал тридцать тысяч отцу, покрыл еще кое-какие долги, после чего у него осталось более миллиона шестисот тысяч.

В киоске Джонни купил несколько свежих газет. «Лола – новая звезда», «Теперь она называется «Лола», «Радуйтесь, Лолы!» – кричали заголовки статей, и было в этом что-то пошлое. Не этого он ожидал, когда в его душе зародилась идея, чем он может почтить память своей жены. На похоронах не играют бравурную музыку, а тут... Конечно, пройдет день-два, и все позабудут, что какой-то звезде дали имя, а через месяц, услышав имя «Лола», большинство и не вспомнит, в связи с чем оно упоминалось в прессе в прошлом месяце. С год астронавты, ученые и чиновники, имевшие отношение к сектору космоса, в котором располагалась звезда АН-24486, будут привыкать к новому названию, некоторые – как к лишнему затруднению, иные посмеиваясь, а потом и эти позабудут, кто такая была Лола, и со временем из названия звезды улетучится всякий духовный смысл. Возможно, иные будут считать, что планету назвали так в честь какого-то древнего божества.

Он достиг цели, которую поставил перед собой, и вместе с тем он не чувствовал, что достиг ее. Лола сияла на небе, но всей энергии звезды оказалось бы недостаточно, чтобы согреть его душу, тогда как для этого хватало единого касания хрупких пальцев его возлюбленной.

Джонни с бумажником, набитым жирными чеками, побрел по улице, не видя ничего перед собой.

ВЕЛИКИЙ МАГИСТР

Два человека в серых длинных плащах преградили Джонни дорогу. Он заметил это, едва не налетев на них.

Он поднял глаза.

Курчавый мужчина с толстой борцовой шеей проговорил:

— Сэр, вас хочет видеть Чарльз Голд.

— Это ты, Грас? — Джонни узнал одного из телохранителей отца. — Пропусти.

— Прошу простить, сэр, но я вынужден настаивать.

Грас опустил руку в карман пальто, и Джонни увидел, как материя оттопырилась под давлением дула игломета.

Джонни имел представление, насколько точно в Арагонском братстве выполнялись приказы Магистров. Его усыпят и в таком виде доставят к отцу, так что не стоило лезть на рожон.

Гравилет был припаркован рядом с пешеходной дорожкой.

Джонни доставили на виллу Голдов и провели в кабинет хозяина.

Мистер Голд полулежал в глубоком кресле, его ноги прикрывало одеяло. Джонни поразился, как изменился отец с того времени, когда они виделись в последний раз. Кожа Чарльза Голда приобрела нездоровый желтоватый оттенок, извитые

сосуды проступили на скулах, губы были синюшны. Справа от отца Джонни увидел мать. Напряженная, какая-то испуганная, она сидела на краю стула с платком в руке. Увидев сына, Эльза Голд заплакала и поспешила к нему.

Они обнялись.

Властности в мистере Голде, однако же, не побавилось. Отпустив телохранителей мановением руки, он сказал не терпящим возражения тоном:

— Эльза, оставь нас.

Джонни почувствовал, как плечи матери вздрогнули. Она как бы через силу отстранилась от него, странно взглянула на мужа и поспешно вышла.

— Садись, сынок, — мистер Голд показал на кресло. — Что, не похож я на жениха перед свадьбой, а? Я умираю, Джонни. Но потревожил я тебя не из-за этого пустяка. — Мистер Голд натянул на колени одеяло, начавшее сползать. Его руки были руками дряхлого старика: в синюшных пятнах, морщинистые, высохшие. — Тебе известно, отчего умерла твоя жена?

Джонни насупился.

— Ее убила Арламская плесень, — проговорил он нехотя. — Плесени помог один сумасшедший доктор на Арламе.

— Это итог, а каково было начало, тебе ведомо?

— О чем ты, отец?

— Ты знаешь, как заразилась твоя жена?

У Джонни потемнело лицо от ужасного предположения.

— Вижу, ты понял меня с полуслова, сынок. — Мистер Голд сделал паузу. — Это я заразил твою

жену, Джонни. Плесенью Брилла, как теперь тебе, должно быть, известно, можно заразиться только через поврежденную кожу. По моему приказу твоей девушке, когда она находилась здесь, дали тапочки с торчавшим наружу гвоздиком. Острые было намазано кое-чем... Она уколола пятку.

Мистер Голд замолчал, с интересом наблюдая за сыном из-под полуприкрытых век.

Джонни задрожал, плечи его опустились, лицо осунулось, кулаки непроизвольно сжались. Хриплый стон сорвался с его губ, это выплеснулась злоба, клокотавшая в его душе. Ненависть к собственному отцу. Так значит, те сто тысяч, которые дал ему отец на лечение Лолы, были обманом, средством заморочить ему голову? Нет, иначе. Эти деньги были насмешкой над ним, отцу захотелось посмеяться над его надеждами, захотелось подольше продлить его мучения!..

— Ого, да ты не на шутку разволновался, — прокомментировал Чарльз Голд. — Наконец в тебе заговорила порода Голдов, до этого ты казался мне каким-то нерешительным, Джон, прямо-таки не моим сыном. Да, я погубил твою жену. Но ты не должен винить меня в этом, я виноват в смерти той девчонки настолько, насколько повар виноват в смерти курицы, когда хозяин заказал куриный суп. Совет Магистров повелел убить Лолу Харт. Я обманул тебя, когда сказал, что решение было иным. Мне пришлось исполнить приказ Совета.

Мистер Голд закашлялся, достал из кармана халата пузырек с таблетками, сунул одну в рот. Посидев немного с закрытыми глазами, он продолжил:

— Ты хочешь знать, зачем я выбрал такой тяжелой способ убийства, хотя я мог бы попросту приказать застрелить твою жену? Твой рассудок, мой мальчик, в то время внушал мне некоторые опасения. Я подумал, что длительная болезнь девочки приучит тебя к мысли о неизбежности ее смерти, и ты не сделаешь над собой никакой глупости. Так оно и вышло. Тут наметанным глазом мистер Голд увидел что-то такое, что заставило его быстро сказать:

— Подожди, Джонни, не дури. Я призвал тебя не затем, чтобы ты распорол себе живот и задушил меня кишкой. Я призвал тебя, чтобы помочь тебе.

— Ты? Помочь мне? — Джонни страшно захотал.

— Да, сынок, я собираюсь помочь тебе, — произнес мистер Голд спокойно. — Мне кое-что известно о тебе, или, скажем честно, мне известно о тебе все, бравый косморазведчик. Ты здорово огорчен смертью супруги, не так ли? Я помогу тебе справиться с твоей болью. Убей того, кто убил ее, и тебе станет легче.

— Убить тебя?

— Нет, не меня, дурачок, я уже почти труп. Убей того, кто на самом деле убил Лолу Голд. Уничтожь Арагонское братство, сынок. Ты был бы не прочь сделать это, а?

— Хитришь, отец. Магистр братства предлагает уничтожить братство?

— Именно так. Я не хитрю: перед смертью все кажется иным, чем казалось когда-то, в свое вре-

мя ты это поймешь. Ты должен уничтожить Арагонское братство, Джон, этим ты отомстишь и за свою жену, и за меня.

— Ты хочешь сказать...

— Да, меня убило братство. Вернее, не братство, а тот кулак, на котором оно стоит. Ты слышал что-нибудь о Великом Магистре?

— Нет.

— Конечно, так и должно было быть. Открою тайну, Джон: не благодаря мудрости Совета Магистров существует братство, как тебе внушалось с детства, а только благодаря Великому Магистру. Убей Великого Магистра, и рухнет братство. Кстати, это он утвердил приговор, который Совет Магистров вынес твоей жене.

— А ты-то чем ему не угодил? — хмуро спросил Джонни.

— Забываешь про себя, сынок. Тебе известно, как в братстве милуют отступников? Ты должен был умереть вместе с ней. Знай, чтобы спасти тебя, я попросил Совет отправить приговор Великому Магистру, так сказать, в апелляционную инстанцию. Великий Магистр сохранил тебе жизнь — и приметил меня и тебя. Он большой оригинал, Великий Магистр, время от времени по его требованию мы доставляем к нему с Земли то одного человека, то другого. Недавно Великий Магистр приказал доставить к себе меня.

В глазах Джонни мелькнула жалость.

— Что он сделал с тобой, отец?

— Всего-то он взял меня за руки. И мир исчез. Это был сон и не сон: я увидел другой мир,

мир, в котором мне пришлось сражаться... Сражаться против демона, но и я был демоном. Ты видишь, кто победил.

Чарльз Голд опять зашелся в кашле. Быстро проглотив таблетку, он сказал:

— У меня осталось немного времени, сынок. Слушай внимательно. Сила братства в Великом Магистре, я уже сказал. Великий Магистр умеет по фотографии читать мысли разумных существ, как бы далеко от него они не находились. Благодаря этому Совет Магистров знает о каждом шаге ищеек из СИБ. Еще Великий Магистр умеет управлять поведением людей, но, кажется, эта его способность ограничена расстоянием. Так что он в состоянии не допустить к себе непрошенных гостей. Возможно, он еще умеет что-то, чего я не знаю. Время от времени он развлекается, в потустороннем мире сражается с теми, кто показался ему достойным сойтись с ним в стычке.

— Как же я смогу приблизиться к нему, чтобы его убить?

— Он хочет сразиться с тобой, он сам сказал мне это. Кажется, он и отпустил меня только затем, чтобы я тебе это передал. Или затем, чтобы тебя как следует раздражить... Одним словом, он допустит тебя к себе. Но сражаться придется необычным оружием. Лучемер с собой не бери, не пригодится.

Мистер Голд бессильно уронил голову на грудь.

Джонни кинулся к столу. На столе, он заметил, лежал иньектор, рядом валялись ампулы и пустая упаковка. Одна из ампул была расколота,

инъектор наполовину заполняла желтоватая жидкость. Джонни прочитал напечатанный на упаковке текст. В ампулах находилось тонизирующее вещество.

Он схватил инъектор.

Почти что сразу после инъекции мистер Голд раскрыл глаза.

– Великий Магистр живет на астероиде семнадцатого астероидного пояса, там у него дворец... – прохрипел мистер Голд. – Полетишь с автопилотом, дискета для бортового компьютера вон в том ящике... Еще что... У меня есть пятнадцать миллионов кредитов, на счете твоей матери, она знает... Теперь... позови ребят... нажми... – Мистер Голд показал глазами на кнопку звонка.

Как только Джонни нажал на кнопку, в кабинет вбежали телохранители Магистра, все семеро. Наверное, накануне хозяин объяснил им, что делать, когда они услышат звонок.

Магистр Арагонского братства прошелестел черными губами:

– Ронни, Мартин, Джо, Роджер, Лоренцо, Люк, Грас... Я умираю. Джонни, мой сын... служите ему, как служили мне. Что?

– Да, господин, – сказали в один голос телохранители.

Джонни с удивлением увидел, как глаза некоторых из них подозрительно заблестели. А ведь все они были люди проверенные, умевшие без дрожи в нужную минуту спустить курок.

– Клянитесь, – нетерпеливо потребовал Чарльз Голд. Магистр дышал как загнанная лошадь. – Быстрее, я хочу увидеть это... Ну же!

Лоренцо, считавшийся среди телохранителей мистера Голда старшим, первым подошел к Джонни и опустился перед ним на колени.

– Протяни руку, сынок, – приказал мистер Голд.

Один за другим к Джонни подходили телохранители отца и, стоя на коленях, целовали ему руку. Каждый произносил: «Обещаю повиноваться тебе одному, господин моей жизни и смерти». Джонни, с трудом вспомнив слова, которым его когда-то в детстве как бы в шутку обучили, отвечал: «Беру тебя в свое сердце». Затем Джонни обнимал за плечи и целовал в губы присягнувшего ему.

Как только последний, привратник Ронни, отошел, Джонни повернулся к мистеру Голду:

– Отец, обещаю беречь твоих людей.

Но Чарльз Голд уже не мог услышать своего сына.

Джонни отер пот со лба.

– Что прикажешь, господин? – пробасил угрюмый Лоренцо.

– Мой отец отдал какие-то распоряжения на этот случай?

– Господин велел погрузить свое тело в яхту и отправить к Солнцу.

– Отец имел в виду собственную яхту?

– Да.

– Где она сейчас находится?

– На космодроме «Очи Земли».

Джонни распорядился: пусть будет исполнена воля отца.

Недвижимый смотрел он, как плакала мать, как покойника одевали в шелковый саван, как

священник гнусавил из Будущего Завета: «Сын Земли, к Земле одной возвратился, Земле одной принадлежишь. Полет закончен, брненное тело рассыпалось, и Земля даст тебе негу и покой».

Джонни не стал заострять внимание на том, что полет его отца как раз только должен был состояться.

На воздушном катафалке тело Чарльза Голда доставили на космодром «Очи Земли». Магистра Арагонского братства провожали жена с сыном и семь телохранителей. Должно быть, отец напоследок крепко разругался с братьями-арагонцами, подумал Джонни, раз ни один из них не явился на церемонию.

Тело Чарльза Голда торжественно внесли в «Небесную Красавицу», его личную яхту. По радио бортовому компьютеру был дан сигнал, и корабль плавно поднялся в воздух.

Вскоре крупинка изящной космической яхты растворилась в небесной сини. Автопилот должен был вести корабль прямо к Солнцу и утопить в Солнце. Почему отец избрал такое странное погребение? Может, он считал Землю слишком погрязшей в пороке, недостойной принять его тело? Или в этом последнем полете он видел осуществление своей давней мечты, найти покой где-то за пределами Земли? Или в посмертном слиянии с Солнцем ему грезились очищение его собственной души?..

Через четыре дня после смерти отца Джонни отправил мать и всех отцовских телохранителей на Сайган, единственную планету далекой звезды МК-34857. Вместе с Эльзой Голд на Сайган полетели также и все деньги Голда-старшего.

Джонни рассудил, что на Земле его матери оставаться небезопасно. Теперь, после смерти Чарльза Голда, полиция могла бы выместить на ней ненависть, которую питала к ее могущественному мужу. К тому же неясно было, какую бы позицию заняло Арагонское братство по отношению к вдове своего вздорного Магистра. Кроме того, и с той, и с другой стороны, уж конечно, нашлись бы желающие попытаться прикарманить оставленное Чарльзом Голдом состояние.

Сайган был самым заманчивым местом для беглецов из всех концов Вселенной. Этой планетой владела гуманоидная раса, предоставлявшая убежище всем желающим, только денежки плати, по сто тысяч кредитов с человека. У Эльзы Голд были деньги, чтобы заплатить за себя и своих людей, поэтому Джонни не сомневался, что на Сайгане его мать будет в безопасности.

Проводив мать, Джонни купил за полтора миллиона космическую яхту типа «Комета-люкс», последнего поколения. Почему-то на заводе ее нарекли «Рысь», Джонни велел закрасить это название и написать другое — «Чайка».

На легкокрылой «Чайке» Джонни отправился к астероиду Великого Магистра.

Рич Карлен, лысый круглолицый коротышка, Великий Магистр всемогущего Арагонского братства, проснулся в восемь пятнадцать по галактическому времени. Проснулся и передернулся от

страха. Как обычно, страх был его первым ощущением, страх появлялся прежде, чем в голове Карлена начинала шевелиться мысль.

Карлен поднялся, облачился в халат.

И мысли нахлынули, толпясь и топча упавших. Карлену виделся прекрасный дворец, его дворец, толпы слуг, драгоценности, оружие... он отдавал приказы, их выполняли беспрекословно. Иногда, конечно, объявлялись смутьяны, он создавал их образы только для того, чтобы потом с удовольствием расправиться с ними. А там несли носилки с его королевой... Карлен усилием воли разогнал праздные мысли. Пока что ему удавалось возвращаться из мира грез в реальный мир, но с каждым днем делать это становилось для него все труднее. Что же будет, если Избавитель не явится?..

Карлен знал, что случится. Он как сомнамбула выйдет из дворца прямоком в безвоздушное пространство, или сунет палец в ячейку энергетического устройства, или... То есть он умрет.

Вот отсюда-то и шел страх Карлена: он боялся, что однажды не сумеет справиться со своими мыслями, его сознание останется в призрачном мире иллюзий и он, одурманенный, сделает какое-то смертоносное движение.

Так когда же наконец явился Избавитель?..

Карлен достал с полки фотографию молодого человека. На обороте было написано: Джон Голд, землянин. Великому Магистру стоило только взглянуть на фотографию, чтобы проникнуть в мысли Джонни.

Карлен улыбнулся. Избавитель, парень что надо, прибудет менее чем через час. А пока можно принять душ.

Это случилось сто восемьдесят лет назад.

Рич Карлен, мелкий контрабандист, убегал от патруля с партией контрабандного оружия на космоялике «Серебристый». В семнадцатом поясе астероидов ему удалось оторваться от погони, и тут начались неполадки в двигателе. Пришлось Карлену посадить ялик на один из астероидов.

Оказалось, метеорит пробил обшивку ялика в двигательном отсеке. Делать нечего, Карлен надел скафандр средней защиты и с инструментом вылез латать пробойну.

На исходе первого часа работы Рич Карлен почувствовал, что-то происходило с его головой.

Еще через час он отложил сварочный аппарат.

В голове Карлена мелькали образы, имевшие удивительную яркость. Живую яркость. Стоило ему подумать, как было бы хорошо, если бы у него на корабле была пушка класса «Педант», и сразу же он увидел себя в навигационной рубке «Серебристого», причем пульт управления «Педантом» находился перед ним. Выстрел-снаряд понесся к цели. Точное попадание. Преследователь, патрульный катер, разнесен вдребезги. Так же было и с прочими фантазиями Карлена: начини он воображать что-то, и все это вдруг представлялось ему так ярко, как никогда не бывает ярок сон.

Только ощущение голода заставило оцепеневшего Карлена встряхнуться и убраться в корабль.

Свое состояние Карлен объяснил утомляемостью. Хорошенько выспавшись, он опять забрался в скафандр и отправился за борт, починить корпус нужно было. Видения не заставили себя ждать.

Вот разлетаются обломки полицейского катера, уничтоженного Карленом. Заплатанный ялик «Серебристый» куда-то делся, теперь под началом Карлена крейсер «Разящий» с экипажем в тысячу человек. Карлен на оцетинившемся дулами пушек «Разящем» несется к известному всем людям его профессии астероиду, где собирались подпольные торговцы оружием. Трюмы «Разящего» забиты оружием, и все оно расходуется в мгновение ока по самой высокой цене. Карлен становится знаменитостью. Постепенно он прибирает к рукам всю теневую торговлю оружием в этом секторе космоса.

Карлен отчетливо видел лица покупателей, будто они стояли перед ним, слышал их голоса, как они приценивались, видел отслюнявливание банкнот. Блаженно улыбаясь и разговаривая сам с собой, Карлен простоял с включенным сварочным аппаратом в руках более получаса.

Когда же его руки стали уставать, он опомнился. Да что же такое происходило с ним? Он никогда не был пустым мечтателем. Или он сходит с ума?

Карлен вернулся в корабль. Наглотавшись лекарств, разрекламированных как панацея от всех

видов космического помешательства, он улегся в кровать.

Неделю контрабандист пичкал себя лекарствами. Лечение не помогло. Ему уже не нужно было выходить из корабля, чтобы оказаться в иллюзорном мире.

Миновала вторая неделя, как Карлен посадил «Серебристый» на астероид. Если происшедшее с ним не болезнь, то что же это могло быть такое? К этому времени он перестал бояться своих видений и даже научился ценить способность своего мозга производить их. Видения доставляли ему удовольствие, что ни говори. Ну разве не удовольствие ощутить себя обладателем сказочного состояния, победоносным адмиралом, неуловимым пиратом, могучим звездным владыкой?.. Плохо только, что из мира иллюзий ему приходилось возвращаться в реальный мир, ведь тело его, существовавшее в реальном мире, требовало ухода: еды, тепла, гигиенических процедур.

Оставаться на астероиде сколько угодно долго Карлен не мог, у него с собой были весьма незначительные запасы питания. Починив корпус «Серебристого», он стал готовиться к старту.

Как-то случайно Карлену, уже собиравшемуся стартовать, попался на глаза фотопортрет царствующего императора. Изображение лица Франциска Четвертого, помещенное в ажурную рамку, висело у Карлена в навигационной рубке как свидетельство его законопослушания. И вот, взглянув на белый лобик и восковые щеки государя,

Карлен вдруг мысленно увидел его, Франциска Четвертого, увидел и проник в его мысли.

Государь подписывал Указ. Строительная компания «Луна-сервис» провинилась, на возведенном ей космодроме случилась неприятность. При приземлении звездолета-тяжеловоза разрушилась взлетно-посадочная площадка. Если бы работы велись правильно, такое ни за что не произошло бы.

«Галлюцинации начинаются», — испугался Карлен.

Он снова принялся за таблетки от космического помешательства.

В восемнадцать часов Карлен включил галовизор. Он никогда не пропускал программу новостей, если, конечно, находился в том месте космоса, где ее можно было поймать. В начале программы миловидная девушка зачитала выдержки из нового императорского Указа: «А по сему я, Франциск Четвертый, повелеваю: пусть мое правительство создаст комиссию по проверке компании «Луна-сервис», ее соответствию... » Карлен дослушал программу новостей с разинутым ртом. Получается, он узнал об императорском Указе прежде чем услышал о нем?..

Кажется, здесь, на корабле, у него должны были быть еще фотографии, кроме императорской. Он кинулся шарить по ящикам.

Ему удалось найти две фотографии, на одной он целовался с раскрашенной полуобнаженной блондинкой, другая, он и брюнетка, была еще неприличнее.

Едва Карлен взглянул на лица девушек, ему открылось, что они в это время делали и о чем думали.

Отодвинув фотографии, Карлен уперся взглядом в стол. Что происходило с ним? Откуда эти видения, откуда этот дар читать мысли на расстоянии? Просто пришел час, и у него открылись потаенные способности? Или у него в голове развивается опухоль?

Вскоре мысли Карлена потекли в практической плоскости. В конце концов, не так уж важно, откуда к нему пришли эти способности, главное, что они *были* у него. И он должен извлечь из них максимальную выгоду для себя.

Из видений, допустим, кроме собственного удовольствия выгоды не извлечешь. Иное дело, читать мысли по фотографии. Он мог бы подсказывать биржевым воротилам ходы их конкурентов. Он мог бы работать в разведке. Он мог бы стать первым осведомителем у самого императора.

На радостях Карлен выкинул из корабля весь свой опасный груз. Ни к чему ему ремесло контрабандиста, он будет зарабатывать деньги честно.

Побыстрее бы закончить приготовление к старту.

Карлен отправился на Землю честным налогоплательщиком в душе.

Подлетая к Земле, он захотел, ради любопытства, посмотреть, а что теперь делали те проститутки со старых фотографий. В прошлый раз одна шныряла по магазину, другая потягивалась в постели с мечтой об выпивке. Возможно, он увидит

их исполняющими профессиональные обязанности. Интересно, что они в такие минуты думают?

Карлен положил перед глазами обе фотографии и взглянул на девиц поочередно.

Он ничего не почувствовал, ровным счетом ничего.

Карлен быстро вообразил, будто он, развалившись в кресле, выслушивает рапорт стоявшего по стойке «смирно» генерала. В его голове возникли обычные образы, без той яркости, которая была, когда он торчал на астероиде.

Его уникальные способности исчезли.

Но ведь он обладал ими только что, там, на астероиде!

Вот именно, что на астероиде.

Уж не астероид ли настраивал его мозг таким образом, что он мог переноситься в мир иллюзии и читать мысли на расстоянии?

Карлен развернул корабль и полетел назад.

Он потратил целые сутки, чтобы найти тот астероид. Когда он посадил «Серебристый» на его неровную поверхность, утраченные способности вернулись к нему.

Значит, это астероид делал его мозг сверхмозгом, уверился Карлен.

Вероятно, у каждого открылись бы подобные способности, окажись только он на этом астероиде.

Решение пришло немедленно: он останется здесь навсегда. Зачем ему гоняться за несколькими тысячами кредитов, если здесь он может создать мир, в котором будет бесконечно богатым? Правда, это будет воображаемый мир, но ведь удоволь-

ствие он получит не меньшее, как если бы он сделался богачом в реальном мире.

Иногда, впрочем, ему придется отлучаться, чтобы пополнить запасы пищи и энергии. О черт, да ему же еще придется отлучаться, чтобы зарабатывать на пищу и энергию!

Карлен со злостью взглянул на обзорный экран. Проклятый мир, в нем честному человеку ни крошки без кровавого пота не заработать!

Внезапно Карлен уловил что-то, какую-то мысль, показавшуюся ему посторонней. Ощущение было такое, словно у него в голове кто-то произнес несколько слов.

Какая-то новая способность прорезывается?

Карлен закрыл глаза и наморщил лоб, сляясь услышать того, кто находился внутри его сознания. Когда у него на лбу выступили бисеринки пота, а на висках вздулись вены, он мысленно увидел космический корабль.

Маленький кораблик несся через пояс астероидов, искусно маневрируя. О, да это «Иммануил», принадлежавший Грегору Шарму, приятелю Карлена. Шарм тоже промышлял контрабандой.

Ситуация была аналогичная той, которая привела Карлена на астероид: за Шармом гнался патрульный катер.

Гонка происходила неподалеку от места, где находился Карлен, поэтому Карлену не понадобилась фотография, чтобы проникнуть в мысли Шарма. Кроме того, из-за близости расстояния Карлен не только сумел проникнуть в сознание Шарма и мысленно увидеть его, Карлен сумел войти

в мир его ощущений. Карлен видел глазами Шарма, слышал его ушами, чувствовал его ладонью шероховатость ручки регулятора скорости.

И в какой-то момент Карлену показалось, что он сможет и телом Шарма управлять.

Что, если толкнуть ручку регулятора скорости?

Рука Шарма двинулась сама по себе. Шарм запаниковал, и Карлен почувствовал это. «Иммануил» избежал столкновения с астероидом каким-то чудом.

Карлен прекратил влиять на чужие нервные центры. «Судорога. Надо меньше пить тонизирующее», — пронеслась у него в голове мысль Шарма, начавшего успокаиваться. «А вот я сейчас покажу тебе судорогу», — злорадно подумал Карлен.

Против воли Шарма его собственная рука опять двинула ручку регулятора скорости. На этот раз рука отказывалась ему повиноваться вплоть до момента, когда космический корабль Шарма врезался в астероид.

Забавляясь с Шармом, Карлен ощущал и мысли других людей, преследователей Шарма. Как только Шарм погиб, Карлен сосредоточился на мыслях и чувствах полицейских.

Вскоре патрульный катер, подхваченный злой волей Карлена, понесся к тому самому астероиду, при столкновении с которым разбился корабль Шарма.

Катастрофа, казалось, была неизбежна. И тут Карлену пришло в голову, что с его стороны, пожалуй, было бы неосмотрительно губить полицей-

ский катер вместе с экипажем. Смерть полицейских повлекла бы за собой расследование, а вздумай он помешать ищейкам, сюда прислали бы целую эскадру. Короче говоря, его рано или поздно обнаружили бы и наказали, ведь управлять телами множества людей одновременно он не смог бы, не говоря уж о том, что против него могли и роботов послать, на которых он вообще не смог бы воздействовать.

Штурман катера, вдруг обнаруживший, что его тело опять повинуется ему, сумел избежать столкновения с астероидом.

Несколько дней Карлен выжидал, не явятся ли полицейские на место крушения корабля Шарма. Полицейские не появились, возможно, они позабыли отметить на карте астероид и потом его не нашли. Так и не дождавшись полицейских, Карлен решил сам навестись туда.

Его ждало разочарование. Совершенно нечем было поживиться. При столкновении с астероидом корабль Шарма взорвался. И Шарм, и его корабль, и содержимое трюма разметало на мелкие частицы.

В другой раз, когда Карлен учуял, что неподалеку пролетал одинокий корабль с единственным членом экипажа, мелким торговцем, он повел себя куда более расчетливей. Завладев нервными центрами торговца, он посадил его корабль на астероид и задушил торговца его же собственными руками. Таким образом, деньги торговца и запас провианта стали добычей Карлена.

Еще некоторое время Карлен занимался промыслом. Потом, когда трюм «Серебристого» наполнился доверху, это для него потеряло смысл. Теперь он мог хоть десять лет торчать на астероиде, запасов хватило бы. Ему не хватало другого: он ютился в двух крошечных каютах маленького кораблика, тогда как в мыслях он владел дворцами, да и почувствовать, что такое настоящая власть, ему тоже хотелось.

Пояс астероидов был опасным местом для космических полетов, зато там легко можно было скрыться от полиции. В поле мысленного зрения Карлена попадали многие лица, находившиеся не в ладах с законом, так что человеческого материала для осуществления его замысла вокруг него было предостаточно.

А замыслил Карлен воплотить в реальность свою старинную мечту: создать мощную теневую организацию торговцев оружием. Только имея реальную силу и реальные деньги он смог бы наладить свой быт и ощутить всю прелесть власти.

Пять лет ушло у Карлена, чтобы из торговцев, контрабандистов, космических пиратов, бежавших от наказания преступников сколотить крупную банду, промышлявшую торговлей оружием. Арагонское братство выросло из обычной преступной организации далеко не сразу. Саму идею Арагонского братства Карлен почерпнул из своих иллюзорных мечтаний. Вначале он называл подчиненных по банде «братьями» в шутку, затем он стал называть их в шутку «арагонскими

братьями», взяв название «Арагон» из какой-то красивой средневековой баллады. Он и сам не ожидал, что идея существования идеального мира Арагона — мира товарищества и справедливости, окажется настолько гипнотической, что подчинит себе преступные умы.

К тому времени, как Карлен стал Великим Магистром, на астероиде было закончено строительство его дворца. Теперь он не сетовал на убогость окружавшей обстановки, возвращаясь из мира иллюзии в реальный мир. Само строительство для обеспечения секретности велось роботами, пятерых инженеров по окончании работ Карлен распорядился умертвить.

Таким образом, мало-помалу Карлен как будто наладил себе райскую жизнь. Его окружала роскошь, у него была власть над многими людьми, которую он поддерживал благодаря своим сверхъестественным способностям. Одно было плохо: тот иллюзорный мир мечты, в который он уходил, со временем все крепче удерживал его в себе. Все больше усилий требовалось Карлену, чтобы из мира иллюзий вернуться в реальный мир. Он бы рад и не возвращаться из мира иллюзий, если бы он мог в нем жить. К сожалению, его тело, принадлежавшее реальному миру, нуждалось по меньшей мере в еде и питье.

Постепенно Карлена начал охватывать страх. Через несколько лет, если не через несколько месяцев, наступит день, когда он не сумеет сосредоточиться на реальности. И тогда он погибнет, или выйдет без скафандра в открытый космос, или умрет с голоду.

Мысль о смерти не давала Карлену покоя. Вертикальным умом дельца он непрестанно искал лазейку, как бы избежать такой своеобразной смерти, смерти от своих сверхспособностей. Однажды Карлен подумал, а почему бы ему не поискать на астероиде противоядие от мира иллюзий. Яд и противоядие нередко находятся рядом.

Облачившись в скафандр, Карлен принялся прочесывать астероид. Он отводил этому занятию по несколько часов в сутки. Еще во время строительства дворца было обнаружено, что астероид являлся осколком планеты, на которой когда-то существовала развитая цивилизация. Среди каменных глыб нередко попадались куски пластика и оплавленные детали непонятных приборов, так что Карлен не скучал, производя свои поиски.

В конце второго месяца поиска Карлен нашел среди камней пластинку-спираль. Едва он взял ее в руки, его словно молнией ударило, и в следующее мгновение мир завертелся перед его глазами. И из этой вертящейся карусели к нему в глаза, в мозг хлынул поток образов. Он должен был поднести пластину к виску, чтобы упорядочить информацию, сказал ему внутренний голос. Или это сказала ему спиралевидная пластина?

Как только Карлен поднес пластину к виску, образы стали четче и полились упорядоченно. Одновременно пластина заговорила. Невидимый рассказчик повествовал о столь далеких временах, что его рассказ, иллюстрируемый видимыми Карленом образами, вполне можно было бы назвать легендой.

ЛЕГЕНДА О ТАРТЕ И ТАРТЕЙЦАХ

Уже двенадцать тысячелетий на Тарте, планете двойной звезды, существовала цивилизация гуманоидных существ. Тартейцы достигли величайшего могущества. Их корабли пересекли границы Галактики, они умели возводить громадные города в считанные дни, останавливать кометы и сводить с орбит планеты, гасить и зажигать солнца. Только в жизни и смерти они не были вольны. О, их медицина достигла высочайших вершин, однако, как известно, даже самый опытный альпинист не заберется на небо.

Тем не менее тартейцы считали, что им, покорителям космических просторов, небо их родины должно стать доступным.

Когда ученые Тарта убедились, что в окружающем их мире ключ к бессмертию не найти, они стали исследовать темные глубины подпространства.

Наибольших успехов в изучении подпространства достиг некто Оо Юх. Он даже определил день, когда, как он говорил, подпространство должно было выдать ему ключ к миру тартейцев. Торжество ученого, однако же, не состоялось. Накануне намеченного дня в лаборатории Оо Юха произошел взрыв. Оо Юх погиб.

Он погиб, но все же кое-что оставил после себя. В момент взрыва темный мир на мгновение коснулся Тарта, и в субстанции планеты произошли невиданные изменения. Можно сказать, Тарт стал иным. Он приобрел удивительное свойство: мысли, родившиеся на его поверхности, оживали. Стоило что-то

вообразить, и уже невозможно было понять, где мир фантазии, а где реальный мир.

После взрыва в лаборатории Оо Юха каждый тартецу получил возможность осуществить свою заветную мечту немедленно. К примеру, стоило только представить себя владыкой, и, пожалуйста, рядом появлялись армия и челядь. Правда, все это была иллюзия, но для фантазера не отличимая от реальности.

Обнаружились у тартейцев и другие способности: умение читать мысли и внедряться в сознание друг друга.

Через некоторое время выяснилось, что взрыв в лаборатории Оо Юха преподнес еще один дар населению Тарта: процессы старения теперь протекали в организмах тартейцев значительно медленнее, чем раньше. Можно было подумать, что время, проводимое в иллюзорном мире, не засчитывалось им в мире реальности.

Большинство тартейцев с радостью восприняло происшедшие на их планете изменения. Унылые рассуждения пессимистов о том, что жить в мире иллюзий — значит, предавать реальный мир, а это, дескать, плохо обернется, не находили понимания. Мир иллюзий предоставлял каждому то, что реальный мир давал единицам, так разве не было случившееся с тартейцами величайшим благом?..

Иногда тартейцы в состоянии погружения в иллюзорный мир падали с балконов, попадали под движущиеся части механизмов, вместо пищи принимали какой-то яд. Это расценивалось как нелепое несчастье, однако с каждым годом таких несчастий становилось все больше. Произвели исследования, и

выяснилось, что тартейцам со временем становилось все труднее вернуться из мира иллюзии в реальный мир. Правительство забило тревогу.

После множества попыток изобрести лекарство, способное укрепить умение возвращаться в реальный мир, последовали попытки в нужном направлении изменить планету. Ни те, ни другие усилия не принесли результата.

И все же способ сохранить независимость от иллюзорного мира был найден.

Вначале этот способ посчитали неприемлемым по нравственным соображениям, он даже был запрещен. Однако, когда над цивилизацией тартейцев нависла угроза вымирания, правительству стало не до высоконравственных рассуждений.

Сам способ был несложен.

Два тартейца брались за руки и проникали в сознание друг друга. При этом их иллюзорные миры объединялись, возникал единый мир, мир для двоих. В этом мире они вступали в борьбу. Борьба велась всевозможными способами, которые только могли возникнуть в их воображении. Результатом ее была парализация жизненно важных нервных центров одного из бойцов, и, как следствие, смерть проигравшего. В момент смерти противника победитель получал столь основательную встряску, что его способность создавать «воздушные замки» сильно истощалась, следовательно, укреплялась его независимость от иллюзорного мира.

Тартейцы получили шанс на долгую жизнь. Оставалось сокрушаться, что использование этого шанса одним тартейцем означало смерть другого. Прави-

тельство полагало, что увеличение числа инкубаторов позволит восполнить убыль населения, убыль ради выживания народа.

С решением правительства угроза вымирания тартейцев, казалась, исчезла. Однако, выживая как биологический вид, тартейцы как цивилизация оказались еще в более худшем положении, чем были. Выяснилось, что в «сражении умов» тот одерживает победу, кто тверже сердцем. Стало быть, необходимо изучить своего противника, хорошо знать все его слабости. По планете расплзлась сеть разведывательных агентств. Помимо исполнения заказов, любое такое агентство могло за деньги предоставить каталог имен лиц слабохарактерных или подкошенных несчастьем, то есть тех, с кем в «сражении умов» просто было сладить. Что же делали не имевшие денег на алчные агентства? Гонимые страхом уйти в мир иллюзии и не возвратиться, бедняки сами искали слабейших. Друг проникал в сознание друга, если только был уверен, что его старинный приятель менее крепок духом, чем он.

Конечно, законом допускалось «сражение умов» только по взаимному согласию сторон, но закон не действовал. Чтобы как-то приостановить падение нравов, в оборот ввели слово «Избавитель». «Избавителем» назывался проигравший в «сражении умов», своей смертью он как бы избавлял от смерти своего противника. Вместо того, чтобы проникнуться чувством признательности к отдавшему жизнь, многие увидели в новом словечке что-то игровое.

Так жили тартейцы — то в иллюзорном мире, то в реальном, то наслаждаясь жизнью, то сража-

ясь за жизнь, — а после их планеты не стало. Ядро планеты взорвалось, и в следующий миг Тарт разлетелся на мелкие куски.

Ни один из жителей планеты не уцелел.

Повествование закончилось. И Карлен увидел в клубах дыма лицо пожилого мужчины, почти человеческое лицо, разве только разрез глаз был иным. Оно носило выражение суровой сосредоточенности. Ниже пояса мужчины дым был особенно густ. Карлену показалось, что там находился какой-то механизм.

Отчего-то к бывшему контрабандисту пришла уверенность: не без участия этого мужчины-тартейца, только что рассказавшего историю гибели своего народа, взорвался Тарт.

Некоторое время Карлену было не по себе. А на другой день он приказал доставить на астероид одного провинившегося брата-арагонца. Карлен долго не решался взять его руки в свои, объединить его мысленный мир со своим, и все же пошел на это.

В «сражении умов» Карлен победил.

Он держал руки брата-арагонца в своих руках, пока тот не перестал дергаться в судорогах.

Рич Карлен не сомневался в своей победе. Сидя перед фотографией Джонни (он взял ее для более полного проникновения в его внутренний мир) он следил, как тот приближался к астерои-

ду на новенькой яхте, как искал место для посадки. На территории дворца Великого Магистра была оборудована специальная взлетно-посадочная шахта; когда корабль Джонни заканчивал второй оборот вокруг астероида, Рич Карлен приглашающе раскрыл ее зев.

С удовлетворением наблюдал он, как муха полетела прямо в паутину.

Едва корабль Голда опустился в шахту, створки крышки люка задвинулись.

Рич Карлен потянулся в кресле. Теперь нужно обождать несколько дней, чтобы сознание его противника в полной мере приобрело известные необычные качества. Ведь не просто человек, не просто противник был нужен Ричу Карлену, а Избавитель.

Джонни, посадив в шахту корабль, с некоторым беспокойством наблюдал за задвигающимися створками крышки люка. А что, если Великий Магистр решил устранить его обычным физическим способом? Нет, вряд ли, подумал Джонни, когда в шахте зажегся свет. Если бы Великий Магистр только хотел убить его, из опасения, как бы он не стал мстить за смерть отца, то поручил бы его устранение арагонским братьям. Кроме того, установленная на носу яхты противометеоритная пушка в какой-то мере предохраняла Джонни от неожиданностей: крышку люка она сумела бы разнести запросто.

Манипулируя системой внешнего обзора, Джонни осмотрел шахту. В одном месте в стене виднелись двери, сейчас они были закрыты. Очевидно, ему предлагалось пока находиться на корабле. Что ж, пусть так оно и будет.

Видения стали приходить к Джонни в первые же часы его пребывания в шахте. Хотя из слов отца он уяснил, что ему придется встретиться на астероиде Великого Магистра с чем-то необычным, видения поразили его, столь ярки и столь внешне достоверны они были.

Джонни чудились: космическая дорога, колышющееся травами поле, он сам, шагающий мимо звезд, все дальше отходящий от голубого шарика Земли. А вот Лола не явилась ему, он бежал от мыслей о ней. Упиваться иллюзией сладко, но слишком горько делается потом.

Минуло трое галактических суток. Искусственный свет по-прежнему мягко окутывал шахту, не было заметно никаких признаков агрессивности Великого Магистра. Уж не хотел ли Великий Магистр, прежде чем сойтись с ним в схватке, вымотать его длительным ожиданием?

На исходе четвертых суток Джонни разбудил звонок. Система внешнего обзора была настроена им таким образом, что при малейшем изменении в окружавшей среде подавался сигнал.

Джонни прошел в навигационную рубку. На экране светилось изображение, поданное компьютером: открылась та самая дверь, которую он приметил в стене.

Его приглашали войти.

Джонни взглянул на показания анализатора химического состава внешней среды. Кислород, азот... В шахте был воздух почти земной. Значит, он обойдется без скафандра.

Он покинул корабль.

Шагнув в открывшийся проем, Джонни оказался в широком светлом коридоре. Гладкие стены, потолок, пол равномерно светились. Далеко впереди коридор кончался закрытой дверью.

Джонни пошел по коридору.

Когда он приблизился к далекой двери, она раскрылась сама собой, но не для того, чтобы впустить его.

В проеме показался человек.

Невысокого роста, он был одет в длинную черную мантию с широкими рукавами. Полы мантии струились по полу. На груди у него висела на цепи четырехугольная арагонская звезда. При мельчайшем покачивании звезда, выточенная из алмаза особой структуры, испускала снопы света.

С чуть заметной улыбкой Великий Магистр двинулся навстречу Джонни.

Джонни остановился.

Когда расстояние меж ними сократилось до нескольких шагов, Великий Магистр выпростал руки из рукавов и протянул их вперед.

Схватка будет честной, это уже хорошо, сказал себе Джонни.

— Я убил твоего отца, — произнес Великий Магистр, бросая вызов.

И они схватились за руки.

Стоило Джонни ощутить тепло кистей противника, как окружавшие его стены исчезли.

Он стоял посреди бескрайней пустоши, страшной в своей немоте. Он посмотрел под ноги. Там как будто стальные плиты поблескивали. Уловив какое-то движение справа, Джонни обернулся.

Рядом с ним стоял Великий Магистр. То есть нет, в одежде Великого Магистра стоял монстр, чудовище с волосатыми остrokонечными ушами, поблескивавшими из вывернутых губ клыками, в черной густой шерсти.

Неужели его пытаются напугать, словно он ребенок? Злость полыхнула в груди Джонни, и в руке у него появился квадак, его старый добрый знакомец.

Он замахнулся квадаком — чудовище не отклонилося. Острое лезвие рассекло монстра до спинного хребта. Звериная морда подернулась гримасой боли, и чудовище повалилось Джонни под ноги.

У него помутилось в глазах. Когда мутная пелена разошлась, он увидел у себя в ногах свою мать, истекающую кровью. Страшная рана проходила через правое плечо Эльзы Голд до самого позвоночника.

У Джонни заломило в висках. Что происходит?.. Что это, что?.. Как бы в полусне он поднес к глазам окровавленный квадак.

Само небо звало его немедленно заколоть себя. Он чувствовал этот зов и не воспринимал уже, что все вокруг было иллюзией.

Он коснулся острием ямки между ключицами. И увидел Лолу.

Она стояла рядом – любимая, милая, желанная. Они целый век не виделись, отчего? Что-то случилось... Джонни вспомнил, что произошло на Арламе. И вместе с этим воспоминанием к нему вернулось разумение. Он ведь не в реальном мире сейчас. То, что он видит, только иллюзия.

Джонни склонился над существом, валявшимся у его ног, и увидел Великого Магистра.

Карлену, чтобы победить, нужно было или побудить Джонни к самоубийству, или заставить его признать поражение, неплохо было бы при этом Джонни кинуться в паническое бегство. Так осуществлялись убийства в мире иллюзий: каким бы ни казался страшным нанесенный удар, если он встречался без страха, он не имел силы. Требовалось сломать душевный стержень, только тогда происходила парализация нервных центров и наступала действительная смерть. Представ перед Джонни в образе его матери, Карлен надеялся, что тот поверит, будто убил мать, и покончит с собой, что привело бы к смерти Джонни в реальном мире и обдало бы Карлена живительным энергетическим душем уверенности в себе. Так не случилось, но Карлен имел в запасе еще несколько приемов.

Великий Магистр исчез.

Джонни украдкой взглянул на призрак Лолы, и тоска сдавила ему грудь. Внезапно изображение Лолы раздвоилось на его глазах, и каждый из новых образов раздвоился по несколько раз.

Он не успел сообразить, что же предпринять, как вокруг него закружились в хороводе десятки, а может и сотни Лол.

Джонни попытался сосредоточиться. Это все неправда, это... Это не Лола, это он, враг, говорил себе Джонни. И в какие-то моменты он различал, что кружившиеся вокруг него призраки были точь-в-точь Великий Магистр. Однако в другие моменты в иллюзорном мире действовала воля Рича Карлена – и Джонни видел Лолу.

Пляска способна гипнотизировать, это знал Рич Карлен и на этом строил свой расчет. Он понимал, что не смог бы в мире совместных его и его противника иллюзий удерживать только те образы, которые угодны были ему. Поэтому он создал иллюзию хоровода-кошмара, когда в хороводе лиц Джонни попеременно видел лицо Лолы и его лицо. Бешеный ритм пляски должен был затуманить сознание Джонни, внушить ему, что он находится в реальном мире, а мелькание двух лиц, его врага и Лолы, заставляло Джонни содрогнуться, уж не одно ли это и то же, Лола и Великий Магистр.

Через несколько минут Джонни перестал замечать окружающие его маски. Он замкнулся в себе.

Великий Магистр замер, тяжело отдуваясь. Бешеный хоровод растаял. А на смену ему пришла влюбленная парочка, Великий Магистр обнимал Лолу. Когда оказалось, что Джонни не смутить и этой фальшью, Великий Магистр возник перед его глазами в горделивом, величественном

одиночестве. И Джонни услышал, чего не мог не услышать. Великий Магистр произнес фразу, которая предворяла поединок:

— Я убил твоего отца, Голд.

Джонни посмотрел в лицо человеку, стоявшему перед ним. И столько злобной насмешливости было в этом лице, что Джонни, не выдержав, взмахнул квадаком.

Лезвие до рукояти вошло в грудь Великого Магистра напротив сердца. Великий Магистр вынул квадак из груди и кинул его под ноги. Джонни ощутил в ладони рукоять другого квадака. Он вогнал лезвие до половины в глаз Великому Магистру. Тот неспеша извлек и этот квадак из раны и кинул его к первому.

Когда внизу валялось уже пять квадаков, Джонни взял себя в руки. Шестой квадак он отшвырнул сам. Оружием тут не победишь, сказал ему отец. А как тут можно победить?..

Неожиданно озарение снизошло на Джонни, ему показалось, что он понял, как победить. Эта окружавшая его пустошь была не его миром, а миром его врага, он же мог победить только в своем мире и своим миром.

Джонни представил себе, как могучие деревья, пышный кустарник, сильные и красивые травы раздвигают серую твердь у него под ногами. И в ту же минуту так случилось: повсюду поползли трещины, из которых стали подниматься великаны дубы, орешник с ежевикой, простые луговые растения — горечавка, золототысячник, вербейник.

Теперь не Джонни смотрел на Великого Магистра – Великий Магистр взирал на Джонни с нарастающим ужасом в глазах, не в силах оторвать взгляд от его лица.

Потом синеватая дымка заслонила Великого Магистра, и когда она расстаяла, Джонни увидел на месте своего противника скалу, поросшую лесом.

Легкий ветерок прошелестел сочной листвой. На Джонни повеяло холодом.

Он открыл глаза.

Холодные пальцы Великого Магистра судорожно сжимали его кисти, ногтями впивались в его кожу. Сам Великий Магистр стоял на коленях, запрокинув голову с прикушенным синим языком.

Джонни без труда освободился от судорожной хватки Рича Карлена. Карлен упал на бок. Лицо его было багрово-синюшным, как у человека, с которым случился апоплексический удар. Он не дышал.

Великий Магистр Арагонского братства был мертв.

Джонни, пошатываясь, побрел к выходу из коридора.

Перед тем, как стартовать, он выстрелом из противометеоритной пушки разнес крышку люка, закупоривавшую шахту, затем манипуляторами выгрузил из корабля в шахту почти все противометеоритные снаряды.

Поднявшись на «Чайке» над поверхностью астероида, Джонни развернул яхту носом к шахте и сделал несколько выстрелов. Из шахты запо-

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ

лыхало пламя, огонь языками потянулся во все стороны. Вскоре широкая трещина поползла по астероиду, и почти сразу же от нее стали ответвляться трещины поменьше.

Астероид Великого Магистра распался на мелкие осколки.

Джонни взял курс на Землю.

Оглавление

ДЛАНЬ АРАГОНА	5
ВЕТРЫ ЗЕМЛИ	6
БОЙ ПРОФЕССИОНАЛОВ	25
ТРАНСПОРТИРОВЩИК	47
ИСПОЛНИТЕЛЬ	64
ДОЧЬ АРАГОНЦА	82
АРАГОНЕЦ	122
ПРЕДСКАЗАНИЕ	171
СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	194
 БЕЛЫЙ ЕДИНОРОГ	212
ГАДИНА	212
СХВАТКА	229
СТАЛЬНОЙ ДРАКОН	266
ПЛАНЕТА АРЛАМ	326
МЕТОД КРОФА	357
 КОСМОС БОЛИ	399
ИМЯ ЗВЕЗДЫ	399
ВЕЛИКИЙ МАГИСТР	451

Литературно-художественное издание

Олег Владимирович Ерохин

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ

Роман в 2 кн.

Книга 1

Технический редактор

С. В. Лишанков

Подписано в печать 12.06.97. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
газетная. Печать офсетная. Гарнитура «SchoolBook».
Объем 15,5 п. л. Тираж 11 000 экз. Зак. 1156.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.
Лицензия ЛВ 613.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИИ

